

Омская лаборатория археологии, этнографии
и музееведения Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук

Омский государственный историко-краеведческий музей

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Сибирский филиал Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва

**КУЛЬТУРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ
В МУЗЕЙНЫХ, НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕССАХ – ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ
СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРАЗИИ**

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Омск
Издательский дом «Наука»
2021

УДК 008
ББК 71
К906

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук *М. Л. Бережнова* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *А. А. Ильина* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *С. Н. Корусенко* (ответственный редактор),
доктор исторических наук *П. П. Вибе*, кандидат исторических наук *М. А. Корусенко*,
кандидат исторических наук *И. А. Селезнева*, доктор исторических наук *Т. Б. Смирнова*,
доктор исторических наук *Н. А. Томилов*, кандидат исторических наук *Ю. В. Трофимов*,
Э. Р. Ахунова (ответственный секретарь), *В. В. Подолько* (ответственный секретарь)

К906 **Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч. / отв. ред.: М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. – Омск: Издат. дом «Наука», 2021. – Ч. 1. – 444 с.**

ISBN 978-5-98806-289-9

В сборник научных трудов вошли материалы Международной научной конференции «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии» (Омск, 21–24 сентября 2021 г.), охватывающей вопросы истории, культуры и этнокультурного взаимодействия народов, методологии и результатов исследования народной культуры, этнокультурной истории, преумножения и использования культурного и природного наследия в современном обществе, музееведения и музейных процессов в Евразии, музееведческих и краеведческих исследований, музееологического образования, музейной работы и музейного маркетинга, роли этнографического и экологического туризма в развитии регионов.

Сборник адресован музееведам, культуuroлогам, историкам, археологам, этнографам, краеведам и всем тем, кто интересуется вопросами стабильного развития стран Евразии, культуры, а также социокультурными и этническими процессами.

**УДК 008
ББК 71**

ISBN 978-5-98806-289-9

- © Омский государственный историко-краеведческий музей, 2021
- © Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2021
- © Институт археологии и этнографии СО РАН, 2021
- © Сибирский филиал Российского Научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, 2021
- © Оформление. ООО «Издательский дом “Наука”», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Николая Аркадьевича Томилова

<i>Жигунова М. А.</i> Н. А. Томилов и Омский научный этнографический центр: основные вехи совместной истории.....	8
<i>Золотова Т. Н.</i> Н. А. Томилов и Омский культурологический центр: вклад в изучение культурного наследия Сибири	15
<i>Корусенко С. Н.</i> Омской академической археологии, этнографии и музееведению – 30 лет: два юбилея в один год.....	23
<i>Алишина Х. Ч.</i> Этническая история тоболо-иртышских татар в трудах Николая Аркадьевича Томилова	28
<i>Щеглова Т. К.</i> Николай Аркадьевич Томилов и его научная школа в контексте развития отечественной этнографии в советский и постсоветский период: вклад в полевые исследования истории и культуры народов Алтая и Верхнего Приобья.....	39

Народная культура от древности до современности: методы и результаты исследований

<i>Новикова Н. И.</i> Полевые исследования и этнологическая экспертиза: особенности работы со стейкхолдерами в России и Норвегии	48
<i>Селезнев А. Г., Селезнева И. А.</i> Расширяя горизонты полевой этнографии: опыт изучения современного сакрального центра и экопоселений	54
<i>Абрамов И. В.</i> Сотрудничество с местными жителями в этноархеологическом исследовании на Нижней Конде	60
<i>Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.</i> К постановке проблемы определения статуса казахских мемориально-культурных памятников Омской области	66
<i>Полчаева Ф. А.</i> Роль социальных сетей в конструировании и деконструкции межнациональных отношений	72
<i>Рахимов С. А.</i> Взаимодействие культур как фактор развития многосторонних отношений на пространстве СНГ	79
<i>Ковалева Р. М.</i> Классические и неклассические жанры фольклора	86
<i>Федоров Р. Ю.</i> Особенности актуализации народных православных традиций в периоды социальных потрясений первой половины XX века (на примере белорусских переселенцев Сибири)..	92

<i>Сарманова С. Р.</i> Праздник урожая как фактор формирования и сохранения этнической идентичности немцев России	97
<i>Кривоногов В. П.</i> Процессы межрасового смешения у коренных народов Средней Сибири	103
<i>Ильина А. А.</i> К вопросу о состоянии изучения татарского языка в Томской области в 1990-х – 2000-х гг.	111
<i>Авдашкин А. А.</i> Родители и дети на расстоянии: транснациональные практики мигрантов из Средней Азии (на примере Челябинска)	117
<i>Басирова К. К.</i> Семейное воспитание детей в этнической культуре народов Дагестана	122
<i>Диянова А. М., Сексембаева Ш. А.</i> Этнографические аспекты, связанные с традиционной обрядностью, в культуре казахов аула Каразюк на современном этапе	128
<i>Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.</i> «Удача» по-чукотски	134
<i>Коровушкин Д. Г.</i> Охота русских Западной Сибири в коллекциях Новосибирского и Омского областных краеведческих музеев	139
<i>Тихомирова М. Н.</i> Угодья татар Яланкульского куста поселений Большереченского района Омской области по материалам топонимики	145
<i>Ситнянский Г. Ю.</i> Монгольские племена в этногенезе тюркских этносов в XII–XV вв.: данные антропологии и истории	151
<i>Кабакова Н. В.</i> Реки и дороги: роль в жизнедеятельности населения Тарского Прииртышья в конце XVII века	158
<i>Чернова И. В.</i> Жизнь сибирской деревни на страницах дневников и отчётов чиновников XIX – начала XX веков	164
<i>Татаурова Л. В.</i> Предметные комплексы археологических слоёв и музейных коллекций: общее и особенное на примере русских материалов Западной Сибири	170
<i>Минасян Р. С.</i> Два древних способа литья бронзовых котлов, барабанов и колоколов	176
<i>Татауров С. Ф.</i> Изделия из железа в коллекциях археологических исследований города Тары	184
<i>Тихонов С. С.</i> Подсвечник минского времени из Среднего Притомья	189

**История и культура народов:
междисциплинарные подходы в современной гуманитаристике**

<i>Абдиров М. Ж.</i> Ораз-Мухаммед Онданулы – Касимовский хан в Русском государстве (биография казахского султана в зеркале альтернативной истории)	196
<i>Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.</i> Привлечение сибирских татарских воинов в состав российских войск в начале присоединения Западной Сибири к Российскому государству	205
<i>Шерстова Л. И.</i> Евразийская модель организации социума: монгольский улус – сибирская ясачная волость (инородная управа) .	211
<i>Лявшук В. Е.</i> Социокультурные реалии белорусских городов в составе Речи Посполитой в 1569–1795 гг.	217
<i>Тихомиров К. Н.</i> К истории картографирования Среднего Прииртышья в XVIII в.	225
<i>Дедкова Е. Н.</i> Структура управления Бахмутской Земской Управы в 1866–1914 гг.	231
<i>Халикова Н. Э.</i> Отражение политических отношений Бухарского ханства с Российской империей в русских изданиях фонда Бухарского музея	238
<i>Гайкин В. А.</i> Японские колонисты в Маньчжоу-го (1931–1945 гг.)	244
<i>Павлова-Борисова Т. В.</i> Первый якутский композитор Марк Жирков – лидер творческой интеллигенции Якутии 1930–1950-х гг.	250
<i>Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н., Пайзулаева Р. М.</i> Хлопковое освоение как историко-этнографический и природно-хозяйственный факт в условиях равнинного и внешнегорного Дагестана: некоторые вопросы истории	256
<i>Халимов Т. Т.</i> Праздник Навруз, или День весеннего равноденствия в истории и культуре народов Востока	266
<i>Атдаев С. Дж.</i> Образ глашатая «джарчи» в историческом прошлом туркмен	273
<i>Газиева А. А., Гасанов М. М.</i> Кавказская кордонная линия: к вопросу о некоторых аспектах аккультурации на Кавказском фронтире	281
<i>Мубинов М. А.</i> Дипломатия среднеазиатских ханств с государствами Востока в своей борьбе за независимость	286

Историографические аспекты изучения этнокультурной истории

- Томилов Н. А.* Исследования по историографии и истории гуманитарных наук в трудах сибирских археологов и этнографов последней четверти XX – первых десятилетий XXI века..... 293
- Демин М. А.* Региональные исследования этнокультурной истории в условиях общественных трансформаций 1990-х гг. (на материалах Алтайского края)..... 303
- Тадина Н. А.* О роли Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении Республики Алтай и сопредельных регионов 309
- Макарчук И. Ю. А. И.* Солженицын о роли интеллигенции в культурных процессах 316
- Гефнер О. В.* «Истории...» военных учреждений Западной Сибири конца XIX – начала XX вв.: историографические особенности и социокультурный контекст 320
- Крих А. А.* Служебные поездки Г. Е. Катанаева в 1880–1890-х годах как форма научной деятельности 325
- Герасимов Ю. В., Дегтярев К. А., Корусенко М. А.* Исследование укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской (Пресногорьковской) линии: историография проблемы 331
- Казаков Г. К.* Ранний этап изучения каменных изваяний Синьцзяна (по материалам работ китайских исследователей 80-х гг. XX в.)..... 337

Культурное и природное наследие как фактор и инструмент межкультурного взаимодействия и туристской привлекательности

- Путрик Ю. С.* Модель геокультурной матрицы как инструмент интеграции культурного наследия в социально-экономические процессы 343
- Гутова С. Г., Целищева З. А.* Новое измерение культуры в цифровом обществе как культурно-антропологический феномен 348
- Алисов Д. А.* Памятники как способ формирования и трансляции исторической памяти в городской среде..... 355
- Хилько Н. Ф.* Военно-патриотическое значение и мотивация героизма в видеообразном отражении музеефикации исторической памяти учителей-фронтовиков..... 360

<i>Межевикин И. В.</i> Памятники жертвам Гражданской войны на юге Западной Сибири	367
<i>Бережнова М. Л.</i> Список нематериального культурного наследия Российской Федерации: особенности составления и практическое использование	375
<i>Ефремова Ю. Н.</i> Родословная книга как способ сохранения историко-культурного наследия семьи	380
<i>Корнелюк В. Г., Макарова О. П.</i> К проблеме нейминга как инструмента просвещения и туристической привлекательности	386
<i>Пивнева Е. А.</i> Этнотуризм в Югре: бизнес, традиция и человек	393
<i>Горелова Ю. Р., Петренко О. В.</i> Динамика культурной среды современного Омска в представлении горожан: к постановке проблемы	399
<i>Мишкина Е. В.</i> Омская игрушка	405
<i>Пономарева Л. Г.</i> Омские экземпляры книг времён Елизаветы Петровны как памятник национальной культуры: по материалам фонда редких книг Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина	409
<i>Здор М. Ю., Загородникова Д. П., Павлов Д. Н.</i> Состояние объекта культурного наследия «Грунтовый могильник “Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости”» по результатам исследований 2018–2019 гг.	415
<i>Ветюгова Ю. С.</i> Роль полевых исследований в краеведении (на примере изучения Нижневартовского городского кладбища № 1)	421
<i>Тихомирова Е. В.</i> Китай в жизни и творчестве Александра Тихомирова	425
<i>Максименко А. Г.</i> Использование элементов экологического и промышленного туризма в диверсификации профессионального образования	432
<i>Секретова Л. В.</i> Информационно-просветительский учебный проект группы студентов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского «Россия – Китай. Вселенная вечного мира»: целеполагание, опыт, результаты	438

К юбилею Николая Аркадьевича Томилова

УДК 303; 39

М. А. Жигунова

**Н. А. ТОМИЛОВ И ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ**

Статья посвящена основателю и бессменному лидеру одной из крупнейших российских этнографических школ – профессору Н. А. Томилову. В ней рассматриваются основные этапы формирования и структура Омского научного этнографического центра. Анализируется основная тематика научных исследований 1974–2021 гг., характерные черты омских этнографов, количество защищённых диссертаций.

Ключевые слова: антропология академической жизни; Н. А. Томилов; этнографические исследования в Сибири.

М. А. Zhigunova

**N. A. TOMILOV AND THE OMSK SCIENTIFIC ETHNOGRAPHIC
CENTER: THE MAIN MILESTONES OF JOINT HISTORY**

The article is devoted to Professor N. A. Tomilov, the founder and the permanent leader of one of the largest Russian ethnographic schools. The article examines the main stages of the formation and structure of the Omsk Scientific Ethnographic Center. The author analyzes the main topics of scientific research in 1974–2021, the features of Omsk ethnographers, and the number of defended dissertations.

Keywords: anthropology of academic life; N. A. Tomilov; ethnographic studies in Siberia.

Омск является одним из ранних научных центров Западной Сибири [1; 2, с. 286]. Современный период омской этнографии начался в 1974 г. в связи с открытием Омского государственного университета (далее – ОмГУ) и появления в нём Н. А. Томилова. Творческой биографии и многообразной деятельности этого незаурядного учёного посвящено немало публикаций [3–6], энциклопедических и специальных изданий [7–12], электронных ресурсов [13]. Поэтому остановимся кратко на самом главном.

В 1959 г. уроженец г. Енисейск Красноярского края Николай Томилов поступил на историко-филологический факультет Томско-

го государственного университета, где начал заниматься научной деятельностью под руководством доцента Г. И. Пелих. Наибольшее влияние на формирование его научного мировоззрения и профессионализма оказали также такие видные отечественные учёные, как Ю. В. Бромлей, И. С. Гурвич, Л. П. Лашук, З. П. Соколова. Диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук на тему «Современные культурные и бытовые процессы среди сибирских татар» он успешно защитил в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР в 1973 г.

В 1974 г. Н. А. Томилов был приглашён на работу в только что открывшийся Омский государственный университет. Изначально он возглавил этнографическое научное направление в рамках кафедры истории СССР, затем – всеобщей истории. Как вспоминает сам Николай Аркадьевич, «идея создания научного этнографического центра возникла у меня сразу же после переезда в Омск, создания этнографического студенческого кружка и Музея археологии и этнографии» [14]. Первым знаковым шагом на этом пути стало открытие по его инициативе осенью 1985 г. кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР. На тот момент специализированная кафедра по этнографии была только в двух вузах РСФСР – Московском и Ленинградском университетах. Со временем, в 1994 г. из состава объединённой специализированной кафедры выделилась кафедра современной отечественной истории и историографии, и первая стала именоваться кафедрой этнографии и музееведения. В 2000 г. была открыта новая кафедра – музеологии, преобразованная в 2009 г. в кафедру музеологии, экскурсоведения и туризма. В 2002–2008 гг. на базе ОмГУ действовал диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, а с 2003 г. – докторантура по этнологии. В 2004 г. на кафедре появилась новая специальность – «Социальная антропология». С 2007 г. в рамках специализации открылись бакалавриат и магистратура [15, с. 97–99]. Все материалы, собранные в ходе экспедиций и студенческих археолого-этнографических практик поступали в Музей археологии и этнографии ОмГУ, созданный также по инициативе Н. А. Томилова. После объединения в 2014 г. кафедра стала именоваться кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии.

В 1991 г. был открыт Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии СО РАН (преобразованный

в 2006 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а в 2018 г. – в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН). В филиале работал сектор истории культуры русских, возглавляемый известным отечественным фольклористом, доктором филологических наук Т. Г. Леоновой. Это усилило вовлечённость омских этнографов в фольклористические исследования, привело к активному участию в подготовке и проведении научно-практических семинаров «Народная культура Сибири». Деятельность данного учреждения, включая его международные научные связи, довольно полно представлена в имеющихся публикациях [16].

В 1993 г. в Омске был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии. В его структуру входил сектор национальных культур и межнациональных отношений, в который были приглашены на работу по совместительству омские этнографы: Ш. К. Ахметова, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, И. А. Селезнева. Их исследования проводились в рамках двух основных направлений: «Национальные культуры: тенденции динамики и современное состояние», «Национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире». С 1999 г. здесь начал издаваться журнал «Культурологические исследования в Сибири», в котором публиковались научные труды многих известных этнографов. В 2014 г. институт был реформирован в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Среди основной проблематики научных исследований омских этнографов преобладают этническая история (включая этногенез и современные этнические процессы); традиционно-бытовая культура, социальные общности и отношения; этноархеология. Весомый вклад также внесён омичами в музеологию Сибири, научную паспортизацию и каталогизацию этнографических коллекций. Успешно разрабатываются темы по историографии, методологии, генеалогии, этнодемографии, этнопсихологии, этнопедагогике, этноэкологии, отечественной истории, культурологии, регионоведению, религиоведению, фольклористике, музыкознанию и др. [17; 18].

Уникальность Омского научного этнографического центра (далее – ОНЭЦ) заключается в его инфраструктуре, состоящей из

целого комплекса учреждений научно-образовательного, академического, культурологического и музееведческого профилей. В настоящее время ОНЭЦ является крупнейшим этнографическим центром России, третьим после Московского и Санкт-Петербургского / Ленинградского. В его истории можно выделить три основных этапа: «зарождение и детство» (1974–1984 гг.), «юность» (1985–1993 гг.) и «зрелость» (1994–2021 гг.). Выходцами из ОНЭЦ было защищено 68 диссертаций (в том числе – 8 докторских). Основное количество защит пришлось на 2000–2010 гг. Гендерный состав учёных свидетельствует о явном преобладании женщин среди кандидатов наук (75 %) и значительном господстве мужчин среди докторов наук (90 %). В поле научного зрения омских этнографов попали более 40 различных народов, но наибольшее количество диссертаций посвящено сибирским татарам (31 %) и немцам (15 %). Хронологические рамки исследований охватывают период от XVII в. до современности.

Поскольку все структурные подразделения долгое время возглавлял Н. А. Томилов, то он чётко координировал деятельность сотрудников. Как правило, все научные и научно-практические мероприятия, праздники проводились совместно, значительная часть этнографов работала в двух или трех вышеназванных учреждениях [19]. Отличительными чертами большинства представителей ОНЭЦ является не только их активная научная, научно-организационная, образовательная, издательская, просветительская деятельность, обусловленная неистребимой влюблённостью в свою профессию, но и весёлый нрав, активное песенное творчество, неиссякаемый оптимизм. Все эти черты привил нам наш любимый Учитель.

Питомцы омской этнографии рассредоточены не только по самым разным городам нашей страны (Анадырь, Барнаул, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Магнитогорск, Москва, Новосибирск, Новый Уренгой, Санкт-Петербург, Тобольск, Тюмень и др.), но и по многим странам мира (Америка, Германия, Голландия, Италия, Казахстан, Канада, Франция, Чехия). В 2013 г. Российской академией естествознания Н. А. Томилову было присвоено почётное звание – основатель научной школы. Сегодня омские этнографы представлены уже тремя поколениями исследователей («отец – Н. А. Томилов», его «дети» и «внуки»). В 2006 г. была выпущена стенгазета «Этнографическая семья Н. А. Томилова». К 70-летию юбилею учёного эта информация была переработана, обновлена

и переведена в цифровой формат М. А. Корусенко под названием «Научная генеалогия Н. А. Томилова» (рис.). И сегодня наш неизменный лидер продолжает активно участвовать во всех сферах деятельности ОНЭЦ, воспитывать новые поколения этнографов, для которых он уже при жизни превратился в легендарную личность.

Список источников и литературы

1. *Захарова И. В., Томилов Н. А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск: Издат. дом «Наука», 2007. – 400 с.
2. *Томилов Н., Жигунова М.* Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. – Т. 2. – М.: ИЭА РАН, 2010. – С. 285–295.
3. *Жигунова М. А.* Николай Аркадьевич Томилов как основатель и руководитель Омской этнографической научной школы // Психолого-педагогические исследования в Сибири. – 2016. – № 2. – С. 198–200.
4. *Корусенко С. Н.* Проблемы музееведения в трудах Н. А. Томилова // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. – Омск: Издат. дом «Наука», 2016. – С. 55–58.
5. *Новикова Н. И.* Человек-оркестр. Интервью с доктором исторических наук, профессором Н. А. Томиловым // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 10–23.
6. *Смирнова Е. Ю.* Гармония масштабности: к 75-летию Николая Аркадьевича Томилова // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2016. – № 3 (11). – С. 6–9.
7. *Жигунова М. А.* Томилов Николай Аркадьевич // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. – Новосибирск: Издат. дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. III. С–Я. – С. 265.
8. *Жигунова М. А., Ремнев А. В.* Томилов Николай Аркадьевич // Энциклопедия Омской области: в 2 т. – Омск: Ом. кн. изд-во, 2010. – Т. 2. М–Я. – С. 426.
9. Исторический ежегодник. 2001. Спец. вып. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – 260 с.
10. Профессора Омского государственного университета: биогр. справ. / сост.: А. В. Ремнев, И. А. Речкина. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 282 с.
11. Этнограф, этноархеолог, культуролог... К 65-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 324 с.
12. Этнограф, культуролог, историк... К 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / сост. С. Н. Корусенко. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 438 с.

13. Томилов Н.А. // Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. – Режим доступа: https://archaeology.nsc.ru/sotrudniki/person/tomilov_na/ (дата обращения: 02.05.2021).
14. Архив Музея Омского научного центра СО РАН. Ф. VI.2.3.
15. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского: очерки. – Омск: Издат. дом «Наука», 2014. – 380 с.
16. Корусенко С. Н. Международные связи Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН // Культурологические исследования в Сибири. – 2011. – № 2 (33). – С. 14–22.
17. Томилов Н. А. Омский этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 319–336.
18. Томилов Н. А., Жигунова М. А. Современный период омской этнографии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 406–409.
19. Жигунова М. А. Праздничные будни омской этнографии // Антропология академической жизни: традиции и инновации. Т. III / отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2013. – С. 352–372.

Жигунова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Т. Н. Золотова

**Н. А. ТОМИЛОВ И ОМСКИЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР:
ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРИ**

В статье рассматривается роль выдающегося организатора науки в создании и развитии Омского культурологического центра. Анализ деятельности Сибирского филиала Российского института культурологии позволил сделать вывод о его серьёзном вкладе в изучение историко-культурного наследия, разработку путей решения ряда исторических, социальных и образовательных проблем, создание единого научно-исследовательского пространства учёных и вузовских преподавателей гуманитарного профиля, интенсификацию научных и краеведческих исследований.

Ключевые слова: Н. А. Томилов; культурное наследие Сибири; научные исследования; Омский культурологический центр.

T. N. Zolotova

**N. A. TOMILOV AND THE OMSK CULTURAL CENTER:
THE CONTRIBUTION TO THE STUDY
OF THE CULTURAL HERITAGE OF SIBERIA**

The article considers the outstanding science leader's role in the creating and development of the Omsk culturological center. The analysis of the Russian Institute of Cultural Studies Siberian branch activities allowed us to conclude that it has made a serious contribution to the study of historical and cultural heritage, the development of ways to solve a number of historical, social, and educational problems, the creation of a unified research space for scientists and university teachers of the humanities, the intensification of scientific and local history studies.

Keywords: N. A. Tomilov; cultural heritage of Siberia; scientific research; Omsk cultural center.

Сложные политические, экономические, социокультурные процессы, происходившие в России конца XX в., способствовали усилению саморефлексии в публичном пространстве и пристальному взгляду общества на свои истоки, традиции, культуру, попытке понять «кто мы?» и «откуда?». Интерес к историко-культурному наследию, в конечном итоге, привёл к появлению институтов, связанных с изучением и актуализацией наследия народов, проживающих в постперестроечной России. Благодаря объединению нескольких факторов, Омск стал городом, в котором гуманитарные

науки институировались в нескольких научных направлениях. Человеческий фактор в лице доктора исторических наук Николая Аркадьевича Томилова проявил себя созданием этнографического и культурологического центров. Первый зародился в 1985 г. в момент появления кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР в Омском государственном университете и завершился в 1991 г. образованием Омского филиала Объединённого института истории, филологии и философии СО РАН (сегодня – Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН).

Созданию культурологического центра в Омске предшествовал выход в научное исследовательское поле новой социогуманитарной дисциплины – культурологии, которая образовалась на стыке нескольких наук – истории, философии, социологии, этнологии, антропологии, социальной психологии, искусствознания. В 1992 г. НИИ культуры в Москве был переименован в Российский институт культурологии (РИК), и первым его филиалом стал Сибирский филиал, открывшийся по инициативе Н. А. Томилова, К. Э. Разлогова и Н. М. Геновой в 1993 г. в Омске (СФ РИК) [1; 2].

Задачи, стоявшие перед новым научным центром, были грандиозные: предстояло организовать научные исследования в области теории и истории культуры, культурного наследия, социокультурных процессов на широких сибирских просторах. И реализовать эти задачи можно было благодаря имеющемуся в сибирском городе научному потенциалу и организаторскому таланту директора СФ РИК, доктора исторических наук Николая Аркадьевича Томилова. В науке, как и на производстве, такие человеческие качества руководителя, как трудолюбие, энергичность, честность, бескомпромиссность, умение убедить других в своей правоте, уважительное отношение к людям, способность замотивировать на «великие дела», сыграли важную роль в успешном становлении и развитии научного учреждения. Деятельность филиала по реализации поставленных задач можно разделить на три этапа: 1) 1993–1999 гг. – создание и становление научной организации; 2) 2000–2013 гг. – активная научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала в составе РИК; 3) 2014–2021 гг. – функционирование филиала в составе Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

В период становления нового центра формировалась структура научного учреждения, завязывались контакты с учреждениями культуры, науки, образования, органами власти. Николаю Аркадьевичу удавалось успешно совмещать руководство тремя своими «детищами» – кафедрой, Омским и Сибирским филиалами, благодаря чему между этими учреждениями и их сотрудниками существовали тесные научные и дружеские связи. Изучение культурного наследия на территории Сибири и объединение под крышей одного учреждения учёных-гуманитариев разных специальностей – историков культуры, этнографов, археологов, музеологов, культурологов, педагогов – стали визитной карточкой центра. Проблематика исследований касалась методологии и теории культурологии, истории культуры Сибири, этнических процессов в Сибири (с древних времён до современности), социокультурных и социальноэкономических процессов в городах Сибири, региональной культурной политики в России, сохранения культурного наследия, истории и роли сибирской цивилизации как субкультуры российской (евразийской) цивилизации. В этот период сотрудники филиала участвуют в подготовке и издании многотомных серий «Культура народов России», «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», «Этнографо-археологические комплексы», издаются монографии по культуре сибирских татар, немцев, прибалтийских народов.

Выполняя не только научные исследования, но и важные прикладные задачи в сфере региональной культурной политики, сотрудники СФ РИК работали над подготовкой различных проектов, в числе которых – научно-исследовательский проект национально-культурного развития региона «Решение национально-культурных проблем Омской области», «Основные направления программы социокультурного развития г. Тары», различные аналитические записки и другие работы, которые оказали серьёзное влияние на выработку планомерной и взвешенной политики региональных властей в сфере культуры. В этот период закладывается фундамент будущей популярности многих научно-практических мероприятий – конференций «Русский вопрос: история и современность», «Немцы Сибири: история и культура», «Культура и интеллигенция России», «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне», «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», «Катанаевские чтения», семинаров «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Проблемы культу-

ры малых городов». Важными для изучения историко-культурного наследия приграничных территорий явились конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» и «Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.)».

В 2000-е гг. проблематика научных исследований расширяется, охватывая круг от региональных социокультурных особенностей модернизации в России до традиций провинциальной культуры и национально-культурных процессов. В СФ РИК наиболее глубоко проблемами культурного наследия занимались сектор национальных культур и межнациональных культурных отношений (заведующие – сначала Н. А. Томилов, затем И. А. Селезнева) и сектор сохранения и использования культурного наследия (заведующий – П. П. Вибе). Первый последовательно исследовал следующие темы: «Национальные культуры: тенденции динамики и современное состояние», «Национально-культурные процессы и пути достижения устойчивого развития в современном мире», «Региональные народные традиции и универсальные формы культуры в современном обществе», «Праздники и обряды календарного цикла восточнославянского населения Западной Сибири», «Этнокультурное развитие немцев Сибири», «Формирование и развитие народного ислама татар Западной Сибири и его социальные функции». Сотрудники сектора ежегодно проводили этнографические и археологические экспедиции в Омской, Тюменской, Новосибирской областях, Алтайском крае, в приграничных областях Республики Казахстан. Результатом данных исследований явились монографии, сборники научных трудов, десятки статей [3–7], которые использовались не только научной общественностью, но и преподавателями вузов при разработке спецкурсов, а также – работниками Министерства культуры Омской области для решения вопросов национально-культурной политики в регионе.

Успешной деятельности сектора сохранения и использования культурного наследия, изучавшего памятники истории и культуры Омского региона, способствовало привлечение Н. А. Томиловым к работе «по совместительству» директоров ведущих музеев Омска – П. П. Вибе и Б. А. Конилова. Близость черт характера этих трёх руководителей (упорство в достижении цели, энергичность, выдающиеся организаторские способности), их взаимоуважение, общность целей филиала и музеев способствовали активной научной, издательской и организационной деятельности [8–10]. В числе

совместно организованных в Омске мероприятий – международная научная конференция «Музейные ресурсы в современном обществе» (2008), всероссийские научные конференции «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)» (2010), «Краеведение как феномен провинциальной культуры» (2011), «Декабрьские диалоги» (1996–2013), региональная научно-практическая конференция «Ядринцевские чтения» (2012), круглые столы «Проблемы сохранения памятников истории и культуры Прииртышья» (2009) и «Как спасти деревянный Омск» (2010).

Руководство СФ РИК активно работало над укреплением связей не только с Омским государственным историко-краеведческим музеем и областным музеем изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, но и с другими учреждениями культуры – музеем «Либеров-центр», Омской областной государственной научной библиотекой им. А. С. Пушкина, Государственным центром народного творчества, Домом Дружбы; плодотворным было взаимодействие со многими омскими вузами: государственным университетом им. Ф. М. Достоевского, педагогическим университетом, аграрным университетом им. П. А. Столыпина, кадетским военным корпусом. Н. А. Томилов всегда большое значение придавал общественной работе, поэтому членство в общественных организациях и сотрудничество с ними стали важной составляющей в деятельности СФ РИК. Среди таких общественных организаций следует назвать: Омский филиал Российского фонда культуры, Омское региональное отделение Русского географического общества, Омское региональное отделение Союза краеведов России, общественное движение «Сибирский Народный Собор», Омскую областную общественную организацию «Центр славянских традиций».

Обширные связи со всеми названными учреждениями укреплялись посредством совместной организации и проведения различных мероприятий, которые внесли существенный вклад в изучение и актуализацию культурного наследия Сибири. Продолжили свою работу зародившиеся в прошлом десятилетии международные и всероссийские конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», «Немцы Сибири: история и культура», «Русский вопрос: история и современность», «Культура и интеллигенция России», «Сибирь: вклад в Победу в Великой Отечественной войне», семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» и «Проблемы культуры

городов России». Николай Аркадьевич приложил немало усилий для организации и проведения новых, значимых форумов – конференций «Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее», «Сохранение и развитие русской культуры: семья, язык, общество», «Омская крепость: историко-культурное наследие», «Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России», V Конгресса этнографов и антропологов России, международного научного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по данным антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии)», семинаров по изучению и использованию потенциала культуры славянских, кавказских и прибалтийских народов. Всего в 1993–2013 гг. коллектив сотрудников филиала принял участие в организации и проведении 157 научных и научно-практических конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров, которые становились коммуникационными площадками для учёных различных специальностей России и зарубежья, играя важную роль в координации направлений научного исследования историко-культурного наследия.

Николай Аркадьевич инициировал и долгие годы руководил подготовкой и изданием научного журнала «Культурологические исследования в Сибири», который выходил в свет с 1999 по 2015 г. (отв. ред. – Д. А. Алисов, М. Л. Бережнова, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова). Это научное издание объединяло философов, историков, этнографов, культурологов, координируя культурологические исследования на обширном пространстве Сибири и Дальнего Востока. Научно-издательская деятельность за время руководства Н. А. Томиловым филиалом вылилась в издание 123 монографий, 202 сборников, брошюр, учебных пособий, журналов и авторефератов диссертаций.

В период возникновения и развития Омского культурологического центра под руководством Н. А. Томилова были достигнуты высокие результаты в изучении и актуализации историко-культурного наследия. Был внесён серьёзный вклад в исследование материальной и духовной культуры, этнокультурных процессов в среде русских, украинцев, немцев, сибирских татар, казахов и других народов Западной Сибири; проделана важная работа по изучению и сохранению археологического наследия Прииртышья, выявлению новых памятников истории и культуры, оказана важная методиче-

ская помощь муниципальным музеям и общественным организациям по работе с историко-культурным наследием. Научно-организационная работа культурологического центра привела к усилению внимания общественности и органов региональной власти к историко-культурному наследию, разработке путей решения ряда исторических, социальных и образовательных проблем, созданию единого научно-исследовательского пространства учёных и вузовских преподавателей гуманитарного профиля, интенсификации научных и краеведческих исследований. Интегрирующая роль Омского научного культурологического центра проявилась в объединении научно-образовательного сообщества не только внутри Омского региона, но и на территории Западной Сибири и России в целом, распространяясь и на территорию соседнего Казахстана. И основополагающую роль во всём этом сыграла личность организатора науки, доктора исторических наук – Николая Аркадьевича Томилова, на протяжении всего времени руководства культурологическим центром игравшего роль «человека и парохода», как я назвала его много лет назад и продолжаю называть сегодня. «Человек» потому, что гражданская позиция его хорошо известна: он не меняет убеждений и принципов, являясь образцом трудолюбия, честного отношения к делу и внимания к проблемам коллег, прививая ученикам культ знаний, навыки кропотливого научного исследования и уважения к труду других, пропагандируя толерантность в межнациональных отношениях и необходимость приоритета культуры в обществе. «Пароход» потому, что много лет бороздит просторы научного океана и гордо несёт знамя главы омской научной школы» [11]. И сегодня деятельность Омского культурологического центра успешно продолжается во многом благодаря мощному импульсу и традициям, заложенным выдающимся учёным, талантливым организатором и человеком невероятной энергии и силы – Николаем Аркадьевичем Томиловым.

Список источников и литературы

1. *Алисов Д. А., Томилов Н. А.* Научная и научно-организационная деятельность Сибирского филиала Российского института культурологии и его сотрудников в 2003–2008 годах // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2 (24). – С. 11–26.
2. *Золотова Т. Н.* 25 лет научной жизни во имя сохранения культурного наследия // Культурологический сборник: исследования по культуре

- Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института Наследия / гл. ред. И. А. Селезнева; отв. ред. Т. Н. Золотова; ред. Ю. Р. Горелова. – М.: Институт Наследия, 2019. – С. 17–45.
3. Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века): историко-этнографические очерки / отв. ред. М. Л. Бережнова. – Омск : ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. – 236 с.
 4. *Золотова Т. Н.* Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. – 234 с.
 5. *Казанник А. И., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н., Томилов Н. А.* Традиционно-бытовая природно-средовая культура народов Сибири, её место в этнологии и этнической экологии. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2008. – 214 с.
 6. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: В. И. Молодин, Н. А. Томилов, М. А. Корусенко. – Новосибирск: Наука, 2008. – Т. 10. – 356 с.
 7. *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. – М.: Издат. дом Марджани, 2009. – 211 с.
 8. 1000 знаменательных событий из истории Омска, 1716–2008 / науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издат. дом «Наука», 2008. – 240 с.
 9. История и этнография немцев Сибири / сост., науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – 752 с.
 10. Этнографические коллекции районных музеев Омской области / сост.: П. П. Вибе, Т. М. Назарцева, О. Н. Артемьева, Ю. В. Трофимов; науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издат. дом «Наука»; ОГИК музей, 2009. – 199 с.
 11. *Золотова Т. Н.* Николай Аркадьевич Томилов: учёный, организатор, человек // Культурологический журнал: электронное периодическое рецензируемое научное издание. – 2011/3(5). – Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/83.html&j_id=7 (дата обращения: 20.05.2021).

Золотова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

С. Н. Корусенко

ОМСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И МУЗЕЕВЕДЕНИЮ – 30 ЛЕТ: ДВА ЮБИЛЕЯ В ОДИН ГОД

В статье проанализированы основные направления исследований в области археологии, этнографии и музееведения, проводимые сотрудниками гуманитарной академической структуры – Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Юбилейные события 2021 г. – 80 лет со дня рождения Н. А. Томилова и 30 лет лаборатории – взаимосвязаны, так как именно юбиляр является организатором академического учреждения в Омске.

Ключевые слова: академическая наука; юбилей; лаборатория; Н. А. Томилов; археология; этнография; музееведение.

S. N. Korusenko

OMSK ACADEMIC ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND MUSEOLOGY ARE 30 YEARS: DOUBLE ANNIVERSARY OF THE YEAR

The article analyzes the main directions of research in the field of archeology, ethnography, and museology, carried out by employees of the humanitarian academic structure the Omsk archeology, ethnography, and museology laboratory of the Russian Academy of Sciences Siberian Branch Institute of Archeology and Ethnography. The anniversary events of the 2021th – the 80th anniversary of Professor N. A. Tomilov and the 30th anniversary of the laboratory – are interconnected, because the hero of the day is the founder of the academic institution in Omsk.

Keywords: academic science; anniversary; laboratory; N. A. Tomilov; archeology; ethnography; museology.

30 лет назад в Омске был создан Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук (ОФ ОИИФФ СО РАН) согласно постановлению № 217 президиума СО АН СССР от 12 апреля 1991 г. Организатором и бессменным руководителем был Н. А. Томилов, а сам факт открытия именно гуманитарной академической структуры в Омске был обусловлен его высоким научным авторитетом. В это же время создавались в Омске и другие структуры Сибирского отделения – математиков, физиков, химиков. За прошедшие годы институты становились филиалами (физики, математики),

филиалы – институтами и научными учреждениями (химики, физики), потом опять филиалами (химики); менялись формы существования как внутри РАН, так и в связи с постоянно изменяющимся российским законодательством. Среди созданных академических структур только ОФ ОИИФФ СО РАН имел гуманитарную направленность, поэтому изначально направления научно-исследовательской деятельности вновь создаваемого научного учреждения были заявлены довольно широкие, охватывающие археологические, этнографические, лингвистические, правовые, исторические аспекты изучения населения Сибири во всём его этнокультурном многообразии. Однако финансовый обвал 1992 г., последующие события 1990-х гг., оптимизация науки в 2000-х гг. так и не позволили превратить эти планы в жизнь. Основные направления научной деятельности филиала ограничились тремя областями знаний: археология, этнография, музееведение.

В 2006 г. ОФ ОИИФФ СО РАН был преобразован в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а в 2018 г. – в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН. У истоков создания Омского филиала стояли директор ОИИФФ СО АН СССР академик А. П. Деревянко и профессор Омского государственного университета Н. А. Томилов, который в 1991–2018 гг. был директором этого учреждения. Существенный вклад в развитие филиала внесли также академики РАН В. А. Лихолобов и В. И. Молодин. Сегодня заведующей Омской лабораторией археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН является доцент С. Н. Корусенко, а в составе лаборатории трудятся 17 сотрудников, среди них – 1 доктор и 13 кандидатов наук. Научные исследования сотрудники данного учреждения проводят совместно с археологами, этнографами, музееведами, фольклористами, культурологами, историками культуры омских научных учреждений, университетов и музеев. Такое научное сообщество насчитывает в Омске около 150 специалистов, среди них – полтора десятка докторов наук. Некоторые высококвалифицированные учёные, покинувшие работу в филиале в конце 1990-х гг., внесли весомый вклад в научную работу структурного подразделения. Среди них – доктора и кандидаты наук М. Л. Бережнова, М. Е. Бударин, Л. М. Дмитриева, Т. Н. Золотова, А. И. Казанник, Т. Г. Леонова, Б. В. Мельников, Б. И. Осипов,

А. В. Ремнев, В. Г. Рыженко, А. П. Толочко, Э. Ш. Хазиахметов, Н. А. Хвостов и др.

Исторически сложившимися направлениями научной деятельности руководят: в области археологии – С. Ф. Татауров, этнографии – А. Г. Селезнев, музееведения – М. А. Корусенко. С 1993 г. здесь развивается ещё одно направление – этноархеологические исследования (руководители поисковой группы – Н. А. Томилов, М. А. Корусенко и С. С. Тихонов). Археологическим направлением в 1991–2004 гг. руководил профессор В. И. Матющенко. История Омского филиала ОИИФФ СО РАН и ИАЭТ СО РАН и основные достижения по пятилетиям опубликованы в ряде статей [1–5]; в последней из них предложена периодизация развития данной структуры.

Высокорезультативными являются следующие научные направления: археологические микрорайоны Западной Сибири (В. И. Матющенко, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов), археология городов (С. Ф. Татауров), археология русских Сибири (Л. В. Татаурова), военное дело и вооружение древнего населения Северной и Центральной Азии (Ю. В. Герасимов), культурогенез, миграции и системы жизнеобеспечения древних сообществ (К. Н. Тихомиров), этническая генеалогия (С. Н. Корусенко), этническая экология (Н. А. Томилов), ислам в народной культуре (Ш. К. Ахметова, А. Г. Селезнев), этнография русских (М. А. Жигунова, Н. А. Томилов), казахов (Ш. К. Ахметова, И. В. Захарова, Н. А. Томилов), немцев (А. Н. Блинова), татар (М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнев, Е. Ю. Смирнова, М. Н. Тихомирова, Н. А. Томилов), национально-культурное движение в Сибири (А. А. Ильина), теоретические и практические проблемы музееведения (Э. Р. Ахунова, А. Н. Блинова, Ю. В. Герасимов, М. А. Корусенко, М. Н. Тихомирова, Н. А. Томилов), историография и история археологии, этнографии и музееведения (М. А. Жигунова, С. Н. Корусенко, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов) и др. В последние годы в сферу научных интересов включены проблемы этнографического изучения современных религиозных и экологических движений в Омском Прииртышье (А. Г. Селезнев). Многолетние археологические раскопки г. Тары и первых русских поселений в Сибири позволили изучить вопросы жизнеобеспечения жителей региона в XVII–XIX вв. Сотрудники лаборатории активно участвуют в проведении археологических спасательных работ на территории области, что является

неотъемлемой частью современного строительства и охраны археологического наследия. Одним из направлений деятельности в сфере охраны культурного наследия является фиксация археологических памятников, расположенных на территории Омской области, и подготовка документации для постановки их на учёт в региональном Министерстве культуры. В целом необходимо отметить как высокий теоретический уровень исследований сотрудников Омской лаборатории, так и качественное выполнение прикладных задач.

Среди изданий лаборатории – научные серии «Археологические микрорайоны Западной Сибири», «Интеграция археологических и этнографических исследований», «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», «Культура русских в археологических исследованиях», «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» и др., большое количество монографий, сборников научных статей, выпусков журнала «Культурологические исследования в Сибири».

Данное учреждение на протяжении всей своей истории ежегодно организует научные форумы. Среди регулярно проводимых мероприятий – Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований», Международные научные конференции «Культура русских в археологических исследованиях», «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы», Всероссийская научная конференция «История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири» и др. В 2003 г. в Омске был проведён V конгресс этнографов и антропологов России, в 2011 г. – Международный научный конгресс «История и культура тюркских народов Евразии».

В плане практического участия лаборатории (филиала) в работе по стабильному развитию российского общества нужно отметить разработку проектов и программ по решению национально-культурных проблем, профилактике межнациональных конфликтов, проведение практических семинаров и конференций совместно с национально-культурными организациями регионов Западной Сибири, участие в работе коллегий и экспертных советов ряда министерств Омской области и Администрации города Омска, активное участие в общественных советах учреждений культуры и общественных организациях, издание научно-популярной литературы для населения и др. В лаборатории есть Музей народов Сибири,

который также используется в научно-просветительской работе с населением.

В планах коллектива лаборатории – новые научные проекты, регулярные археологические и этнографические конференции, крупные международные и российские научные форумы, новые книги и надежда на то, что когда-нибудь осуществляются пожелания председателя Президиума АН СССР академика В. А. Коптюга в 1991 г. о том, чтобы на базе Омского филиала ОИИФФ СО РАН был создан научно-исследовательский институт. Два юбилея в один год тесно переплетены между собой: 80 лет исполняется нашему патриарху в области гуманитарных исследований и 30 лет – филиалу / лаборатории, в которой в наибольшей степени проявился научный и организаторский потенциал Николая Аркадьевича Томилова.

Список источников и литературы

1. *Томилов Н. А.* Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН в 1991–1995 гг. // История и культура Сибири. – Омск: Омский фил. Объед. ин-та истории, филологии и философии, 1996. – С. 5–10.
2. *Томилов Н. А.* Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН в 1991–2000 гг. // История и культура Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – С. 5–33.
3. *Корусенко С. Н., Смирнова Е. Ю., Томилов Н. А.* Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук в 2001–2005 гг. // История и культура Сибири. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – С. 5–24.
4. *Корусенко С. Н., Смирнова Е. Ю., Томилов Н. А.* Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН в 2006–2010 годах // Культурологические исследования в Сибири. – 2011. – № 2 (33). – С. 7–13.
5. *Корусенко С. Н.* Жизнь & наука: к 25-летию Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2016. – № 3. – С. 24–42.

Корусенко Светлана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая Омской лабораторией археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, заведующая кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Х. Ч. Алишина

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ ТАТАР В ТРУДАХ НИКОЛАЯ АРКАДЬЕВИЧА ТОМИЛОВА

Научная и творческая деятельность профессора Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Н. А. Томилова поистине многогранна. Научные труды Николая Аркадьевича существенно обогатили мировую этнологию, их хорошо знают многие учёные. В статье на основе его трудов по этнической истории тюркского населения Сибири проводится анализ богатого историко-лингвистического фактического материала. В научный оборот вводится пласт малоизученных словарных географических и этнонимических единиц, определяются факторы, приведшие к сложению сибирских татар как татарской этнической группы.

Ключевые слова: Томилов Николай Аркадьевич; тоболо-иртышские татары; этническая история; этнолингвистическая классификация сибирских татар; хотаны; туралинцы; зуштинцы; ясколбинцы; карагай; курдаки.

Kh. Ch. Alishina

ETHNIC HISTORY OF THE TOBOLO-IRTYSH TATARS IN THE WORKS OF NIKOLAI ARKADYEVICH TOMILOV

The scientific and creative activity of N. A. Tomilov, Dostoevsky Omsk State University Professor, is truly multifaceted. The scientific works of Nikolai Arkadyevich have significantly enriched the world ethnology, they are well known to many scientists. The article analyzes the rich historical and linguistic factual material based on his works on the ethnic history of the Turkic population of Siberia. A layer of poorly studied lexical, geographical, and ethnonymic units is introduced into scientific circulation, and the factors that led to the formation of the Siberian Tatars as a Tatar ethnic group are determined.

Keywords: Tomilov Nikolay Arkadyevich; Tobol-IrtyshTatars; ethnic history; ethnolinguistic classification of SiberianTatars; Khotans; Turalyans; Eushtians; Yaskolbins; Karagai; Kurdaks.

Современные учёные внесли большой вклад в изучение комплекса проблем татар Сибири. В области этнографии большую известность получили труды И. И. Авдеева, Ф. В. Ахметовой, В. Б. Богомолова, Ф. Т. Валева, Г. И. Еремина, П. Г. Иванова, С. В. Иванова, С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнева, И. П. Струковой, Н. А. Томилова, Р. К. Уразмановой, В. В. Храмовой и др.; по археологии – работы А. А. Адамова, З. Я. Бояршиновой, В. Т. Галкина,

А. П. Дульзона, В. А. Заха, А. П. Зыкова, Б. А. Конилова, А. В. Матвеева, Н. П. Матвеевой, В. И. Матющенко, В. А. Могильникова, В. И. Молодина, Л. М. Плетневой, Т. Н. Троицкой и др.; в области антропологии – работы А. Н. Багашева, Г. Ф. Дебеца, В. А. Дремова, А. Р. Кима, Н. С. Розова, Т. А. Трофимовой, Г. Л. Хить и других исследователей.

Для нас, татар Тюменской области, самыми известными и уважаемыми учёными, исследователями этнической истории являются Фоат Тач-Ахметович Валеев и Николай Аркадьевич Томилов.

Н. А. Томилов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Историки науки единогласно признают, что к основным результатам научной деятельности Николая Аркадьевича следует отнести реконструкцию этнической истории тюркских народов Западно-Сибирской равнины конца XVI–XX вв., разработку методолого-теоретических и методических аспектов исследований в области этнической истории, этноархеологии, этнической экологии, музееведения, изучение явлений традиционно-бытовой культуры ряда народов Северной и Центральной Азии. Н. А. Томиловым написаны очерки по истории музейного дела в Сибири, изданы работы по истории этнографического сибиреведения и культуры сибирских городов.

Научные труды Н. А. Томилова сыграли большую роль в разработке темы «Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар». Эта проблема сопряжена с изучением этногенеза и последующих этапов этнической истории тоболо-иртышских татар Тюменской области, которая исследована нами на основе лингвистических и, конкретно, ономастических материалов. Решение научной проблемы исследования генезиса и динамики ономастикона сибирских татар Тюменской области и выявления этноисторической ситуации на протяжении VII–XX вв. стало возможно благодаря работам Н. А. Томилова. Нами рассматривается традиционная культура сибирских татар и её отражение в апеллятивной и онимизированной лексике, исследуется семантическая и генетическая дистрибуция исторического ономастикона средневековых памятников письменности, раскрывается формирование ойконимической системы сибирских татар в XVI–XX вв., выявляются закономерности топонимиче-

ского словообразования. Высказанные Н. А. Томиловым отдельные выводы о формировании групп сибирских татар в средневековый период получили «мощную лингвистическую поддержку» в результатах наших исследований. Такое мнение высказал сам Н. А. Томилов, когда ознакомился с нашими работами [1–13].

Этнолингвистические классификации тюркских народов и языков Сибири разработали П. И. Дульзон, Н. А. Томилов, Д. Г. Тумашева, др. Одна из самых ранних классификаций тюркских племенных языков принадлежит средневековому филологу XI в. Махмуду Кашгари, который в своём «Диван-и лугат-ит тюрк» («Своде тюркских слов / наречий»), написанном на арабском языке, выделял кыпчакский, огузский, тюркский (уйгурский) языки.

Крупный исследователь диалектов сибирских татар Д. Г. Тумашева по этнолингвистическим признакам, с учётом исторических данных и территориального расселения сибирских татар, выделила следующие диалектные единицы: «А. Тоболо-иртышский диалект: 1. Тюменский говор. 2. Тобольский говор. *восточно-тобольский подговор. 3. Заболотный говор. 4. Тевризский говор. 5. Тарский говор. Б. Барабинский диалект. В. Томский диалект: 1. Эуштинско-чатский говор. *орский подговор (чатов). 2. Калмакский говор» [14, с. 241].

В монографии «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в.» и в других работах Н. А. Томилов даёт этнографическую классификацию тюркского населения Западно-Сибирской равнины XVI–XX вв. Им выделены этнические группы с выявлением подгрупп этнического или этнографического характера внутри них:

Тюменско-туринские татары и их группы: а) тюменская, б) ялуторовская, в) туринская, в) верхотурская.

Тобольские татары и их группы: а) аремзянско-надцинская, б) искеро-тобольская, в) бабасанская, г) иштыяско-токузская.

Ясколбинские татары и их группы: а) ясколбинская, б) кошукская, в) табаринская.

Курдакско-саргатские татары и их группы: а) курдакская, б) саргатско-утузская.

Тарские татары и их группы: а) аялынская, б) туралинская.

Барабинцы и их группы: а) барабинско-туражская, б) любейско-тунусская, в) теренинско-чойская.

Томские (эуштинские) татары и их группы: а) эуштинская, б) басандайская, в) евагинская.

Чаты и их группы: а) обская, б) томская.

Обские татары и их группы: а) темерчинская, б) шегарская, в) провско-соргулинская, г) черномысская.

Калмаки [15, с. 114].

Согласно классификации Н. А. Томилова, на территории Томской, Новосибирской, Кемеровской областей проживают томские татары, состоящие из эуштинцев, чатов и калмаков. В Омской области проживают курдакско-саргатские и тарские татары. В Тюменской области – тобольские, тюменские, ясколбинские татары, а также северная часть курдакских татар.

В рукописи Сагъди Ваккаса-ибн-Реджеба, Кашшафа-ибн-Абу-Саида «Шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлары» («О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири» /в переводе Н. Ф. Катанова/) упоминается загадочный народ «хотан»: «В 797 году Хиджры /1394/, как сказано в рукописи, по распоряжению ишана Багауддина к берегам Иртыша, к народам “хотан, ногай и кара-кыпчак... всё это были татары..., поклонявшиеся куклам, ...для приведения их к исповеданию ислама” прибыли 366 конных шейхов. Они прибыли “к хану Шейбану в степях Средней орды... Он, узнавши про обстоятельства этих святых..., вооружил 1700 своих героев и в целях большой войны за веру, отправившись вместе с ними..., спустился к реке Иртыш и учинил там великое сражение за веру”» [16, с. 1–28].

Об этнониме «хатань» писали в своих работах Н. А. Томилов, Д. Г. Тумашева, Е. П. Мартынова и др. Д. Г. Тумашева возводит этноним хатань к этнониму «кидань». Кидани (китай) – племена монгольской группы. В X в. образовали государство Ляо. Оно просуществовало до 1125 г., когда было уничтожено чжурчженями. Часть киданей /кара-кидани, кара-китай/ ушла в Среднюю Азию. Киданьский язык, предположительно относящийся к группе монгольских языков, представлен надписями X–XII вв.

Этноним «хотан» в какой-то степени связан с уйгурами, с иранцами. Термин «хотан» входит в состав лингвонима «хотанский», ныне мертвого иранского языка.

В современной литературе, как установлено Г. С. Садвакасовым [17, с. 437], уйгуры имеют самые различные названия: уйгур, в китайских источниках вэйгур, хойху. Позже появляются названия уйгуров по месту их жительства: кэшкэрлик – «кашгарец, житель Кашгарии», турпанлик – «житель Турфана», йэкэнлик – «житель

Яркенда» и т. д. Уйгуры Илийского края получили название таранчи («земледельцы»); то же название носили и семиреченские уйгуры, переселившиеся сюда в 1881–1883 гг.

Уйгурам Ферганской долины местные узбеки дали название «ахун». Кроме того, в дореволюционной литературе уйгуры именовались «сартами» и «татарами Восточного Туркестана», «китайскими мусульманами», «малобухарцами», а китайцы их называли «хуэйминь», «хуэйцзу», «хуэйхуэй», «чантау»; монголы называли уйгуров «хотон» и т. д.

Таким образом, термин «хотан» из рукописи Н. Ф. Катанова с наибольшей долей вероятности можно идентифицировать с тюркским народом «уйгур».

Татары, жившие по рекам Тобол, Тура, между Тоболом и Иртышом, назывались «туралинцами». Они известны с XIII в. В начале XIII в. туралинцы приняли православие [18, с. 84]. Название «туралы» по отношению к тюменским и туринским татарам употреблял и Г. Георги. Н. А. Томилов, вслед за Ф. Т. Валеевым, выделяет туралинскую группу в составе тарских татар. «Туралы, как и курдаки, и аялы, с древних времён живут в Сибири» [19, с. 47]. Какие же племена и роды населяли Западно-Сибирскую равнину в прошлом и населяют сейчас? Н. А. Томилов тщательно и всесторонне изучил эту проблему и дал исчерпывающие ответы.

На территории Тюменской области проживают полностью три группы тоболо-иртышских татар: тобольские, тюменские и ясколбинские татары, а также северная часть курдакских татар.

Среди тоболо-иртышских татар одними из наиболее ранних насельников этих мест считаются тюменско-туринские татары. В конце XVI–XVII вв. они делились на три группы: туринскую, тюменскую и ялуторовскую. В туринской группе наблюдалось смешение угорских и тюркских черт в культуре и языке. На территории Туринского района в IX–XIII вв. проживало протомансийское население, среди которого в XIII в. и начали селиться первые турки. Этот процесс совместного расселения и смешения манси и тюменских татар застали здесь русские в конце XVI в.

Особенности формирования собственно тюменских татар ясны далеко не во всех аспектах. Помимо угорского элемента в их составе выделяются также группы башкирского происхождения, вместе с выходцами из ранних узбекских племён тагчи (тахчи, тахчей) и более поздними потомками одной из групп среднеазиатских ход-

жей. С XVII в. они активно смешивались с бухарцами (в основном узбеками, таджиками) и частично с тобольскими и ясколбинскими татарами. Основу ялutorовской группы составили тюменские татары и смешавшиеся с ними башкиры. Кроме того, в их состав вошли и тобольские татары, частично переселившиеся на земли ялutorовских татар в XVI–XVII вв. В целом формирование данной группы представляется довольно поздним – началось оно во второй половине XVI – начале XVII в. Как подгруппа тюменско-туринских татар она сложилась в XVII в. Дата поселения первых татар на р. Исети самими ялutorовскими татарами определяется концом XVI в. Об основании, например, юрт Зимне-Сингульских (Яр) они рассказывали, что это произошло уже при первых русских, лет 370 тому назад, хотя отдельные татары селились здесь и раньше.

В составе тобольских татар исторически выделяются четыре подгруппы: аремзянско-надцинская; искеро-тобольская; бабасанская; иштяко-токузская. Во всех из них в качестве основного компонента выявляются потомки древнего населения этих мест – тюрки «тайбугина рода». Другим общим компонентом были угры.

Особенности аремзянско-надцинских татар определялись входением в их состав небольшого числа иртышских хантов и, возможно, манси. В XVII в. северных татар тобольской группы называли «нанга», что по-мансийски означает «лиственница». Название волости Туртас связывается с телеутами сеока Тарт-Ас. Известно, что выходцы с Алтая – телеуты доходили по Западно-Сибирской равнине до северных границ расселения сибирских татар, некоторые из них могли осесть и на территории аремзянско-надцинских татар. Татары данной подгруппы почти не смешались с бухарцами и казанскими татарами.

В состав искеро-тобольских татар кроме общетобольских компонентов вошли ногайцы, среднеазиатские тюрки (в основном узбеки) частично казахи, казанские татары и чувашы. Эту группу татар образовали жители Тобольска и соседних селений по Тоболу и Иртышу, в основном несколько южнее Тобольска. В период Сибирского ханства во второй половине XVI в. здесь жили сам хан Кучум и все члены его клана – шейбаниды (в основном выходцы из Средней Азии и Казахстана). В составе потомков древнего тюркского населения были и ассимилированные ими угры «сипыры», обитавшие к приходу русских в низовьях Тобола.

Территория бабасанских татар охватывала в XVI–XIX вв. часть бассейна Тобола от низовьев Тавды и примерно до Миримовских юрт, заселенных бухарцами. Ряд селений бабасанцев раскинулись на восток от Тобола вплоть до Ашлыка, левого притока Вагая, в основном по берегам озёр. Своеобразие бабасанской группы заключалось в более мощной прослойке «тайбугина рода», в смешении с тюменскими и искеро-тобольскими татарами, в отсутствии в их составе бухарцев и казанских татар.

Иштякско-токузские татары жили в селениях по Иртышу, юго-западнее искеро-тобольских татар, по р. Вагаю и его притоку Агитке, в районе Уватских болот. У них более выпукло представлен пласт южных угров Западной Сибири, выявлены древнеугузские связи этой группы: тогузы – это токуз-огузы, оставившие орхонские надписи на Енисее. Кроме того, татары данной группы смешивались с искеро-тобольскими и курдакско-саргатскими татарами. В ряде мест среди тобольских татар в XVIII в. расселялись так называемые оброчные чувальщики, которые представляли собой смешанную казанско-сибирско-татарскую группу населения.

Особую этническую группу на территории Тобольского уезда в конце XVI–XIX вв. образовывали ясколбинские (заболотные) татары. Они населяли территорию большого болотистого края к западу и северо-западу от Тобольска. Название их «заболотные татары» в документах XVIII в. употреблялось и населением Эскалбинских юрт, стоявших на Иртыше. В XVI–XIX вв. татары этой группы часто назывались «ясколба», «эсколбинцы» – именем какого-то племени, обосновавшегося в Заболотье. Основные особенности формирования этой группы следующие: 1) большая её древность, связанная с наличием в говорах кыпчакского типа древнетюркского слоя; 2) значительность угорского компонента в результате смешения тюрков с манси и хантами; 3) наличие компонента культуры, связанного с самодийцами – предками ненцев; 4) отсутствие бухарского и казанско-татарского населений [19, с. 48].

В Тобольском уезде существовала Эскалбинская волость с 17 населёнными пунктами. Рассматриваемое слово привлекло внимание Н. А. Томилова: «Возможно, что Ясколба – это в прошлом название племени или какой-то родоплеменной группы, обосновавшейся в Заболотье. Аналогии этому термину нам почти не известны. Близкое название есть у нижнебельских башкир (род Эске-Елан), определённое сходство обнаруживается и с названием

одного из подразделений волжских булгар – эскелов – кочевников, расселившихся первоначально (ещё во времена Ибн-Фадлана) в левобережье Волги» [19, с. 40]. Но есть и другая версия. Слово «кэлб» в арабском языке означает «собака». Ясколба – степные собаки. Но ясколбинцы живут не в степях, а в Заболотье. Объяснение алогизму мы находим в неоднократно цитировавшейся нами работе Н. А. Томилова: интересные сведения о том, что хан Кучум отобрал у языческого народа эуштинцев (яушта) город Сибир, или Туру, приведены в книге Ф. Страленберга в 1730 г. И. Фишер уточнил, что татарский род Еушта раньше жил на р. Сибирке, притоке Иртыша. Можно предположить, что какая-то часть тюркизированных эуштинцев переселилась в Прииртышье, откуда они были изгнаны Кучумом в Заболотье. Таким образом, Яушта, Ясколба – этнические термины одного семантического ряда. Оба этнонима двусоставные. Первый образован сложением древнетюркских корней, второй – сложением тюркского и арабского этимонов.

Несмотря на хорошую разработанность этнической стратиграфии коренных тюрков Сибири, вопросов и нерешённых проблем ещё очень много. Н. А. Томилов считает, что некоторые учёные не исключали возможности тюркизации местного населения со стороны тоболо-иртышских татар. Но этот вопрос остаётся дискуссионным.

Угорские народы – венгры, ханты, манси – приняли участие в формировании тоболо-иртышских и барабинских татар. Угорских групп и народов раньше было больше, жили они и в более южных районах. З. Бояршинова [20], В. Храмова [21] писали, что угры наряду с кыпчаками явились главным составным компонентом в формировании всех западносибирских татар.

Н. А. Томилов в составе курдакско-саргатских татар в Омской области выделяет подгруппу «курдаки»: «Курдаки (коурдаки, коурджаки, куртаки), на наш взгляд, в какой-то мере могут быть ассоциированы с курчаками (коурчаками, орчаками), древним тюркским племенем Саяно-Алтайского нагорья, но тогда остаются неясным время и пути проникновения их в Среднее Прииртышье» [19, с. 43] Исследователь сравнивает этноним «эуштинцы» с термином «чагы»: «Этногенетические корни чатов, видимо, следует искать в объединении шад (или шате) XI в., которое явилось кимацким по происхождению и проживало на Иртыше. Разрастаясь, оно входило в состав разных этнических и политических образований. В частности, термином “джете”, “чете” тюрки чагатаи Мавераннахра назы-

вали могулов, при этом в слово вкладывали пренебрежительный оттенок и смысл. Они трактовали его как “разбойники”, “скитальцы” и звали так могулов за то, что те вели кочевой образ жизни» [19, с. 58].

Н. А. Томилов пишет о сохранившемся родовом названии «карагай» кара-кыпчакского племени в ойкониме д. Карагай Коурдакской волости (ныне Вагайского района). Предположительно, карагай – одно из кыпчакско-ногайских родовых подразделений.

В Сибири проживает более 500 тысяч татар [22, с. 23]. Коренные татары расселены в сельских населённых пунктах и городах Кемеровской, Новосибирской, Томской, Омской, Тюменской областей. Н. А. Томилов полагает, что у тюркского населения Западно-Сибирской равнины имеет место «образование в изучаемый нами период мусульманской конфессионально-этнографической общности». Как замечает учёный: «Здесь даже сформировалась этнографо-лингвистическая общность тюркского населения, более широкая по сравнению с конфессиональной общностью мусульман» [23, с. 113–116].

Завершая обзор лингвистических единиц, донёсших из глубин веков самобытные названия родов, племён, родоплеменных объединений, ещё раз подчеркнём, что процессы этнического развития сибирских татар, происходившие в течение многих столетий с момента присоединения Сибири к Российскому централизованному государству, тщательно и всесторонне исследованы крупнейшим специалистом Н. А. Томиловым и его учениками.

В лингвистике отражены древние связи племён и народов. Изучение географических названий даёт богатую информацию о наиболее существенных сторонах этногенеза сибирских татар, об исторических языковых контактах представителей разных этнических групп на территории Западной Сибири. Комплексный анализ явлений языка и духовной народной культуры, проведённый с опорой на надёжный фундамент архивных и полевых, исторических и археологических исследований показал: тюркские языки доминируют в ономастических системах Тюменской области.

Следуя научным традициям А. П. Дульзона, Н. Ф. Катанова, А. А. Куника, В. В. Радлова, Н. А. Томилова, Д. Г. Тумашевой, которые при изучении исторической этнографии приоритет отдавали «лингвистическим началам», мы продолжаем исследование исторического ономастикона Западной Сибири.

Список источников и литературы

1. *Алишина Х. Ч.* Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар (на материале Тюменской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1999. – 48 с.
2. *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар: (на материале Тюменской области): монография: [в 2 ч.]. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1. – 238 с.; Ч. 2. Приложения. – 215 с.
3. *Алишина Х. Ч.* Исторический ономастикон сибирских татар: монография. – Тюмень: Печатник, 2016. – 576 с.
4. *Айтбаева Л. Х.* Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар междуречья Нижней Оби и Иртыша (XX век): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – 24 с.
5. *Замалутдинова Л. Г.* Историко-лингвистическое исследование антропонимии татар нижнего течения реки Тура II половины XX в.: на материале Тюменского района Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2007. – 24 с.
6. *Калгаманова З. М.* Структурно-семантическая интерпретация топонимии Нижнего Приоболжья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Печатник, 2011. – 22 с.
7. *Алишина Х. Ч., Калгаманова З. М.* Тюркская топонимия юга Тюменской области. – Тюмень: Печатник, 2012. – 170 с.
8. *Мирхайдарова А. Х.* Семантико-стилистическое пространство антропонимии в художественной прозе Я. К. Занкиева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Маяк, 2005. – 23 с.
9. *Ниязова Г. М.* Типы и структура ойконимов сибирских татар (на материале Тюменской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – 17 с.
10. *Алишина Х. Ч., Ниязова Г. М.* Названия селений сибирских татар. – Тюмень: Издат.-полиграф. центр «Экспресс», 2004. – 197 с.
11. *Рахимбакиев С. З.* Историко-лингвистическое изучение тюркских топонимов Западной Сибири XVIII века (по материалам Г. Ф. Миллера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень: Печатник, 2011. – 24 с.
12. *Сагидуллин М. А.* Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2002. – 26 с.
13. *Сайдимова Э. Р.* Именник тобольских татар мусульманского происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2006. – 24 с.
14. *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 294 с.

15. *Томилов Н. А.* Сибирские татары в системе историко-культурных общностей (XIX – начало XX вв.) // Сибирские татары: материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск: Тобол. ист.-архит. музей-заповедник, 1998. – С. 113–116.
16. *Катанов Н. Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1904. – Вып. 14. – С. 1–28.
17. *Садвакасов Г. С.* Уйгурский язык // Языки мира. Тюркские языки. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – Т. 2. – С. 437–450.
18. Туралинцы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 т. – СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1902. – Т. 67. Трумп–Углеродистый кальций. – С. 84.
19. *Томилов Н. А.* Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 270 с.
20. *Бояришинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1960. – 152 с.
21. *Храмова В. В.* Заболотные татары // Изв. всесоюз. геогр. об-ва. – 1950. – Т. 82. – Вып. 2. – С. 174–183.
22. *Томилов Н. А.* Сибирские татары – кто они? // От Урала до Енисея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 23–25.
23. *Томилов Н. А.* Сибирские татары в системе историко-культурных общностей (XIX – начало XX в.) // Сибирские татары. – Омск: Изд-во Ом-ГПУ, 1998. – С. 113–116.

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор, директор Центра тюркологии Тюменского государственного университета (Тюмень)

Т. К. Щеглова

**НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ ТОМИЛОВ И ЕГО НАУЧНАЯ ШКОЛА
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ
В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД:
ВКЛАД В ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ АЛТАЯ И ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ***

В статье через развитие отечественной полевой этнографии рассматривается вклад Омской научной школы Н. А. Томилова в исследования народов юга Западной Сибири (современные Алтайский край и Республика Алтай). Автором выделяются этапы полевой работы на рассматриваемой территории, на каждом из которых даётся оценка: в довоенный период – экспедициям ленинградских учёных, в послевоенный – московских. В последней трети XX столетия на примере Омской научной школы рассматриваются вопросы становления сибирских научных центров и роль Томского университета в подготовке сибирских этнографов. Показано значение деятельности Н. А. Томилова в подготовке этнографов для Алтайского региона. Подробно анализируются полевые исследования омских этнографов, их экспедиционные маршруты с включением населённых пунктов, принципами полевой работы и хранения полевых материалов.

Ключевые слова: полевая этнография; народы юга Западной Сибири; этапы полевых исследований; этнографические экспедиции московских и ленинградских этнографов; становление сибирской этнографии; значение Томской школы; Н. А. Томилов; Омская научная школа; состав; география полевых исследований; методы.

T. K. Shcheglova

**NIKOLAJ ARKADEVICH TOMILOV AND HIS SCIENTIFIC SCHOOL
IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL
ETHNOGRAPHY IN SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD:
THE CONTRIBUTION INTO FIELD RESEARCH OF HISTORY
AND CULTURE OF ALTAI AND THE UPPER OB ETHNIC GROUPS**

The article considers the development of national field ethnography as the context of contribution of Omsk scientific school by N.A. Tomilov into research of the ethnic groups of the South of Western Siberia (contemporary Altai krai and Altai Republic). The author points

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 19-49-220009 «Устная история и этнография в полевых исследованиях второй половины XX – начала XXI века как источник и метод изучения и сохранения историко-культурного наследия сельских территорий Алтайского края».

out the stages of field research in the given territory, each stage acquires its evaluation – Leningrad scientists in pre-war period, Moscow scientists – post-war period. Using the example of Omsk scientific school the authors analyse the issues of establishment of Siberian scientific centers and the role of Tomsk university in training Siberian ethnographers in the last third of the 20th century. The significance of N.A. Tomilov's activity in training ethnographers of Altai region is revealed. Field research of Omsk ethnographers, their expedition routes with settlements included, principles of field work and field material storage are the object of detailed analysis.

Keywords: field ethnography; ethnic groups of the South of Western Siberia; stages of field research; ethnographic expeditions of Moscow and Leningrad ethnographers; significance of Tomsk school; N.A. Tomilov; Omsk scientific school; geography of field research; personnel and methods.

История и культура народов Алтая и Верхнего Приобья попала под системное изучение этнографов в XX столетии и прошло два периода: 1920–1960-е гг. и 1970–2020-е гг. Николай Аркадьевич Томилов и его школа сформировались в последние десятилетия XX столетия и внесли существенный вклад в развитие сибирской этнографии. В статье ставится задача определить вклад омских этнографов в полевые исследования на территории юга Западной Сибири в контексте развития отечественной полевой этнографии в советское и постсоветское время.

Первый период имеет два этапа – довоенный и послевоенный. В этот период полевых исследований Алтая ведущую роль сыграли столичные научные центры в лице Академии наук и её подразделений в Москве и Ленинграде (Петербурге). На довоенном этапе наибольшую роль сыграли ленинградские исследователи – выпускники этнографического отделения Географического института¹ – Е. Э. Бломквист, Н. П. Дырenkova, Л. Э. Коруневская, Л. И. Потапов – в 1924–1928 гг.; а также выпускник МГУ А. Г. Данилин. Основными способами исследований являлись экспедиции с выездом в места проживания изучаемых народов из Ленинграда. Зачастую они были сопряжены с бытовыми и социальными трудностями. Среди них – комплексное этнографическое исследование бухтарминских старообрядцев, которое было осуществлено в 1927 г. Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой в рамках работ Казахстанской экспедиции Академии наук (руководитель – С. И. Руденко) [1]. Таким же образом работал А. Г. Данилин, который первый раз побывал на Алтае в летние месяцы 1927–1929 гг. как участник Ойротской комплексной экспедиции АН СССР; позже он работал и в степном

Алтае, в частности – в местах проживания телеутов (современные Заринский и Кытмановский районы). Хорошо известны экспедиции Н. П. Дыренковой, которая, начиная со студенческих лет, во время самостоятельных поездок на Алтай изучала язык, обычаи, верования тюркских народов, в том числе в 1927 г. во время Горно-Шорской экспедиции АН СССР (Ленинградская часть) [2]. Последние её поездки состоялись в конце 1940 г. Известными участниками этих экспедиций были Л. Э. Коруновская и Л. И. Потапов.

На втором этапе, в послевоенное время, основную роль в полевой этнографии юга Западной Сибири сыграли московские этнографы, благодаря организованному Институтом этнографии АН СССР (сейчас – Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН) экспедициям с конца 1950-х гг., охвативших своими отрядами территорию Сибири от Алтая (алтайский отряд Западносибирской экспедиции) до Камчатки – (Северная экспедиция). Их отличала хорошая подготовка и условия работы этнографов – от автомашин, которые доставляли в сибирские регионы из Москвы по железной дороге, до привлечения широкого круга специалистов в помощь этнографам – художников и фотографов. Для этнографии русских решающую роль сыграли полевые исследования В. А. Липинской. Её экспедиционные исследования на территории Алтайского края проводились с 1960 по 1990-е гг. За это время было осуществлено 12 экспедиционных выездов (по 2 месяца) непосредственно в сельскую местность. Собранный уникальный материал лёг в основу её диссертаций и монографий [3; 4]. Полевые исследования по изучению тюркских народов проводила с 1970-х гг. Е. П. Батьянова, результатом чего стала защита диссертации и монография [5].

Второй период полевых исследований с 1960-х гг. ознаменован становлением региональных центров этнографии (Новосибирский, Омский, Томский) и включением их в полевые исследования на Алтае и Верхнем Приобье. Их базой стали университеты. Приоритет в подготовке региональных этнографов принадлежит Томскому университету (ТГУ) (основан в 1888 г.), выпускниками которого стали формироваться научные школы при региональных университетах, массово открывающихся в сибирских столицах в 1970-е годы: АлтГУ – 1973 г., КемГУ – 1974 г., ТюмГУ – 1973 г. и др. Зарождение Омской школы этнографии связано с открытием ОмГУ в 1974 г.; её основателем и руководителем являлся выпускник ТГУ

(в 1967 г.) Николай Аркадьевич Томилов. В этом отношении можно сказать, что Омску и Омской области повезло, так же, как повезло Барнаулу и Алтайскому госуниверситету, когда из Томска приехал помогать созданию университета ещё один «томич» А. П. Бородавкин. В Омске, благодаря Николаю Аркадьевичу, возникла признанная не только в России, но и за рубежом научная этнографическая школа; в Барнауле, благодаря Александру Павловичу Бородавкину – известная историческая школа.

Первым учителем для Николая Аркадьевича была томский профессор Г. И. Пелих, которая подготовила целую плеяду профессиональных сибирских этнографов – докторов исторических наук И. Н. Гемуева, В. М. Кулемзина, Н. В. Лукину, И. В. Октябрьскую, О. М. Рындицу и др. Т. В. Галкина и А. Т. Топчий в статье «Первый этнограф» так оценили вклад Г. И. Пелих в сибирскую этнографию: «Научная деятельность известного этнографа, доктора исторических наук, профессора Томского государственного университета Галины Ивановны Пелих в 1950–1990-х гг. знаменует собой значительный этап в становлении этнографической науки в Сибири» [6, с. 133]. На территории Сибири этнографические экспедиции работали под руководством Г. И. Пелих с начала 1950-х гг. в течение 30 лет. Среди работавших на Алтае и в Верхнем Приобье была известный этнограф Э. Л. Львова.

Среди учеников уже самого Н. А. Томилова – известные этнографы России Ш. К. Ахметова, М. Л. Бережнова, М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова, С. Н. Корусенко, И. А. и А. Г. Селезневые, Т. Б. Смирнова и многие другие. Вклад Омской школы Н. А. Томилова в полевые исследования на Алтае и в Верхнем Приобье отличают большие территориальные и хронологические рамки, обусловленные вниманием как к коренным народам Сибири, так и к народам-переселенцам на протяжении нескольких столетий. В рамках широкой проблематики исследований основными формами сбора полевого материала учеников Н. А. Томилова являются интервью, включенное наблюдение и опрос. Наряду с большими экспедициями омские этнографы широко практикуют индивидуальные выезды. Но особо необходимо выделить вклад омских этнографов в решение проблем, связанных с сохранностью полевых материалов. Ими создана система архивирования полевых материалов, их учёт, систематизация, организован допуск к работе с ними. Привозимый из экспедиций материал систематизируется, обрабатывается и хранится в Музее археологии и этно-

графии ОмГУ (МАЭ ОмГУ) в соответствии с принятым омичами принципом: «Все материалы, собранные в экспедициях, сдавались в Музей археологии и этнографии ОмГУ. Это ещё один принцип работы: если организатором экспедиции являлся университет, значит, материалы, собранные в экспедициях, принадлежат университету. Местом хранения не только всех экспонатов, но и текстов, включая полевые описи и дневники, стал музей. Никакие “полевые материалы автора” не признавались, поскольку верифицировать такие источники крайне трудно. Приказами по университету были установлены система хранения материалов, порядок работы с ними, формат ссылок на них при публикациях и другие нормы работы музея, который стал главным хранилищем всего, что собиралось в экспедициях» [7, с. 185]. Этот опыт очень важен для развития отечественной полевой этнографии, у которой до сих пор существуют проблемы сохранности так называемых полевых материалов авторов.

Развитие полевой тюркологии на Алтае и в Верхнем Приобье связано с вкладом Николая Аркадьевича в подготовку для Алтая этнографов-тюркологов, выпускников АлтГУ – кандидатов исторических наук И. И. Назарова и Е. А. Бельгибаева. Оба закончили аспирантуру при кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, которую возглавлял Н. А. Томилов. Защитили диссертации по специальности 07.00.07 Этнография, этнология и антропология: в 2001 г. Е. А. Бельгибаев, на тему «Традиционная материальная культура челканцев бассейна реки Лебедь (вторая половина XIX–XX вв.)» (науч. рук. – А. Г. Селезнев) [8]; в 2004 г. И. И. Назаров, на тему «Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – первой половине XX в.» (науч. рук. – Н. А. Томилов) [9]. На сегодняшний день Иван Иванович Назаров является ведущим этнографом-тюркологом Алтайского края с навыками полевой работы, который в 2001–2002 гг. работал «в поле» по материальной культуре, традиционной и современной хозяйственной деятельности кумандинцев, проживающих в населённых пунктах Солтонского и Красногорского районов Алтайского края, в г. Бийске, а также в Турочакском районе Республики Алтай; с 2013 г. осуществляет регулярные выезды к кумандинцам Алтайского края для изучения их современной праздничной культуры и обрядности. География полевых исследований Ержана Адильбековича Бельгибаева включает этнографические экспедиции в 1998–

1999 г. в места проживания челканского народа – Турочакский район Республики Алтай, посёлки Курмач-Байгол, Сурунаш, Майский районы; в 2001–2004 гг. – в районы проживания кумандинцев – Красногорский и Солтонский районы Алтайского края, Турочакский район Республики Алтай, посёлки Нижняя Ненинка, Сузоп, Солтон; в 2001–2003 гг. – в районы проживания тубаларов – Чойский и Турочакский районы Республики Алтай, посёлки Паспаул, Тулой, Кебезень и в 2004 г. – в районы проживания шорцев – Таштагольский район Кемеровской области, посёлки Усть-Анзас и Верх-Анзас. В последующие годы – выезды в места проживания казахов Алтайского края.

Казахи Алтайского края находятся в фокусе исследований омского этнографа Шолпан Камалидиновны Ахметовой, защитившей под руководством Н. А. Томилова в 2001 г. кандидатскую диссертацию «Современные этнические процессы у городских казахов Западной Сибири» [10]. На территории Алтайского края она проводила полевые исследования в западных районах в местах компактного проживания казахов: 2003 г. – Алтайская казахская этнографическая экспедиция ОФ ОИИФФ СО РАН работала на территории Кулундинского и Михайловского районов Алтайского края (сс. Керей и Мирабилит Кулундинского района; сс. Ракиты, Михайловское, Малиновое Озеро, Николаевка Михайловского района); в 2004 г. в ходе Казахской этнографической экспедиции ОФ ОИИФФ СО РАН Ш. К. Ахметова совместно с ПИКМ им. Г. Н. Потанина и кафедрой истории, этнологии и археологии ПГУ им. С. Торайгырова (Павлодар) работала в сс. Бигельды и Шумановка Бурлинского района, ауле Байгамут Благовещенского района, г. Славгород и Куатовке Славгородского района Алтайского края; а в 2006 г. во время Казахской международной этнографической экспедиции ОФ ОИИФФ СО РАН полевые исследования проводились в г. Славгород и ауле Куатовка Славгородского района Алтайского края.

Изучением народов, переселившихся на Алтай в XVIII – XX столетиях, занимались и занимаются ученики Н. А. Томилова – М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова, Т. Б. Смирнова и др. Несомненно, среди отечественных исследователей решающий вклад в изучение немцев Алтая и Верхнего Приобья внесён Т. Б. Смирновой, которая работала с немцами нескольких районов Алтайского края (Благовещенский, Кулундинский, Немецкий национальный, Суетский, Табунский районы). Созданная ей в ОмГУ в 1996 г. научно-иссле-

довательская лаборатория этнографии и истории немцев Сибири стала одним из центров изучения немцев России. В изучение восточнославянского населения Западной Сибири, в том числе Алтайского края и, прежде всего, русских внесли большой вклад М. А. Жигунова и Т. Н. Золотова. В частности, Т. Н. Золотова проводила полевые исследования, в том числе и индивидуальные, в ряде районов Алтайского края: в августе 2000 г. в Чарышском районе; в августе 2003 г. – в Ельцовском, Целинном и Троицком районах; в августе 2011 г. – в Бийском районе; в августе 2015 г. – в г. Белокуриха. В последнее время омские и барнаульские этнографы активно сотрудничают в изучении украинского населения на юге Западной Сибири. В частности, ученица Н. А. Томилова, И. В. Чернова (Волохина), принимала участие в совместных полевых исследованиях в Алтайском крае в период работы над грантом (РГНФ, проект № 13-31-01008 а1) «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX – XX в.», а до этого работала в экспедициях в Горном Алтае под руководством Д. Г. Коровушкина, который также защищал кандидатскую диссертацию под руководством Н. А. Томилова.

На сегодняшний день Омская школа Н. А. Томилова включает в себя несколько поколений этнографов. Первое поколение «выучеников» Николая Аркадьевича приводит уже своих учеников. «Командный» характер работы Омской научной этнографической школы создаёт большие преимущества в виде постоянного пополнения молодыми исследователями, которые под руководством опытных наставников продолжают полевые работы по истории и этнографии народов Алтая и Верхнего Приобья. В частности, изучением немцев успешно занимается А. Н. Блинова (рук. – Т. Н. Смирнова), казахов – А. А. Дайрабаева (рук. – М. А. Корусенко) и др. В августе 2006 г. А. Н. Блинова работала в с. Ананьевка и д. Екатериновка Кулундинского района и с. Подсосново Немецкого национального района Алтайского края. В последние годы она сама организует экспедиции, в которых уделяется внимание современным этническим процессам, проходящим в среде российских немцев Западной Сибири (особенно – этнографии детства). Другая ученица Татьяны Борисовны Смирновой – С. А. Рублевская, по её словам, «ещё будучи студенткой исторического факультета Омского госуниверситета, принимала участие в историко-этнографических экспедициях к немцам Сибири, начиная с 1989 г. Она участвовала во всех 12 “не-

мецких” экспедициях, несколько лет руководила экспедиционными работами. Итогом стала монография С. А. Рублевской, посвящённая не изученной ранее теме – календарной обрядности немцев Сибири» [11]; в ней содержатся полевые материалы, привезённые из немецких сёл Алтайского края.

Таким образом, сформировавшаяся в Омске научная школа Н. А. Томилова занимает достойное место в отечественной этнографии. Представителями школы внесён значительный вклад не только в формирование источниковой базы по этнографии народов юга Западной Сибири, но и в её активное введение в научный оборот. Самостоятельным вкладом в развитие отечественной этнографии является созданная «омичами» система хранения полевых материалов. Необходимо отметить, что уже сама деятельность Н. А. Томилова и его научной школы в изучение истории и культуры Алтая и Верхнего Приобья является предметом исследований алтайских этнографов. В 2019 г. РФФИ был поддержан научный проект о полевых исследованиях на Алтае во второй половине XX – XXI столетий. Промежуточным результатом реализации проекта молодыми исследователями Алтайского государственного университета под руководством Т. К. Щегловой являются: созданный сайт с размещением биобиблиографии исследователей, в том числе омских этнографов, проводивших полевые исследования на территории юга Западной Сибири; формируются карты экспедиционных маршрутов [12]. В 2020 г. издан биобиблиографический указатель, где размещены биографии этнографов и их публикации с использованными полевыми материалами на Алтае и в Верхнем Приобье [13].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Этнографическое отделение Географического института, географического факультета ЛГУ, ныне – кафедра этнографии и антропологии СПбГУ.

Список источников и литературы

1. Бухтарминские старообрядцы Северо-Восточного Казахстана // Россия и Казахстан: исторический опыт и современное состояние межкультурного и межэтнического взаимодействия (XVI–XXI вв.). – Режим доступа: <http://kz.ethnology.ru/win/staroobr.html> (дата обращения: 11.05.2021).
2. Батьянова Е. П. Алтайская этнография в письмах // Вестн. Алт. гос. пед. ун-та. – 2020. – № 1 (42). – С. 99–111.

3. *Липинская В. А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 224 с.
4. *Липинская В. А.* Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII – нач. XX в. – М.: Наука, 1996. – 267 с.
5. *Батьянова Е. П.* Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века: монография. – М.: Наука, 2007. – 394 с.
6. *Галкина Т. В., Топчий А. Т.* Первый этнограф Томского университета // Вестн. Том. гос. ун-та. – 1999. – № 268. – С. 133–137.
7. *Смирнова Т. Б.* Омская школа этнографии // Этнография. – 2019. – № 4 (6). – С. 179–192.
8. *Бельгибаев Е. А.* Традиционная материальная культура челканцев бассейна реки Лебедь (вторая половина XIX–XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. – 330 с.
9. *Назаров И. И.* Традиционное хозяйство и культура жизнеобеспечения кумандинцев во второй половине XIX – первой половине XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 348 с.
10. *Ахметова Ш. К.* Современные этнические процессы у городских казахов Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 206 с.
11. *Смирнова Т. Б.* Рецензия на монографию С. А. Рублевской «Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX–XX вв.» – М.: Готика, 1999. – 136 с. // Культура городов Азиатской России. – Режим доступа: <http://kulgor.narod.ru/index.html> (дата обращения: 11.05.2021).
12. Полевые исследования по этнографии и устной истории на территории Алтайского края во второй половине XX – начале XXI в. – Режим доступа: <http://etnografy.altspu.ru/> (дата обращения: 11.05.2021).
13. Полевые исследования по этнографии и устной истории Алтайского края в 1950–2010-е гг.: библиографический тематический научно-вспомогательный указатель / науч. ред. Т. К. Щеглова; сост.: Т. К. Щеглова, А. В. Рыков, А. А. Гоппе, Н. С. Грибанова, Н. В. Люля. – Барнаул: АлтГПУ, 2020. – 336 с.

Щеглова Татьяна Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории, заведующая Центром устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)

***Народная культура от древности до современности:
методы и результаты исследований***

УДК 338.45

Н. И. Новикова

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СТЕЙКХОЛДЕРАМИ В РОССИИ
И НОРВЕГИИ***

В статье рассматриваются особенности полевых исследований в России и Норвегии при изучении взаимодействия коренных народов и промышленных компаний. Оцениваются риски такой работы, методы их преодоления. Делаются выводы о целях и методах полевой работы в ходе этнологических экспертиз и необходимости соответствующего обучения в университетах.

Ключевые слова: Россия; Норвегия; коренные народы; этнологическая экспертиза; полевые исследования.

N. I. Novikova

**FIELD RESEARCH AND ETHNOLOGICAL ASSESSMENT: FEATURES
OF WORKING WITH STAKEHOLDERS IN RUSSIA AND NORWAY**

The article examines the features of field research in Russia and Norway when studying the interaction of indigenous peoples and industrial companies. Risks of such work and methods of their overcoming are assessed. Conclusions on the objectives and methods of field work in the course of ethnological assessment are drawn. The article emphasizes the need of teaching such methods in universities.

Keywords: Russia; Norway; indigenous peoples; ethnological assessment; field research.

В последнее время в антропологии народов Севера всё большее место занимают этнологические экспертизы (далее – ЭЭ) как научные исследования воздействия на их традиционный образ жизни, социально-экономическое и культурное развитие управленче-

* Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

ских решений и промышленных проектов. Статья основана на опыте проведения этнологических экспертиз промышленного воздействия, изучения взаимодействия коренных народов и углеводородных компаний в различных регионах Севера. Целью исследования является анализ особенностей полевой работы со стейкхолдерами (заинтересованными сторонами в разработке продукта или проекта) для получения наиболее полной насыщенной информации, а также исследование этических аспектов их взаимодействия.

Полевые исследования остаются основным источником получения информации при проведении экспертиз, но они имеют ряд особенностей. Чаще всего полевые выезды ограничены по времени. Антропологи не могут проводить массовые опросы, а привычное включенное наблюдение в течение одного-двух месяцев осуществить довольно сложно. На помощь приходят экспертные интервью. Нам нужно найти информантов, которые обладают наиболее полными и глубокими сведениями и обеспечить их мотивацию для работы с исследователями. ЭЭ обычно начинается с определения заинтересованных сторон, тех групп населения, на которые будет оказано воздействие и которые заинтересованы в результатах проекта. В Российской Федерации определение ЭЭ дано в федеральном законе о коренных малочисленных народах, а механизмы её проведения – в соответствующем законе Республики Саха (Якутия). В других странах применяются свои формы и методы оценки воздействия. Наиболее распространённым является оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), которая в некоторых странах включает изучение как экологических, так и социальных процессов.

В 2015–2016 гг. я проводила полевые исследования в Финмарке (Норвегия) по теме «Каутокейно против Арктик Голд: отказ в открытии рудника шведской компании»¹. Не останавливаясь подробно на этой работе, отмечу лишь, что для нашей международной группы исследователей показался удивительным отказ населения, значительную часть которого составляли саами, от проведения ОВОС. Информанты отмечали, что они не доверяют ОВОС, так как это будет исследование на деньги компании, а значит, оно будет согласовано с ней. Люди, живущие в Каутокейно, уже знают, к каким последствиям может привести рудник; раньше рекультивация земель проходила некачественно, поэтому им не нужны специальные исследования, чтобы узнать потенциальные последствия новых горных работ. Такие высказывания мы слышали от многих инфор-

мантов. Это отмечают и норвежские учёные [1, р. 185]. Эксперты и лидеры саамского сообщества подчёркивали, что после проведения ОВОС решение вопроса о допуске компании к работе будет рассматриваться в Осло, а без такого исследования по законодательству Норвегии решение может принять муниципалитет. Наша работа была чисто академической, мы не принимали никаких решений. Полевые исследования в Норвегии требуют большей чёткости, чем в России, они должны быть заранее согласованы; антрополог, тем более иностранный, работает «по рекомендации». На практике люди были доброжелательны, не возникало проблем, чтобы получить интервью как у сторонников, так и противников рудника. В какой-то степени, я думаю, это связано с тем, что саами в Норвегии чувствуют себя более уверенно на своей земле, благодаря приверженности государства принципам международного права, Саамскому парламенту, законам. Полевые исследования – скорее большая проблема для учёных, в том числе – из числа саами, и это обобщается в университетском сообществе [2].

В России подобные исследования проводятся уже более 20 лет, в основном в Арктических регионах. В моей практике они были инициированы коренными народами, которые принимали активное участие в работе. При проведении ЭЭ в Ямало-Ненецком автономном округе нами был определён круг стейкхолдеров: промышленные компании, органы государственной власти и местного самоуправления, различные группы коренного населения – ненцев [3, с. 17–18]. Организации, предприятия ненцев, оленеводы и рыбаки оказывали нам помощь в перемещениях, принимали в чумах. При проведении ЭЭ участвовали обычно несколько исследователей, что позволяло записывать около 100 интервью по каждой экспертизе. Информанты могли быть нашими знакомыми, но с большинством из них мы встречались впервые. У оленеводов удавалось пожить подольше, у других групп встречи были короче. В этих случаях включенное наблюдение заменяла доброжелательность и стремление к диалогу со стороны ненцев. Люди верили, что мы работаем для них, поэтому подробно описывали свои проблемы, ожидания от того или иного проекта. Многие антропологи сталкиваются с проблемой оплаты труда информантов. Для нас это был особенно деликатный вопрос. Мы, конечно, старались по возможности привозить продукты. А когда мы предлагали оплатить бензин, с нас брали деньги. Особую группу информантов при проведении ЭЭ

составляют ненцы, которые работают в компаниях и администрациях. Они для нас представляют особый интерес, а для них наше исследование может быть чревато негативными последствиями. За годы промышленного освоения в Западной Сибири сложились соседские отношения между коренными народами и промышленниками, они взаимно приспособились друг к другу, обмениваются товарами и услугами и понимают неизбежность такого соседства. Компании, которые там работают, имеют существенные различия по политике в отношении коренных народов, что проявляется и в интервью. Я уже писала более подробно о полевых исследованиях нефтяных компаний [4]. Работники компаний более охотно участвуют в коллективных беседах и настороженно воспринимают обсуждение вопроса использования интервью в печати. В России нет формальной процедуры получения свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов на принятие решений. Я в своей работе всегда стараюсь получить такое согласие устно от всех информантов и только в этом случае использую материалы в публикациях. ЭЭ проводились Этноконсалтингом совместно с Институтом этнологии и антропологии, они все опубликованы, и мы постарались максимально широко разослать и передать их в районы своей работы, администрациям, всем заинтересованным лицам. Мой опыт проведения ЭЭ показывает, что в таком полевом исследовании очень важно охватить всех стейкхолдеров и каждому дать право голоса. Только получив такую широкую информацию, мы можем её интерпретировать и предложить альтернативные пути решения проблем. Для успеха этой работы нужно максимально унифицировать вопросы, которые мы задаём. При планировании промышленной деятельности сталкиваются интересы различных сторон, но они касаются одной территории, на которой живут и работают все стейкхолдеры. Пока в России нет федерального закона об ЭЭ, она проводится с целью минимизировать отрицательные последствия промышленной деятельности, предложить конкретные меры, механизмы, мероприятия для этого и органам власти, и промышленным компаниям, и коренным народам. Именно эти цели и определяют методы нашей работы.

Методике полевых исследований уделяется не так много внимания в этнографической литературе и образовании. Считается, что эти знания приобретаются самостоятельно. Я знаю лишь один журнал, который время от времени публикует обсуждения на эти те-

мы – «Антропологический форум» [5]. В университетах студенты в лучшем случае получают такие знания из небольшого курса и этнографической практики. Вместе с тем, востребованность социально-антропологических знаний в обществе растёт. К сожалению, часто эту нишу заполняют люди без специального образования, работающие в смежных отраслях знаний, и это вызывает беспокойство. Моё становление как этнографа начиналось в Омском государственном университете под руководством Н. А. Томилова. Я тогда изучала традиционную культуру манси. Сложности такой работы в конце 1970–1980 гг. были связаны с запретом обычаев и обрядов, боязнью информантов говорить на интересующие меня темы. Моя первая экспедиция была организована Николаем Аркадьевичем, наша группа состояла из нескольких студентов и меня – лаборанта. Сегодня, приобретя большой опыт полевых исследований, я понимаю, насколько важно было получить возможность самостоятельно и, в тоже время, под руководством опытного наставника начинать этнографическую работу, понять, как нужно вести себя в деревне, чтобы заинтересовать население, получить своих первых информантов. В процессе изучения взаимодействия коренных народов и промышленных компаний мои отношения с информантами стали, с одной стороны, в чём-то сложнее, а с другой стороны, в чём-то более доверительными: становится всё больше «запретных тем», всё больше практических вопросов я получаю в поле, но принцип «не навреди» остаётся. Полевые исследования уже не могут быть «естественными», нельзя просто жить в сообществе, наблюдать и спрашивать. Диалог с информантами превращается в диалог экспертов и учиться этому лучше уже в университете.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые исследования проведены в рамках проекта “Indigenous Peoples and Resource Extraction in the Arctic–Evaluating Ethical Guidelines”. A’ırranLule Sami Centre, funded by the Norwegian Ministry of Foreign Affairs, 2014–2016 гг.

Список источников и литературы

1. *Tone M., Brigit D.* The Municipal No to Mining. The Case Concerning the Reopening of the Biedjovaggi Gold Mine in Guovdageainnu Municipality, Norway // Brigit D., Bay-Larsen I. and Skorstad B. (eds.). (2018). *The Will to Drill – Mining and Arctic Communities*, Switzerland, Springer. – P. 175–195.

2. *Ландсем Л. И.* Исследование меньшинств: между наукой и политикой // Арктика и Север. – 2017. – № 27. – С. 165–189.
3. *Адаев В. Н., Мартынова Е. П., Новикова Н. И.* Качество жизни в контексте этнологической экспертизы в Российской Арктике: Тазовский район ЯНАО: исследования по антропологии права / отв. ред. Н. И. Новикова. – М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 220 с.
4. *Новикова Н. И.* Нефтяные компании как поле этнографического исследования // Поле как жизнь. К 60-летию Северной экспедиции / отв. ред. Е. А. Пивнева. – М.: Нестор-История, 2017. – С. 213–224.
5. Форум: Опасности поля: перспектива исследователя // Антропологический форум. – 2021. – № 48. – С. 11–88.

Новикова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева

**РАСШИРЯЯ ГОРИЗОНТЫ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО САКРАЛЬНОГО ЦЕНТРА
И ЭКОПОСЕЛЕНИЙ***

Обсуждаются возможности и перспективы применения этнографической методики к изучению специфических социокультурных объектов постсоветской эпохи. В течение последних 10-ти лет авторы проводили исследование, состоявшее из двух этапов. На первом этапе был изучен новый сакральный центр, сформировавшийся в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области. На втором этапе было проведено этнографическое обследование экологических поселений и общин Омской области. Обосновывается вывод о том, что подобные феномены являются полноценными объектами этнографического изучения.

Ключевые слова: Омская область; Окунево; современный сакральный центр; экопоселения; этнографическое изучение.

A. G. Seleznev, I. A. Selezneva

**EXPANDING THE FIELD ETHNOGRAPHY HORIZONS: THE MODERN
SACRED CENTER AND ECOVILLAGES STUDY IN EXPERIENCE**

The possibilities and prospects of applying the ethnographic methodology to the study of the Post-Soviet epoch specific sociocultural objects are discussed. During the past 10 years, the authors made two-stage study. At the first stage, a modern sacred center formed around the village Okunevo, Muromtsevsky district, Omsk region, was studied. At the second stage, an ethnographic research ecovillages and ecommunities on the territory of the Omsk region was conducted. The authors substantiate the conclusion that such phenomena are full-fledged objects of ethnographic study.

Keywords: Omsk region; Okunevo; the modern sacred center; ecovillages; ethnographic study.

Для авторов этих строк важнейшим моментом научного творчества Николая Аркадьевича Томилова является его подход к полевой этнографической работе как к последовательности предельно строгих, верифицируемых, сопоставимых, проверяемых, чётко фик-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 19-09-00487 «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

сируемых на каждом этапе исследовательских процедур. Вопреки модным ныне тенденциям описания этнографических материалов в категориях персональных эмоций и впечатлений, отражённых в так называемых ПМА (полевых материалах автора), Н. А. Томилов и в своих публикациях, и в прямом общении с учениками и сотрудниками настраивал на то, что итогом полевой работы должен стать полноценный источник, принципиально доступный для (само-)проверки и сопоставления.

Почти 10 лет назад авторы начали полевое этнографическое исследование современного сакрального центра, возникшего в районе д. Окунево. В течение 5-ти последних лет они же проводят аналогичное исследование нескольких экопоселений и экологических общин Омской области. Объединяет эти объекты изучения то, что они созданы бывшими горожанами в сельской местности, причём в основе жизнедеятельности новых сельских общин лежит осознанная идеологическая мотивация. Полученные материалы составляют эмпирическую базу настоящего сообщения. Эти работы отражали современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, её сдвиг в сторону изучения городских культур, меньшинств, нетрадиционных религиозных движений, неформальных субкультур, изобретаемых традиций и обрядности.

Современный сакральный центр в районе д. Окунево Муромцевского района Омской области функционирует с 1992 г. Типологически данный центр близок большому числу подобных объектов, как грибы после дождя выросших в поздне- и постсоветскую эпоху: Аркаим на Южном Урале, плоскогорье Укок со знаменитой Принцессой на Алтае, дольмены на Кавказе, сейды на Северо-Западе, Долины Царей в Хакасии и Тыве, Обитель Рассвета на юге Красноярского края и т. д. За три десятилетия Окунево стало местом существования и развития множества культурных, экологических, религиозных сообществ. Это центр периодического паломничества или постоянного проживания ряда культурно-религиозных объединений и внесистемных групп, а также многочисленных представителей творческой элиты России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Наибольшим влиянием пользуются постоянно проживающие в Окунево общины ведических православных, ведуров, родноверов, т. е. общины, выступающие за возрождение (изобретение) «исконной» дохристианской славянской культуры. Не меньший вес

имеют неоиндуистские общины бабаджистов-шиваитов (именно они первыми образовали окуневский центр) и кришнаитов. Каждая из этих групп занимает свои сакральные зоны внутри и вокруг деревни, характеризующиеся специфическими объектами жилой и хозяйственной инфраструктуры и целым рядом фундаментальных сакральных артефактов. Кроме этих групп в Окунево функционируют множество других культурно-религиозных объединений: от прихода Русской православной церкви до одной из наиболее радикальных групп отечественного родноверия – Церкви православных староверов-инглингов во главе с патером Дием (в миру – Александром Хиневичем). Широкий общественный резонанс, выходящий далеко за пределы Окунево и Омской области в целом, приобретают мероприятия ритуального характера: ежегодные Дни солнцестояния, индуистские праздники Наваратри, «славянские» ритуалы Перуна, Дни рождения богини Тары и т. п. Лидеры окуневских общин характеризуются активной общественной позицией, стремлением интегрироваться в культурные программы региона.

Вторую группу исследуемых объектов составляют возникшие на территории Омской области в XXI в. экопоселения. Их особенностью является то, что они были созданы в сельской местности, порой просто в лесу или в степи бывшими горожанами, по идейным мотивам порвавшими с городами (сбежавшими из них) и реализующими в этих поселениях свой экологический идеал гармоничных взаимоотношений с природой. Жизненной стратегией современных экологических движений является идеология отхода от цивилизации и городского пространства, возврат к земным корням, апелляция к изобретённому и постоянно воспроизводимому мифу о славянской языческой древности и истоках русской культуры. Естественно, что это новое для бывших горожан качество жизни порождает и новую культурную среду, стимулирует формирование подчас весьма причудливых приёмов взаимодействия с природой, специфических поведенческих норм, способствует активному мифотворчеству, изобретению новых и глубокой модернизации существующих традиций и обрядности. Экопоселения разделяются на три группы, определяемые идейными установками тех новых религиозных движений (НРД), адепты которых образовали то или иное поселение. По этому критерию экопоселения можно подразделить на: 1) поселения родовых поместий (ПРП), созданные приверженцами НРД «Звонящие кедры России», или «Анастасия»; 2) экопосе-

ления и экообщины родноверов – сторонников идеологии возврата к своим корням, природе, славянской культуре и экологической этике; 3) поселение, основанное на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма. Все три группы поселений были объектами нашего полевого обследования. В первую группу в Омской области входят ПРП Имбирень Саргатского, Обережное Горьковского и Малинкино-Колобово Муромцевского районов; вторую группу составляют поселение Азь-Град Омского и экообщина д. Тимшиняково Тарского районов, третья группа представлена поселением Северная столица Азовского района.

Религиозно окрашенные экологические движения получили широкое распространение в современной России. В качестве примеров можно назвать обширную сеть анastasиевских ПРП, функционирующих на территории России и в ряде стран ближнего зарубежья, а также крупнейшее экологическое поселение (мегапоселение), созданное в красноярской тайге последователями Церкви Последнего Завета (варианты его названий – Тиберкуль, Город солнца, Обитель рассвета и др.). Участники этого движения известны также под названием вассарионовцев по имени лидера Церкви, принявшего имя Виссарион (в миру – Сергей Тороп). В 2020 г. данное движение неожиданно оказалось в федеральной новостной повестке вследствие резонансного ареста руководителей общины, в том числе и самого Виссариона.

Идейная основа экопоселений определяет стратегию освоения окружающего пространства, а также формат изобретаемых мифологии и обрядности. Все поселенцы являются вегетарианцами. Праздники носят характер коллективных торжеств с участием практически всех жителей поселений. Праздничные дни в общинах родноверов приурочены к основным календарным датам – дням равноденствия и солнцестояния. Последователи движения «Звенящие кедры России» строят свою жизнь на основе серии книг В. Н. Мегре о таёжной женщине Анастасии. Главный праздник в общине анastasиевцев – День Земли, 23 июля. На праздниках водят хороводы, произносят здравицы в честь Матери-Земли и славянских богов. В анastasиевских ПРП в ходе праздничных мероприятий участники высаживают деревья.

Осмысление эмпирических материалов позволило сделать некоторые обобщения теоретического характера. Прежде всего, обращает на себя внимание явное сходство ритуальных практик

и мифологических мотивов, получивших развитие в рамках традиционных и новейших сакральных комплексов. Одним из таких ярких мотивов является приуроченность традиционных святилищ к символически «вечным» объектам: горе, пещере, отдельным большим камням, деревьям, живописным озёрам или речным долинам. Эти и подобные объекты, связывающие воедино пространство и время (вечность!), составляют естественную основу хронотопа культового комплекса. Особое положение занимают выделяющиеся на местности археологические памятники разных эпох. Многие «места силы» современной эпохи в той или иной степени связаны с памятниками археологии: скифские погребения Укока, окуневские изваяния в Хакасии, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе, сакрально-туристические комплексы Болгара и Свияжска в Татарстане. Аркаим и «алтайская принцесса» Укока – самые известные в России случаи. В Европе наиболее популярен, конечно, Стоунхендж.

Археологический компонент занимает важное место в рождении и функционировании феномена д. Окунево. Причудливое осмысление археологического наследия характерно для мифологии бабаджистов, «ведических православных» (ревнителёв древнеславянских традиций) и других культурно-религиозных групп.

Важной частью хронотопа Омского региона является распространённый в неорелигиозной среде этиологический миф о великом городе, который существовал в течение сотен тысячелетий на месте г. Омска. Назывался город Асгард Ирийский от имени р. Иртыш – Ирий. Этот миф широко популяризируется в прессе и интернете. Нам много раз приходилось слышать его варианты в ходе экспедиционных поездок. В 2017 г. мы посетили интересную экологическую общину, которая образовалась в д. Тимшиняково Тарского района Омской области. Члены общины являются последователями упомянутого выше НРД Древнерусской церкви православных староверов-инглингов. А миф об Асгарде Ирийском как раз излагается в так называемых «Славяно-арийских ведах», которые были изданы в начале 2000-х гг., с тех пор несколько раз переиздавались и являются главной священной книгой англистического движения. Следует отметить, что, как всякий миф эпохи постмодерна, сказание об Асгарде подкрепляется квазинаучной «аргументацией». Последняя включает в себя «лингвистические» доводы о совпадении названий р. Омь и г. Омска с первозвуком Вселенной «Ом» в индуистской мифологии и названия р. Тары с именем богини Тары в буддизме.

Духовный «дауншифтинг», экзотические восточные культы и практики, родноверие, антиконсьюмеристские и экологические движения всё в большей степени оказывают воздействие на социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе, и настоятельно требуют адекватного научного отражения. Ещё раз отметим, что эти явления и процессы по праву являются предметом полевой этнографии, могут и должны изучаться этнографическими методами. Прямой и непосредственный контакт с представителями субкультурных движений в конечном счёте будет способствовать взвешенной, объективной оценке их места в сегодняшнем культурном ландшафте нашей страны.

Селезнев Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Селезнева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва; Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

И. В. Абрамов

СОТРУДНИЧЕСТВО С МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ В ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА НИЖНЕЙ КОНДЕ

Представлены опыт полевых этноархеологических изысканий (2017–2020 гг.) в нижнем течении Конды и эпизоды сотрудничества с местными жителями. Экспедиция рассчитывала на услуги проводников, их знания и транспорт. Исходя из методики исследования, к работе также привлекались рыбаки запорного лова. По ходу развития проекта непрерывно росло число социальных контактов и возможностей, и со временем возврат полученных знаний в местное сообщество стал самостоятельной задачей.

Ключевые слова: Конда; этноархеология; рыболовные заграждения; кондинские котцы; сотрудничество.

I. V. Abramov

COLLABORATION WITH LOCAL DWELLERS IN ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE KONDA RIVER

The article examines the experience of fieldwork (2017–2020) on the lower Konda river and the various forms of participation of local people in the research. The expedition initially counted on the services of guides, their knowledge of the area and transport. Also, based on the research methodology, the work involved fishermen. In the course of the project's development, the number of social contacts and opportunities continuously increased, and the return of the acquired knowledge to the local community became an independent task.

Keywords: Konda; ethnoarchaeology; traditional knowledge; fish weir; fish trap; collaboration.

В 2020 г. состоялась четвёртая экспедиция Музея Природы и Человека (Ханты-Мансийск) во главе с Т. Н. Собольниковой в Кондинский район Ханты-Мансийского округа – Югры. Археологические поиски охватили 100 км нижнего течения Конды – малоисследованную в археологическом отношении территорию. Первый год изысканий показал высокую плотность поселенческих комплексов в местах, удобных для рыболовства [1]. Возникла гипотеза о том, что пространственное освоение и формирование сети поселений в древности было тесно связано с возможностью устройства речных преград и ловушек на рыбу. По всему северу богатые рыбой реки и удобные для устройства ловушек места обжились

в первую очередь [2, с. 140–141]. Зброшенные юрты хантов на Конде в массе своей были приурочены именно к таким местам (рис. 1). Вплоть до XX в. рыба была главным ресурсом Конды, и рисунок поселенческой сети края можно объяснить с точки зрения доступа к лучшим рыбгодиям.

Рис. 1. Бывшие юрты Шумиловские в левобережье Конды с общинным запором на истоке из озера

Такая постановка исследования привела нас к местным рыбакам, практикующим котцовый (запорный¹) лов. В XX в. кондинские котцы² стали частью промышленного рыболовства и получили широкое распространение. Принцип заключается в перекрытии миграционного пути рыбы и удерживании стаи в вышележащем озере до зимнего вылова. Рыболовный стан состоит из котца с запорами, избы и хозяйственных построек. Мы старались договориться с владельцами рыбгодий о совместной поездке и съёмке промысловых объектов. Как правило, запираемые речки удалены от посёлков и труднодостижимы.

На Нижней Конде в настоящее время три населённых пункта: с. Болчары, с. Алтай, д. Кама, общей численностью 3,2 тыс. чел. Из них 2,5 тыс. проживают в с. Болчары. В 2017 г. разведочные ра-

боты начались около с. Болчары, появились первые знакомства: глава поселения Сергей Мокроусов, житель села Александр Ганин. От них мы получили живой отклик на нашу работу, Александр сразу зарекомендовал себя хорошим проводником. Летом 2018 г. начались этнографическая работа в посёлках и поездки с рыбаками на запоры. Некоторые из рыбаков также стали нашими проводниками, другие помогли информацией, верифицировали данные спутниковых снимков.

Нижняя Конда по-прежнему отрезана от федеральных дорог, и посёлки здесь связывает только вода. Исследовать труднопроходимую местность вокруг поселений проще, полагаясь на местные знания, опыт и технику, особенно в части перемещений по обширной кондинской пойме, где сосредоточена промысловая жизнь. Острова чередуются с протоками и сорами поймы, образуя множество труднодоступных ниш. Даже если в распоряжении есть детализованные спутниковые снимки, едва ли возможно оценить проходимость тех или иных речных рукавов. Это исключительное знание местных, позволяющее сэкономить время, бензин и нервы эзжего путника.

Вокруг рыбацких станов мы искали следы древних поселений. Как правило, поиски были успешными в случае расположения стана на приподнятом сухом берегу, покрытом высокоствольным лесом. Подобные места посреди болотистой Кондинской низменности образуют своего рода «острова» (рис. 1). Если такой «остров» подходит к озёрному истоку, то это самое удобное место для речного запора и поселения при нём. Всего удалось найти около 120 мест установки рыболовных заграждений и вывести географическую закономерность размещения запоров: в массе своей они приурочены к верхнему течению кондинских притоков, истоку из озёрных систем [2]. К 2019 г. действующими на Нижней Конде оставались не более 20 запоров, устроенных по типу кондинских котцов [3].

В большинстве урочищ мы начинали поиск памятников, предварительно получив наводки от охотников и рыбаков. Иногда названия урочищ говорили сами за себя. За обилие рыбы нижнее течение Сагиболчаровцы прозвали «золотым дном». Сразу несколько человек сообщили нам о множестве впадин и валов в тех местах. Ими оказались памятники древности с неолита до раннего железного века [1, с. 148]. Александр Ганин помог нам найти средневековый Пугольский городок (укреплённое городище), потому что охо-

тился там на барсуков [1, с. 152]. Пётр Казарин из села Алтай в 2020 г. помог найти затерявшееся в пойме красноярское городище. Оно был открыто ещё в начале XX в.

Пётр ничего не знал о памятнике, но в разговоре случайно упомянул «городищенский пережат», за что мы уцепились, сразу приняв решение проверить прилегающий яр. Там обнаружили городок, полностью совпавший с описанием вековой давности (рис. 2).

*Рис. 2. Проводники экспедиции (слева направо)
Дмитрий Чемляков, Пётр Казарин*

Настоящим чудом стало наше открытие богатырского городка Вош-Ега-Вош, упоминаемого в эпосе кондинских остяков, записанном Паткановым в конце XIX в. [4]. С помощью спутниковых снимков мы достаточно узко очертили область поисков, но проблема заключалась в труднодоступности местности. Только со второй попытки мы смогли достичь места, сменив лодку на болотоход. Это случилось благодаря знакомству с Дмитрием Чемляковым, изобретателем самоходной техники из с. Болчары. Мы вышли на него, когда стали искать, кто рыбачит или охотится в том районе. Дмитрий согласился повозить нас по знакомым местам, но открытие городища посреди заболоченного леса стало и для него неожиданностью [5]. Он удивился искусственному холму, который оставался незамеченным долгое время. Местоположение городища было удобным как со стратегической точки зрения, так и с промысловой – на перешейке между двумя озёрами, которые соединяла маленькая речка. Протока идеально подходила для устройства рыболовной перегородки. Пройдя вдоль неё к озеру, мы, действительно, обнаружили обветшавшие запоры колхозных времён.

Мы восполнили известную «брешь» между дисциплинами, ведя археологическую и этнографическую работу параллельно и сопоставляя получаемые данные между собой. По научному гранту Российского фонда фундаментальных исследований «Комплексные исследования пространственной организации древних и традиционных поселений в таёжной зоне Западной Сибири на примере Нижней Конды» (2018–2019) мы доказали устойчивость ландшафтных факторов во времени и промысловую преемственность ряда урочищ. Следом, получив грант губернатора Югры «Музейная одиссея – 2020», мы активировали накопленный капитал социальных связей. За две недели экспедиционных работ словом и делом нам помогли более 20 человек, девять из них поработали проводниками-лодочниками на Конде. Каждые два-три дня мы меняли проводника и транспорт, потому что часто передвигались с разведками. Многие поездки были спонтанными, после перебора возможных вариантов развития экспедиции и переговоров с разными людьми. Часть команды оставалась в посёлке собирать фольклорный материал.

Начав в 2017 г. с вынужденного поиска проводников, в 2020 г. мы пришли к тому, что работа с людьми и сельским сообществом – самоценна. Обнаруженные при помощи местных «холмы и впадины» мы вовлекли в широкий контекст значений и хронологий, превратив в памятники истории, и в новом виде вернули сообществу [6]. В докладах и выставках использовались фольклорные материалы и воспоминания старожилов. Оживлённый отклик вызвала богатырская тема. Тот факт, что легенды об остяцких богатырях нашли материальное подтверждение в ландшафте, удивил многих болчаровцев. Хочется надеяться, что возвращённые таким путём традиционные знания и учтённые памятники археологии поддержат местные сообщества перед лицом нефтяников, которые осваивают Нижнюю Конду с позиций «пустой земли», в то время как она насыщена историей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Запорный лов – промысел рыбы с помощью деревянных или сетных русловых перегородок (запоров) на путях сезонных миграций.

² Кондинский котец – стационарная ловушка, состоящая из двух запоров, русло реки между которыми выступает накопителем рыбы – котцом. Применяется на несудоходных реках Приобья, где нет ценных пород рыб.

Список источников и литературы

1. *Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Мухьярова А. Р.* Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестник Угроведения. – 2017. – Т. 7. – № 4 (31). – С. 144–157.
2. *Абрамов И. В.* Кондинские котцы: этноэкологическое исследование запорного рыболовства в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 140–153.
3. *Абрамов И. В.* Кондинский котцовый лов – исчезающая традиция // Уральский следопыт. – 2019. – № 8. – С. 8–13. – Режим доступа: <http://www.uralstalker.com/uarch/us/2019/08/8/> (дата обращения 21.04.2020).
4. *Собольникова Т. Н., Кузина А. В.* Легендарные городки Нижней Конды: продолжение археологических поисков // Вестник угроведения. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 369–379.
5. Открытие легендарного городка Вош-Ега-Вош на Конде // YouTube. – Режим доступа: <https://youtu.be/tMyJPIcX348> (дата обращения: 12.05.2021).
6. Презентация стендовой выставки «Наследие Нижней Конды: по следам музейных экспедиций» // ВКонтакте. – Режим доступа: <https://vk.com/@-196695765-prezentaciya-stendovoi-vystavki-nasledie-nizhnei-kondy-po-sl> (дата обращения: 12.05.2021).

Абрамов Илья Викторович – научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Ш. К. Ахметова, И. В. Толпеко

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА КАЗАХСКИХ МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается возникшая в XXI в. традиция установки памятников казахами Омской области у старых аулов и кладбищ. В некоторых случаях в таких местах произошло формирование мемориально-культурных комплексов, которые можно интерпретировать как сакральные места. Анализируются причины неопределённого правового статуса этих объектов и возможности его изменения.

Ключевые слова: казахи; Омская область; историческая память; мемориально-культурные памятники; правовой статус.

Sh. K. Akhmetova, I. V. Tolpeko

TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF DETERMINING THE STATUS OF KAZAKH MEMORIAL AND CULT MONUMENTS OF THE OMSK REGION

The article deals with the tradition of the monuments installation by the Kazakhs of the Omsk region in the old villages and cemeteries that arose in the 20th century. In some cases, memorial and cult complexes, which can be interpreted as sacred places, were formed in such places. The reasons for the uncertain legal status of these objects and the possibility of changing it are analyzed.

Keywords: Kazakhs; the Omsk region; historical memory; memorial and cult monuments; legal status.

Научный интерес к изучению и осмыслению материального и нематериального культурного наследия в последние десятилетия неуклонно возрастает. Казахстанские учёные в рамках проекта «Сакральная география Казахстана» в результате архивно-библиографических и полевых изысканий создали реестр сакральных мест Казахстана [1]. Ещё в 2005 г. был составлен реестр казахских национальных памятников нематериального культурного наследия в Китае [2].

Материальные объекты, сопряжённые с исторической и социальной памятью народа, становятся своеобразными маркерами территорий с родовой памятью, объединяющей коллективную и индивидуальную память. В свою очередь, они являются основой социальной памяти в результате входящих в её структуру социокодов,

хранящих в коллективном сознании событийный, персонифицированный источник, наполненный энергетическим и сакральным смыслом [3, с. 69–70]. Изучая казахские кладбища, места старых аулов и памятные знаки на протяжении 20 лет, мы пришли к выводу, что в ряде случаев их можно с полным основанием считать мемориально-культурными комплексами и интерпретировать как сакральные места [4, с. 288–295]. В современных реалиях такие территории могут включать в себя самые разные погребальные, культовые, технические объекты. Однако главным аспектом остаётся сакральность этих мест, связанных с исторической памятью народа. Их отличает многокомпонентность, многофункциональность и ряд специфических черт [4, с. 295].

Сакральное пространство не возникает само по себе. Его появление зависит от многих объективных и субъективных причин. Нередко казахские некрополи обустраивали в непосредственной близости от могильников раннего железного века или средневековья, на ранее «сакрализованном» месте. Так, археологические памятники включались в сакральное пространство некрополя (или некрополь включался в их сакральное пространство). Подобные случаи нами были отмечены на кладбищах Сага Москаленского и Бес Калмак Русско-Полянского районов Омской области, старом кладбище аула Каржас в г. Омске и др. [5, с. 37; 6, с. 47–49].

Маркирующим сакральное пространство элементом у казахов Омской области на современном этапе стали памятники, устанавливаемые на кладбищах и местах бывших аулов. Эта традиция начала формироваться в регионе в начале XXI в. На сегодняшний день нами выявлено и зафиксировано более 50 подобных объектов. Малая родина (аул) и кладбище, где покоятся предки, являются для казахов сакральным пространством – местом источника силы. Через контакт со священным миром предков предоставляется возможность прикоснуться к высшему. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить массовую установку памятных знаков на местах исчезнувших аулов и родовых некрополях, инициируемую уроженцами аула. После возведения памятника проводится торжественное открытие, состоящее из религиозного и праздничного отделений, с участием представителей мечетей, местной и районной власти, СМИ, национально-культурных организаций, акиматов (региональных органов исполнительной власти в Казахстане) приграничных районов Казахстана. Памятники маркируют пространство как место

проведения ежегодного коллективного молебна – *дұға* (молитва – просьба).

Часто встречаются случаи объединения мемориальных сооружений с памятниками участникам Великой Отечественной войны – стелы аулов Жапыракты, Касым, Курман в Таврическом районе, Отын Уйген в Павлоградском районе и др.

На сакральной территории некрополей в различных регионах компактного проживания казахов Западной Сибири и Павлодарского Прииртышья проводят обряды вызывания дождя (*құрмалдық, тасаттық*) в засушливые летние месяцы.

В ходе Международных археолого-этнографических экспедиций Института археологии и этнографии СО РАН 2008–2011 гг., 2016–2018 гг. было выяснено, что мемориально-культурные комплексы казахов Омской области хорошо вписываются в понимание сакрального пространства и их роль в жизни населения в целом ясна. Однако правовой статус таких объектов остаётся неопределённым.

Памятник – это архитектурное или скульптурное сооружение в память или в честь какого-нибудь лица или события [7]. В рассматриваемом случае памятники в рамках формирования мемориально-культурных комплексов казахов Омской области устанавливаются как в честь конкретных людей (участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла), так и в память о малой родине, о предках. В России не существует общей регламентации для установки памятников. Любая административная единица (например, сельское поселение) в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и своим Уставом может принять Положение об установке памятников, мемориальных досок, и иных памятных знаков. Так, в г. Омске мероприятия подобного рода регламентируются в гл. 8.1. «Правил установки памятников, памятных знаков и мемориальных досок в городе Омске...» Решения Омского городского Совета [8]. Но такие положения определяют сооружение подобных объектов только непосредственно на территории поселения, а подавляющее большинство выявленных нами памятников располагается за пределами ныне существующих населённых пунктов, например, на землях сельскохозяйственного назначения.

Ни в одном случае при общении с информаторами нам не удалось выяснить, была ли как-то узаконена установка памятника. В администрациях различного уровня, в которые мы обращались, нам также не могли предоставить сведения о находящихся на территории их района подобных объектах. Вероятно, практически всегда они возводятся инициативным путём, минуя институты государственной власти. Соответственно, при необходимости узаконить такие объекты, их необходимо сначала найти. В ст. 16.1 «Порядка выявления объектов культурного наследия» Федерального закона № 73-ФЗ указано, что «работы по выявлению объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, за исключением объектов археологического наследия, могут осуществляться физическими или юридическими лицами самостоятельно в соответствии с государственными программами, а также по заказам физических или юридических лиц за счёт средств заказчика» [9]. В дальнейшем возможно включение их в реестр объектов культурного наследия. Согласно ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ, «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации ... относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, ...и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, ...этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [9]. Формально мемориально-культурные комплексы (включая памятники) казахов Омской области могут быть соотнесены с «объектами недвижимого имущества» с «исторически связанными с ними территориями», «возникшими в результате исторических событий» и «представляющими собой ценность с точки зрения истории ... этнологии или антропологии». По категории историко-культурного значения они могут быть отнесены либо к местному (муниципальному), либо региональному значению. По основной типологии – к памятникам истории и культуры. Однако для этого их необходимо перевести в категорию выявленных. Отдельного обсуждения относительно рассматриваемых объектов требует п. 12 ст. 18 Закона о том, что «В реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, со

времени возникновения или с даты создания которых либо с даты исторических событий, с которыми такие объекты связаны, прошло не менее сорока лет» [9].

Ранее в список культурного наследия Омской области входили многочисленные и самые разнообразные памятники истории: могилы известных людей, памятники, посвящённые погибшим в годы Гражданской и Великой Отечественной войны, различным историческим событиям и т. д. [10]. Но новый «Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» содержит гораздо меньшее количество объектов, они имеют другую нумерацию, и подобных памятников в нем пока практически нет [11].

Вопрос о принятии объекта в реестр решается, в первую очередь, путём проведения историко-культурной экспертизы (ст. 28 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ) [9]. Проведение этих работ предполагает оплату из государственных средств или из иных источников. Поэтому в ближайшем будущем мы вряд ли можем предполагать проведение таких работ относительно рассматриваемых нами памятников. В связи с этим необходимо сосредоточиться на научном изучении подобных объектов, ставших за последние два десятилетия неотъемлемой частью культуры казахского населения Омской области.

Список источников и литературы

1. *Байтанаев Б. А.* Сакральная география Казахстана: итоги и перспективы // Новости – Forbes Казахстан. – Режим доступа: http://forbes.kz/process/science/sakralnaya_geografiya_kazahstana_itogi_i_perspektivy/ (дата обращения: 20.02.2018).
2. *Балтабаева К. Н.* Нематериальное культурное наследие казахов Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики // Казахи Евразии: история и культура. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. – С. 58–68.
3. *Логунова Л. Ю.* Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2014. – № 379. – С. 69–75.
4. *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Мемориально-культурные комплексы как сакральное пространство в традиционной культуре казахов Омского Прииртышья // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2018. – № 3. – С. 288–295.
5. *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Казахские мемориальные комплексы юга Омской области // Казахи России: история и современность: в 2 т. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – Т. 2. – С. 36–44.

6. *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Особенности расселения казахского населения в Среднем Прииртышье // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. – Астана; Омск: «Enter Group», 2013. – С. 39–54.
7. Памятник // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/919814> (дата обращения: 10.05.2021).
8. Решение Омского городского Совета от 25.07.2007 № 45 (ред. от 10.04.2019) «О правилах благоустройства, обеспечения чистоты и порядка на территории города Омска» // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.omskgorsovet.ru/sites/default/files/documents/Publik_sluh/Решение%20ОГС%20от%2025_07_2007%20N%2045.pdf (дата обращения: 10.05.2021).
9. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 14.04.2021).
10. Омская область – полный список объектов // Архив культурного наследия – Омская область. – Режим доступа: http://nasledie-archive.ru/regs/reg_55_all.html (дата обращения: 19.04.2021).
11. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Открытые данные Министерства культуры России. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 19.04.2021).

Ахметова Шолпан Камалидиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Толпеко Ирина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Ф. А. Полчаева

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КОНСТРУИРОВАНИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В жизни современного человека социальные сети являются средоточием общественной жизни личности, включая общение, учёбу, профессиональную деятельность, ведение бизнеса и т. д. Настолько глубокое, всестороннее влияние на личность социальных сетей не могло не повысить интерес к феномену самой блогосферы, что сделало её объектом изучения различных дисциплин (социологии, социальной психологии, истории и др.). В данной статье автор рассматривает роль социальных сетей в развитии межнациональных конфликтов на бытовом уровне, а также изменение отношения к собственной культурной идентичности посредством социальных сетей. Автор пытается определить роль атрибуции в виртуальном общении, а также рассматривает феномен трибализма на национальной почве в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети; межнациональные отношения; атрибуция; трибализм.

F. A. Polchaeva

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN THE CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF INTERNATIONAL RELATIONS

Social networks are the focus of a modern person's social life, that includes communication, studying, professional activity, business, etc. Such a deep all-round influence on the personality could not but increase interest in the phenomenon of the blogosphere itself, which made it an object of study in various disciplines (sociology, social psychology, history, etc.). In this article, the author examines the role of social networks in the development of interethnic conflicts at the household level, as well as changing attitudes towards one's own cultural identity through social networks. The author tries to define the role of attribution in virtual communication and also examines the phenomenon of tribalism on ethnic grounds in social networks.

Keywords: social networks; interethnic relations; international relations; attribution; tribalism.

Всё больше исследователей из разных сфер науки (социологии, психологии, истории, политологии) изучают вопрос о роли социальных сетей в современном обществе. Мы также считаем эту тему заслуживающей особого внимания, и в её рамках рассмотрим роль социальных сетей в межнациональных отношениях. Для более полного раскрытия темы необходимо обосновать актуальность затра-

гиваемой проблемы для современной России, а также отметить особенности социальной коммуникации в интернете.

Примером важности развития межнациональных отношений является современная Россия. Практически беспрецедентная многонациональность и многоконфессиональность делает Российскую Федерацию, в числе прочего, любопытным объектом для исследования межэтнических отношений.

Несмотря на определяющую роль гражданской нации в наше время, этнос всё же остаётся значительным фактором в общественной жизни и в государственной политике. А потому межнациональное общение выступает в России как социальная потребность общества. Межнациональные отношения – это отношения между народами, их взаимодействие в различных сферах жизни и на уровнях от личного контакта до государственных масштабов. Их составной частью является межнациональное общение, в ходе которого происходит обмен чувствами, эмоциями, информацией и прочим.

Многочисленные исследования убедительно показывают, что результаты этих контактов зависят от способности участников вести друг с другом продуктивный диалог. А с этим порой возникают сложности, поскольку культура межнационального общения не является застывшим образованием, а обладает определённым динамизмом, где уровень динамики определяется частотой и глубиной межнациональных отношений. Мы можем знать о национальных танцах или национальной кухне, но в недостаточной степени осознавать различия в культуре общения и менталитете другого этноса. Отсюда следует неизбежность межнациональных конфликтов. Показательным примером является случай, произошедший в 2016 г. в Элисте (Республика Калмыкия). Во время пребывания в городе спортсмен из Республики Дагестан проявил неуважение к религиозному символу буддизма, который исповедует большая часть местного населения, из-за чего возник серьёзный конфликт, вызвавший общественный резонанс [1]. Этот пример является также показателем того, что межэтнические отношения не существуют «в чистом виде», а составляют комплекс политических, социальных, религиозных и других аспектов [2, с. 97].

Конечно, государство старается повысить культуру межнационального общения населения, что отражается в законодательстве и проявляется в государственной политике, а также в проведении таких мероприятий, как «Большой этнографический диктант»

(с 2016 г.), призванных осуществлять мониторинг уровня вовлеченности населения в национальную культуру [3, с. 177].

Но остаётся сфера общественной жизни, которая слабо поддается регулированию и контролю. Это социальные сети, уже ставшие феноменом общественной жизни. Социальные сети можно назвать саморегулирующейся социальной системой, выполняющей функции информирования, социализации, инкультурации. Блогосфера не является изолированным виртуальным миром; всё, что происходит в сети, оказывает прямое влияние на отношения в реальном мире, и наоборот.

Блогосфера в социальных отношениях предстаёт как в позитивном, так и в негативном ключе. В современных условиях «самоизолированного» мира значение социальных сетей значительно увеличилось. На многие месяцы они стали средоточием социальной жизни огромного количества людей, что продемонстрировало их высокую ценность для общества. Среди положительных сторон социальных сетей, благотворно влияющих на культуру межнационального общения, отметим:

- неисчерпаемый информационный ресурс о различных культурах, народах;
- коммуникативные возможности, т. е. налаживание прямой связи с представителями других народов;
- возможность организации мероприятий, способствующих развитию культуры как отдельных личностей, так и социальных групп.

Социальные сети влияют также на динамику межнациональных отношений. Мир всегда был полиэтничен и поликультурен, но народы при этом были изолированы друг от друга. Со временем это менялось, а появление интернета создало возможность для регулярности таких контактов и на бытовом уровне. А вместе с этим увеличило потенциально конфликтные ситуации. Конфликты, возникающие в социальной сети, относят к неконвенциональным – нетрадиционным конфликтам.

Существует деление культуры межнационального общения на две стороны: внешнюю и внутреннюю. Внутренняя сторона – это моральная направленность в общении с представителями иного этноса. Внешняя сторона культуры межнационального общения – это культура манер, движений, интонации голоса, мимики и т. д. Неумение пользоваться положительными потенциями и найти общий язык – это своего рода тупик, который озлобляет человека и создаёт

полосу отчуждения между ним и окружающими людьми. Такое происходит как при реальном общении, так и при коммуникации в сети. Обособление социальной группы, выделившейся по национальному или иному признаку, получило название трайбализма. Несмотря на всю кажущуюся открытость блогосферы, она является благодатной почвой для такого рода обособлений.

Хотя в межнациональном общении внутренняя сторона играет определяющую роль, внешняя сторона в контексте общения в социальных сетях может выступать как доминирующая. При виртуальном общении предполагаются только вербальные средства, тогда как невербальные сигнализируют нам о настроении собеседника, его расположении и даже истинном смысле слов. Когда человек не видит собеседника, он на подсознательном уровне «додумывает» ту информацию о нём, которой ему не хватает. Этот феномен объясняется теорией атрибуции, изучающей проблемы восприятия и интерпретации социального поведения. Распространённой причиной конфликта является фундаментальная ошибка атрибуции – чужие поступки объясняются личностными особенностями, а свои – внешними обстоятельствами (внешняя диспозиция). Иначе говоря, люди приписывают собеседнику те качества, которые им кажутся подходящими, и часто воспринимают прочитанное в негативном ключе, не имея на то достаточных оснований, основываясь на своём состоянии в конкретный момент.

Необходимо отметить также то, что половина межнациональных контактов в сети происходит не в личной переписке, а в публичном поле (комментариях, обсуждениях). Конфликтность здесь, как правило, ещё выше. Это объясняется тем, что при личном общении люди больше сосредоточены на собеседнике, а само общение подразумевает некий контекст, понятный обоим. Комментарии же под постами и записями из-за своей сиюминутности формируют у людей некоторое чувство безнаказанности. Сравнить это можно с ситуациями, когда человек находится среди знакомых людей и когда его окружают незнакомцы, с которыми ему «нечего делить». В таких случаях нередко общение переходит в кибербуллинг (от англ. *bullying* – травля, агрессивное преследование). Этому способствует также анонимность в социальных сетях, которая делает конфликты уникальными. Разжигание межнациональной и межконфессиональной розни в реальной жизни при доказанном составе преступления наказывается по закону. Здесь же доказать вину, вы-

явив состав преступления, по большей части невозможно. Однако отмечена позитивная тенденция борьбы с кибербуллингом со стороны руководства социальных сетей, применяющих различные методы выявления и наказания нарушителей. Кратко охарактеризуем наиболее популярные в России социальные сети: Telegram, Facebook, VKontakte. Каждая обладает своими особенностями и аудиторией.

В «Телеграмме» преобладает новостной контент самой разной направленности, а также каналы созданные «по интересам», в том числе по территориальному признаку (региональные или муниципальные новости), религиозному и национальному. «Телеграмм» позиционируется как последняя площадка «свободной прессы», поскольку новостные каналы, являющиеся основным контентом данной сети, ведутся независимыми журналистами, а порой и вовсе любителями. Это имеет как свои плюсы, так и минусы. Информация здесь может преподноситься в «удобном» для автора контексте с привлечением субъективных комментариев. Таким образом, авторитетные каналы, имеющие большую аудиторию, способны формировать мнения.

Значительным плюсом данной платформы является то, что большинство каналов являются открытыми и не создают закрытых сообществ по определённому критерию. Вместе с тем, данная сеть практически не имеет системы контроля над контентом.

Иной характер имеет первая социальная сеть с широкой географией распространения – «Facebook». Её главной целью является налаживание контактов и коммуникация. Аудитория «Facebook» более взрослая, а сама сеть более структурированная: велико количество официальных страниц корпораций, фирм, научно-исследовательских институтов, артистов и т. д. В сети ведётся активная научная деятельность; она является площадкой для обмена опытом и исследовательскими результатами между представителями региональных институтов России и зарубежных стран.

Одна из наиболее популярных и наименее контролируемых сетей – «VKontakte», основной аудиторией которой является молодёжь. Отсюда и наибольшее число конфликтов. Ведь для цивилизованного межнационального диалога необходимо, в первую очередь, осознание собственной культурной идентичности и позитивная этническая идентичность (толерантное отношение к другим этническим группам), чего молодым людям часто не хватает. Для борьбы с оскорблениями и кибербуллингом пользователям платформы пре-

доставлена возможность «жаловаться» на определённый комментарий или отдельного пользователя, а также на контент какой-либо группы. За нарушение правил сети руководство отдельных сообществ или администрация социальной сети могут заблокировать пользовательский аккаунт, публичную страницу сообщества и прочее.

Высокая конфликтность в сети связана также со стигматизацией (навешиванием определённых ярлыков) некоторых наций (особенно – национальных меньшинств), что находит своё выражение в использовании так называемых «мемов». Сами социальные сети являются, в таком случае, только ретранслятором существующей проблемы.

Высокая конфликтность в социальных сетях объясняется следующими факторами:

- 1) проблема атрибутивного восприятия собеседника;
- 2) преобладание исключительно вербального общения в сети, что ограничивает проявления внешней культуры общения;
- 3) поверхностность и сиюминутность формируемых связей;
- 4) отсутствие структурированной системы, реально действующих наказаний за неприемлемый контент и кибербуллинг.

Однако перечисленные факторы лишь повышают потенциал конфликтности межнационального общения. Причины его гораздо глубже. В данном контексте приведём концепцию М. Гектера о «внутреннем колониализме», в которой он обосновал «триадную модель» возникновения этнополитической напряжённости [4, р. 163; 5, с. 389]:

- 1) конфликтогенную по своей природе объективную обделённость этнических периферий многонационального государства из-за неравномерной модернизации;
- 2) осознание этими группами своей обделённости;
- 3) формирование этнонационализма как реакции на «внутренний колониализм» центра.

Применимы ли элементы триады М. Гектера к современным российским реалиям – вопрос спорный и зависит от восприятия конкретного субъекта. Неравномерная модернизация в современном мире предполагает также традиционализм некоторых национальных регионов, сохраняющийся во многом как ответ на интегративные тенденции XXI в. и выражающийся порой в довольно активной форме. Рассмотренный нами выше феномен трайбализма достаточно прочно создаёт устойчивое чувство отчуждённости

у субъекта. А большая территория российского государства формирует у жителей периферии мнение о том, что «центр» не имеет представления о проблемах местного характера и, более того, ими не интересуется.

Подводя итог, отметим, что с глобализацией и информатизацией современного мира межэтнические связи усилились, и картина мира людей стала более гибкой. Во многом этому способствовали социальные сети, ставшие важным феноменом общественной жизни. По аналогии с любым институтом социальной жизни, блогосфера может как развивать, так и разрушать социальные связи. И в числе прочего она несёт функцию ретранслятора социальных проблем, в том числе – сложностей межнациональных отношений, лежащих гораздо глубже самой блогосферы.

Таким образом, социальные сети нуждаются в регулировании и мониторинге публичной информации, но не должны рассматриваться как единственный источник межнационального конфликта, поскольку такая позиция мешает увидеть настоящую первопричину проблемы.

Список источников и литературы

1. В Элисте борца осудили за осквернение статуи Будды // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/07/28/reg-ufo/v-eliste-vynesen-prigovor-borcu-za-oskvernenie-statui-buddy.html> (дата обращения: 27.04.2021).
2. *Журавлева Е. А., Шалин В. В.* Толерантность и культура межнационального общения: учебно-методическое пособие. – М.: Карьера, 2009. – 308 с.
3. *Воронцов В. С., Касимов Р. Н., Черниенко Д. А.* Итоги большого этнографического диктанта. // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2017. – С. 176–183.
4. *Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. – London: University of California Press, 1975. – 361 p.
5. *Василик М. А.* Политология. – М.: Гардарики, 2007. – 588 с.

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала)

С. А. Рахимов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МНОГОСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

В статье анализируются формирование и развитие культурного сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств. Автором раскрываются основные направления взаимодействия стран-участниц в сфере культуры, способствующие уважению к истории, традициям и культурам народов СНГ. Рассматривается роль и значение межкультурного диалога в обеспечении стабильности и устойчивого развития нового объединения на постсоветском пространстве и участие Узбекистана в данном процессе.

Ключевые слова: СНГ; объединение; глобализация; интеграция; гуманитарное сотрудничество.

S. A. Rakhimov

INTERACTION OF CULTURES AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF MULTILATERAL RELATIONS IN THE CIS SPACE

The article analyzes the formation and development of cultural cooperation within the framework of the Commonwealth of Independent States. The author reveals the main directions of the participating countries interaction in the field of culture, contributing to respect for the history, traditions and cultures of the CIS peoples. The role and importance of intercultural dialogue in ensuring stability and sustainable development of a new association in the post-Soviet space and Uzbekistan's participation in this process are considered.

Keywords: CIS; unification; globalization; integration; humanitarian cooperation.

В современном мире процессы глобализации приобретают всеохватывающий характер и имеют своё влияние на преобразование существующего миропорядка, изменения в политической, экономической, социальной и других сферах государства, а также расширение взаимосвязей между различными странами и регионами. В этих условиях огромную стабилизирующую роль играет культурно-гуманитарное сотрудничество, способствующее развитию отношений между странами, сохранению национально-культурных и духовных ценностей, развитию научно-образовательных возможностей.

За годы независимости Узбекистан, определяя направления и приоритеты в международных отношениях, выработал собственные пути интеграции в общемировые процессы и сегодня, будучи

полноправным членом многих влиятельных международных организаций, в целях обеспечения стабильности и устойчивого развития Центральноазиатского региона осуществляет активное сотрудничество как на региональном, так и на глобальном уровнях. При этом, наряду с сотрудничеством в политической и экономической сферах, Узбекистан в международных отношениях особое значение придаёт культурно-гуманитарному взаимодействию, ярким подтверждением которого является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в данной сфере в рамках созданного в декабре 1991 г. на постсоветском пространстве нового объединения – Содружества Независимых Государств (СНГ), соучредителем которого была и Республика Узбекистан.

Следует отметить, что с образованием Содружества развитие взаимодействия в гуманитарной сфере между государствами-членами было выдвинуто в число приоритетных задач. Так, например, в принятом в 1993 г. Уставе Содружества, являющимся одним из основополагающих правовых актов, в числе основных целей объединения были определены осуществление сотрудничества в экологической, гуманитарной, культурной и иных областях [1].

Рассматривая расширение гуманитарного сотрудничества в качестве одного из важнейших факторов развития в экономической, политической, социальной и других сферах деятельности, между государствами-членами были налажены различные механизмы взаимодействия в области культуры и искусства, науки и образования, туризма и других направлениях, являющиеся важнейшими компонентами процесса развития межгосударственных отношений.

Важное место в сфере гуманитарного сотрудничества в рамках СНГ занимает межкультурный диалог, который объединяет разные народы через проекты и программы, реализация которых способствует уважению к истории, традициям и культурам стран-участниц, и в этом плане он представляет большой интерес и для Узбекистана. Базовым документом, определяющим основные направления взаимодействия стран СНГ в области культуры, является подписанное в Ташкенте Соглашение о сотрудничестве в области культуры (1992 г.) [2, л. 143–144], в соответствии с которым было предусмотрено создание странами-участницами благоприятных условий для развития культурного обмена в области театрального, музыкального, изобразительного и других видов искусства, охраны и рационального использования объектов культурно-исторического насле-

дия и других видов культурной деятельности на пространстве объединения. А для осуществления координации совместной деятельности государств-членов в области культуры и содействия развитию межкультурного диалога в 1995 г. был основан Совет по культурному сотрудничеству государств-участников СНГ.

Одним из крупнейших мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества на пространстве объединения являются проводимые с 2006 г. ежегодные форумы творческой и научной интеллигенции стран Содружества, которые охватывают различные тематические направления (образование, наука, культурное наследие, книгоиздание, театр, кино, музыка и др.). Для каждого форума, исходя из актуальности и востребованности различных проектов, определяется его основная тема. Так, например, состоявшийся в мае 2019 г. XIV Форум творческой и научной интеллигенции стран СНГ, собравший более 200 делегатов из государств объединения, в том числе и из Узбекистана, был проведён на тему «Общее гуманитарное пространство Содружества: диалог в сфере культуры, науки, образования». В ходе работы форума участниками были обсуждены вопросы развития взаимоотношений в области науки и образования, были подняты темы актуализации материального и духовного наследия в современных условиях, формирования многоканальных информационных связей, творческих обменов, реализации совместных исследовательских проектов, сохранения и продвижения традиционной книжной культуры в эпоху цифровизации, формирования медиаграмотности [3] и др.

Можно отметить, что встречи представителей культуры, науки и образования в рамках Форума творческой и научной интеллигенции открывают широкие возможности прямого общения по многим важным направлениям жизни народов СНГ, а также вносят весомый вклад в развитие культурно-гуманитарного взаимодействия стран-участниц.

Важнейшими направлениями практического взаимодействия и обмена опытом на пространстве Содружества остаются музыкальное, изобразительное, кино- и театральное искусства, способствующие распространению знаний о культуре разных народов, а также укреплению дружбы и добрососедства. В этом контексте необходимо отметить успешно проводимые на регулярной основе в странах объединения такие международные мероприятия, как ежегодный открытый фестиваль кино стран СНГ и Балтии «Кино-

шок», музыкальный фестиваль «Шарк тароналари» («Мелодии Востока») в Узбекистане, фестиваль искусств «Бердэмлек – Содружество» в России, кинофестиваль «Евразия» в Казахстане, театральный фестиваль «Арт-Ордо» в Кыргызстане, фестиваль кукольных театров «Чодари хаел» в Таджикистане и др. Проведение подобных мероприятий является уникальной возможностью объединить на одной площадке творческие коллективы разных государств и продемонстрировать достижения, отражающие уникальный национальный колорит каждой из стран, а также содействует взаимообогащению национальных культур.

Важное место в расширении взаимодействия в сфере культуры и укреплении взаимного уважения к историко-культурному наследию народов стран СНГ занимает проведение широкого круга мероприятий (фестивали, выставки и конкурсы, форумы, концерты и др.) в рамках Дней культур и Года одной из стран СНГ в других странах Содружества (только в 2017-2019 гг. были проведены День культуры Узбекистана в России и Таджикистане, День культуры Таджикистана в Узбекистане, Год Узбекистана в Казахстане и др.). В развитии межкультурного диалога хорошо зарекомендовала себя также практика объявления тематических гуманитарных годов на пространстве СНГ. Так, 2016 г. был Годом образования, 2017 г. – Годом семьи, 2018 г. – Годом культуры, 2019 г. – Годом книги, 2020 г. – Годом Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 2021 г. объявлен Годом архитектуры и градостроительства.

Значимыми событиями в межкультурных связях Узбекистана со странами СНГ также являются открытия памятников великому узбекскому поэту и мыслителю Алишеру Навои в Москве (2002 г.) и Душанбе (2018 г.), великому казахскому поэту и мыслителю Абаю Кунанбаеву (2013 г.) и туркменскому поэту Махтумкули в Ташкенте (2017 г.), выдающему представителю таджикской литературы Абдурахману Джамии в Самарканде и великому кыргызскому писателю Чингизу Айтматову в Ташкенте (2018 г.), белорусскому писателю, поэту и общественному деятелю Якубу Коласу в Ташкенте (2018 г.) и др.

Как уже отмечалось, в обеспечении стабильности и устойчивого развития любого государства, наряду с общественно-политическим состоянием и экономическими ресурсами, немаловажное значение имеет духовно-культурное состояние общества. С образованием СНГ, признавая равное достоинство национальных культур всех

народов, стремясь способствовать их взаимообогащению при уважении самобытности каждой из них, а также выражая стремление к укреплению дружеских связей между странами Содружества, 15 мая 1992 г. правительства государств-членов договорились, что будут содействовать созданию и деятельности национальных культурных центров и других общественных организаций народов и народностей, не имеющих своего государства или проживающих вне своих национально-государственных образований, оказывать им методическую, консультативную помощь и практическую поддержку [2, л. 143–144].

В Узбекистане, где сегодня проживают представители более 130 наций и народностей, одним из важнейших приоритетов государственной политики является развитие культуры толерантности и гуманизма, укрепление межнационального и межконфессионального взаимопонимания, а также расширение культурных и образовательных связей с зарубежными странами. Правовой основой обеспечения межнационального мира является Конституция Республики Узбекистан, в которой указано: «Народ Узбекистана составляют граждане Республики Узбекистан независимо от их национальности»; «Все граждане Республики Узбекистан имеют равные права и свободы и равны перед законом без различия пола, расы, национальности, языка, религии, социального происхождения, убеждений, личного и общественного положения» [4, с. 12].

Ведущую роль в сохранении истории, культуры, духовных ценностей, традиций и обычаев всех наций, народностей и этнических диаспор Узбекистана, гармонизации межнациональных отношений, развитию дружественных отношений и культурно-духовных связей со странами СНГ и другими государствами, а также в налаживании тесных отношений с соотечественниками за рубежом играют 138 национальных культурных центров и 34 общества дружбы [5], практическую и методическую помощь в организации деятельности которых осуществляет Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете министров Республики Узбекистан.

Коллективы художественной самодеятельности Азербайджанского, Армянского, Башкирского, Белорусского, Казахского, Кыргызского, Русского, Таджикиского, Татарского, Туркменского, Украинского и других национальных культурных центров принимают активное участие в проведении республиканских и региональных

(областных, районных) праздников. Отмечаются дни соответствующих национальных праздников, организуются фестивали, художественные выставки, посвящённые выдающимся деятелям культуры и искусства каждого народа. Проводятся мероприятия по укреплению сотрудничества национально-культурных центров с посольствами и дипломатическим корпусом, работающими в Узбекистане.

Более того, в государственных образовательных учреждениях Узбекистана действуют общеобразовательные школы и классы с углублённым изучением многих языков стран СНГ. На 10 языках, в том числе на языках стран Содружества, таких, как казахский, кыргызский, русский, таджикский, татарский, туркменский, транслируются теле- и радиопередачи, а также издаются газеты и журналы. В системе высшего образования республики функционируют факультеты и группы с обучением на многих языках стран Содружества. В частности, во всех узбекских вузах русский язык преподаётся в качестве обязательного учебного предмета, а в отдельных вузах функционируют группы с обучением на казахском (Каракалпакский, Гулистанский, Джизакский госуниверситеты, Ташкентский педуниверситет, Навоийский и Нукусский пединституты), на таджикском (Самаркандский и Термезский госуниверситеты), на туркменском (Каракалпакский госуниверситет), на кыргызском (Андижанский госуниверситет) языках [6, с. 221–222].

Таким образом, можно отметить, что сформированный в рамках Содружества диалог между культурами в целом развивается по всем направлениям и содействует укреплению отношений дружбы и добрососедства, углублению взаимопонимания между народами, а также способствует поддержанию стабильности и устойчивого развития в межгосударственных отношениях. В основе многосторонних и двусторонних связей между странами СНГ лежат глубокие исторические корни и богатое культурно-духовное наследие, наличие сформировавшихся между гражданами на постсоветском пространстве дружественных и родственных отношений и отсутствие языковых препятствий между ними, что способствует взаимному духовному обогащению, придаёт народам, живущим на пространстве СНГ, чувства открытости, стимулирует партнёрство и поддерживает стабильность в межнациональных отношениях, а также создаёт благоприятные условия для развития туризма.

Список источников и литературы

1. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <http://www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=187> (дата обращения: 21.02.2021).
2. Соглашение о сотрудничестве в области культуры (1992 г.) // Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. М-37. Оп. 2. Д. 42. 358 л.
3. В Ашхабаде завершил работу XIV Форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ // Сайт Исполнительного Комитета СНГ. – Режим доступа: www.cis.minsk.by/news/11189/v-ashabade-zaversil-rabotu-xiv-forum-tvorceskoj-i-naucnoj-intelligencii-gosudarstv-ucastnikov-sng (дата обращения: 12.03.2021).
4. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент: «Узбекистан», 1992. – 48 с.
5. Указ Президента Республики Узбекистан от 19 мая 2017 г. № УП-5046 «О мерах по дальнейшему совершенствованию межнациональных отношений и дружественных связей с зарубежными странами» // Народное слово». – 2017. – 23 мая. – № 101 (6765).
6. Новейшая история Узбекистана. – Ташкент, 2020. – 512 с.

Рахимов Садриддин Акрамович – доктор философии (PhD)
по историческим наукам, старший преподаватель
Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана
(Ташкент, Узбекистан)

Р. М. Ковалева

КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ ФОЛЬКЛОРА

В статье обосновывается концепция поля фольклорной словесной культуры как системы традиционных и нетрадиционных жанров.

Ключевые слова: жанр; экстражанр; квазижанр; инфражанр; метажанр; жанровая картина мира.

R. M. Kovaliova

CLASSIC AND NON-CLASSIC FOLKLORE GENRES

The article substantiates the concept of the folklore verbal culture field as a system of traditional and non-traditional genres.

Keywords: genre; extragenre; quasigenre; infragenre; metagenre; genre picture of the world.

Фольклор – сложное, масштабное, живое и до конца не изученное явление. Сохраняет актуальность озвученное В. Я. Проппом определение фольклорного жанра как совокупности «произведений, объединённых общностью поэтической системы, бытового назначения, форм исполнения и музыкального строя» [1, с. 46]. Реально фольклор бесконечен, и эта бесконечность процесса образует тот фон, на котором, с одной стороны, вырисовываются вполне определённые жанры, с другой – трудноуловимые жанроподобные формы, с третьей – квазижанры, чей вербальный облик при постоянстве тем текуч и единичен, с четвертой – обломки древних структур, наполненные новым содержанием. Осознавая это, фольклористы обрекают себя на вечную погоню за горизонтом, но в этой незавершённости научного поиска и состоит его притягательность.

Всякое движение – верное или ошибочное – влечёт за собой следующий шаг, но сбрасывать со счетов филологическую фольклористику, как это пытаются делать некоторые «реформаторы», рано. Представляя традиционный фольклор в качестве всего лишь одного из явлений «нематериальной культуры», они тем самым, вольно или невольно, нивелируют важность исследования его духовной составляющей и закрывают перспективы изучения фольк-

лора как движущейся во времени, меняющей свои очертания системы жанров, метажанров, экстражанров, квазижанров, жанровых видов и разновидностей, погруженных в стихию народной поэтической речи. Между тем именно филологическая фольклористика является ядром интегративной фольклористики (см. [2]). В её рамках доказала свою эффективность модель феноменологического анализа жанрового массива, согласно которой фундаментом для выстраивания жанровой картины мира является триада *жанровое сознание – жанровое мышление – жанрово маркированные произведения*. Соответственно, жанровая картина мира предстаёт как третья моделирующая система в соотношении с первой – языком и второй, в качестве которой выступает художественная речь, создающая образ художественного мира произведений [3, с. 7–8].

У фольклора сложные отношения со временем. Кажется, что именно время несёт его на своих лёгких крыльях, но оно же поглощает не только отдельные произведения, но и целые жанры, от которых иногда остаются неясные следы и воспоминания. Время донесло до нас древнейшие праздники и обряды предков белорусов в единстве акциональной и словесно-музыкальной сторон. Их и теперь можно наблюдать в живом бытовании: таковы, например, обряд вождения Куста, вождения «Стрелы», колядования, закликания весны, Купалье и т. д. Вместе с тем в белорусском фольклоре обнаруживается ряд лакун. Одна из них – на месте оригинальной обрядности «Комоедица», посвящённой весеннему выходу медведя из берлоги. Путём ревитализации удалось заполнить лакуну, образовавшуюся после исчезновения уникального обряда вождения Маи, и только потому, что энтузиасты нашли трёх последних пассивных носительниц традиции и переняли от них песню о Мае. После Великой Отечественной войны на Гомельщине частично исчез обряд «Проводов русалки», и только в памяти одной из женщин старшего поколения сохранилась игра в русалку, которую она ребёнком, сидя за брёвнами, наблюдала в довоенные годы.

По-настоящему пространство фольклорной традиции и новаций стало осмысливаться только в последние 25–30 лет в связи с расширением научных информационных горизонтов. Для самих носителей фольклора он по-прежнему оставался реальной частью их жизни, естественным хранителем нравственных и эстетических смыслов, вечно возрождающихся и неистребимых. Однако со стороны видно, насколько фольклор беззащитен перед техногенными

катастрофами, ведущими за собой катастрофы антропогенные, когда исчезают целые поселения, а с ними неповторимые локальные культуры. Что случается, когда уходит фольклор – носитель эстетически организованного национального языка? Об этом – книги Василя Литвинко «Фальклор і этнакультура Чарнобыля» (2006) и Геннадия Лопатина «Варвара Грэцкая як з’ява беларускай народнай культуры» (2015). Сегодняшние мы должны четко понимать, какое эстетическое богатство получили в наследство от предков, чем владеем, насколько бережно к нему относимся и как изучаем.

Продолжая опираться только на традиционный фольклор, исследователи рискуют упустить из виду феноменологический базис современного носителя как самого фольклора, так и знаний о нем. Мы имеем в виду знания о фольклоре тех лиц, которые в силу ограниченных художественных способностей являются заинтересованными свидетелями исполнительских актов, но не их активными участниками. Их рассказы о местной фольклорной традиции не менее важны для науки, чем записи самих фольклорных произведений.

В фольклористике Белорусского государственного университета жанрология стала объектом особо пристального внимания в нулевые годы в связи с расширительным пониманием фольклора. Мы пришли к выводу, что даже при несовпадении или частичном совпадении терминологических систем корпус традиционных жанров любого национального фольклора опирается на *ограниченное* количество базовых форм и в основном типологически соответствует общемировому.

При обращении к песенному творчеству нетрудно заметить, что его *жанровые классы* носят интернациональный характер. Всюду обнаруживаются классы обрядовых и внеобрядовых песен. Совпадают определённые *жанровые виды*. Так, в частности, календарно-обрядовые и семейно-обрядовые песни свойственны не только славянам и не только индоевропейцам, а фольклору самых разных народов. Национальная специфика жанровой системы начинается с уровня *жанровых разновидностей*, той конкретики, на фоне которой хорошо видны лакуны и безэквивалентные явления. Например, белорусским родильно-крестильным (радзінна-хрэсьбінным) песням соответствует лакуна в русском семейно-обрядовом фольклоре, а русским вьюнишным и подблюдным песням – лакуна в белорусском фольклоре. Насколько оригинальны полесские кус-

товые песни, белорусские волочебные, купальские и, в особенности, жнивные песни, настолько своеобразны русские майские, южнославянские додольские, кралицкие и божичные песни, которым нет аналогов в белорусском фольклоре. Примеры можно продолжать, они хорошо известны исследователям.

Обратившись к фольклорной прозе, мы обнаружим в ней ту же картину, что в фольклорной лирике. Достаточно выразительно выделяются *классы* сказочной и несказочной прозы. Разумеется, вполне обоснованными представляются аргументы ряда фольклористов, отрицающих научность классификации, базирующейся на принципе негации типа обрядовые – внеобрядовые песни, сказочная – несказочная проза, однако такова давняя традиция, которая пока остаётся востребованной.

В свою очередь данные классы фольклорной прозы включают ряд *жанров*. Безусловно, интернациональным жанром является сказка. Какие бы термины ни существовали для обозначения сказки в разных национальных традициях, как бы ни отличались сюжеты и содержание этнических сказок, в них всегда можно обнаружить общие жанрообразующие черты. Это та неподвижная точка классификации, в соответствии с которой выделяются базовые *жанровые виды* – сказки анималистические, волшебнo-фантастические, реалистические («жизнеподобные»), а также модифицированные и интегративные формы – сказки мифологические, легендарные, анекдотические и др.

Наравне с *нарративной* прозой – сказками, легендами, быличками (бел. прымхліцы) и другими жанрами – в рамках фольклорной культуры существует обширный пласт *дискурсивной* прозы. Она состоит из не поддающегося учёту количества ситуативных многообразных текстов, которые не укладываются в систему классификации традиционных жанров, хотя и принадлежат к традиционному фольклору. Не остаётся ничего иного, как отнести их к *экстражанрам* (лат. *extra* – сверх, вне), *квазижанрам* (лат. *quasi* – как бы), *инфражанрам* (лат. *infra* – под). Если выделить их как отдельную систему, то в таком случае вместе с системой традиционных жанров мы получим объёмное представление о поле фольклорной словесной культуры. Нетрудно увидеть общее свойство экстражанров, квазижанров и инфражанров: они качаются на волнах жизненных ситуаций и ситуативной речи, так что не всегда можно сказать, с чем мы имеем дело.

Затрагивая проблему классификации фольклорных жанров, В. Я. Пропп уточнил, что она должна опираться на тот или иной принцип, но никак не на несколько принципов сразу. Данной научной логикой мы руководствовались при выделении экстражанров. Показатели экстражанров – доминантные структурно-функциональные параметры, в соответствии с которыми они идентифицируются и классифицируются. Как правило, экстражанры фиксируются в виде примет, поверий, оберегов, гаданий, расшифровки снов и т. д. Их естественную форму можно только предполагать – настолько она непредсказуема; в лучшем случае – реконструировать ситуацию, в которой экстражанр актуализируется. Не секрет, что экстражанры приобретают структурированную форму в процессе общения информанта с собирателем, но это их искусственная версия. То же самое касается квазижанров, предстающих в виде тематических дискурсивных блоков. Используя лингвистический термин, можно сказать, что квазижанры – это *метаязык*, с помощью которого информанты производят знания о себе и о своей, местной, культуре, по просьбе собирателей рассказывают о фольклорно-мифологическом или сугубо бытовом явлении. Таким образом, если зафиксирован аутентичный рассказ, учёные получают сведения о календарных и семейных праздниках и обрядах, мифологических и народно-христианских представлениях, магических практиках из «первых рук», как было в случае с упомянутой выше Варварой Грецкой, последней исполнительницей обряда вождения и захоронения «стрелы». В иных случаях это более или менее достоверный пересказ собирателя. Инфражанры (слухи, толки, сплетни, молва) сопровождают всю коммуникативную историю человечества. Они являются важными предшественниками исторических и топонимических легенд.

Фольклористы предпочитают делать вид, что категория «фольклорный жанр» в достаточной мере разработана, вопрос о жанре изжил себя и не стоит ломиться в открытую дверь. Так ли это? Один пример. За пределами прежних терминологических споров оставалась и по сей день остаётся проблема определения некоторых комплексов, представляющих собой не жанр, не вид, тем более не род, а скорее *метажанр*. На наш взгляд, такими метажанрами являются хороводные и балладные песни.

Мы вовсе не ставим целью ревизию жанра как такового, традиционно понимая под жанром типологию – совокупность фор-

мальных и содержательных особенностей ряда произведений, которые в реальности могут значительно отличаться друг от друга, что не мешает рассматривать их в контексте определённого жанра, его видов и разновидностей. Вместе с тем мы посчитали возможным, используя понятие «метажанр», обратить особое внимание на наджанровые историко-типологические группы.

Даже в пространстве белорусской фольклористики начинает вызывать интерес городской фольклор и мультимедийное народное творчество в интернет-коммуникациях. Однако пока не заметно, чтобы поиски адекватных терминов для их обозначения шли столь интенсивно, как, например, в российской науке, оперирующей рядом терминов, среди которых – «медиафор», «фолькнет», «нетфор», «нюсфор», «киберфольклор» и др.

Всё познаётся в сравнении. И эту истину никто не отменял. Новое и старое сравниваются друг с другом, взаимно высвечивают друг друга, тем самым приближая нас к пониманию таинственных законов свободного художественного творчества. А что может быть интереснее?

Список источников и литературы

1. *Протт В. Я.* Фольклор и действительность. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. – 325 с.
2. *Ковалева Р. М.* Актуальные вопросы фольклористики как интегративной дисциплины. – Минск: БГУ, 2020. – 151 с.
3. *Ковалева Р. М., Лук'янава Т. В.* Жанравы код фальклорнай карціны свету: няказкавая проза, дзіцячы фальклор, загадкі, казкі. – Мінск: Белпринт, 2012. – 122 с.

Ковалева Римма Модестовна – кандидат филологических наук, доцент, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Р. Ю. Федоров

**ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ НАРОДНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ
ТРАДИЦИЙ В ПЕРИОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПОТРЯСЕНИЙ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ)**

Белорусские крестьяне-переселенцы конца XIX – начала XX вв. привнесли на территорию Сибири ряд характерных для мест их выхода народных православных традиций. В период таких социальных потрясений XX в., как политика атеизма, коллективизация и Великая Отечественная война, некоторые из этих традиций приобрели новые специфические контексты актуализации при сохранении их внешних аутентичных форм. К ним можно отнести возникновение новых патрональных качеств почитаемых в народе святых, изменение круга ситуаций, в которых совершались действия по обету, коллективные молебны и крестные ходы, появление сюжетов о «наказании свыше» за отречение от православной жизни, разрушение храмов и т. д.

Ключевые слова: народные православные традиции; белорусские крестьяне-переселенцы; Сибирь; социальные потрясения XX в.

R. Yu. Fedorov

**FEATURES OF THE FOLK ORTHODOX TRADITIONS
ACTUALIZATION DURING THE PERIODS OF SOCIAL CATAclysms
OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY (ON EXAMPLE
OF BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS IN SIBERIA)**

Belarusian peasants-migrants of the late of 19th – early 20th century have introduced a number of their local Orthodox traditions to the territory of Siberia. During the period of such social cataclysms of the 20th century as the atheism, collectivization and the Great Patriotic War, some of these traditions got new specific contexts of actualization while preserving their external authentic forms. These include the emergence of new patronizing functions of saints revered among the people, a change in the range of situations in which vows were carried out, collective prayers and processions, the appearance of plots about “divine punishment” for renunciation of Orthodox life, destruction of churches, etc.

Keywords: folk Orthodox traditions; Belarussian peasants-migrants; Siberia; social cataclysms of the 20th century.

В последнее время отмечается рост интереса этнологов к изменениям в традиционной культуре российского крестьянства, которые возникли в результате социальных потрясений первой половины XX в. Говоря об исследованиях на эту тему, которые опираются на сибирские материалы, следует выделить работы Т. К. Щегловой, посвящен-

ные культуре жизнеобеспечения крестьян Алтайского край в годы Великой Отечественной войны [1], публикации М. В. Васехи, в которых рассмотрены гендерные аспекты модернизации сибирской деревни в 1920-е гг. [2] и ряд других работ. На этом фоне трансформации народных православных традиций сибирского крестьянства, которые произошли в указанный период, значительно реже попадают в поле зрения этнологов. Одним из исключений в этой ситуации являются работы Е. Ф. Фурсовой [3]. В данном докладе представлена попытка рассмотреть эту тему на примере белорусских крестьян-переселенцев конца XIX – начала XX в., проживавших на территории Сибири. Их предками со своей Родины были привнесены народные православные традиции, которые имели как общие для всех восточных славян черты, так и свои локальные особенности. Основная задача настоящего доклада состоит в том, чтобы проследить общие и особенные черты актуализации этих традиций в период таких социальных потрясений XX в., как политика атеизма, коллективизация и Великая Отечественная война. Эмпирической базой исследования послужили устные истории, собранные в ходе этнографических экспедиций, проведённых автором в период с 2009 по 2021 гг. на территории Тюменской, Иркутской областей и Красноярского края, а также документальные, публицистические и мемуарные письменные источники.

Начало политики атеизма, реализуемой в сельской местности в конце 1920-х – в 1930-е гг., стало серьёзным мировоззренческим потрясением для большинства сельских жителей. В народной памяти потомков белорусских крестьян-переселенцев сохранилось множество сходных по своим сюжетам рассказов о «наказании свыше» людей за участие в разрушении храмов. При этом закрытие церковных приходов в сельской местности в 1930-е гг. способствовало возрастанию роли народных православных традиций в обрядах жизненного цикла. В случае отсутствия церквей и священнослужителей детей могли крестить старшие члены семей или наиболее уважаемые жители села. В ряде обследованных деревень детей, которых крестили не священнослужители, называли не крещёными, а «погруженными». Воспоминания потомков белорусских переселенцев указывают на то, что в этот период венчание всё чаще стало выпадать из свадебной обрядности. В отдельных случаях, из-за отсутствия поблизости церкви, венчание супругов могло быть отложено на длительный срок, до поездки в населённый пункт, в котором продолжала действовать церковь, и даже совпасть с крещением первого ребёнка. При этом, в соответствии с выводом, сделанным Л. Е. Фетисовой, при отсутствии

возможности венчания, в глазах сельского сообщества юридическую силу имело коллективное пиршество вкупе с предшествовавшими ему обрядовыми действиями [4, с. 63]. По тем же причинам, при достаточно стойком сохранении привнесённых из мест выхода особенностей похоронной и поминальной обрядности, из них в большинстве случаев выпадали эпизоды отпевания умерших священнослужителями.

В окказиональной обрядности выходцев из Белоруссии, направленной на защиту от стихийных бедствий или природных катаклизмов, продолжали тесно переплетаться дохристианские и православные традиции. Их пример можно проследить в практике изготовления обыденных полотен у жителей д. Осиновка Викуловского района Тюменской области, в которой проживают потомки переселенцев из Могилевской губернии [5, с. 148]. Во многих обследованных деревнях в рассмотренный период во время засухи продолжали проводиться крестные ходы. Если раньше в них могла принимать участие вся деревня, то в советское время это стало в основном уделом пожилых женщин.

Трагические события Великой Отечественной войны нашли глубокий отклик в народном мировоззрении. Исследуя чудесные видения и знамения перед началом войны, о которых рассказывали сельские жители Сибири и Беларуси, Е. Ф. Фурсова отмечала, что «накануне разного рода опасностей и во время тяжёлых испытаний, в частности накануне Великой Отечественной войны, включались механизмы самосохранения народа, вспоминались предостережения предков, их не только боевой, но и духовный опыт» [3, с. 128]. В военные годы патрональные функции некоторых сакральных объектов и святынь, почитаемых деревенскими сообществами, приобретали новые контексты. К примеру, в д. Черчет Тайшетского района Иркутской области нами был зафиксирован следующий рассказ: *«На перекрёстке дорог супружеская пара, у которой не было детей, поставила обетный крест. После этого у них начали рождаться дети. Постепенно этот крест стал почитаемым у местных жителей. Когда началась война, мимо этого креста вели призванных на неё жителей села. Один из них подбежал к кресту, встал перед ним на колени и помолился. Остальные прошли мимо, смеясь над ним. С войны вернулся один лишь этот человек»* [6].

Одним из ярких примеров возникновения новых контекстов в специфических народных православных традициях, привнесённых из мест выхода белорусских крестьян-переселенцев, является обряд переноса и почитания иконы «Свеча» в д. Осиновка Викуловского

района Тюменской области. В соответствии с ними, почитаемая местными жителями икона «Свеча» (Воскресение Христово) на протяжении года хранится в доме одного из жителей деревни. На Рождество совершается перенос иконы в другой дом. Дом, в котором хранится икона, превращается в своеобразный временный сакральный центр деревни, заменяя в ней церковь. В соответствии с этнографическими описаниями конца XIX – начала XX вв., на территории Белоруссии оброчные свечи или комплексы, состоящие из иконы и свечи традиционно «заводились» в таких экстремальных ситуациях, как неурожай, стихийные бедствия, болезни и т. д. По дошедшим до нас сведениям, в годы Великой Отечественной войны в Белоруссии «свечи» часто обрекались на возвращение мужчин с фронта [7, с. 45]. Подобная ситуация наблюдалась и в деревне Осиновка. В годы войны икона хранилась в доме Марины Даниловны Прокопцовой, муж которой ушёл на фронт. К ней приходили другие жительницы деревни, молиться о возвращении с войны их мужей. В послевоенное время, когда многие мужчины не вернулись с фронта, значение иконы стало приобретать новый смысл: *«Потом женщины просили дать сил пережить это горе, детей поднять. Для них это была обережная икона, они видели в ней единственную защитницу»* [8].

Подводя итоги анализа собранных в ходе исследования этнографических материалов, можно выделить следующие основные тенденции в особенностях актуализации народных православных традиций белорусских крестьян-переселенцев Сибири в период социальных потрясений XX в.

После начала воплощения в жизнь политики атеизма, сопровождавшейся закрытием храмов, у сельских сообществ в той или иной мере возникала потребность в формировании альтернативных сакральных центров, которые могли сплотить людей в вере. В таких ситуациях люди могли собираться для молитв в домах отдельных жителей, в которых хранились почитаемые иконы, совершать молебны около сакрализованных природных или рукотворных объектов (почитаемые водные источники, обетные кресты и т. д.). При отсутствии церкви и духовенства, отдельные люди (чаще всего – представители старшего поколения) добровольно возлагали на себя обязанности проведения некоторых церковных таинств. В большинстве случаев эта ситуация касалась важнейших обрядов жизненного цикла. Не имевшие ранее аналогов социальные потрясения и кризисные ситуации способствовали возникновению новых патрональных качеств православных святых. В этот период среди небесных заступни-

ков белорусские переселенцы чаще всего называли Христа, Богородицу, Святителя Николая, Серафима Саровского и некоторых других почитаемых в народе святых. Для указанного периода в народной жизни стало характерным возникновение новых повторяющихся сюжетов, связанных с чудесными знаменами, заступничеством святых или наказанием свыше за отступления от церковной жизни.

Сопоставление материалов, собранных у потомков белорусских крестьян-переселенцев с рядом других этнографических описаний тех лет указывает на то, что в целом в период социальных потрясений первой половины XX в. у разных этнических и территориально-этнографических групп восточнославянского населения, проживавшего в сельской местности Сибири, чаще всего складывались схожие новации в контекстах актуализации народных православных традиций.

Список источников и литературы

1. *Щеглова Т. К.* Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. – Барнаул: ООО «Азбука», 2015. – 132 с.
2. *Васеха М. В.* Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири): дис. ... канд. ист. наук. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2016. – 245 с.
3. *Фурсова Е. Ф.* Чудесные видения/знамения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 49. – С. 128–131.
4. *Фетисова Л. Е.* Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. – Владивосток: Примор. краевая орг. Добровольного об-ва любителей книг России, 2002. – 240 с.
5. *Федоров Р. Ю.* Особенности окказиональной обрядности и народных верований у белорусских крестьян-переселенцев // Вестн. Перм. ун-та. История. – 2020. – № 4 (51). – С. 147–155.
6. Бородейка Наталья Ивановна, 1958 г. р., с. Черчет Тайшетского р-на Иркутской обл. (ПМА–2018).
7. *Листова Т. А.* Общественно-религиозные праздники на русско-белорусском пограничье («Свеча», «Божья свеча», «Гулять икону») // Традиции и современность. – 2008. – № 8. – С. 22–53.
8. Новикова Елена Леонидовна, 1956 г. р., г. Санкт-Петербург (проживала в д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл.) (ПМА–2021).

Федоров Роман Юрьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН (Тюмень)

С. Р. Сарманова

**ПРАЗДНИК УРОЖАЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
НЕМЦЕВ РОССИИ***

В статье рассматривается праздник урожая как способ этнической идентификации. Исследуются особенности проведения праздника у российских немцев, его функции и место в культуре этноса. Особое внимание уделено форме проведения праздника в общине меннонитов д. Аполлоновка Омской области.

Ключевые слова: праздник урожая; немцы России; этническая идентичность; меннониты; культура.

S. R. Sarmanova

**HARVEST FESTIVAL AS A FACTOR OF THE GERMANS OF RUSSIA
ETHNIC IDENTITIES FORMATION AND PRESERVATION**

The article considers the harvest festival as a way of ethnic identification. The peculiarities of holding the festival among Russian Germans, its functions and place in the culture of the ethnic group are studied. Particular attention is paid to the form of holding the festival in the Mennonite community in the village of Apollonovka, Omsk Region.

Keywords: harvest festival; Germans of Russia; ethnic identity; Mennonites; culture.

В народном календаре немцев России особое место занимает праздник по случаю окончания уборки урожая (*Erntefest, Felderfest*), который выступает в качестве важнейшего средства осознания идентичности в социальном пространстве. Зачастую о традициях и обычаях немцев окружающее население узнает во время народных праздников, которые способствуют популяризации традиционной культуры, репрезентируют её. Праздник – сложный социокультурный феномен, в рамках которого посредством символов формируются и транслируются традиции, ценности, историческая и культурная преемственность. Тем самым праздник с присутствующими ему атрибутами и символами способствует сохранению

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00177 «Этническая идентичность на постсоветском пространстве (на примере немцев России, Украины и Казахстана)».

и передаче культурной памяти. Знаково-символическая природа культуры и её составляющих хорошо освещена в трудах Ю. М. Лотмана. Он отмечал: «Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного её пласта в другой. Пронизывающие диахронию культуры константные наборы символов в значительной мере берут на себя функцию механизмов единства: осуществляя память культуры о себе, они не дают ей распасться на изолированные хронологические пласты» [1, с. 149].

Праздник в рассматриваемом ключе, помимо когнитивной функции, выполняет функцию консолидации этнической общности. Это относится и к празднику урожая, который приобрёл у немцев России статус этнического маркера.

Немецкий праздник урожая имеет глубокие исторические корни. Он знаменует собой некий переход осени в зиму, когда сезон тяжёлых полевых работ завершён, весь урожай собран и начата подготовка к следующему этапу годового цикла. Праздник урожая, впрочем, как и любой другой праздник, связан с определёнными переломными событиями. Так, М. М. Бахтин отмечал, что «празднества на всех этапах своего развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определённых праздников – создавали специфическую праздничность праздника» [2, с. 13].

Связанный с радостью и весельем праздник с нетерпением ждали как взрослые, так и дети. Так, С. А. Рублевская отмечает, что «уже само время уборки урожая (*Erntezeit*) воспринималось как праздничное. Для работы в поле старались одеться во всё лучшее, особенно девушки [3, с. 50].

Данный праздник имеет несколько наименований. Самое распространённое среди них – праздник благодарения за урожай (*Erntedankfest*). Согласно источникам, данный «хрономим восходит к названию религиозного праздника, знаменовавшего окончание уборки урожая в Германии и отмечавшегося в первое воскресенье октября. В России же, как и во многих местностях Германии, праздник уборки урожая слился с престольным праздником Кирмсом» [3, с. 51]. Реже встречается другое название праздника – День жатвы.

В России сроки проведения праздника также определялись временем окончания уборки урожая, которое разнилось в зависимости от региона проживания. В советский период его отмечали после полного проведения полевых работ, в том числе и в колхозе. В Сибири, как правило, праздник урожая проводили в конце октября, что связано с более поздними сроками его созревания. У некоторых групп немцев сохранилась традиция проведения дня жатвы в первое воскресенье октября, что, как уже было отмечено, совпадало с празднованием окончания уборки урожая в Германии. У католиков с. Гофнунгсталь Исилькульского района Омской области вообще не принято отмечать этот праздник. Осенью, во время очередной мессы, они благодарили Бога за хороший урожай, молились «за все фрукты и овощи урожая» («für alle Früchte und Obste der Ernte») [4, л. 37].

Подготовка к празднику начиналась заранее с украшения церкви или молитвенного дома плодами урожая, собранного в этом году: каждый приносил то, что он вырастил, причём самые крупные плоды, всё самое лучшее, чтобы показать благословение Бога, даровавшего в этом году богатый урожай. Эти плоды в виде овощей, злаков и фруктов освящали и выкладывали перед алтарём. Раньше, в целях проведения праздника, во дворе сооружали брезентовый навес, поскольку трудно было найти в селе дом, который мог бы вместить всю общину. Иногда праздник проводился незадолго до окончания полевых работ [5, л. 7].

Помимо плодов, помещение, в котором проходил праздник, было принято украшать венками и букетами из колосьев пшеницы или овса, носивших название «Erntekranz» (уборочный или жатвенный венок) или «Erntebüschel» (уборочная корона). Обычно эти букеты и венки изготавливали заранее из колосьев последнего снопа. Их хранили до следующего урожая на чердаке. Согласно народным представлениям, эти венки и букеты защищают от злых сил и несчастий [6, с. 57–58].

Бытование у немцев России особых обычаев и поверий, связанных с последним снопом, объясняется существовавшей у древних германцев верой в хлебных демонов или духов растительности. Большой вклад в изучение мифологических образов, связанных с уборкой урожая, внёс Вильгельм Маннхард [7]. Согласно его теории, продолжателем которой был Джеймс Фрэзер, в первом или последнем снопе присутствовал некий дух хлеба, который давал

урожаю рост или смерть [8]. Любопытным фактом является и сохранившаяся в некоторых немецких деревнях и сёлах традиция прыгать через сноп, что, согласно представлениям немцев, привело к удаче и достатку.

Главным событием этого дня была торжественная молитвенная служба, имевшая особое значение. Она проводилась два раза в день: в 10.00 – 11.30 и 15.00 –16.30. Во время службы верующие исполняли специальные молитвы и гимны, в которых звучали слова благодарности Богу за его дары в виде урожая. Эти дары имели взаимный характер. В знак благодарности верующие возвращали Богу часть дара. Кроме того, дети и подростки рассказывали стихотворения, ставили спектакли религиозного содержания [9, л. 37].

Немцы привнесли в этот праздник религиозный смысл, который заключался в благодарении Бога за собранный и будущий урожай. Произносились и специальные молитвы, посвящённые этому празднику: «Herr, unser Gott, du hast das Brot und den Wein geschaffen, um uns Menschen in diesem vergänglichem Leben die Nahrung und die Freude zu schenken. Mache diese Gaben zum Sakrament, das uns ewigwes Leben bringt» («Господь, наш Бог, ты создал хлеб и вино, чтобы подарить нам, людям, пищу и радость в этой скоротечной жизни. Пусть эти освящённые дары принесут нам вечную жизнь»).

Часто слова благодарности звучали в стихотворной форме:

Благодарю Тебя, Господь,

Благодарю, Всевышний.

Благодарю за воду,

Благодарю за пищу.

За жизнь, дарованную мне,

За твою охрану.

Благодарна я Тебе

За папу и за маму.

Благодарю за все плоды,

Благодарю за осень

И за то, что меня Ты

Любишь очень-очень! Аминь! [10, л. 30].

Помимо богатого урожая, немцы благодарили Бога за здоровье, благополучие и т. д. Так, в 2020 г. жители д. Аполлоновка Омской области благодарили Бога за подключение деревни к газу.

Несмотря на эпидемиологическую обстановку в стране, нам удалось принять участие в праздновании жатвы в д. Аполлоновка

(Waldheim) Исилькульского района Омской области, которая традиционно отмечается три дня. В 2020 г. праздник пришёлся на 3, 4 и 5 октября. Необходимо отметить, что по своему происхождению немцы Аполлоновки являются меннонитами. Особенностью праздника у меннонитов, как и у баптистов, является его общинный, коллективный характер. Сегодня община остаётся центром не только религиозной, но и культурной жизни немецкой деревни. Роль религиозной общины в формировании и сохранении идентичности немцев очень велика.

По традиции, все праздники и обряды проводятся в молитвенном доме. Сценарий праздника урожая, как и весь уклад бытия меннонитов, теологически детализирован. Особое внимание в эти дни уделяли торжественному богослужению. Его принято проводить три дня. В первый день с 20.00 до 22.00 проводилось молитвенное собрание, во время которого верующие благодарили Бога за собранный урожай, за газ, за все милости и здоровье. Дети 4–6 лет читали стихи во имя прославления Бога, далее были произнесены две проповеди. В заключение слово предоставили пресвитеру общины Ивану Ивановичу Валлу. Второй день начался в 10.00 с молитвенного собрания, которое длилось до 12.00–12.30. Затем следовал двухчасовой перерыв на обед, в котором принимали участие не только члены общины, но и гости из соседних немецких деревень и местные жители. Как и прежде, в его приготовлении принимали участие все члены религиозной общины [11]. Праздничный обед было принято готовить из плодов нового урожая. Он начинался с общей молитвы, в ходе которой воздавалась хвала Господу за богатый урожай. Самыми распространёнными блюдами по-прежнему остаются суп с домашней лапшой (*Nudelsupp*), тушёный картофель с мясом (*Kartovelproud*), колбасы. Главным героем праздника остаётся хлеб, которому выказывали всякие почести [4, л. 3, 4, 26, 33]. Кроме того, к столу подавали плоды свежего урожая, разнообразную выпечку – булочки (*Brötchen*, *Kichelden*, *Sämmel*), пироги (*Kuchen*), фигурное печенье (*Prenig*, *Niklus*) и др. Из напитков пили кофе (*Kaffe*) и чай (*Tee*) [10, л. 55, 59; 12, л. 16, 18].

После обеда праздничную программу продолжили выступления участников струнного оркестра, проповеди, песни и стихи. Завершающим аккордом был ужин. На третий день проходили выступления участников детского хора и проповеди. На этом праздник считался законченным [11].

Итак, праздник урожая играл большую роль в культуре немцев, выполняя важные функции и выступая в качестве фактора этнической идентификации. Сценарий его проведения мог быть различным. Общим для всех групп немцев было то, что праздник начинался и завершался благодарственной молитвой.

Список источников и литературы

1. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965. – 543 с.
3. *Рублевская С. А.* Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв. – М.: Готика, 1999. – 136 с.
4. Музей археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I. 1994. Д. 172-1. 82 л.
5. Музей археологии и этнографии ОмГУ. 1992. Д. 95-1. 184 л.
6. *Рублевская С. А., Смирнова Т. Б.* Традиционная обрядность. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 154 с.
7. *Mannhardt W.* Roggenwolf und Roggenhund: Beitrag zur germanischen Sittenkunde. – Danzig: Ziemssen, 1865. – 51 s.
8. *Фрэзер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
9. Музей археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I. 2000. Д. 182-2. 64 л.
10. Музей археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I. 2009. Д. 211-1. 78 л.
11. Полевые материалы С. Р. Сармановой. Экспедиция в Исилькульский район Омской области. Октябрь 2020 г.
12. Музей археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I. 2008. Д. 2061. 49 л.

Сарманова Сулушаш Рахимжановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

В. П. Кривоногов

ПРОЦЕССЫ МЕЖРАСОВОГО СМЕШЕНИЯ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Коренные народы Средней Сибири, принадлежащие к монголоидной расе и близким к ним расовым типам, уже несколько столетий контактируют с намного превосходящими их по численности европеоидными народами, прежде всего с русскими. Это не может не отразиться и на антропологическом облике этих народов. В статье рассматриваются масштабы и темпы метисации у 8 коренных этносов Средней Сибири на основе записи их генеалогий, произведённых в ходе этнографических исследований в 1985–2018 гг. У некоторых народов доля метисов среди детей приближается к половине, у других – к 100 %.

Ключевые слова: коренные народы Средней Сибири; национально-смешанные браки; метисация.

V. P. Krivonogov

PROCESSES OF INTERRACIAL MIXING AMONG THE INDIGENOUS NATIONS OF CENTRAL SIBERIA

The indigenous nations of Central Siberia belonging to the Mongoloid and similar racial types have been in contact with the much larger europeoid nations, primarily Russians, already for several centuries. This can't but affect the anthropological appearance of these nations. The article considers the scale and rate of interbreeding among 8 indigenous ethnic groups of Central Siberia based on the recordings of their genealogies made during ethnographic research in 1985–2018. In some nations, the proportion of metis among children is close to half and in others is up to 100 %.

Keywords: indigenous nations of Central Siberia; national mixed marriages; miscegenation; interbreeding.

Коренные народы Средней Сибири в большинстве своём относятся к разновидностям монголоидной расы, некоторые имеют небольшую долю древнего европеоидного компонента (представители уральского типа: ненцы, селькупы и др.). Но историческая реальность такова, что все эти народы последние 34 века вынуждены контактировать с русскими и другими народами европеоидного круга, которые хлынули за Урал после вхождения Сибири в состав русского государства. Причём очень быстро численность европеоидов превысила суммарную численность аборигенов, что предполагает усиление воздействия на последних во всех сферах жизни,

в том числе и в сфере обмена генами. Через смешанные браки или внебрачные контакты среди местных народов стало появляться всё больше метисов. В рамках исследований, проводимых красноярскими этнографами, уделено внимание и этой стороне взаимодействия коренных и европейских национальностей. При этом применялся метод записей генеалогий. При проведении массовых опросов по репрезентативной выборке определялась национальность ближайших предков респондентов на глубину 3–4 поколений, что позволяет выявить лиц с европеоидным компонентом и даже подсчитать долю компонента у каждого респондента (имеется в виду, что если один из родителей – абориген, а второй – русский, то доля европеоидного компонента составляет $\frac{1}{2}$; если русским был только дед, а все остальные – аборигены, то доля европеоидного компонента – $\frac{1}{4}$; если один из родителей – русский, а второй – метис, т. е. имеет $\frac{1}{2}$ европеоидного компонента, то у потомка этот компонент уже преобладает – $\frac{3}{4}$). При проведении опроса в состав аборигенов включались только те метисы, которые относят себя к коренному этносу. Если метис определял себя как русский, то он в число опрашиваемых не включался. Информация о детях получалась от родителей, этническую принадлежность детей-метисов также определяли родители. Опросы проводились по выборке, рассчитываемой для каждого этноса, в зависимости от его численности, на основной этнической территории, которая также определялась для каждого отдельного этноса. Для самых малочисленных народов выборка составляла 100 % (чулымцы, кеты, энцы, нганасаны, тофалары), для более многочисленных народов выборка составила 25 % (долганы, таймырские ненцы, красноярские эвенки). Для большинства народов применён метод интервальных исследований, т. е. исследование повторялось по прежней программе и единой методике через 10 или 20 лет, что позволило выявить динамику происходящих изменений в разных областях жизни, в том числе и в вопросе межрасового смешения. В данной работе мы не берём во внимание древнюю европеоидную примесь, характерную для некоторых народов, а также исключаем результаты смешения между самими этими народами, так как они не влияют существенно на расовый облик (относятся к близким антропологическим типам). Подробнее с методикой исследований можно ознакомиться в работах автора [1, с. 149; 2, с. 4–6; 3, с. 7–8; 4, с. 3–4; 5, с. 4–5].

Итак, начнём обзор обозначенных народов, продвигаясь с юга на север.

Тофалары живут в трёх посёлках южной горной части Нижнеудинского района Иркутской области. В 1985 г. во время первой нашей экспедиции мы насчитали в этих посёлках 598 тофаларов, в 2015 г. – 663; доля тофаларов в общем населении составила в 2015 г. 59,1 %, остальные – в основном русские, прочие национальности представлены единично [4, с. 12–18]. Большинство смешанных браков тофалары заключают с русскими. В 1985 г. доля смешанных семей была 45,5 %, в том числе с европейскими народами – 41,8 %, в 2015 г. соответственно – 40,9 % и 39,4 %, то есть несколько меньше (в связи сокращением пришлого населения в этих посёлках). Подавляющее большинство метисов вливается в тофаларский этнос (в 1985 г. – 96,0 %, в 2015 г. – 85,1 %), Поэтому уровень метисации очень велик. Лица смешанного происхождения составили в числе тофаларов 64,2 % в 1985 г. и 87,5 % – в 2015 г., в том числе имели ту или иную долю европеоидного компонента соответственно 60,0 % и 84,2 %. Имеют небольшую долю европеоидного компонента 24,3 % тофаларов, $\frac{1}{2}$ компонента – 34,7 %, преобладающий европеоидный компонент ($\frac{3}{4}$ и более) – 25,2 %.

У чулымцев мы проводили опрос со 100-процентным охватом в 1986, 1996, 2006 и 2016 гг. [5, с. 3–4; 6, с. 45–46]. Численность в 1986 г. составила 648 чел., в 2016 г. – 594 чел. Практически все чулымцы живут в смешанной среде, однонациональных посёлков нет. Это обусловило высокую долю национально-смешанных браков: 64,3 % в 1986 г. и 68,9 % в 2016 г. Монголоидных народов в этой местности почти нет, так что подавляющее большинство смешанных браков заключается с русскими и другими европейскими народами (таких смешанных семей было 63,2 % в 1986 г. и 68,9 % в 2016 г.)

Ситуация с метисацией у чулымцев за 30 лет резко изменилась – и это связано не столько со смешанными браками, сколько с изменением в определении национальности метисов. В 1980-е гг. подавляющее большинство метисов вливались в русский этнос, лишь 17 % становились чулымцами. А к нашему времени, в связи с возросшим этническим самосознанием, уже 53,6 % метисов стали определять себя (взрослые) или определяться родителями (дети) как чулымцы. В 1986 г. европеоидных метисов в составе чулымцев было 40,7 %, в том числе с небольшой европеоидной примесью – 29,9 %, с $\frac{1}{2}$ европеоидного компонента – 8,9 %, с преобладающим европеоидным компонентом – 1,9 %. В 2016 г. европеоидных метисов в составе народа было уже 80,4 %, в том числе с небольшой до-

лей европеоидного компонента – 28,6 %, с $\frac{1}{2}$ компонента – 26,5 %, с преобладающим европеоидным компонентом – 25,3 %.

Среди кетов проведено три интервальных исследования, включающих массовый опрос со 100-процентным охватом на основной этнической территории [8, с. 152]. Численность на этой территории изменилась с 849 чел. в 1991–1993 гг. до 958 чел. в 2014–2015 гг. Живут кеты в смешанной среде, однонациональных посёлков нет ни одного, лишь в 3-х из 21 посёлка число кетов превышает половину населения. Смешанных браков в начале 1990-х гг. было 58,9 %, в том числе 50,2 % – с европеоидными народами, в основном с русскими. Спустя 20 с лишним лет доля таких семей почти не изменилась, составив 59,9 %, в том числе с европейскими народами – 50,3 %. Выходцы из смешанных семей чаще относят себя к кетам (71,0 % в начале 1990-х гг. и 91,5 % в 2013–2014 гг.); это, наряду с большой долей смешанных семей, определяет высокий уровень метисации. Всего в начале 1990-х гг. метисы составляли в составе кетов 61,2 %, в том числе европеоидные метисы – 40,5 %. Последнее исследование дало такой результат – смешанное население в составе кетов – 82,7 %, в том числе 69,6 % – с европеоидным компонентом. 12,4 % кетов имели небольшую европеоидную примесь, половину европеоидного компонента имели 30,3 % кетов, преобладающий европеоидный компонент ($\frac{3}{4}$ и более) был обнаружен у 26,5 % всех кетов.

Эвенков в своём муниципальном районе (в прошлом – округе) со столицей в п. Тура в 1989 г. насчитывалось 3,5 тыс. чел. (данные переписи), в 2010 г. примерно столько же – 3,6 тыс. чел. Из двух десятков посёлков, в которых живут эвенки, только 4 можно назвать однонациональными. Остальные живут в смешанных или преимущественно русских по составу посёлках. Доля национально-смешанных семей у эвенков была в 1997 г. 40,6 %, в 2017 г. – 46,2 % [9, с. 65–66], в том числе с европеоидными народами – соответственно 32,9 % и 39,9 %. В смешанных семьях (и в прошлом, и сейчас) большинство детей записывается эвенками (81,9 %). Доля смешанного населения в составе эвенков в 1997 г. составила 50,2 %, в том числе с европеоидным компонентом – 40,5 %. Спустя 20 лет – соответственно 64,9 % и 50,9 %. Имели небольшую европеоидную примесь 16,9 %, $\frac{1}{2}$ компонента – 24,7 %, более $\frac{1}{2}$ – 9,3 %.

Большая часть долган проживает на Таймыре. В 1989 г. по переписи числилось 4,9 тыс. долган, в 2002 г. – 5,5 тыс. чел. Из 12 посёлков, где сконцентрированы долганы, 7 можно назвать однонациональными, остальные 5 – смешанными. Немало долган проживает

также в районном центре Хатанга и в городе Дудинке, где они составляют небольшую долю по сравнению с русскими. В большинстве долганских посёлков доля русских и другого европейского населения невелика, обычно 5–15 % (в 11 из 12 сельских поселений). Такой характер расселения снижает вероятность массового смешения с европеоидными народами, но, тем не менее, метисация всё же происходит.

Смешанные семьи у долган составили в начале 90-х годов 33,2 %, в том числе семьи с европейскими народами – 18,5 %. Десять лет спустя эти показатели выглядели следующим образом – 26,6 % и 14,2 % [2, с. 56–60; 10, с. 78–89]. То есть, число смешанных браков несколько уменьшилось (связи с выездом из долганских посёлков русского населения).

Лица смешанного происхождения составили у долган в начале 1990-х гг. 42,1 %, в том числе с европеоидными народами – 25,6 %. Десять лет спустя (2003–2004 гг.) этнически смешанное население составило среди долган 51,0 %, в том числе с европеоидным компонентом – 30,0 %. Имеют небольшую долю европеоидного компонента 15,0 %, $\frac{1}{2}$ этого компонента – 13,1 %, более $\frac{1}{2}$ – 1,9 %.

Численность ненцев Таймыра в 1989 г. (по данным переписи) составляла 2,5 тыс. чел., в 2002 г. – 3,1 тыс. чел. Чуть более половины ненцев были кочевниками-оленеводами, часть из них проживала в однонациональных посёлках или на так называемых «рыб. точках» (1–3 чума в местах рыбного лова). Вторая половина – в смешанных посёлках или в городе. За 10 лет это соотношение в расселении почти не изменилось, лишь часть оленеводов переместилась на «рыб. точки». Смешанных семей в начале 1993 г. мы насчитали 33,5 %, в том числе с европеоидными народами – 19,5 %. Спустя 10 лет эти показатели составили соответственно 30,7 % и 20,2 %, то есть, доля таких семей почти не изменилась [10, с. 179–190; 11, с. 121].

Доля этнически смешанного населения в составе ненцев была при первом исследовании 30,4 %, в том числе с европеоидными народами – 16,8 %. При повторном исследовании – соответственно 36,0 % и 19,2 %. В 71,4 % смешанных семей родители относили детей к ненецкой национальности (1993 г.), десять лет спустя – уже в 91,9 % семей. Смешение с европеоидными народами происходит лишь в смешанных посёлках и в городе. Имеют незначительную долю европеоидного компонента 4,4 %, $\frac{1}{2}$ компонента – 14,1 %, более половины – 0,7 %.

Нганасаны на Таймыре живут в основном в трёх посёлках (Усть-Авам, Волочанка и Новая), но в последнее время некоторые из

них мигрировали в другие посёлки, в райцентр Хатанга и в город Дудинку. Все посёлки нганасан – смешанные с долганами, в Хатанге и Дудинке нганасаны контактируют в основном с русскими. В трёх нганасанских посёлках пришлого населения немного (5–10 %).

В 1993–1994 гг. мы определили численность нганасан всего Таймыра в 899 чел., в 2003–2004 гг. – в 867 чел. [10, с. 217–220; 12, с. 18–20]. Смешанных семей было 47,6 %, но смешанных с европеоидными народами – только 18,6 %. Десять лет спустя – соответственно 48,5 % и 18,0 %, т. е. показатели почти не изменились. Смешанное население составляло довольно высокий процент среди нганасан – 56,5 %, но в основном с долганами, а с европейскими народами – только 20,4 %. Спустя 10 лет это показатели выглядели соответственно 66,3 % и 27,9 %. Имеют небольшую европеоидную примесь 7,0 % нганасан, $\frac{1}{2}$ европеоидного компонента – 19,0 %, более $\frac{1}{2}$ компонента – 1,9 %.

Среди энцев исследования проведены в 1992 и 2002 гг., их численность за это время по Таймыру выросла с 215 чел. до 245 чел. [10, с. 319–325; 13, с. 55–56]. Большинство энцев живут в посёлках Потапово и Воронцово, однако часть их расселилась по другим посёлкам (чаще ненецким), многие перебрались в Дудинку. Оба энцеских посёлка – смешанные по составу, энцы составляют в них незначительное меньшинство. Смешанный состав расселения привёл к полному прорыву эндогамии у энцев. Смешанные семьи составили у ненцев 85,1 % в 1992 г. и – чуть меньше – 82,8 % в 2002 г. Однако смешанные с европеоидными народами семьи намного меньше – соответственно 27,2 % и 27,9 % остальные смешанные семьи – с народами Севера.

Почти все энцы – смешанного происхождения (77,7 % в 1992 г. и 91,4 % в 2002 г.), однако интенсивнее всего смешение идёт с соседними ненцами. Что касается европеоидных народов, то метисы с этим компонентом составили 24,8 % в 1992 г. и 41,6 % 10 лет спустя. Такое интенсивное смешение идёт несмотря на то, что большинство детей из смешанных семей родители к энцам относят весьма редко (в 1992 г. – 29,1 %, в 2002 г. – только 20,1 %). Имеют менее половины европеоидного компонента 20,4 % энцев, $\frac{1}{2}$ компонента – 16,3 %, более половины – 4,9 %.

Показатели по всем восьми этносам и этническим группам однозначно указывают на значительно изменение антропологического облика народов Средней Сибири. Для сравнения их между собой разместим в одной таблице все 8 народов и этнических групп (табл. 1).

Таблица 1

**Соотношение различных типов европеоидных метисов
у восьми народов и этнических групп Средней Сибири
по данным опросов, в %)**

Этносы	Доля европеоидного компонента			
	Нет	Менее ½	½	Более ½
Тофалары	15,8	24,3	34,7	25,2
Чулымцы	19,6	28,6	26,5	25,3
Кеты	30,4	12,4	30,3	26,5
Зап. звенки	49,1	16,9	24,7	9,3
Энцы	58,4	20,4	16,3	4,9
Долганы	70,0	15,0	13,1	1,9
Нганасаны	72,1	7,0	19,0	1,9
Тайм. ненцы	80,8	4,4	14,1	0,7

Для показа перспективы процесса антропологического изменения имеет смысл привести эти данные по самой младшей возрастной группе (до 10 лет), так как по мере смены поколений эти показатели станут средними по всему этносу (табл. 2)

Таблица 2

**Соотношение различных типов европеоидных метисов
у восьми народов и этнических групп Средней Сибири
(по данным опросов, дети до 10 лет, в %)**

Этносы	Доля европеоидного компонента			
	Нет	Менее ½	½	Более ½
Тофалары	3,1	25,2	31,5	40,2
Чулымцы	0	38,4	12,7	48,8
Кеты	9,8	20,6	21,1	48,5
Зап. эвенки	25,0	34,3	21,3	19,4
Энцы	23,1	42,3	23,1	11,5
Долганы	60,0	14,1	23,6	2,3
Нганасаны	60,2	8,5	30,6	0,7
Таймыр. ненцы	76,6	4,0	16,6	2,8

Процесс метисации, как правило, идёт у всех народов, но различными темпами. Ближе всего к завершению этого процесса стоят южные народы – тофалары, чулымцы, а также кеты. Под завершением процесса я подразумеваю, что доля метисов среди детей достигла или почти достигла 100 %. Несколько ниже эти показатели у эвенков и у самого малочисленного таймырского народа – энцев. Более скромные показатели у долган, нганасан, и, особенно, – у таймырских ненцев. У последних трёх народов эти низкие показате-

тели связаны с высокой компактностью их расселения и небольшим количеством пришлого населения в их посёлках. Однако, в связи с усиливающимся процессом урбанизации у этих этносов, переездом их в Хатангу, Дудинку и Норильск, процесс метисации может ускориться.

Список источников и литературы

1. *Кривоногов В. П.* Русскоязычные метисы? // Народы Сибири: Права и возможности, – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 148–161.
2. *Кривоногов В. П.* Народы Таймыра: Современные этнические процессы. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 264 с.
3. *Кривоногов В. П.* Изменение антропологического облика народов Сибири (по данным генеалогий) // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 6–19.
4. *Кривоногов В. П.* Тофалары: Три шага в будущее. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. – 197 с.
5. *Кривоногов В. П.* Чулымцы в начале XXI века. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2008. – 145 с.
6. *Кривоногов В. П.* Чулымцы в XXI веке (опыт интервальных исследований) // Северные архивы и экспедиции. – 2017. – Т. 1. – № 3. – С. 44–60.
7. *Кривоногов В. П.* Кеты на пороге третьего тысячелетия. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 1998. – 85 с.
8. *Кривоногов В. П.* Этнические процессы у кетов в начале XXI века (опыт интервальных исследований) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. – № 6. – С. 152–161.
9. Новые проекты для возрождения эвенкийского языка и культуры: моногр. – Красноярск: СФУ, 2018. – 246 с.
10. *Кривоногов В. П.* Народы Таймыра в начале XXI века. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. – 418 с.
11. *Кривоногов В. П.* Этнические последствия перехода кочевников-оленьеводов к оседлости (на примере енисейских ненцев) // Этносоциальные процессы в Сибири. Тематический сборник. Вып. 4 / под ред. Ю. В. Попкова. – Новосибирск: НГУ, 2001. – С. 118–122.
12. *Кривоногов В. П.* Этнические процессы у нганасан // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 2. – С. 17–31.
13. *Кривоногов В. П.* Энци Таймыра: Современные этнические процессы // Северные архивы и экспедиции. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 54–71.

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет (Красноярск)

А. А. Ильина

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ИЗУЧЕНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-х – 2000-х гг.

Статья посвящена состоянию изучения татарского языка в Томской области (сельской местности и областном центре) в 1990-е – 2000-е гг. Автор приводит данные о количестве школ, в которых преподавался татарский язык, и о количестве учащихся, изучавших его. Описаны актуальные проблемы изучения татарского языка в указанный временной период и возможные пути их решения.

Ключевые слова: Томская область; татары; татарский язык; родной язык; сохранение.

A. A. Ilyina

ON THE STUDY OF THE TATAR LANGUAGE IN THE TOMSK REGION IN THE 1990s – 2000s

The article is devoted to the state of studying the Tatar language in the Tomsk region (rural areas and the regional center) in the 1990s – 2000s. The author provides data on the number of schools in which the Tatar language was taught, and on the number of students who learned it. The actual problems of learning the Tatar language in the specified time period and possible ways to solve them are described.

Keywords: Tomsk region; Tatars; the Tatar language; native language; preservation.

Сохранение этнического многообразия современной России – актуальная задача современности, одну из главных ролей в которой играет сохранение родных языков многочисленных этносов Российской Федерации, поскольку родной язык является основой этнического самосознания. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. на волне всплеска интереса к этническим корням и традициям у представителей многих этносов возник интерес и к изучению родного языка. В результате по всей стране открывались кружки по изучению различных языков, вводилось факультативное обучение в школах, которое впоследствии могло перейти в статус предмета школьной программы, началась подготовка специалистов для обучения родному языку и литературе в педагогических училищах и вузах и т. д. Аналогичные процессы происходили и у татар Западной Сибири. В данной статье речь пойдёт об изучении татарского (литературно-

го) языка в Томской области в 1990-е – 2000-е гг. Отметим отдельно, что вопрос об изучении сибирско-татарского языка не характерен для указанного региона, в отличие от Тюменской области, где сибирские татары весьма многочисленны, хотя в Томской области проживают такие группы сибирских татар, как чаты и эуштинцы.

Закономерным следствием возрождения интереса к родному языку в Томской области в конце 1980-х гг. стало включение татарского языка в школьную программу. В 1989 г. татарский язык начали преподавать в нескольких школах г. Томска, сёлах Томского района (Чёрной речке, Тахтамышево, Эуште и др.) и Кривошеинского района (Новоисламбуль). В 1990-е гг. количество школ Томской области с преподаванием татарского языка увеличилось незначительно. В 1999–2000 учебном году татарский язык в Томской области преподавался в шести школах: в Кривошеинской средней школе, Новоисламбульской неполной средней школе Кривошеинского района, Тахтамышевской неполной средней школе, Эуштинской неполной средней школе, Чернореченской средней школе, Кафтанчиковской средней школе (последние четыре – Томский район). При этом только в селе Тахтамышево Томского района обучение велось в рамках отдельного предмета в объёме 1 час в неделю. Таким образом, явной проблемой для татар Томской области являлся недостаточный объём изучения родного языка в школах, и ситуация со временем не улучшилась.

В 2000–2001 учебном году, по данным управления образования Томской области, татарский язык преподавался в трёх сельских школах с татарским населением: в начальных классах Новоисламбульской основной школы Кривошеинского района (факультативно), в Тукайской начальной школе Зырянского района, в Тахтамышевской основной школе Томского района. Помимо этого, татарский язык преподавался в рамках кружка в деревне Кафтанчиково Томского района (преподаватель – А. З. Абонеева), а также на занятиях в национальном ансамбле «Чишма» («Родник») в селе Чёрная речка Томского района. Таким образом, за один учебный год татарский язык перестал изучаться в четырёх школах (при этом его преподавание началось дополнительно только в одной школе). Особенно отрицательно сказался этот факт на учащихся Чернореченской средней школы Томского района, где в 2000–2001 учебном году татарские дети составляли 122 человека из 198 учащихся, и Эуштинской основной школы Томского района, где татары со-

ставляли 43 человека из 55 учащихся [1, с. 101]. Впоследствии в Эуштинской основной школе изучение татарского языка возобновилось, но лишь посредством краеведческого кружка с охватом учащихся 12–15 чел. [2, с. 42].

По мнению И. В. Нам, проводившей мониторинг состояния национального образования у татар Томской области, на начало 2000-х гг. только в отношении одной школы региона, Тахтамышевской основной школы Томского района, можно было вести речь о постоянных занятиях по изучению татарского языка. Причём и в ней со временем татарский язык был исключён из учебной программы и переведён на положение факультатива. Так, по состоянию на конец 2000–2001 учебного года, татарский язык здесь изучали 23 ученика 5-го и 9-го классов (всего в школе в этом учебном году было 70 учащихся); в 2001–2002 учебном году – 27 учеников: 16 человек – в 6-м классе (1 раз в неделю) и 11 человек во 2-м и 3-м классах (кружок два часа в неделю) [3]. В 2004 г. обучение татарскому языку в школе велось с 1 по 4 класс. В Тахтамышевской основной школе работали два учителя татарского языка, осуществляющие обучение детей дошкольного и младшего школьного возраста языку и культуре татарского народа по комплексной программе. В школе было принято три направления этнокультурного компонента обучения школьников: язык, декоративно-прикладное искусство и вокал с элементами хореографии [2, с. 42].

В областном центре татарский язык в указанный период преподавался в «Школе национального согласия» № 10 в рамках кружка татарского языка «Туган тел» («Родной язык»). По сведениям управления образования Томской области, в 2001 г. татарский язык в школе № 10 изучали 30 детей [1, с. 100]. В 2004 г. родному языку в школе обучалось 24 ребёнка татарской национальности (в основном – учащиеся начальных классов), при этом занятия проводились девять часов в неделю [2, с. 42].

Помимо школы № 10 татарский язык некоторое время преподавался также в школе № 13 г. Томска, что явилось заслугой татарской общественности города и лично Ю. Я. Абдрашитова, первого директора Областного центра татарской культуры, который ходатайствовал об открытии факультатива татарского языка перед директором данной школы, и просьба получила удовлетворение: было организовано факультативное обучение татарскому языку в двух возрастных группах (1–3 классы, 5–8 классы) [4].

Важнейшим очагом изучения татарского языка в Томске в указанный временной период являлся татарский национально-культурный центр – Областной центр татарской культуры (далее – ОЦТК), для которого данное направление деятельности являлось одним из основных. В ОЦТК действовали курсы (кружок) татарского языка, которые в разное время проводили: методист Центра Г. Х. Абдрашитова, доцент Томского государственного педагогического университета З. С. Камалетдинова, а также Р. Ш. Назмутдинова. Ребята изучали грамматику и морфологию литературного татарского языка, а также татарскую литературу, причём весьма углублённо (начиная с литературы древнетюркского периода) [4, с. 141]. В ОЦТК практиковалось проведение праздников родного языка, а в 2000 и 2002 гг. были проведены областные конкурсы татарского языка среди школьников и студентов, в которых участвовали дети из сёл Тахтамышево, Барабинка, Эушта, Чёрная речка, Калтай, учащиеся школ № 10 и № 13 г. Томска, студенты, изучающие татарский язык в ОЦТК и Томском государственном педагогическом университете (преподаватель – канд. филол. наук З. С. Камалетдинова).

Однако занятия по изучению татарского языка и литературы проходили в ОЦТК с перерывами, иногда длительными, так как не было спроса на изучение татарского языка у детей и молодёжи, несмотря на то, что курсы были бесплатными. К тому же, поскольку ОЦТК не имеет лицензии на проведение образовательной деятельности, изучение татарского языка в нём проводилось в форме курсов (кружков).

Таким образом, в Томской области в 1990-е – 2000-е гг. преподавание татарского языка велось в незначительном объёме и проходило в основном по инициативе нескольких человек. Учителя татарского языка школ области отмечали, что нормальному изучению родного языка мешали две существующие проблемы: во-первых, отсутствие учебно-методической литературы (в своей работе учителя используют учебники советского периода) и, во-вторых, отсутствие ставок для учителей [2, с. 42]. По нашему же мнению, важнейшими проблемами в сложившейся ситуации являлись отсутствие кадров для обучения детей родному языку и отсутствие спроса на изучение татарского языка со стороны детей и их родителей. Обучение татарскому языку в школах Томской области велось учителями, окончившими Сибирский тюрко-татарский педагогический техникум Томска в 1950-х гг. (техникум был закрыт ещё в 1954 г.)

и в течение десятилетий не обучавшихся на курсах повышения квалификации по предмету. В рассматриваемый период средние и высшие учебные заведения Томской области не готовили специалистов для работы по преподаванию татарского языка в школах.

По мнению специалистов, для изменения ситуации в сфере обучения татарскому языку требовалось принятие ряда мер: разработка концепции школ с этнокультурным компонентом и специальных программ для развития и сохранения языка, их утверждение в школах, где можно развивать это направление [2, с. 43].

В июне 2000 г. между Управлением образования Томской области и Министерством образования Республики Татарстан было заключено соглашение в области образования, в соответствии с которым со стороны Министерства образования Татарстана предусматривался комплекс мер по возрождению и развитию татарского языка, этнической и духовной культуры детей татар Томской области, предоставление для них целевых мест в средних и высших учебных заведениях Республики Татарстан [1, с. 101]. В ноябре 2003 г. в результате визита делегации Министерства образования Республики Татарстан в Томск данное соглашение было пролонгировано. Соглашение об образовательной деятельности предусматривало развитие национального образования в Томской области, обучение и подготовку кадров – преподавателей татарского языка, истории и культуры татар. У татар Томской области появилась возможность приобрести учебники и методическую литературу по низкой цене.

Однако, несмотря на относительные успехи, ситуация с изучением татарского языка в Томской области в 1990-е – 2000-е гг. оставалась неудовлетворительной и не способствовала его сохранению у жителей региона. Процессы языковой ассимиляции зашли достаточно далеко. Сказывалась нехватка финансирования, учителей и учебно-методической литературы. Важнейшей проблемой являлось нежелание самих татар, особенно в областном центре, изучать родной язык. Для кардинального изменения сложившейся ситуации необходима была планомерная работа и, в первую очередь, разработка комплексной программы по внедрению татарского языка в школы и другие учебные заведения региона. Однако татарская общественность Томской области не уделяла должного внимания проблемам изучения татарского языка (за исключением учителей в местах компактного проживания татар), а татарские нацио-

нально-культурные объединения региона были ориентированы на культурно-массовую работу.

Список источников и литературы

1. *Нам И. В.* Томская область: модель этнологического мониторинга. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, ЕАWARN, 2001. – 148 с.
2. *Камалетдинова З., Абакиров М.* Томские татары теряют родной язык // Территория согласия. – 2004. – № 3. – С. 42–43.
3. Томская область. Этнодемографическая характеристика // Сайт Валерия Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/na_puti_k_/tomskaya_o.html (дата обращения: 18.08.2008).
4. *Абдраштова Г. Х.* Из опыта преподавания татарского языка и литературы в Областном центре татарской культуры // Развитие межнациональных отношений и национально-культурного движения в Сибири: опыт, перспективы: материалы Межрегиональной научной конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – С. 140–141.

Ильина Анна Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

А. А. Авдашкин

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ НА РАССТОЯНИИ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МИГРАНТОВ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА)*

Представленная статья посвящена проблеме родительских стратегий в транснациональном контексте и биографиям детей-мигрантов из Средней Азии. Источниковую базу доклада составили материалы интервью с мигрантами из Кыргызстана и Таджикистана, представителями педагогических коллективов школ Челябинска, в которых обучались дети-мигранты. На основе собранных биографий мы попытались создать классификацию, основанную на положении детей-мигрантов в условиях миграции и степени их интегрированности в принимающее общество.

Ключевые слова: миграция; транснационализм; дети мигранты; мобильность; Центральная Азия.

A. A. Avdashkin

PARENTS AND CHILDREN AT A DISTANCE: TRANSNATIONAL PRACTICES OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIA (THE CASE OF CHELYABINSK)

The presented article is devoted to the problem of parenting strategies in a transnational context and biographies of migrant children from Central Asia. The source base of the report consists of materials from interviews with migrants from Kyrgyzstan and Tajikistan, representatives of the teaching staff of schools in Chelyabinsk, in which migrant children studied. Using collected biographies, we attempted to create a classification based on the migrant children situation in the migration context and the degree of their integration into the host society.

Keywords: migration; transnationalism; migrant children; mobility; Central Asia.

Введение. Дети мигранты в последние годы становятся популярной темой для исследований. «Доля» детей мигрантов в школах, практики адаптации к принимающей среде, родительские стратегии в транснациональных контекстах стали предметом пристального интереса управленцев, экспертов и общественности [1–4]. Отноше-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007 «Азиатский вектор миграций в Челябинскую область: историческая ретроспектива, прогнозы и риски».

ния родителей и детей, миграционные стратегии в отношении детей, практики заботы и воспитания на расстоянии представляют актуальное направление научного поиска [5].

Предметом исследования стали биографии выходцев из Средней Азии в Челябинске; мы попытались увидеть память о детстве и реализации родительских стратегий в транснациональном контексте¹. Источниковую базу составили глубинные интервью с кыргызами и узбеками из Ошской области, мигрантами из Таджикистана, родители которых уехали в Россию, а через некоторое время перевезли своих детей (собрано 44 глубинных интервью)². Вторая группа материалов получена в среде школьных учителей, которые работали с детьми мигрантами (10 экспресс-интервью).

Под родительскими стратегиями мы понимаем комплекс представлений и практик по реализации родительства мигрантов. Он включает родительское участие и заботу в ситуации миграции, решения о миграции детей и возвращении их на Родину, действия родителей в отношении интеграции ребёнка в ту или иную среду, эмоциональное сопровождение миграционного родительства и прочее [5, с. 128].

На основе собранных биографий мы попытались создать классификацию, основанную на положении детей мигрантов и степени их интегрированности в принимающее общество. Разумеется, данная модель носит условный характер, оперируя идеальными типами. Она сформировалась на основе общения и наблюдений за коммуникациями родителей и детей, осмысления опыта жизни в миграции. Представленная классификация помогает увидеть стратегии родителей и усилия, направленные на интеграцию детей. Полученные результаты совпадают с оценками и интерпретациями в специализированной литературе на данную тему [5; 6].

Возвращение домой. В данную группу мы относим различные случаи, когда мигранты, будучи детьми, возвращались домой. Как правило, это те, кто по разным причинам не смог адаптироваться в новых и непривычных для себя реалиях. Зачастую это или дети из консервативных семей или те, чьи родители не связывали своё будущее с принимающей страной. Они не имели желания изменить образ жизни, окружение, не предпринимали мер по интеграции через систему школьного образования или обучение русскому языку. Так, страх перед ЕГЭ часто является фактором для отправки детей обратно в Таджикистан³.

Будущее данной группы детей связывается не с миграцией, а со страной исхода. Концепции ухода за детьми и их воспитания полностью основаны на «домашних» сценариях. В числе ярких примеров назовём: отказ от питания в школьной столовой, соблюдение поста, запрет девочкам на посещение уроков физической культуры, кружков и других мероприятий. В основе описания этого сценария лежат истории тех, кто уехал, тех, кто приехал в Россию в более зрелом возрасте после неудачной попытки адаптации в детстве, а также интервью школьных педагогов.

Кроме того, в ситуации родительства на расстоянии забота и контроль существенно осложнены, взаимодействие между родителем и ребёнком происходит опосредованно, т. е. привлекаются коммуникационные технологии (начиная от звонков в Skype и заканчивая всеми возможными мессенджерами). Часто ответственность делегируют кому-то из родственников.

Временное пребывание. В этой группе статус и время пребывания в миграции определить трудно. На это влияет множество факторов: положение родителей на рынке труда, способность освоения семьёй и детьми русского языка, адаптация к школьной системе образования, городскому образу жизни, непривычному климату. Здесь мы чаще ведём речь о подростках 13–15 лет, которые уже успели социализироваться на Родине. Родители накладывают на них те же запреты, что действовали в стране исхода. Например, старшие братья, которые регулярно контролируют общение в сети интернет младших сестёр, пока родители находятся на заработках в Москве или уезжают на Родину.

При выделении данной группы случаев возникало впечатление, что родителям трудно понять, как воспитывать детей, не было определённости в планах на будущее [см. подробнее: 7]. В итоге «на всякий» случай семья пыталась оградить детей от влияния местной среды. Их могло живо интересовать, почему их дочь сидит за одной партой с мальчиком, носит ли она платок, а успеваемость отходила на периферию. Родители немало внимания уделяли теме «дурного влияния» на их детей, пытались создать барьеры, которые защитят их от него на время пребывания в стране [6, с. 20].

Постоянно пребывание. В эту группу мы включили тех, кто успешно социализировался в принимающем обществе. Представители этой группы успешно овладели русским языком, стремятся к получению образования и др. С ними связаны высокие ожидания

родителей, они не препятствуют реализации планов. Здесь не возникает конфликтов, вызванных желанием сына стать полицейским или юристом вместо рыночного торговца. В процессе сбора материалов мы замечали, как чётко может проводиться грань между такими детьми и родителями. Родители в этой логике не принадлежат к принимающей стороне, а дети являются её частью («они здесь свои, а мы как чужие», «они уже не как мы... из кишлака»).

Проиллюстрируем данный факт примером семьи из Таджикистана. Семья живёт в Челябинске уже более двадцати лет. В семье несколько детей – девочка Лола (22 года), сыновья Шер (19 лет) и Акмал (8 лет). В среде их общения практически нет таджиков, все они неплохо учились в школе, старшие дети поступили в университеты. Дома с детьми общаются только на русском языке, таджикский в семье практически забыт, нет строгости соблюдения религиозных норм. К примеру, Лола не носила платок, её практически не ограничивали в круге общения, контроль носил минимальный характер. Таджикистан не ассоциируется с Родиной или положительными картинками. Лола и Шер негодуют, что их родители когда-то жили в одной из самых бедных стран региона, где население не имеет доступа к качественной медицине, образованию и др. При последней встрече много внимания уделяли причинам конфликта на таджикско-кыргызской границе («из-за воды... как там жить»).

Заключение. Исследование представляет собой попытку осмыслить память о детстве и реализации родительских стратегий в рамках Урала. Разумеется, собранный материал нуждается в более глубоком осмыслении в формате рукописи, а не короткого доклада. Родители прикладывают усилия для участия в жизни своих детей, даже находясь в миграции. «Семейное» пространство они поддерживают с помощью транснациональных практик (краткосрочный отпуск; воспроизводство практик, принятых «дома» и т. д.). С помощью мессенджеров реализуются повседневные практики общения и воспитания (указания, контроль и санкции). Несмотря на то, что разделённость родителей и детей расстоянием не воспринимается как серьёзная проблема, неизбежно возникает напряжённость и конфликты, ведущие в итоге к дезинтеграции семьи. Как мигрантам удаётся выходить из этих проблемных ситуаций, с какими издержками и др. – это уже является предметом отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как правило, такие исследования проводились на материалах Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Томска.

² На момент проведения исследования респондентам было от 18 до 25 лет. Большинство из них несколько лет прожили в отрыве от своих родителей, находясь на воспитании родственников.

³ В некоторых случаях мы наблюдали свидетельства конфликта «отцов» и «детей», когда на девочек во время проживания в России возлагали основную работу по дому, уход за младшими братьями и сёстрами. Мальчики, в свою очередь, привлекались к семейному бизнесу или помощи страшим родственникам (торговля на рынке, приём денег в общественном транспорте и др.). В итоге усилия по интеграции со стороны детей пресекались в семье, родственниками, с которыми на тот момент жил ребёнок. Данные случаи пока просто учтены в базе источников, но их обстоятельный анализ планируется провести уже не в формате доклада.

Список источников и литературы

1. *Александров Д. А., Ивановшина В. А., Казарцева Е. В.* Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. – 2015. – № 2. – С. 173–195.
2. *Борисова Е. В.* Детская мобильность в контексте миграции из Таджикистана // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 73–80.
3. *Вандышев М. Н.* Как обучать детей мигрантов – вместе или отдельно? Опыт педагогов Свердловской области // Вопросы образования. – 2019. – № 2. – С. 179–197.
4. *Деминцева Е. Б.* Дети мигрантов в школах Томска и Иркутска: проблемы адаптации и меры включения в школьное пространство // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – № 4. – С. 673–688.
5. *Бредникова О. Е., Сабирова Г. А.* Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. – 2015. – № 26. – С. 127–152.
6. *Борисова Е. В.* «Не стала здороваться – вот что значит ездить в Россию!»: возвращение детей мигрантов как предмет моральных суждений в Таджикистане // Этнографическое обозрение. – 2017. – № 3. – С. 16–31.
7. *Джанызакова С. Д.* «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 72–86.

Авдашкин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

К. К. Басирова

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В данной статье автором показана роль семьи в воспитании детей. Раскрываются характеристики национально-культурных ценностей семейного воспитания народов Дагестана. В нём культивируется верность традициям, любовь к материнскому языку, благоговение перед духовно-нравственными сокровищами родного народа.

Ключевые слова: семья; народы Дагестана; нравственные ценности; традиции; воспитание детей.

K. K. Basirova

FAMILY EDUCATION OF CHILDREN IN THE PEOPLES OF DAGESTAN ETHNIC CULTURE

In this article, the author shows the role of the family in the children's upbringing. The characteristics of the Dagestan peoples family education national and cultural values are revealed. It cultivates loyalty to traditions, love for mother tongue, and reverence for spiritual and moral treasures of the native people.

Keywords: family; the peoples of Dagestan; moral values; traditions; parenting.

В современных условиях коренных социальных изменений в России особенно возрастает роль семьи в процессе становления личности, поскольку семья является первой реальной социальной средой ребёнка. Семья как социальный институт приобщения детей к общечеловеческим и культурно-национальным ценностям изучается философами, социологами, психологами, педагогами, историками, государственными и общественными деятелями. Она является социальным институтом, фокусирующим в себе совокупность общественных, педагогических, этических, половых, правовых и конфессиональных отношений [1, с. 53].

Разрушение, распад семьи имеет катастрофические последствия, поэтому её укрепление означает стабилизацию положения нации в полиэтническом пространстве. Для реализации семейной этнопедагогической программы должны использоваться духовно-нравственные, этнокультурные, социальные, материальные ресурсы. Дагестанская семья на нынешнем этапе развития представляет

собой традиционно устоявшуюся структуру общности людей, живущих вместе, связанных родственными узами, ведущих общее хозяйство, выполняющих репродуктивные функции и решающих задачи образования. Именно семья является подлинным хранителем и транслятором народных традиций и обычаев.

Веками, живя на одной территории, в одних и тех же условиях, вступая во всё более тесные контакты друг с другом, дагестанские народы неуклонно сближались, обменивались педагогическим и культурным опытом. Этим путём они взаимообогащались, приобретая много общих черт в воспитании, быту, культуре и традициях. Как отметил Р. М. Магомедов, «непрерывность бытования этнокультурной общности народов Дагестана в естественных проявлениях их исторической жизни и в общественном сознании привела их к взаимозависимости, к тесному сотрудничеству и взаимопомощи. Эту близость исторических традиций и социально-культурной общности дагестанские народы пронесли через века» [2, с. 246].

Из глубины веков и до сегодняшнего дня семья оказалась достоверной реальностью, в которой протекает основная смыслообразующая часть жизни каждого из нас. Институт семьи был и остаётся незыблемым, стабильным, значимым фактором в жизни людей. Именно в семье происходит оценка наших чувств, воли и разума. Нравственные основы воспитания закладываются с раннего детства в жизни каждого человека, наполненной любовью и заботой родителей. В настоящее время семья представляет собой устойчивое социальное образование, сохраняющее свои стабилизирующие функции. По мнению А. Г. Харчева, «семья – это исторически конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми как малой группы, члены которой связаны брачными узами или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [3, с. 23]. Именно в семье человек обучается социальным ролям, получает основы житейских знаний, навыки поведения. Семья является основой всех других социальных институтов, и поэтому развитие семьи означает развитие нации в целом, и семья создаёт неуловимую атмосферу чувств, которыми дышат подрастающие поколения. Возникнув под влиянием определённого комплекса социально-экономических факторов, семейно-бытовой уклад становится относительно самостоя-

тельным, тем более что сфера семейного быта более замкнута и консервативна.

Семья всегда понималась как колыбель человеческой цивилизации, хранительница общечеловеческих, культурных и нравственных ценностей; семейное воспитание связывалось с развитием дарований человека. Вся история развития человечества свидетельствует о том, что именно в семье люди находили смысл своего бытия и душевного благополучия. Система нравственных ценностей как основы духовной жизни современной дагестанской семьи является определяющей для полной характеристики целостного этнопедагогического опыта горцев. Каждая семья в своей реальной жизни несёт определённый тип культуры, выражает своё отношение к господствующим в обществе ценностям и идеалам. Духовное воспитание идёт через религиозные ценности и ценности народной педагогики в семейном укладе: трудовые традиции, свадебные обряды, праздники, разнообразные жанры устного и народного творчества. Смысл народной педагогики дагестанцев при воспитании личности состоял в следующем: во-первых, «чужих» детей не бывает и в воспитании должен быть принцип соборности, означающий сочетание единства и свободы многих лиц на основе их общей любви к Всевышнему и всем абсолютным ценностям [4, с. 121].

Процесс воспитания детей протекал под непосредственным влиянием всего уклада жизни, окружающей среды, трудовой деятельности, обычаев. При этом большое внимание уделялось физическому, трудовому и нравственному воспитанию детей: учили их владеть оружием, ездить верхом, преодолевать всевозможные трудности и лишения. Семейное воспитание дополнялось общественным – общество влияло на детей через самые различные каналы: кунацкую, сборища на свадьбах, аульных сходах и в местах проведения досуга. Необходимо было координировать усилия всех направлений по воспитанию детей. Во-вторых, присутствовала необычайно глубокая любовь к детям, большая доброта и забота о стариках. Дети – это лучшие выразители и представители народа, в которых сосредотачивается этническое и особенное наиболее плотно. В свою очередь, нравственный долг взрослых детей – уважение старости, забота о престарелых родителях, почтительное отношение к лицам преклонного возраста. О долге детей перед родителями свидетельствуют многие народные пословицы и поговорки: «Слезы матери никогда

напрасно не пропадают», «Почитай отца и мать, будет тебе везде благодать» и т. д. [5, с. 146]

Родительская любовь во все времена давала «запас прочности», а также чувство психологической защищённости. Особую роль в ней играл, несомненно, личный пример. Одним из действенных условий успеха семейного воспитания Л. Н. Толстой считал пример родителей: «Все воспитание сводится к тому, чтобы самому двигаться, воспитываться: только этим люди влияют на других, воспитывают их, и тем более на детей, с которыми они связаны» [6, с. 187].

В-третьих, это трудолюбие, труд во благо семьи и родного края. Важнейшей заповедью нравственности русского и дагестанского народов является любовь к труду и людям труда, и это детям внушалось с малолетства. По народным обычаям родители должны научить детей трудиться. Каждый кубачинец, к примеру, должен научить сына своему ремеслу. Табасаранки учат своих дочерей ткать ковры, вязать «джурабы». Унцукульцы учат детей резьбе по дереву, балхарцы и сулевкентцы – делать глиняную посуду. Цумадинцы и андийцы – шить бурки, куппинцы – шить шапки, сулевкентки – вышивать «платки-кузе». Таким образом, осуществляется преемственность поколений, т. е. естественного воспитания. В народе говорят: «Сажай деревья, а если на века – воспитывай детей». То, что даёт семья, – это надолго.

В Дагестане есть обычай, способствующий приобщению молодёжи к труду и оказывающий огромное влияние на воспитание современной молодёжи. Этот обычай помощи называют: «гвай» (авар.), «бил-къа» (дарг.), «мел» (лезг.) «марща» (лак.). В строительстве дома для будущих молодожёнов принимают участие все жители села, а прежде всего – близкие и дальние родственники. Сложившиеся веками и сохранившиеся до наших дней традиции взаимовыручки, взаимной помощи и поддержки способствуют укреплению родственных связей. Накопленный жизненный опыт передавался из поколения в поколение через семейные отношения и духовные ценности дагестанского народа. Основополагающими добродетелями дагестанского народа традиционно считались: преданность Отечеству, самоотверженность, храбрость, стойкость, взаимовыручка, трудолюбие [7, с. 116].

В-четвёртых, это патриотизм как любовь к Отчизне, любовь к малой и большой Родине, готовность верно служить делу их процветания, любить свой дом и готовность защищать его. Конечно,

патриотизм, в той или иной мере, развит у людей всех народов. Но у дагестанца в высочайшей степени, до боли, развито чувство ностальгии – тоски по Родине. Особенностью народной духовной культуры вообще является её способность развиваться и пополняться новым, не отказываясь от старого. Именно эта особенность и делает весьма актуальным изучение семейной культуры дагестанского народа.

Традиционная народная культура Дагестана, несмотря на всё своё несомненное многообразие, также свидетельствует об исконном духовном воспитательном единстве дагестанских народов. Это прослеживается в таких её сторонах, как одинаковые традиции воспитания – почитание старших, воспитание детей на примере старших; существование мелодий или фольклорных сюжетов, общих для нескольких или даже для всех народов Дагестана; то же можно сказать и о разных видах орнаментов, об элементах национальной одежды (особенно мужской) и т. п. Каждый исторический период характеризуется своеобразным культурным, нравственно-духовным обновлением народа, восхождением его на новый уровень цивилизации, обогащением его духовного потенциала. Устойчивость и консерватизм обычаев, традиций, обрядов были поистине спасительными для сохранения и передачи новым поколениям достижений культуры.

В-пятых, это традиционность, которая проявляется в опоре на народную культуру, народные традиции, народный язык, народную педагогику, народные обряды, народные ремесла, промыслы и т. д. Воссоздание народных традиций и традиционной культуры невозможно без глубокого изучения, осмысления и применения воспитательных традиций народной педагогики. Все эти особенности могут быть объединены общим понятием – «народность менталитета» [8, с. 61].

Таким образом, меры по укреплению семьи как оптимального института воспитания и развития будущих поколений становятся объектом возрастающего внимания со стороны органов государственной власти и общественности. Защита и помощь семье – это жизненная необходимость, продиктованная нынешней ситуацией в России. Создание условий для улучшения материального положения семьи, стимулирования рождаемости, возрождение и укрепление национальных традиций, культуры народа, его самобытности, неповторимости – первостепенные задачи, стоящие перед государ-

ством. Этому отдаётся приоритет, поскольку учитывается ключевая роль семьи в процессе сохранения и укрепления российской государственности, национальной духовности и культуры, коренных этносов. Преемственность семейных традиций чрезвычайно актуальна для страны, важно восстановить в сознании людей модель здоровой семьи, ориентированной на продолжение рода, возрождение ответственного и уважительного отношения к семейным ценностям. Необходимо возродить давние народные традиции, вернуть воспитание семье, родителям, признав их главными наставниками, ответственными за воспитание подрастающего поколения.

Список источников и литературы

1. *Гранкин А. Ю.* Семейная педагогика в России во второй половине XIX – начале XX века. – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 1996. – 85 с.
2. *Магомедов Р. М.* Дагестан. Исторические этюды. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1971. – 267 с.
3. *Харчев А. Г., Мацковский М. С.* Современная семья и её проблемы. – М.: Статистика, 1978. – 223 с.
4. *Мусаева М. К.* Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 252 с.
5. *Алимова Б. М., Мусаева М. К.* Функции семьи: традиции и современное состояние // Вестн. Ин-та ИАЭ. – 2016. – № 4. – С. 140–149.
6. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 20 т. – Т. 17. Письма, 1845–1886 гг. – М.: Худ. лит-ра, 1965. – 612 с.
7. *Мусаева М. К.* Возрастные особенности и методы воспитания детей в Нагорном Дагестане (XIX – начало XX в.) // Вестн. Ин-та ИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2006. – № 3 (7). – С. 112–120.
8. *Чумакова Э. И.* Интеграция народов в современных условиях // Этнодиалоги. Московское эхо Кавказа. – М.: Этносфера, 1997. – 124 с.

Басирова Карина Касумовна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала)

А. М. Диянова, Ш. А. Сексембаева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДНОСТЬЮ, В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ АУЛА КАРАЗЮК НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается бытование некоторых традиционных обрядов и верований в современной культуре казахов аула Каразюк. Приводится описание обряда вызывания дождя. Анализируется комплекс представлений, связанных с колыбелью бесик. Делается вывод о сохранении данной совокупности верований как части традиционной культуры в современном мировоззрении казахов аула Каразюк. Приводится объяснение о разной степени их бытования.

Ключевые слова: обрядность; обряд вызывания дождя; колыбель; казахи.

A. M. Diyanova, Sh. I. Seksembaeva

ETHNOGRAPHIC ASPECTS RELATED TO TRADITIONAL RITES IN THE CULTURE OF THE KAZAKHS OF THE VILLAGE OF KARAZYUK AT THE PRESENT STAGE

The article describes the existence of some traditional rituals and beliefs in the modern culture of the Kazakhs of the Karazyuk aul. The description of the rain-making ritual is given. The complex of beliefs associated with the besyk cradle is analyzed. The author concludes that this set of beliefs as part of traditional culture is being preserved in the modern worldview of the Kazakhs of the Karazyuk aul. An explanation of the different degrees of their existence is given.

Keywords: rite of passage; rain-making rite; cradle; Kazakhs.

Аул Каразюк локально располагается на юге Омской области, в Нововаршавском районе. Поселение относится к моноэтническим казахским территориям. Насчитываемая более чем 300-летняя история здесь бережно сохраняется, как и целый пласт традиционных черт в повседневной и обрядовой жизни. Следует подчеркнуть, что в поле научной проблематики данные этнографические аспекты вводятся благодаря системной деятельности педагогов и обучающихся Центра казахского языка и культуры «Байтерек» при Каразюкской основной общеобразовательной школе.

Исследовательские работы уже охватили широкий спектр тем современной этнографии казахов аула Каразюк. В данной статье мы

рассмотрим ряд традиционных сюжетов из области обрядовой культуры, которые позволят сделать выводы о мировоззренческих позициях населения. В частности, нами будут исследованы моменты, связанные с бытованием в духовной культуре обрядности, связанной с колыханием бесик и вызыванием дождя («Тасаттык»).

Первый сюжет касается сохранения в жизни населения аула обряда вызывания дождя «Тасаттык». Его семантика подразумевает совершение участниками жертвенных и молитвенных действий, имеющих целью получение расположения высших сил и дарование дождя. Само слово «тасаттык» происходит от арабского «тасаддук» – «жертва», «жертвоприношение».

По словам информатора Мусабековой Кукен, решение о проведении принимается совместно: в обсуждении целесообразности участвуют мулла, старейшины и местные жители. Они назначают дату, распределяют ответственных за сбор средств на покупку жертвенного животного, необходимых продуктов. Респондент отмечает, что каждый год находятся люди, которые дарят жертвенное животное на эти нужды [1, л. 7].

В ауле Каразюк обряд проводят преимущественно один раз в год после посевной. Но если дождь так и не пойдёт или осадков будет недостаточно, то его непременно повторяют.

В назначенный день все желающие собираются до утреннего намаза, затем имам читает молитву из Корана, после чего приносят в жертву животное – барана, лошадь или крупнорогатый скот; далее организуется совместная трапеза и в заключение обряда кости животного закапывают в землю.

По словам наших респондентов, раньше обряд проводили на природе или возле зирата (кладбища), так как считали, что духи предков в состоянии выполнить их просьбу. В настоящее же время обряд проводят на территории мечети, на улице [1, л. 9].

Животное для обряда выбирают основательно. Оно не должно быть больным. Важен также возраст: следует резать жертву от одного года жизни и выше. В процессе жертвоприношения правая сторона шеи животного должна быть направлена в сторону Киблы (по исламским традициям – это направление в сторону священной Каабы) [1, л. 9].

Всем совершеннолетним перед обрядом Тасаттык нужно провести Тахарат (дарет) – обряд омовения.

После того, как проходит совместная трапеза, мужчины-участники собирают все кости животного и далее их вместе с кровью закапывают в землю. Для этого выбирают чистое, нехоженое место. Отдавать кости собакам ни в коем случае нельзя. Всё мясо должно быть съедено во время обряда.

Далее в череп животного помещают молитву, написанную имамом, и бросают его в ближайший водоём. Место необходимо запомнить для того случая, если дождь окажется затяжным. Тогда череп следует извлечь из воды [1, л. 10].

В ходе интервью с муллой аула Каразюк Рахимжановым Сабыржаном и имамом Абулхановым Жакеном Каиржановичем нами было уточнено значение участия духовного лица. Безусловно, важным считается совершение пятикратного намаза, обладание духовной чистотой, а также правильное произнесение молитвы.

В качестве самого главного требования, предъявляемого ко всем участникам, выступает нахождение в позитивном настроении и благих мыслях. Только тогда пожертвование будет идти от чистого сердца и возымеет силу.

О ныне утраченной традиции, но имевшей бытование ещё недавно, в 1970-е гг., нам сообщил староста аула Каразюк Шулянов Кажат Абишевич: «Когда я был молодым, каждую весну перед проведением обряда старейшины аула обходили заброшенные дома и, если дымоходы в них были открыты, они велели хозяевам их закрыть. Также посещали зират, осматривали старые могилы и присыпали их землёй, если требовалось» [1, л. 10]. Кажат Абишевич утверждает, что после проведения всех этих действий дождь должен обязательно пролиться во время обряда.

Данный обряд характерен для культуры разных народов: уйгуров, адыгов, дагестанцев, сибирских татар и др. В качестве общих позиций отметим следующие: проведение в период засухи, жертвенное животное, обязательное присутствие муллы, чтение молитв, приготовление ритуального блюда, многочисленность участников. Однако наибольшее сходство обряд казахов аула Каразюк имеет с вариантом, бытующим у сибирских татар.

Второй сюжет, характеризующий пласт современной, но ставшей уже семейной обрядности, связан с исследованием культурной роли колыбели бесик. Отметим, что ранее бесик считался священной реликвией в каждой казахской семье, бережно хранился и передавался из поколения в поколение. Множество поверий, традиций и обря-

дов окружало колыбель. Считалось, что её нельзя жечь, ломать или удлинять – этими действиями можно укоротить жизнь ребёнка.

В ходе исследования мы выяснили: многие ныне живущие в ауле Каразюк семьи сегодня заменили бесик на детские кроватки фабричного производства, коляски. Кто-то из респондентов утверждал, что бесик – несовременная вещь, она не совсем удобна для применения в нынешних условиях, а кто-то просто не был знаком с её конструкцией. К минусам традиционного устройства колыбели респонденты отнесли тот факт, что практически всё время ребёнок перевязан в области живота и груди, а это мешает нормальному дыханию. К тому же бесик постоянно закрыт покрывалом или тканью, это также препятствует поступлению чистого воздуха [2, л. 1].

Вместе с тем некоторые приверженцы бесика в ауле ещё остались. Среди них есть те, кто действительно осознал удобство и ценность этого предмета быта. Так, члены трёх поколений семьи Курмашевых по-прежнему его используют, например, во время обрядов в ходе национальных праздников.

Один из деревянных бесиков, которому более 70 лет, хранится в историко-этнографическом музее Каразюкской школы. Бесик под инвентарным номером ШЭМ-131 был передан в дар музею членами семьи Абулхановых. Музейный предмет представляет собой люльку для грудного ребёнка младенческого периода. Данный бесик подарили внуку родители отца. Сыну семьи Абулхановых Аману повезло спать в колыбели, в которой ранее спал его дедушка.

Колыбель изготовлена из сосны. Каждый мастер украшал бесик разным орнаментом – цветами и узорами. У этого экспоната также предположительно были узоры, но, к сожалению, они не сохранились. Деревянные ручки колыбели – тёмного цвета, имеют потёртости.

Конструкция казахского бесика очень простая и, одновременно, сложная. В нём все детали, помимо индивидуального назначения, имеют свои названия. Например, под проёмом колыбели расположен шумек – трубка и түбек – ёмкость-горшок. Тубек изготавливали как из глиняного теста (керамический), так и из стекла. У этого экспоната тубек был стеклянный. Внутри данного бесика лежали образцы специальных мягких подстилок из шерсти, для того, чтобы ребёнку было комфортно в люльке, и каждая часть его тела располагалась правильно. Здесь же есть верёвки («тартпа бау»), которыми страховали младенца от выпадения. Одной закреп-

ляли верхнюю часть туловища, а другой – нижнюю, в области коленей. Сверху, к ручкам была присоединена палочка, предназначенная для подвешивания бесика на пружину. На весу было удобнее качать ребёнка [2, л. 2].

Представленный в экспозиции музея бесик свидетельствует, что его конструкция полностью отвечала принципам удобства для матери и ребёнка в условиях кочевого образа жизни. Хотя, безусловно, сегодня данный предмет материальной культуры изжил себя в силу коренных перемен в образе жизни.

Несмотря на это, все обряды, связанные с бесиком, сегодня реконструированы как театрализованные представления. Они стали частью культурно-образовательных программ и этнотура «Азиатская экспедиция: в поисках памяти предков». Приведём их описания.

Бесикке салу (укладывание в колыбель) – традиционный казахский обряд родильного цикла. Торжественное мероприятие устраивалось, когда младенца первый раз клали в бесик. Первый раз это поручалось уважаемой, опытной, имеющей авторитет среди других жителей, бабушке или женщине. По традиции у казахов до 40 дней ребёнка не показывали никому; по окончании этого срока младенца укладывали в специально приготовленную колыбель, бесик.

Перед этим проводили ещё один обряд – «Аластау» – очищение, окуривание комнаты и колыбели от нечистой силы дымом и произнесение защитных слов. После обряда «Аластау» бабушка вешала на ребёнка тумар – оберег-молитву, чтобы он защищал его от нечистой силы и злых духов, а также придавал силы и здоровье.

Далее следовал обряд «Тыштыма». Через отверстие для горшочка в днище колыбели пропускали конфеты, курт, сладости, приговаривая: «Тышты! Тышты!». Это поверье означает, что родившийся ребёнок принесёт в дом благополучие и богатство.

Затем ребёнка пеленали и связывали лентами, пришитыми к бесику. У изголовья клали в качестве оберега нож. Затем бесик покрывали семью предметами: одеялом, халатом, кебенком (плащом из тонкого войлока), шубой, попоной и сверху клали узду и нагайку. Халат символизировал уважение, шуба и попона – богатство, узда – быстрый рост ребёнка, а кебенек и нагайка обозначали то, что ребёнок должен стать защитником своего народа [2, л. 8].

По окончании целого комплекса обрядов мать традиционно одаривала гостей: бабушке полагался платок, а остальным – отрез ткани.

Исследовав в данной статье современное бытование двух видов обрядов календарного цикла, а именно – обряда вызывания дождя и семейного (родильного) обряда, связанного с колыбелью бесик, мы пришли к следующим выводам. Безусловно, второй вид сегодня практически утратил среди жителей аула веру в его истинное предназначение. И в настоящее время всё, что связано с колыбелью бесик, – это, скорее, дань традиции, но без веры в её смыслы. Чего нельзя сказать об обряде вызывания дождя. На наш взгляд, это объясняется следующим. Силы природы по-прежнему не подвластны человеку. Поэтому казахи аула Каразюк продолжают верить в получение помощи предков и Аллаха в этом вопросе и проводить обряд ежегодно. Смена образа жизни не подчинила человеку природу, что, как и ранее, сохраняет его зависимое от неё положение и актуализирует для казахов аула данный обрядовый пласт мировоззрения.

Список источников и литературы

1. Архив Историко-этнографического музея МБОУ «Каразюкская основная общеобразовательная школа». Ф. 1. П. 5. 17 л.
2. Архив Историко-этнографического музея МБОУ «Каразюкская основная общеобразовательная школа». Ф. 1. П. 7. 14 л.

Диянова Александра Михайловна – кандидат культурологии, заведующая кафедрой дополнительного образования, воспитания и охраны здоровья БОУ ДПО «Институт развития образования Омской области» (Омск)

Сексембаева Шолпан Ильшевна – директор Каразюкской основной общеобразовательной школы (аул Каразюк Нововаршавского района Омской области)

Ю. И. Ожередов, А. А. Ярзуткина

«УДАЧА» ПО-ЧУКОТСКИ*

Настоящее сообщение основано преимущественно на полевых материалах, собранных в 2011–2020 гг. в среде коренных жителей 23–80 лет Чукотского автономного округа. Как установлено, одно из ключевых мест в пространственно-магическом поле современных чукчей и их далёких предков занимает термин «удача». Важным моментом является ассоциация данного слова с ирреальным существом, обозначенным в вербальных и литературных источниках фактом наличия, нежели природой происхождения. В настоящем исследовании авторы делают попытку решить данный вопрос в рамках существующих немногочисленных источников.

Ключевые слова: Чукотка; чукчи; воззрения; культ; «удача»; семантика.

Yu. I. Ozheredov, A. A. Yarzutkina

CHUKCHI IDEAS ABOUT LUCK

This publication is based primarily on field material collected in 2011–2020 among the indigenous inhabitants of the Chukotka Autonomous Okrug at the age of 23–80 years. It was found that one of the key places in the spatially-magical field of the modern Chukchi and their distant ancestors is the term "luck". An important point is the association of this word with an unreal being, which is indicated in verbal and literary sources by the fact of existence rather than by the nature of origin. In this study, the authors make an attempt to resolve this issue within the framework of existing sources.

Keywords: Chukotka; Chukchi; views; cult; "luck"; semantics.

В рационе летнего питания береговых чукчей традиционно лидируют мясо и жир кита, добычей которого занимаются специализированные бригады морских охотников-зверобоев. На опыт, силу, наблюдательность, чутьё и реакцию, а, по сути, – на индивидуальные качества каждого охотника, из которых складывается успешный добычливый промысел, возлагается ответственность за бесперебойное обеспечение населения необходимыми морепродуктами. Однако, как показывают натурные полевые исследования, перечень составляющих успеха в многотрудном китовом промысле далеко

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Этноэнциклопедия чукотской культуры», проект № 19-09-00268.

не ограничивается рациональными действиями. Как оказалось, неотделимым его элементом является иррациональное понятие, обозначенное словом «удача».

В полевой практике автора настоящей работы А. А. Ярзуткиной зафиксирован случай, наглядно иллюстрирующий данный аспект промысловых воззрений. В ходе беседы об охоте на моржей и китов с одним из бригадиров («звеньевых») китобоев ей стало известно, что в последнем выходе в море бригада потеряла кита и гарпун, застрявший в его теле. Охотникам удалось взять ситуацию под контроль, подранка нашли, но потеряли несколько промысловых дней, да к тому же гарпун получил повреждение и потребовал ремонта. В заключение встречи зверобой посоветовал собеседнице как можно быстрее убраться из посёлка, мотивируя свою просьбу словами: «Удачи нет из-за тебя» [1].

В контексте семиотического (знакового) исследования особый интерес представляет значение слова «удача» в коннотации «дух удачи». Ключевой для семиотической дешифровки данного тезиса является информация В. Г. Богораза, позже актуализированная И. С. Вдовиным. В специальном параграфе второго тома монографии «Чукчи», озаглавленном «Жертвоприношение для получения удачи на уходе» учёный писал: «Человек, отправляющийся на охоту в чужой район или на рыбную ловлю к озеру или реке, приносит в жертву этой местности некоторую часть из ограниченных запасов провизии» [2, с. 79; 3, с. 166]. Жертвоприношения производились несколько раз в году, почему в литературе они закрепились под названием «праздники», хотя их «идея состояла не в увеселении, а в том, чтобы отблагодарить “божества”, покровителей, хозяев за полученную удачу, в промыслах, в ведении оленеводства... снискать благополучие и успех в охоте, заручиться благорасположением на будущее» [3, с. 157].

Согласно мифологическому мышлению, каждый объект природы управляется индивидуальным духом-хозяином (хозяйкой) места: лесом, рекой, озером, горой или морем. Соответственно, жертвоприношения, пусть в символической форме, направлялись конкретному инаковому существу. Наряду с хозяевами материализованных объектов существовали хозяева абстрактных субстанций, получавшие наравне с первыми свои жертвы [4]. Применительно к нашему случаю, в их ряду числился слабо формализованный в воззрениях чукчей, латентный по природе «дух удачи».

В смысловом отношении данный термин способен рассматриваться в двух видах или состояниях материи: 1) в формате ментифакта, в качестве незримого воображаемого существа (божество, дух) или в ещё более абстрактном эмоциональном выражении (состояние/настроение); 2) в виде материализованного артефакта (фигура, изображение, знак). Трудность его идентификации состоит в том, что особенностью традиционной чукотской духовной (религиозной) культуры является почти полное в ней отсутствие тех и других. Вместе с тем, сохранившееся в языковом составе чукчей понятие даёт основание полагать, что современное его состояние является не исходным, а лишь остаточной фрагментарной памятью воззрений глубокой древности, незапамятных времён этапа праистории и праязыка. С соответствующим тому времени универсальным содержанием и широким кругом пользователей предэтнического состава. На этом основании и при наличии семиотически сходных образов и ритуалов появляется возможность сопоставить чукотский образ «Удачи» с аналогами из воззрений культур, в пантеоне которых образ «Удачи» виден более явно.

На этапе первоначального сложения цивилизации, проходившей преимущественно в рамках бесписьменной истории основной части евразийского материка, большой удачей являются клинописные источники. Именно они сохранили некоторые имена и обряды, сформированные вокруг них и зафиксированные впоследствии в ранних иератических иудейских и христианских нарративах. В частности, ими был упомянут «Молох, или Удача», который «был богом счастья у римлян, шумеров и карфагенян» [5]. По другим данным его культ практиковался у аммонитов («мерзость аммонитская»), также в Финикии и Палестине (тофет в долине Хинном). На основании корневой общности (milk – царь) предполагается его коннотация с аммонитским *Милькомом* и добиблейским *Яхве* [6, с. 484; 7, с. 169]. Древние тексты рано упоминают о культе Молоха, «предполагая местом его происхождения Египет или ещё более ранние времена». «По описанию раввинов, идол Молоха представлял медную статую с бычачьей головою, прочими человеческими членами, с пустою внутренностью и с простёртыми к низу руками, на которые полагали обречённых ему в жертву детей и на которых они от пылающего снизу пламени сгорали» [6, с. 484]. «Со спины у него была медная печь, а перед ним – медная сковорода; сзади в Удачу подбрасывали дрова, пока не раскалится из-

ваяние. А жрецы его несли в руках секиры, большие и отточенные» [5]. По преданиям «Удача» принимал в жертву только грудных младенцев из рук матерей. Прибывая в очередное селение, жрецы призывали: «Кто хочет удачи, неси жертву Удаче!». И женщины несли своих детей со словами: «Отдам, чтобы была удача!». Служители культа, разрезали их на куски и клали на сковородку Удачи, чтобы пожарить. «Так до 40–50 детей за раз клал он на ту сковородку» [5; 7, с. 169]. На основании имеющихся описаний, очевидно, что прямыми участниками ритуала, непосредственными подателями жертвы «Удаче» являлись женщины.

Точно так же, большинство «праздников» чукчей не обходилось и теперь не обходится без участия женщин, выступающих в качестве подателей жертвы божествам – протагонистам древних ритуалов. Например, на одном из самых значимых для чукчей «празднике кита», *«охотников встречала девочка с ритуальным деревянным блюдом в руках в сопровождении женщины, оповещавшей всех об удаче, посетившей селение, и выразившей надежду на новые промысловые успехи»* [8, с. 132, 133].

Негативная реакция бригадира зверобоев на присутствие в посёлке приезжей женщины в период промысла также находит объяснение из древних гендерных представлений. Религиозные воззрения многих народов мира подразумевали существование целого сонма божеств и духов, защищавших людей в границах их традиционных территорий. Проникновение на территорию «дома и храма» посторонних означало привнесение с ними в магически освоенное пространство чужих духов-охранителей, способных существенно навредить местным обитателям. Например, появление в доме инородной женщины в ранге новобрачной требовало целого ряда эзотерических очистительных процедур. По их проведению женщина попадала под защиту духов-покровителей семьи мужа и занимала соответствующее место «своей» в цепочке единой связи родственников, оленей, вещей и духов. Аналогично в морском промысле (который тоже был связан с оленеводческим хозяйством товарищескими и обменными отношениями): «своя» женщина была включена в систему «люди, звери, снаряжение, ритуальные предметы, дом». Само её присутствие в этой цепи и сфера ответственности в деле сохранения удачи создают гармонию, делающую промысел стабильным. Присутствие же в местном социуме «чужой» женщины, живущей в одиночку без мужчины, и, следовательно, не вклю-

чѐнной в событийную цепь, магически защищённую духами семьи мужа, – напротив, вело к неудаче в промысле, к «неудаче».

В настоящем сообщении использована лишь часть материалов и суждений, связанных с «чукотской удачей». Безусловно, затронутая тема требует более детального изучения, обусловленного наличием в источниках различиями в вопросе «удачи» и способах её достижения у морских зверобоев и оленеводов. В то же время, женское участие в сложении «удачи / неудачи» было непременным условием обрядовой практики обеих групп, различающихся по хозяйственному типу.

Список источников и литературы

1. Полевые материалы А. А. Ярзуткиной. Полевой дневник. 2019 г.
2. *Богораз В.Г.* Чукчи. Ч. II. Религия. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 208 с.
3. *Вдовин И. С.* Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX– начало XX в.). – СМАЭ. – Т. XXXIII. – Л.: Наука, 1977. – С. 117–171.
4. *Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* Копья и стрелы в ритуалах чукчей // Народы и религии Евразии. – 2021. – Т. 26. – № 1. – С. 111–139.
5. *Архимандрит Клеона (Илие).* Удача – это имя беса? // Православный приход церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери с. Николо-Погост Городецкого района Нижегородской области. – Режим доступа: <http://nikolo-pogost.ru/index.php/pravnews/528-udacha.html> (дата обращения: 14.05.2021).
6. Молох // Библейская энциклопедия. – М.: Изд-во Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990. – С. 484.
7. *Шихман И. Е.* Молох // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 2. – С. 169–170.
8. *Тагъёк С. А.* Пособие для молодых морзверобоев. – СПб.: Алмаз-Граф, 2020. – 216 с.

Ожередов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института исследования Монгольского Алтая (Томск)

Ярзуткина Анастасия Алексеевна – кандидат исторических наук, начальник научно-образовательного центра Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Анадырь)

Д. Г. Коровушкин

**ОХОТА РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОЛЛЕКЦИЯХ НОВОСИБИРСКОГО И ОМСКОГО ОБЛАСТНЫХ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЕВ**

Рассматривается представленность орудий охоты русских Западной Сибири в коллекциях двух значимых региональных музеев – Новосибирского государственного краеведческого музея и Омского государственного историко-краеведческого музея. Показана роль Н. А. Томилова в организации масштабной программы изучения и популяризации историко-этнографических коллекций сибирских музеев, подготовки и публикации серии монографических исследований «Культура народов мира в этнографических коллекциях российских музеев».

Ключевые слова: охота; орудия охоты; русские Западной Сибири; этнографическое музееведение.

D. G. Korovushkin

**HUNTING OF RUSSIANS OF WESTERN SIBERIA
IN THE COLLECTIONS OF THE NOVOSIBIRSK AND OMSK REGIONAL
MUSEUMS OF LOCAL HISTORY**

The article considers the presentation of hunting tools of Russians of Western Siberia in the collections of two significant regional museums – the Novosibirsk State Museum of Local History and the Omsk State Museum of History and Local Lore. The role of professor N. A. Tomilov in the organization of a large-scale program of study and popularization of historical and ethnographic collections of Siberian museums, preparation and publication of the monographic studies series "Culture of the peoples of the world in ethnographic collections of Russian museums" is shown.

Keywords: hunting; hunting tools; Russians of Western Siberia; ethnographic museology.

Сибирь и охота – на протяжении столетий неразрывные понятия, ставшие формообразующей основой такого грандиозного историко-культурного явления, как Азиатская Россия. Именно «мягкая рухлядь» привлекла внимание государства российского и стремление на восток «охотников». Немалую их часть составляли люди, основой бытия которых была именно промысловая охота.

Н. А. Томилов в процессе описания этнографических коллекций Новосибирского областного краеведческого музея, Новосибирск, 1990 г. Фото Д. Г. Коровушкина

Добыча зверей «промышленниками» (звероловство) не было и не могло быть «вещью в себе»: только лишь добычей пушного зверя не прокормишься. Поэтому сибирская охота изначально была комплексным явлением: целью был пушной зверь, средством – зверь мясной. В соответствии с этим формировались приёмы и способы охоты, а также её основа – набор орудий и оружия, принадлежностей и снаряжения. Именно последние стали материальными свидетельствами, сохранёнными для истории в коллекциях сибирских музеев, в том числе таких крупных и имеющих давнюю историю, как Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ) и Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИК музей).

Здесь следует заметить, что многие музейные коллекции нередко остаются подолгу скрытыми, «погребёнными» в запасниках от истории и общественного внимания, ожидая исследователя, могущего явить их сокровища миру. Для Новосибирского и Омского областных краеведческих музеев, применительно к этнографическим коллекциям, это явление связано с именем Н. А. Томилова. Тогда ещё кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета (в конце 1970-х – начале 1980-х гг.), он начал исследовательскую и популяризаторскую работу с этнографически-

ми коллекциями областных краеведческих музеев [1–4]. Опыт, приобретённый в годы работы в Томском государственном университете [5; 6], позволил получить продолжение на более высоком уровне. Масштабный, в итоге, проект, на котором были воспитаны десятки учёных-этнографов и музееведов, вылился в тотальную научную фиксацию и описание предметов целого ряда сибирских музеев. Результаты её опубликованы в десятках монографических изданий [7–16], ставших основой для новых историко-этнографических исследований. По сути, это отдельное историко-культурное явление для всей сибирской истории.

При всём том, что охота как промысел у русских в Западной Сибири занимала вполне значимое и в культуре, и в экономике место, основа «охотничьих» музейных коллекций НГКМ и ОГИК музея – всё же предметы охоты коренных народов макрорегиона. Это вполне объяснимо с точки зрения собирателей, для которых сибирская «экзотика» была объектом и целью исследовательского интереса; русское и, тем более, «новосельческое» воспринималось как не стоящая внимания обыденность.

Даже те относительно немногочисленные предметы, которые сохранились в этнографических фондах, дают вполне внятное представление об орудийном наборе и опосредованных им приёмах и способах охоты. Промысловая охота традиционно делится на охоту активную (добычу животных и птиц с помощью метательного или огнестрельного оружия) и пассивную (добычу с помощью различных приспособлений и устройств без прямого участия человека в процессе).

С точки зрения психологии, охота активная – это азарт и удовольствие, тогда как пассивная – кропотливая и нередко нудная работа. При том, что именно пассивная охота была основой промысла, музейные коллекции являют собой некий «перекос» в сторону охоты активной. Предметы, связанные с огнестрельным оружием, превалируют, что вполне объяснимо. Объясняется это тем, что значительная часть орудий и приспособлений для ведения пассивной охоты попросту физически не может быть помещена в музейные хранилища. Пример такого орудия охоты: медвежья (для добычи медведя) *кулема* – своеобразный бревенчатый сруб с большим тяжёлым бревном-давком, настроенным для падения с высоты при срабатывании «замка», держащего его в поднятом состоянии. Но миниатюрным вариантом подобного устройства являются мы-

шеловки. Их образцы есть в коллекциях обоих музеев. При известной интерпретации они могут стать основой аналогий в представлении процесса добычи зверя.

Обозрение этнографических коллекций НГКМ и ОГИК музея по охоте русских Западной Сибири даёт следующую картину: количественная основа их – оружие, его части и принадлежности для активной охоты. В ОГИК музее это сошки к сибирской винтовке (№ 2959), натруска (пороховница + пистонница + мешочки для дробы и пуль + мерка для пороха + ремень, № 1619), натруска (пороховница + пистонница + мешочки для дробы и пуль + мерка для пороха + шомпол + ремень, № 7147-1), натруска (пороховница + пистонница + мерка для пороха + воронка + ремень, № 7150-1), мешочек для дробы (№ 2193), пороховница (№ 7155-2), пороховница (№ 7138). В коллекциях НГКМ к этой категории принадлежат сошки к кремневому ружью (№ 6629), нож в деревянных ножнах (№ 2485), ножны (№ 16589-10), натруска (пистонница + мерка для пороха (2 шт.) + игла для чистки запального отверстия + чистилка + ремень, № 1473, 1476, 1478), пистонница (№ 1470), пороховница (№ 1484), пороховницы (№ 2559), пороховница (№ 2511), мешок для хранения дробы (№ 1479), «Барклай» – прибор для снаряжения патронов (№ 18865-37), манок (№ 10592).

Пассивная охота представлена упомянутыми мышеловками (№ 7150-5, ОГИК музей; № 19439-12, НГКМ), пленицей (№ 7142 ОГИК музей), а также разнообразными капканами (№ 16201-3, 16201-4, 15398-51, 16201-5, 534), трещотками для облавной охоты (№ 19439-35) и для загонной охоты (№ 1009) (всё – НГКМ). Следует заметить, что этот весьма ограниченный количественно набор предметов даёт ёмкое смысловое наполнение для восприятия объектов охоты, приёмов и способов оной. Так, капканы, представленные в НГКМ, позволяли охотиться как на мелкого пушного зверя (№ 15389-1, 16201-5), на более крупных лису и волка (№ 16201-3, № 16201-4), а также на самого крупного хищника региона – бурого медведя (№ 534).

Суровая охотничья действительность отнюдь не огрубляла людей, в ней живущих: достаточно взять в руки пороховницы и натруски, чтобы понять определённое изящество этих вполне утилитарных вещей. Необходимо отметить, что многие, явно самодельные, пороховницы вырезали из берёзового капа, имеющего притягательную для глаза структуру после шлифовки и полировки.

Подводя итог, необходимо заметить, что приведённый перечень единиц музейного хранения (к сожалению, весьма немногочисленный) приобретает новые исследовательско-оценочные свойства в сопоставлении этих вещей с предметами этнографических коллекций народов Северной [7] и Южной [8] Сибири, хранящихся в тех же коллекциях. Комплексность и сопоставимость – именно эти свойства задуманной и осуществлённой Н. А. Томиловым и его учениками научной серии «Культура народов мира в этнографических коллекциях российских музеев» позволяют воспринимать музейные коллекции не как застывшее явление, а как основу для дальнейшей исследовательской и музейно-просветительской деятельности.

Список источников и литературы

1. Томилов Николай Аркадьевич / отв. ред.: М. Е. Бударин, А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 126 с.
2. *Золотова Т. Н.* Николай Аркадьевич Томилов: учёный, организатор, человек // Культурологический журнал. – 2011. – № 3 (5). – Режим доступа: http://cr-journal.ru/rus/journals/83.html&j_id=7 (дата обращения: 15.05.2021).
3. *Вибе П. П., Ахунова Э. Р., Назарцева Т. М.* Николай Аркадьевич Томилов (к 75-летию со дня рождения) // Изв. Ом. гос. ист.-краев. музея. – 2016. – № 20. – С. 333–337.
4. *Ахунова Э. Р., Томилов Н. А.* Внедрение музейных материалов по культурному наследию народов Омского Прииртышья в научную практику в последней четверти XX начале XXI в. (из опыта Омского государственного историко-краеведческого музея) // Изв. Ом. гос. ист.-краев. музея. – 2019. – № 22. – С. 109–120.
5. *Кулемзин Вл. М., Бардина П. Е., Лукина Н. В., Томилов Н. А., Славнин Д. П.* Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – Ч. I: Народы Сибири. – 343 с.
6. *Кулемзин Вл. М., Бардина П. Е., Лукина Н. В., Томилов Н. А., Славнин Д. П.* Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. – Томск: Изд-во Том. ун-та 1980. – Ч. II: Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. – 252 с.
7. *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Васильев В. И. [и др.]*. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. – 344 с.

8. *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Захарова И. В., Первых С. Ю.* Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединённого исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 295 с.
9. *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Первых С. Ю. [и др.]*. Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. – 396 с.
10. *Томилов Н. А., Бережнова М. Л., Богомолов В. Б. [и др.]*. Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – 276 с.
11. *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Бронникова О. М. [и др.]*. Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 268 с.
12. *Томилов Н. А., Богомолов В. Б., Захарова И. В. [и др.]*. Культура народов зарубежной Азии в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Новосибирск: Наука, 1997. – 212 с.
13. *Томилов Н. А., Коровушкин Д. Г., Плахотнюк М. А. [и др.]*. Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 368 с.
14. *Томилов Н. А., Коровушкин Д. Г., Жигунова М. А. [и др.]*. Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – 192 с.
15. *Томилов Н. А., Бережнова М. Л., Корусенко М. А., Шаргородский Л. Т.* Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. – Тюмень: «Вектор Бук Лтд», 1994. – 225 с.
16. *Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея / отв. ред. Н. А. Томилов.* – Новосибирск: Наука, 1997. – 189 с.

Коровушкин Дмитрий Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, Сибирский университет потребительской кооперации (Новосибирск)

М. Н. Тихомирова

**УГОДЬЯ ТАТАР ЯЛАНКУЛЬСКОГО КУСТА ПОСЕЛЕНИЙ
БОЛЬШЕРЕЧЕНСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ПО МАТЕРИАЛАМ ТОПОНИМИКИ***

На основе анализа материалов полевых этнографических экспедиций, сведений краеведов, картографических данных рассмотрена топонимика, характеризующая разные виды угодий татар, проживающих в деревнях Яланкуль и Аубаткан. Сделан вывод о том, что в настоящее время большая часть угодий не используется из-за сокращения численности населения, уменьшения занятости сельским хозяйством.

Ключевые слова: угодья; характеристика; традиционные виды хозяйственных занятий; татары; Омская область; XX в.

M. N. Tikhomirova

**LANDS UTILIZATION OF THE YALANKUL CLUSTER OF TATAR
SETTLEMENTS IN THE BOLSHERECHENSKY DISTRICT
OF THE OMSK REGION ON THE MATERIALS OF TOPONYMICS**

Based on the analysis of materials from field ethnographic expeditions, information from local historians, and cartographic data, the toponymy characterizing different types of lands of the Tatars living in the villages of Yalankul and Aubatkan is considered. It was concluded that at present most of these lands are not used due to a decrease in the population and in the agriculture occupation.

Keywords: lands utilization; characteristics; traditional types of economic activities; Tatars; Omsk region; 20th century.

В этнологических исследованиях разработка вопроса о природных ресурсах (земельных, водных, лесных) или богатствах территории проживания локальной группы важна для понимания таких проблем, как стратегии жизнеобеспечения, история освоения пространства и др. От их количества и качества зависит превалирование вида хозяйственной деятельности, а также успешность её функционирования. Вообще, традиционные виды хозяйства (скотоводство, земледелие, рыболовство, собирательство) зависят от состояния природных богатств, отсюда актуальность их изучения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00487 А «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

Природные ресурсы включают в себя угодья – «земли, систематически используемые или пригодные к использованию для конкретных хозяйственных целей и отличающиеся по природно-историческим признакам» [1, с. 3]. В силу ограниченности объёма публикации она будет посвящена только характеристике этого аспекта вопроса. Наиболее близко к тематике нашей статьи вопрос о землях хозяйственного назначения поднимался в работах омских этнографов А. Г. Селезнева и И. А. Селезневой. Они провели исследование по картографированию угодий ряда поселений тарских татар в XX в. [2, с. 237–241].

Цель работы – обобщить имеющиеся сведения об угодьях татар деревень Яланкульского куста, используемых с XX в. по настоящее время, по материалам топонимики с целью их последующего картографирования для выявления структуры освоенного пространства. Кроме того, предполагается рассмотреть динамику использования угодий с XX в. по настоящее время.

Лесостепное левобережье р. Иртыш в Большереченском районе Омской области длительное время – до второй половины XVIII в. – было не освоено западносибирскими татарами, так как оно не очень удобно для проживания и ведения хозяйства, к которому они привыкли. Ландшафты левобережной части Иртыша в этом районе состоят из глухих озёр, невысоких грив, перемежающихся ровными и низинными заболоченными участками [3, с. 19, 23]. Заселение западносибирскими татарами этих территорий было обусловлено ростом численности в окрестностях г. Тары выходцев из Средней Азии, которых в Сибири стали называть «бухарцами» [4, с. 20–27]. В районе озёр Большой Яланкуль, Урускуль, Кошкуль и др., в 50 км от р. Иртыш, появились первые поселения бухарцев и татар – юрты Аубатканские, затем выселки Куртайлы, Комуслы / Кумуслы, Ялакульский, заимка Мереткульская [5]. Сейчас в этом районе остались деревни Яланкуль и Аубаткан.

До революции основным занятием жителей поселений Яланкуль, Аубаткан и Комуслы было товарное животноводство. Крупный рогатый скот сдавали на мясо и шкуры в г. Тара, а молоко – на маслозавод, который был в Яланкуле. Также они занимались извозом [6, с. 385; 7, с. 21; 8, л. 10 об.]. В советский период в данных поселениях сохранялась направленность на животноводство и выращивание злаковых растений [8, л. 13–14; 9, с. 332–339]. В постсоветский период основными занятиями было животноводство, а также огородничество, рыболовство, собирательство.

До колхозов в тёплое время года у татар данного куста было характерно проживание вне стационарного поселения – на заимке (*тала яшәу* – «жить в поле»), где пасли скот, косили сено, пахали пашни [8, л. 45 об.–46]. Обычно заимка была на гриве рядом с озером, поэтому чаще всего называлась по названию водоёма.

Несколько заимок было у семьи Шиховых. Одна была на оз. Йосуфкуль / Йосепкуль («Юсупово озеро»), затем её перенесли на оз. Аширкуль. У озёр Казыкуль (автору не удалось установить, что это за озеро – Большой Казыкуль или Малый Казыкуль) и Куплоу были большие поля и луга, где стояли заимки Амировых и Касымовых. Также заимка была у рода Бахтияровых. Их земли были недалеко от д. Яланкуль. Её центр был на гриве Чумарт рядом с одноименным озером [8, л. 15; 9, с. 176–177]. Ещё жители данного куста летовали на оз. Большой Байдуган, также где-то в районе д. Кабурлы Колосовского района Омской области [8, л. 89].

Во времена социалистического коллективного хозяйства заимки рядом с озёрами Йосуфкуль / Йосепкуль, Казыкуль также использовались для летнего выпаса скота [9, с. 131].

В постсоветский период территории бывших заимок тоже эксплуатировались, так как это были наилучшие места для хозяйственной деятельности. Например, на Чумарте несколько лет сеяли поля (*Чумарт кыр*), а потом сено косили. «Там выросло хорошее “жирное” сено. Корова от него пухла» [10, л. 1 об.]. Но из-за повышения грунтовых вод многие годы Чумарт не эксплуатируется, так как туда невозможно доехать на технике [8, л. 15].

В настоящее время жители деревень Яланкуль и Аубаткан владеют большими табунами лошадей. Коневодство является одной из основных отраслей их хозяйства. Часть лошадей находится на свободном выпасе всё тёплое время года и часть зимы до января на оз. Малюткуль. Ещё несколько табунов пасутся рядом с деревнями [8, л. 29].

В первые десятилетия XX в. семья Бахтияровых имела богатые сенокосы на расстоянии двадцати–двадцати двух километров от д. Яланкуль, в трёх километрах от д. Куйгалы [9, с. 176–178]. Отец учительницы и известного среди татар Омской области краеведа М. Х. Шиховой косил сено недалеко от места бывшей деревни Комуслы на оз. Самсам (*Зямзям куль*) [7, с. 18]. Некоторые жители косили сено рядом с озером Куртайлы кугы [9, с. 124–125].

Также сено косили на гривах Байдуган (рядом с оз. Большой Байдуган), Большая Тубэ (Туба), Малая Тубэ, Кайен тубэ [8, л. 14].

Сейчас косят сено за гривой Большая Тубэ, также в окрестностях оз. Штанкуль, в районе леса Мартал и болота Машаик саз [8, л. 8, 46, 47, 68 об.].

По устным источникам известны названия нескольких запашек, используемых жителями в первой половине XX в. В настоящее время некоторые из них используются как сенокосы. В их названиях сохранились имена хозяев пашен. Например, Искандарова пашня, расположенная по трассе Чебаклы – Яланкуль в 2 км в окрестностях оз. Искандар куль. Также можно вспомнить Каландарово поле (*Каландар кыр*) рядом с оз. Каландар куль, Хуснутдин иген («Хуснутдинова пашня»), Казак иген («Пашня казаха») [7, с. 18, 21]. Между Ялакулем и Комуслы, около болот Ибатку саз и Машаек саз также были участки пашни [9, с. 277–278].

Занятие рыболовством для жителей Яланкульского куста было одним из важных источников жизнеобеспечения, в особенности в годы Великой Отечественной войны [9, с. 35–36, 147–148, 279–281]. Традиционными угодьями деревень данного куста были: Большой Мереткуль, Большое Комуслинское, Жилое, Большой Яланкуль, Каукуль, Рецепкуль, Аптывага (*Әптевага*), Кошкуль / Кушкуль (или Восьмёрка, или Урам куль), Урусккуль, Куплово / Котлово, Куртайлы (*Корагын куль*) (или Цаплиное, или *Тингез* («Море»)), Штанкуль, Малый и Большой Казыкуль (*Казыгуль*) [7, с. 18–19; 8, л. 73, 76; 9, с. 125]. Когда в этом кусте проживало много жителей, то они рыбачили на всех водоёмах, где водилась рыба. Сейчас ситуация изменилась, так как численность населения сильно сократилась и нет нужды облавливать все угодья, в особенности удалённые [8, л. 21, 76]. В настоящее время мужчины ловят рыбу на озёрах Куплоу (*Котлово / Коплово / Котлау*), Жилое, Урусккуль, а также на Куртайлы, Большом Яланкуле, Штанкуле и др. При выборе водоёма учитывают его близость к поселению и наличие в нём золотого карася, так как он выше ценится по вкусовым качествам, чем серебряный. К примеру, он водится на оз. Куплоу (Котлово) [8, л. 20 об.–23].

Ягоды и другие дикорастущие растения жители всегда собирали в лесном массиве между Яланкулем и Аубатканом, называемом Мартал [7, с. 19; 8, л. 2 об.; 9, с. 39]. Сейчас за ягодами они также ездят в окрестности бывшей д. Комуслы. Там хорошие брусничники [8, л. 69 об.].

Как мы уже отмечали, большое число озёр здесь окружено заболоченными участками, поросшими низкорослым лесом и кустарникам – рядами, в которых жители собирают бруснику. Как правило, они названы по названию озёр: Ям кугы, Чумарт кугы, Уртан кугы, Карагай кугы, Куртайлы кугы [7, с. 20; 9, с. 22]. Д. Яланкуль окружена Яланкульским рямом, далее – Комуслинский рям. Они тянутся на несколько километров [8, л. 6–6 об.].

В настоящее время из-за подъёма воды многие рямы стоят затопленными. Некоторые жители ходят пешком, с их слов, около трёх километров, в Хибси рям и Копянка рям. Хибси рям назван по имени старика, что в озере ловил рыбу. В 6 км от д. Яланкуль есть Владимировский рям [8, л. 3 об.–4, 7].

Рядом с некоторыми озёрами брали глину для изготовления кирпичей и побелки помещений [9, с. 23]. Например, у оз. Большое Яланкульское можно увидеть ямы, из которых брали глину для кирпичей [8, л. 11 об.]. Ближе к д. Аубаткан находится *Ак саз* («Белое болото»), из него брали глину для побелки [9, с. 32].

Из всех поселений лучше всего дровяным и строевым лесом была обеспечена д. Комуслы. Сейчас жители дд. Аубаткан и Яланкуль на место этой бывшей деревни ездят за лесом [8, л. 89; 9, с. 281].

Таким образом, мы обобщили материалы по угольям татар Яланкульского куста, сгруппировали по видам, осмыслили их локализацию с целью картографирования на следующем этапе изучения. В настоящее время большая часть угодий не используется из-за сокращения численности населения, а также сокращения занятия сельским хозяйством и падения экономической активности жителей.

Список источников и литературы

1. ГОСТ 26640-85. Земли. Термины и определения: государственный стандарт СССР: изд. официальное: Постановлением Гос. ком-та СССР по стандартам от 28 октября 1985 г. № 3453. – М.: Изд-во стандартов, 1992. – 8 с.
2. *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А.* Мир таёжных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 260 с.
3. Атлас Омской области. – Омск: Омск. картограф. фабрика, 1999. – 56 с.
4. *Корусенко С. Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 248 с.

5. *Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н.* Некоторые сведения по истории Аубатканско-Яланкульского куста поселений татар Большереченского района Омской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2020. – Т. XXVI. – С. 825–829.
6. Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии: исследование чиновника особых поручений при Переселенческом управлении И. А. Андроникова. – Тобольск: Губернская типография, 1911. – 395 с.
7. *Шихова М. Х.* Село Яланкуль и его жители – потомки Аvasбақы-шейха. Шаджара. – Омск: Издат. дом «Наука», 2018. – 122 с.
8. *Тихомирова М. Н.* Полевая опись. Т-106. Деревни Яланкуль, Аубаткан, лето 2020 г.
9. *Садыков Х. К.* Малая моя родина – золотая колыбель: из истории бухарцев Тарского уезда: в 2 ч. – Ч. 1. Воспоминания, размышления о Яланкуле и земляках. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. – 416 с.
10. *Тихомирова М. Н.* Полевая опись. Т-107. Деревни Яланкуль, Аубаткан, лето 2020 г.

Тихомирова Марина Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Г. Ю. Ситнянский

МОНГОЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА В ЭТНОГЕНЕЗЕ ТЮРКСКИХ ЭТНОСОВ В XII–XV ВВ.: ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Этнические контакты тюркских народов кипчакской подгруппы с монгольскими племенами до конца XIII или даже XIV вв. имели место преимущественно к востоку от Алтая, за исключением тех монгольских племён, которые переселились западнее Алтая до начала татаро-монгольских завоеваний. Это подтверждается как антропологически, так и письменными источниками. Полученные данные позволяют говорить о серьёзной корректировке общепринятых взглядов на перемещения этносов в период завоевательных походов Чингизидов, а, возможно, и на соотношение основных господствующих этносов в их империи.

Ключевые слова: европеоиды; монголоиды; антропология; этногенетические контакты; тюрки; монголы.

G. Yu. Sitnyansky

MONGOL TRIBES IN THE ETHNOGENESIS OF THE TURKIC PEOPLES OF THE 12th –15th CENTURIES: ANTHROPOLOGY AND HISTORY DATA

Ethnic contacts of the Turkic peoples of the Kipchak subgroup with the Mongol tribes up to the end of the 13th or even the 14th century took place mainly east of the Altai, except those Mongol peoples had migrated west of the Altai before the Genghisids' conquests. This is confirmed with anthropological as well as and written sources. The data obtained suggest a serious adjustment of the generally accepted views on the movements of ethnic groups during the period of the Genghisids' conquests and possibly on the ratio of the main dominant ethnic groups in their Empire.

Keywords: Europeoids; Mongoloids; anthropology; ethnogenetic contacts; Turks; Mongols.

Монголоидность в Великой Степи не всегда означала монголизацию, но европеоидность в эпоху Чингизидов и непосредственно перед ней почти наверняка говорила о тюркоязычности. Так, в Павлодарском Прииртышье 37 найденных Ф. Х. Арслановой черепов VII–IX и X–XII вв., которые, по её мнению [1; 2], все принадлежат кимакам, в основном европеоидные, но с разной степенью примеси монголоидных элементов. В могильнике Шиликарым Восточно-Казахстанской области из 5 черепов – 2 монголоидных

и 3 европеоидных. При раскопках XIII–XIV вв. в мавзолее Темир-Кутлуга и Джучи-хана в Центральном Казахстане найдено 7 черепов, а при раскопках в Сарайчике – 10 черепов. Среди них преобладает южносибирская (т. е. смешанная европеоидно-монголоидная) раса, как и среди 11 черепов XI–XIV вв. в Западном Казахстане. В могильнике XIII–XIV вв. из Северного Казахстана, исследованном К. А. Акишевым, найдены четыре черепа, близких к центральноазиатскому типу большой монголоидной расы. В Тасмолинском могильнике (XII–XIV вв.) из трёх черепов – один европеоидный, один монголоидный, один смешанный [3, с. 58–77].

Что касается Семиречья, то К. И. Петров наплыв монголов в Семиречье связывает со второй половиной XIII в. [4, с. 72]. Так, в Кара-Кудукском могильнике Алма-Атинской обл. (XII–XIV вв.) тоже найдены черепа южносибирской расы, а половина из них – просто европеоиды [3, с. 77–78]. Население Чуйской долины в XII–XIII вв., по мнению Г. Ф. Дебеца, было на 80–90 % европеоидным; кочевники Горной Киргизии были европеоидны на 35–45 % [цит. по: 5, с. 9–10]. Обвальная «монголоидизация» населения Тянь-Шаня и Степи в XIII в. не произошло. Это при том, что, как сказано, монголоидность не всегда означала монголизация.

Таким образом, антропологические данные говорят о тюркском составе населения Степи, несмотря на походы Чингизидов. Это подтверждаются и историческими сведениями. Так, в состав киргизского народа входит ряд племён, по общепринятому мнению, имеющих монгольское происхождение. С. М. Абрамзон считал, что по большей части эти племена вошли в состав киргизов в XII–XV вв. [6, с. 47; 7, с. 2–3], тогда как, по мнению К. И. Петрова, это произошло после середины XV в. [8, с. 125–126]. Но в любом случае массовое переселение монголов в места проживания предков киргизов (в XII–XV вв. это пространство между южными предгорьями Алтая и северными предгорьями Тянь-Шаня с постепенным смещением в сторону Тянь-Шаня) имело место *до* середины XV в.

Представляется, что общепринятое мнение о том, что XII–XV вв. ознаменовались массовым движением монгольских племён в западную часть Великой Степи, где они постепенно тюркизировались, нуждается в серьёзной корректировке. Киргизы в это время находились как бы на границе между двумя частями Степи, так что анализ места и времени их контактов с монгольскими племенами представляется особенно важным. При этом предки киргизов тогда

ещё не выделились полностью из общего массива кипчакских племён [9, с. 64], поэтому в дальнейшем этноним «кипчак» будет употребляться в более широком смысле, чем «киргиз», а совместное употребление или взаимозамена этих этнонимов не будет означать их отождествления.

Начнём с тех компонентов, чьё вхождение в состав киргизов связано с эпохой, предшествовавшей завоеваниям Чингизидов, прежде всего с киданями («*кытай*»). По летописным данным, кидани появляются в Туркестане в 1128–1129 гг. [10, с. 69–72; 11, с. 77, 118, 171, 193]. Кидани зафиксированы и на Алтае, и у татар Омского Прииртышья [12, с. 122], и среди чулымских тюрок [13, с. 85], и в Казахстане, вплоть до Западного [14, с. 181], и у башкир [15, с. 49], и у каракалпаков [16, с. 43–45], и у узбеков [17, с. 47–59].

Найманы жили между Орхоном и Иртышом в IX–XII вв., причём не включали в себя немало тюркских (кимако-кипчакских) племён, но сам этноним «кимак» исчез с появлением этнонима «найман». Это позволяет К. И. Петрову отчасти отождествить кимаков с найманами [18, с. 84–86]. Это наводит на мысли о скорее тюркской, чем монгольской принадлежности, тем более что в другом месте Петров сообщает, что одна из групп уйгуров по мере переселения с Орхона на Тянь-Шань в XI–XII вв. сменила название на «найман», что, скорее всего, какая-то часть тюркских кочевников омонголилась [5, с. 85–87]. Племя *найман* есть и у алтайцев [7, с. 2–3], и у каракалпаков [16, с. 43–45]; намёки на тюркское происхождение найманов содержатся и в киргизском эпосе «Манас»: «...Нааман, оставленный мне отцом», – называет Манас соответствующее владение [19, с. 339]. А вот вхождение найманов в состав монгольского народа – ойратов – достоверно зафиксировано лишь в 1560-х гг. [4, с. 56].

При этом и тогда, когда в XIII–XIV вв. большие группы монгольского населения входили в состав кипчакских племён, включая предков киргизов, это происходило в основном в «монгольской» части Степи и лишь отчасти – на границе «тюркской» и «монгольской» частей: так, археологически доказано для этого времени проживание большого числа кипчаков в Забайкалье [20, с. 51]. О больших массах кипчаков в Монголии и Северном Китае в это время имеются и документальные свидетельства [9, с. 67–68; 21, с. 97–105, 112–113].

Можно предположить, что в это время и в этих местах в состав киргизов попало и племя *нойгут*. Есть некоторые основания утверждать, что это название происходит от народности онгутов – по крайней мере, некоторые киргизские авторы отождествляют эти этнонимы [22, с. 84–90]. Н. А. Аристов считал, что онгуты – это тюркское племя, которое в XIII в. омонголилось [23, с. 295], однако здесь речь вполне может идти просто о вошедшем в состав монголов тюркском племени. О том, что нойгуты – тюрки, причём близкие киргизам, говорится и в киргизской эпической традиции: «Казахи, киргизы, катаганы, Джедигеры, нойгуты, думара – Все мы от предка одного» [19, с. 254].

Монгольское по происхождению племя *конгурат* достоверно зафиксировано «близ Хорезма» в конце XIII в. [24, с. 70]. Скорее всего, *конгураты* появились и в Семиречье не ранее 1260-х гг., когда, в период борьбы за великоханский престол между Хубилаем и Ариг-Бугой, имело место массовое переселение монголов в Чагатайский улус, правители которого поддержали последнего. А вот сведения о переселении с Угэдэем и Чагатаем на Тянь-Шань 150–200 тыс. монголов [5, с. 131, 138] сомнительны. Чан Чунь, проезжавший по Семиречью вскоре после нашествия Чингис-хана, монголов там не встретил [25, с. 518].

Есть *кунграты* и в составе узбеков [26, с. 23–29; 27, с. 174–176], и в составе ногайцев [6, с. 66]. У каракалпаков имеется крыло Конград, включающее и племя *мангыт* [16, с. 43–45]. *Мангыт* – ещё один монгольский компонент – в составе киргизов обнаружен в племени монгуш [28]. Мангыты принимали решающее участие в формировании ногайцев [29, с. 25–27]. Из других тюркских народов племя *мангыт* имеется у узбеков, из него происходила бухарская эмирская династия [27, с. 174–176].

При этом, если не считать невнятного упоминания в преданиях каракалпаков о «приходе мангытов с Чингис-ханом» [30, с. 123] (эпический Чингис-хан имеет так же мало общего с историческим, как былинный князь Владимир с историческим Владимиром Святославичем), этноним «мангыт» достоверно зафиксирован в кипчакских степях только в конце XIV в.

Ещё одно племя монгольского происхождения – *дуглат* – в составе киргизов зафиксировано в виде отдельных групп в племенах саяк и кушчу [31, с. 46, 73]. У казахов Старшего Жуза имеется пле-

мя дулат. При этом в Средней Азии племя зафиксировано с XIV в. [32, с. 529–533], а в Семиречье – со второй половины XIII в.

Наконец, упомянем племя *барулас* (*барлас*). На территории Средней Азии оно впервые упоминается под 1266 г., когда живёт в Мавераннахре [33, с. 306–307], но нет никаких сведений о барласах в Семиречье ранее 1260-х гг.

Какие можно сделать выводы из вышесказанного?

Антропологические и исторические данные позволяют заключить, что для «монгольской эпохи» не зафиксировано крупных переселений монголов на территории западной половины Великой Степи ранее 1260-х гг.

Зато зафиксированы многочисленные переселения кипчаков в Монголию, Юго-Восточную Сибирь, Китай, начиная с XIII в.

Некоторые из традиционно считающихся монгольскими племён и объединений на самом деле могли быть тюркскими (например, найман или дулат).

Всё это позволяет думать о необходимости серьёзного пересмотра общепринятых взглядов на перемещения этносов Великой Степи в период завоеваний Чингизидов до 1260-х гг., сделать вывод, что не монголы переселялись в западную половину Степи, а тюрки – в восточную.

Но это, в свою очередь, наводит на далеко идущие выводы, порождая сомнения в том, что «имперским этносом» в созданной Чингис-ханом империи были монголы, а не тюрки. Вопрос, конечно, сложен и заслуживает отдельного серьёзного исследования, однако представляется необходимым более внимательно отнестись к этой точке зрения.

Список источников и литературы

1. *Арсланова Ф. Х.* Археологические памятники Среднего Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1964. – 19 с.
2. *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 98–111.
3. *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата: Наука, 1970. – 239 с.
4. *Петров К. И.* Очерки феодальных отношений у киргизов в XV–XVIII вв. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961. – 175 с.
5. *Петров К. И.* Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963. – 146 с.

6. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 478 с.
7. *Абрамзон С. М.* Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1960. – 12 с.
8. *Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их отношений с ойратами. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961. – 211 с.
9. *Петров К. И.* Этногенез киргизов и движение их на Тянь-Шань в XIII–XV вв. // Изв. АН Киргиз. ССР. Сер. общественных наук. – Фрунзе, 1960. – Т. II. Вып. 3 (история). – С. 59–80.
10. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, проживавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 335 с.
11. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 315 с.
12. *Томилов Н. А.* Тюркское население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. – 275 с.
13. *Львова Э. Л.* Об одном из компонентов в составе чулымских тюрков // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – С. 80–92.
14. *Ахинжанов С. М.* Кипчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 297 с.
15. *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 394 с.
16. *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины. – Нукус: Каракалпакгиз, 1959. – 183 с.
17. *Кармышева Б. Х.* Этнические и территориальные группы населения Узбекской ССР // Крат. сообщ. Ин-та этнографии (КСИЭ). Вып. XXIII. – М., 1960. – С. 47–59.
18. *Петров К. И.* Киргизско-кипчакские отношения // Изв. АН Киргиз. ССР. Сер. общественных наук. – Фрунзе, 1961. – Т. III. Вып. 2 (история). – С. 81–106.
19. Манас. Киргизский героический эпос (пер. Б. О. Орузбаевой). Кн. 3. – М.: ГРВЛ, 1990. – 512 с.
20. *Кызласов Л. Р., Ивашина Л. Г.* Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. – С. 34–52.
21. *Итс Р. Ф., Смолин Г. Я.* Очерки истории Китая с древнейших времён до середины XVII в. – Л.: Учпедгиз, Лен. отд-ние, 1961. – 215 с.
22. *Айдаркулов К. А.* Этнические связи киргизов с народами Центральной Азии (по материалам эпоса «Семетей») // Историко-культурные связи народов Центральной Азии. – Улан-Удэ: Б. и., 1983. – С. 84–90.

23. *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // Живая старина. – 1896. – Вып. III–IV. – С. 295–486.
24. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.
25. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – 757 с.
26. *Кармышева Б. Х.* Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. – Вып. 1. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. – 169 с.
27. *Магидович И. П.* Население Бухары // Материалы по районированию Средней Азии. – Ч. 1. – Ташкент: Б. и., 1926. – 288 с.
28. *Абдуманов Р.* История кыргызов // Джамгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX в. – Фрунзе, 1966. – Режим доступа: www.kyrgyz.ru (дата обращения: 19.03.2021).
29. *Керейтов Р. Х.* Некоторые проблемы этногенеза ногайцев // Половецкая луна. – 1992. – № 1. – С. 25–27.
30. *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 171 с.
31. *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1960. – Т. IV. – С. 3–138.
32. *Бартольд В. В.* Дулгат // Сочинения. Т. 5. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1968. – С. 529–533.
33. История Узбекской ССР. Т. I. Книга 1. – Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1955. – 497 с.

Ситнянский Георгий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Н. В. Кабакова

РЕКИ И ДОРОГИ: РОЛЬ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ В КОНЦЕ XVII ВЕКА*

Статья посвящена изучению роли сухопутных и речных маршрутов, пролежавших по территории Тарского Прииртышья в конце XVII в., в обеспечении жизнедеятельности местного населения. Основанием для исследования стала Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. Данный источник содержит перечень значительного количества рек и дорог, включает описания способов их использования жителями.

Ключевые слова: реки; дороги; русские; татары; дозорная книга.

N. V. Kabakova

RIVERS AND ROADS: THE ROLE IN THE TARSKY PRIIRTYSHYE POPULATION LIFE AT THE END OF THE 17th CENTURY

The article is devoted to the study of the role of land and river routes running through the territory of the Tarsky Irtysh region at the end of the 17th century in ensuring the life of the local population. The basis for the study was the Watch Book of the Tarsky uyezd of 1701. This source contains a list of a significant number of rivers and roads and includes descriptions of how they were used by residents.

Keywords: rivers; roads; Russians; Tatars; watch book.

Русские жители приступили к освоению Тарского Прииртышья с конца XVI в. Первоначально они довольствовались исторически сложившимися дорогами и речными маршрутами. Со временем увеличение населения, расширение ареала занятых им земель, усложнение насущных задач обусловили возникновение всё новых маршрутов. Поэтому, наряду с существовавшими ранее путями сообщения, постепенно стали создаваться новые. Значительное их количество описано в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. (далее – ДК). В статье демонстрируется разнообразие сухопутных и речных маршрутов Тарского Прииртышья, представлен их функционал для местных жителей.

ДК была призвана учесть земли «всяких чинов жителей» Тарского уезда. Поставленная перед составителем дозора Иваном Ро-

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

дионовичем Качановым задача обусловила тщательную обрисовку ориентиров, как природных, так и рукотворных, для точной идентификации владений. Именно поэтому ДК влетала в полотна пространство, создавая представления об окружающем мире. В качестве примеров подобных изображений приведём описание ряда владений. Одно из них принадлежало служилому тарчанину, казачьему сыну Ваське Прокопьеву сыну Казачинину: «едучи из города по *Ичкитовской дороге*, не доехав чистого болота, на правую сторону стоит осиновый колок, ... а от того осинового колка – по Барташево болото до *Коришуновой дороги* и до первой грязи, а через *Коришунову дорогу* – по сосновое болото, а подле того соснового болота – до той же *Ичкитовской дороги* и до повёртка *дороги Коришуновской* и через *Ичкитовскую дорогу* до конца мохового болота ..., по край межного березника через гриву, до конца долгого чистого болотца» [1, л. 109]. Служилый села Спасского казак Ивашко Константинов сын Перминов являлся владельцем пашни и пустошей «от села наездом по *Оше реке*», «возле заимки конного казака Мишки Венгринова, от камышьего болотца, до Балашова сосняка, в полуденную сторону – до конца *Арткаса* до *Тиеса речки*» [1, л. 139 об.]. Пушкарю Андрюшке Савинову сыну Пушкареву из деревни Ставской принадлежали земли «возле *Оши реки* по стороне от *речки Биштеня* да до баярака, а тот баярак выпал в *Ошу* из малого болота, а то болото пало в большое чистое болото, а позади той пашенной гривы – чистое же болото, да по Захарову пашню концом пришла та грива к топкому болоту» [1, л. 157 об.]. Насыщенные многочисленными аналогичными картинками, материалы ДК позволяют получать визуальные образы о среде обитания жителей Тарского уезда. На первый взгляд, эти изображения создают представление о статичной обстановке, описывая устоявшийся мир, сосредоточенный вокруг неизменных природных объектов. Названные в ДК ориентиры, среди которых часто присутствуют реки и дороги, необходимы были для сохранения порядка хозяйственной жизни. Именно поэтому важной становилась верная интерпретация наименований таких объектов.

Пример одного из споров по поводу владений землями, связанный с различной трактовкой названия реки, нашёл отражение в ДК. У сына боярского из села Изюцкого Бориса Александрова сына Чередова помимо скота («пятнадцать лошадей с жеребяты, рогатого то ж, семь овец»), были паханые («четыре десятины в по-

ле, а в дву по тому ж») и непаханные земли. Сенные покосы Чередова «на пятьсот копен» раскинулись «*по Оше реке ... до красного яру, а от красного яру по увалу до большой дороги городской*» [1, л. 295]. Другая часть его сенных покосов («на тридцать копен») располагалась у *Иртыша*. 16 сентября 1701 г. Борис Чередов подал челобитную о том, что ещё в 1696 г. он купил землю и сенные покосы у тарского конного казака Петрушки Васильева сына Зензина и благополучно их использовал. Однако в июле 1697 г. Чередову в данной собственности было «отказано не дельно и владеть не велено». Права же на обладание передавались конному казаку Петрушке Бутакову вместе с его детьми и братьями. Одновременно обратился со своим челобитьем и Петрушка Зензин, пояснив, что земля, проданная им Чередову, была приобретена ранее, в 1684 г., у бухарца Мамеделея Бурханова законно, а потому «отнята напрасно». Зензин потребовал учинить досмотр земли, произвести «чертеж», осуществить сыск понятых и допросить их. Челобитья Чередова и Зензина тарские чиновники удовлетворили. Были опрошены служилые люди – русские и татары, показавшие, что спорной землёй «лет с тридцать и больше» распоряжался Петрушка Бутаков. К тому же описания данных владений обнаружались в писцовых книгах Льва Поскочина, составленных в 1684 г. Понятые подтвердили также, что с 1697 г. земли поделились между Бутаковыми, которым досталось 30 десятин, и Чередовым (за ним сохранилось 16 десятин). Однако тщательный досмотр и составленный затем чертёж убедительно показали, что Бутаковы и их соперники давали разные наименования одному и тому же водному объекту. Бутаков, а с его слов и Лев Поскочин в писцовой книге, называли его *речкой Малый Теврис*, а Зензин и Чередов – *заливом*. На этом основании был вынесен вердикт о том, что владения возвращаются к Борису Чередову. Так, установление подлинного наименования реки («то-де *Малая речка Теврис*, а не залив») [1, л. 295 об. – 301 об.], сыграло важную роль в разрешении имущественного спора, продемонстрировало важность в точном определении ориентиров владений, среди которых в ДК нередко упоминались реки и дороги.

В названиях дорог и рек могла отображаться их принадлежность к владениям русских жителей. К таковым относились сухопутные маршруты – *дорога Мишки Куприна* [1, л. 87 об.], *Костина дорога* возле Костина болота [1, л. 158], проезжая *Стеньки Зорина дорога* [1, л. 206 об.]. Учитывались в ДК и небольшие речки, назы-

ваемые именами русских жителей – служилого из Тары *Алешки Качичина речка* [1, л. 34], *Федоровская речка Плюснинская* [1, л. 147 об.]). В наименованиях рек и дорог упоминалось об их принадлежности к индигенным жителям – татарам и бахарцам. К примеру, это *дорога* тарского юртовского бухарца *Куяндычка Шамурзина* [1, л. 354 об.], *Куташкова дорога*, «которой дорогой он, Куташко, ездит на свою пашню» [1, л. 74]. Указаны дороги, изначально созданные татарами (*Арыкульская арбинская дорога* [1, л. 79], *татарская арбинская дорога* до Чилгакуля озера [1, л. 95 об.]).

Реки и дороги не только играли роль собственности населения, но также служили связующими нитями с заимками и пашнями, имели хозяйственное предназначение. *Ошинская Ложниковой деревни дорога* упоминалась как дорога, «по которой ездят в липняг» [1, л. 306], *моховая дорога* – «по которой дороге ездят из Коюрлинской и Поморцовой деревень жители» [1, л. 177] на болото по мох. *Дороги медвежья* и *зверовая* указывали на занятия охотой. Рыболовство и использование мельниц на реках являлось источником пополнения доходов в казну. Поэтому в ДК описаны подобные виды хозяйственной практики, связанные с речной сетью. Это и рыбная ловля на *речках Таскатлы, Сарыбалык, на Оше реке*, заведённые на водных путях мельницы. Например, у тарских жителей они располагались «от *Иртыша до речки малыя*, подле сенной покос *Гурья Байгачева*» [1, л. 135 об.].

В функционировании наземных и водных маршрутов Тарского уезда изначально была заложена их сезонная ограниченность: разливы рек, приводившие к изменениям ландшафта и порой побуждавшие к переносу селений на безопасные места; весенние и осенние размыты больших трактов и малых троп, превращавшие их в непроходимые хляби и затруднявшие передвижения. Описания Тарского дозора маркируют подобную годовичную специфичность дорожной сети: «по *Чекруше речке от зимней дороги*» [1, л. 73], «*проезжая большая городовая дорога*, по которой дороге ездят из города на *Ошу реку* в деревни, а из деревень – в город зимой и летом» [1, л. 171].

Потребности в коммуникационных связях, сокращении времени на следование в пути, обеспечении преодолений препятствий в виде рек, оврагов побуждали жителей заниматься строительством мостов. Немало их было создано в пределах Тарского уезда: мост через *Аркарку* в Таре [1, л. 4 об.], *Гордобаков мост* [1, л. 8], мост

под двором отца Матюшки Бородихина на *Ибейке* [1, л. 20], Онисимов мост через *Айчметеву речку* [1, л. 23], Ерлыгашев мост [1, л. 113 об.], бухарский мост по чистое болото по *Нюхоловке речке* [1, л. 195], малый Иленкульский мост по *речке Иленкульской* [1, л. 206 об.], Шуховской мост [1, л. 330].

Немало маршрутов обозначали привязку к населённым пунктам: Татмыцкая слобода и *речка Такмык*, деревня Кыргызских юрт и *Кыргызская дорога*. Они могли иметь локальное предназначение, нередко точно не именовались («от города наездом», «городская дорога»). В общей сложности в ДК упомянуто более 150 речек. Точное их число определить не представляется возможным, поскольку порой местные жители одним и тем же объектам присваивали разные наименования. Так, *речка Ковинская* названа также и как *Кова*, *Чабаклы* как *Чабаклинская*, *Абышкала* как *Абышкала Илга*.

Маршруты, функционально имевшие столбовые перспективы (*посольская дорога*, «со степной стороны дорога», что вела к Татмыцкой слободе [1, л. 227], крупные реки), обретали масштабность в реализации главных направлений следования и территориальных связях Тарского Прииртышья с соседними и отдалёнными регионами. Вплетавшиеся в фон стабильного каркаса полотен Тарского дозора водные и наземные пути сообщали о потенциальной мобильности жителей Тарского уезда. Будучи «стратегическими средствами русской колонизации» [2, с. 491], реки издавна считались магистральями, связывавшими районы обитания людей. ДК содержит массу свидетельств, отображающих возможности переселенческих движений как в пределы региона, так и внутри него. Большие и известные реки (*Иртыш*, *Тара*, *Оша*, *Аев*), изобильно перечисляемые малые и неприметные речки и речушки (*Колчина*, *Сычакова*, *Жаренова*, *Копейкина* и десятки других) позволяют прочертить маршруты миграционных потоков разных направлений.

Перечисления дорог и рек опирались в ДК на указания географического плана. Упоминания сторон света – это свидетельство точной ориентации жителей на местности, доказательство стремления познания окружающего пространства. В описаниях владений нередко давались не только наименования рек и дорог, но и их ориентация на восток («на восток»), на север («на сивир»), на полдень («на юг»). Таково изображение владений, предоставленных тарчанином Митькой Даниловым сыном Плотниковым: «В межах те

сенные покосы от того Денисова острова на *полдень к Оше реке до болота*» [1, л. 29].

Таким образом, в материалах ДК перечислено множество рек и дорог, отражены выполняемые ими важнейшие функции. Будучи путями сообщения, они пропитывали внутренние лакуны, обеспечивали решение различных вопросов, среди которых приоритетным было удовлетворение хозяйственных и коммуникационных нужд.

Список источников и литературы

1. Российский Государственный исторический архив. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 1182. 425 л.
2. *Головнев А. В.* Феномен колонизации. – Екб.: УрО РАН, 2015. – 592 с.

Кабакова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (Омск)

И. В. Чернова

ЖИЗНЬ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ И ОТЧЁТОВ ЧИНОВНИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ*

В своих путевых заметках и дневниках российские чиновники XIX–XX вв. нередко выступали в роли исследователей крестьянской жизни и быта, создавая живописные бытовые зарисовки. Во многом насыщенность и глубина описаний зависели от наблюдательности автора. Представленные путевые записки дают возможность провести сравнительный анализ взглядов чиновников разного уровня на жизнь сибирской деревни и вопросы адаптации крестьян-переселенцев.

Ключевые слова: сибирская деревня; крестьянский быт; отчёты чиновников; адаптация; путевые записки.

I. V. Chernova

LIVING OF A SIBERIAN VILLAGE IN THE PAGES OF DIARIES AND REPORTS OF OFFICIALS OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

In their travel notes and diaries, Russian officials of the 19th – 20th centuries often acted as researchers of peasant life and everyday life, creating picturesque everyday sketches. In many ways, the richness and depth of the descriptions depended on the author's observation. The presented travel notes make it possible to carry out a comparative analysis of the views of officials of different levels on the life of the Siberian countryside and the issues of adaptation of peasant migrants.

Keywords: Siberian village; peasant life; reports of officials; adaptation; travel notes.

Благодаря необходимости государственного регулирования переселенческого движения в Сибири на рубеже XIX–XX вв. чиновники разных уровней и ведомств органично включились в исследование повседневной жизни сибирского крестьянства. Помимо сухих статистических описаний их отчёты и дневники содержат размышления о судьбах сибирского крестьянства, оценки деловых качеств и предприимчивости старожилов и переселенцев Сибири, а также курьёзные моменты, с которыми пришлось столкнуться в пути.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-09-00487) «Деревня традиционная и модернистская: этнографическое изучение стратегий освоения пространства сельских территорий юга Западной Сибири».

Основным объектом стали сочинения Анатолия Николаевича Куломзина [1–4] и Бориса Корниловича Сувчинского [5; 6]. Они созданы представителями имперского чиновничества – членами Комитета Сибирской железной дороги, оставившими яркий след в научной сфере, и отражают взгляды авторов на систему управления и колонизации Сибири, положение переселенцев, содержат рассуждения о шагах, которые необходимы государству для обеспечения эффективного освоения сибирских пространств. Раскрываются здесь и более частные вопросы, связанные с восприятием бытовых условий жизни переселенцев в сибирской деревне, особенностях их адаптации. Главными действующими лицами становится русское и малороссийское население Российской империи конца XIX – начала XX вв.

Рассуждения о крестьянах здесь носят скорее обобщающий характер, изобилуя отсылками к моменту переселения из Европейской России, основанными на данных бесед с крестьянами и личных наблюдениях. В своих рассуждениях о жизни переселенцев в Сибири и их внутренней структуре А. Н. Куломзин использует разные по масштабу термины, тогда как Б. К. Сувчинский отличает их лишь по местам проживания, именуя чаще всего переселенцами или крестьянами. Система номинации крестьян в сочинениях А. Н. Куломзина отличается в зависимости от характера работы. Так, в своём отчёте он чаще всего называет их переселенцами, тогда как в мемуарах он использует в большей степени локальные характеристики, дифференцируя крестьян по местам выхода. В его поле зрения попадают «пензенские / пензенцы, черниговские / черниговцы, харьковские / харьковцы, полтавские / полтавцы, орловские / орловцы, воронежские / воронежцы» [2, л. 9 об., 11, 14, 15, 17 об., 18, 18 об., 20 об., 21, 23], «киевляне, тамбовцы, куряне» [3, л. 42]. Однако упоминает он и о «Росее» – собирательном названии переселенцев, распространённом в Сибири [2, л. 24].

Основное содержание сочинений составляют характеристики адаптации переселенцев и описание сибирских условий. Оба чиновника сходятся на том, что переселенцы оказали положительное влияние на природно-географические условия и хозяйство в Западной Сибири. В своём печатном отчёте Николаю II Анатолий Николаевич описывает позитивные новшества, привнесённые переселенцами в Сибирь: «В области садоводства переселенцы также оказались впереди старожилов. <...> Так, из жителей посёлка Мирго-

родского Каинской округи полтавские и харьковские хохлы успешно вырастили их [плодовые деревья, яблони и груши], а в огородах, кроме овощей, разводят даже цветники» [4, л. 64]. В свою очередь, Б. К. Сувчинский отмечает, что «с прибытием переселенцев тайга постепенно меняется: благодаря трудам новосёлов, сплошные берёзовые леса превращаются в пахотные земли, а болота, очищенные от множества гнивших деревьев, – в луга. Понемногу начинает исчезать мошка, и наконец самый климат становится мягче. Где несколько лет тому назад морозы нередко побивали озимую рожь и овёс, – теперь представляется возможным культивировать более нежные растения» [6, л. 4 об.].

Однако не все адаптационные механизмы переселенцев получили положительную оценку авторов. В частности, А. Н. Куломзин акцентирует внимание на том, что пензенцы, начинающие с домообзаводства, адаптируются хуже, в сравнении с другими группами (полтавскими, черниговскими, херсонскими, харьковскими и орловскими), первоначально обзавождаящимися хозяйством, инвентарём и проявляющими житейскую смекалку. Этот тезис о «никудышности пензенцев» в разных вариациях несколько раз встречается по ходу повествования. В противоположность им он приводит несколько почти курьёзных случаев, доказывающих сообразительность выходцев из других губерний: «В посёлке Георгиевском один из переселенцев, прежде, чем двинуться сюда с семейством, выстроил тут дом, прожил в нем целую зиму, ежедневно отмечая число градусов мороза и распорядился делать то же самое на родине. Увидев, что большой разницы нет, всего на 2–3 градуса, он окончательно ликвидировал дела на родине, привёз семейство» [4, л. 10 об.]. Б. К. Сувчинский отмечает в целом хозяйственную смекалку переселенцев: «При разъездах по Акмолинской области я встретил две зажиточных семьи, проживающих в самых плохих землянках, не смотря на то, что одна из них (в посёлке Николаевском Петропавловского уезда) имела 2000 пудов пшеницы, а другая (в посёлке Петровском Акмолинского уезда) 700 пудов хлеба, несколько быков и лошадей. Таких поселенцев в Акмолинской области найдётся немало» [5, л. 41 об.].

Сходятся авторы и в оценке основных факторов успешной адаптации переселенцев, включая в их число: наличие первоначальных средств для обзаведения инвентарём, жилищами, скотом и семенами; деятельность местных чиновников; гибкость в ведении

хозяйства; «привычку к работе»; «запас нравственных сил и желание во что бы то ни стало, приобрести для себя и для своих детей земельную собственность», а также давность переселения, от которой, по их мнению, зависит возможность выбора благоприятного местожительства.

Важным вопросом, как видно из текстов, являются взаимоотношения, складывающиеся между старожилами и переселенцами, и их хозяйственное взаимовлияние. Симпатии авторов находятся на стороне переселенцев из южных и западных губерний. А. Н. Куломзин пишет, что переселенцы больше занимаются огородничеством, выращивают технические культуры, например, коноплю, заводят бахчи и пытаются высаживать плодовые деревья: «Гречу и просо первые стали сеять переселенцы, и теперь эти хлеба получили уже известное распространение в Тобольской губернии и Акмолинской области. Полтавцы, черниговцы, херсонцы всюду пробуют свои любимые бахчи, причём в Акмолинской области они дают немалый доход. Культуру бобовых растений я видел в довольно большом размере в одном из посёлков Ишимской округи. Подсолнух разводится переселенцами в Акмолинской области и Минусинском округе не грядами, а уже в поле, десятинами» [4, л. 63 об. – 64]. Здесь Анатолий Николаевич выступает скорее как экономист и помещик. Похожими наблюдениями делится и Б. К. Сувчинский: «<...> крестьяне из западных губерний, привыкшие к большим усадьбам, нередко занимающим по десятине и более. Благодаря близкому расстоянию от жилищ, на таких усадьбах они культивировали овощи, границы их обсаживали деревьями, а остальные пространства зачастую засевали зерновыми хлебами, дававшими, вследствие более тщательной обработки, несравненно лучшие урожаи, чем на пахотных землях» [6, л. 9].

Главный их вывод, касающийся старожилов, заключается в существовании конфликтной модели взаимоотношений между ними и переселенцами. Подобное мнение довольно часто транслировалось в этот период чиновниками разных уровней.

Однако жизнь старожилов вне их взаимоотношений с переселенцами почти не интересует авторов. В основном старожилы предстают перед нами в роли богатых успешных жителей. В сюжете о ночёвке в Тюкалинске А. Н. Куломзин даже исправил «богатые мужики» на «сибирские старожилы». Из удививших его бытовых моментов он отметил «цветы на окнах, «комнатные культуры экзо-

тических растений под стеклянными колпаками» и газеты. Б. К. Сувчинский, в свою очередь, сетует на хитрость старожилов: «новосёлы Иткульской волости заявили мне, что на принадлежащих им участках, когда они осматривали их в качестве ходоков, произрастали толстые деревья, пригодные для построек, однако, пока участки оставались зачисленными, но ещё не занятыми, они были вырублены старожилами...» [5, л. 48].

Встречаются в мемуарах и отчётах и сюжеты, позволяющие увидеть разницу между северными – лесными и таёжными и южными – степными районами. Во многих южных посёлках, как отмечают А. Н. Куломзин и Б. К. Сувчинский, существуют проблемы с водоснабжением и строительными материалами. Поэтому и переселенцы, и старожилы используют временные жилища – полуземлянки из дёрна, с плоскими крышами; украинское и русское население Степного края строит мазанки, которые в отчёте А. Н. Куломзин именуется «саманными жилищами». Однако авторы расходятся во мнении относительно источников заимствования домостроительных технологий: А. Н. Куломзин указывает, что она заимствована у аборигенов – «киргизов», тогда как Б. К. Сувчинский отмечает перенос её переселенцами с мест выхода. Более поздние образцы подобных жилищ представлены в фотофондах региональных музеев и в полевых этнографических материалах, собранных в ходе студенческих практик и этнологических экспедиций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. В 1981–1984 гг. под руководством Н. А. Томилова было проведено комплексное исследование русского и украинского населения южных районов Омской области и ряда районов в Северном Казахстане [7], которое показало устойчивость мазанок и саманных жилищ у потомков переселенцев. Благодаря этому у исследователей также появилась возможность оценить успешность / неуспешность адаптации крестьян-переселенцев и справедливость сделанных имперскими чиновниками выводов.

Подводя итоги, отметим, что в приведённых описаниях жизни в сибирской деревне можно выделить 2 крупные темы – люди и пространство. Переселенцы, по мнению авторов, обживают имеющееся у них пространство не всегда интенсивно и эффективно, однако, в ходе адаптационных процессов, им удаётся создать устойчивые хозяйственные модели. Несмотря на разницу в статусе

чиновников, в своих работах они проявляют схожесть идей и взглядов, явно симпатизируя крестьянам-переселенцам.

Список источников и литературы

1. Всеподданнейший отчёт статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб.: Гос. тип., 1896. – 187 с.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 201. 74 л.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. 133 л.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 70. 98 л.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1273. Оп. 1. Раздел IV. Д. 424. 186 л.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 2. Д. 919. 37 л.
7. Музей археологии и этнографии ОмГУ. Ф. I – этнографические материалы. П. 18-4, 19-2, 20-5.

Чернова Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Л. В. Татаурова

**ПРЕДМЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОЁВ
И МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ МАТЕРИАЛОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Интерпретация археологических материалов Нового времени должна опираться на этнографические знания. В реальности это сделать очень сложно, так как получение археологического и этнографического источников основано на разных методиках, а коллекции имеют разный уровень объективности. Этнографические собрания представляют целые, но часто единичные предметы, изъятые из живой культуры, полученные у населения, проживающего на огромных территориях. Это позволяет увидеть общую картину культурных явлений, но с минимальной степенью детализации. Археологические коллекции привязаны к культурным слоям, в которых обнаружены, часто имеющим временные характеристики. Предметные комплексы образуют серии, сопоставимые с материалами других памятников. Но археологические артефакты не всегда представлены целыми формами, между ними и живой культурой потеряны связи, а интеграция с этнографией затруднена.

Ключевые слова: русские; археология; этнография; проблемы интеграции.

L. V. Tataurova

**SUBJECT COMPLEXES OF ARCHAEOLOGICAL LAYERS AND MUSEUM
COLLECTIONS: GENERAL AND SPECIAL ON THE EXAMPLE
OF RUSSIAN MATERIALS OF WESTERN SIBERIA**

The interpretation of the archaeological materials of Modern times should be based on ethnographic knowledge. In reality, this is very difficult to do due to obtaining archaeological and ethnographic sources is based on different methods, but collections have different levels of objectivity. Ethnographic collections represent whole but often single items taken from a living culture, obtained from the population living in extensive territories. This allows us to see the overall picture of cultural phenomena but with a minimum degree of detail. Archaeological collections are connected with the cultural layers in which they were found, often with chronological characteristics. The complexes of subjects form a series comparable to the materials of other monuments. But archaeological artifacts are not always represented in whole forms. The connection between them and living culture is lost, and integration with ethnography is difficult.

Keywords: Russians; archaeology; ethnography; integration issues.

Формирование предметных археологических и этнографических коллекций происходит с использованием разных методов. Получаемые в итоге музейные собрания разнятся как по объёму, каче-

ству и информативности полученного материала, так и по его разнообразию.

Количество и качество артефактов в археологических собраниях зависит от нескольких факторов: причин попадания вещей в культурный горизонт и сохранности в слое, обстоятельств его извлечения при раскопках, условий хранения в музее.

Ситуации отложения предметов, связанных с системами жизнеобеспечения человека, в культурных слоях различны.

Рассмотрим это на примерах русских сельских комплексов Тарского Прииртышья (памятники Ананьино-I, Бергамак-I, Изюк-I – Тарский, Муромцевский, Большереченский районы Омской области), взяв за основу структуру описания музейных коллекций.

Хозяйственный комплекс, как правило, включает инструменты и приспособления, связанные с земледелием, скотоводством, промыслами (охота, сбор даров леса, рыболовство).

Предметов земледелия в культурных слоях памятников немного, что связано с их высокой значимостью, а при поломке – стремлением вернуть в эксплуатацию путём ремонта или переделки в другое орудие. В коллекциях имеются: целый серп и два фрагмента других из Ананьино [1, с. 226], металлические оковки для деревянных лопат из Изюка и Ананьино [2, с. 429, 430].

О наличии земледелия свидетельствуют данные карпологии и письменные источники [3; 4, с. 102], а также части каменных жерновов от крупорешек и мельничные жернова [1, с. 226, 227].

Немногочисленны и предметы скотоводства, представленные, в основном, деталями снаряжения лошадей: удилами, стремянами, подковами и ухналями, ременными пряжками и пясиками [1, с. 227–229]. Самым главным источником изучения этого вида хозяйства является палеозоологический материал, в обилии присутствующий в заполнении культурных слоёв [5; 6]. К орудиям, связанным со скотоводством, относятся косы-горбуши [1, с. 26].

Наибольшее количество в археологических коллекциях представляют предметы промыслов: охоты – наконечники стрел из различных материалов и типов; кибить (сгибаемая часть) лука, капканы, расходные материалы и детали огнестрельного оружия [1, с. 231–234; 7]; рыболовства – металлические крючковые снасти на разные виды рыб; кибасья, поплавки, блесны [1, с. 230–231]; сбор даров леса характеризуют специальные ёмкости, предназначенные для сбора ягод, и данные карпологии [1, с. 234, 249].

Следующая категория предметных комплексов в музейных описаниях характеризует ремесленные занятия. Самым представительным в археологическом отображении является гончарное ремесло – керамика в культурных слоях поселений – это преобладающий вид находок.

Преимуществом в её изучении, по сравнению с этнографическими коллекциями, является типологическое разнообразие форм посуды и серийность выборок, позволяющих получать репрезентативные источники по технологии производства посуды, номенклатуре изделий, размерным характеристикам. Недостатками является неполнота форм вследствие утилизации разбитой посуды в процессе жизнедеятельности населения, а затем археологизации и нехватка этнографических материалов и публикаций по керамическому производству [8].

Представительны археологические коллекции и по другим ремёслам [9].

Из-за особенностей культурных слоёв мало информации по ткачеству, костюму, домашней утвари, изготовленных из органических материалов.

Однако в отношении некоторых предметов, связанных с костюмом, прежде всего, украшениями – археологические коллекции превосходят музейные.

Анализируемые этнографические предметные комплексы показаны в каталогах музейных коллекций, характеризующих культуру и хозяйство русского населения Западной Сибири [10–14].

В отличие от археологических собраний, где каждое привязано к конкретному памятнику, этнографические коллекции формируются по территориальному признаку: материалы Западной Сибири, Казахстана и Омской области [10; 14]; Западной Сибири, Тюменской области и прилегающих территорий [11; 13]; Западной и Южной Сибири, Новосибирской области [12].

Информационный потенциал музейных коллекций мною уже рассматривался [15, с. 60]. В дополнение к этому замечу, что эти собрания в границах категорий предметов не могут быть репрезентативными, так как часто представлены единичными экземплярами из разных регионов. Например, земледелие в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея характеризуют орудия, полученные с территории Западной Сибири и Новосибирской области: два плуга, две сохи, один заступ, одна борона, 17 серпов из

9 регионов [12, с. 54–64]. Кроме того, две косы горбуши, две литовки [12, с. 64–66] и т. д. Такая же тенденция наблюдается и для других категорий предметов иных музейных собраний [10, с. 13–22; 11, с. 84–99; 14, с. 13–18].

В целом можно сделать вывод, что музейные предметные коллекции формируются, во-первых, из сборов в разных населённых пунктах, избирательно, а значит, не могут образовывать серии – это не позволяет проводить сравнительный анализ с археологическими коллекциями. При невозможности получить представительные серии вещей с одного населённого пункта или локальной территории можно сделать репрезентативные выборки при работе с информаторами посредством фиксации (описание /зарисовка/ фотофиксация) максимально доступного объёма материала. Но таких коллекций очень немного.

Во-вторых, вещи не всегда имеют полноценные легенды, отчего страдает, прежде всего, терминологический аппарат; это делает маловозможным его применение к описанию и интерпретации археологического источника, хотя изучение периода Нового времени подразумевает тесную связь с этнографией, а через неё – с живой культурой.

В-третьих, широта сбора этнографических экспонатов показывает общее и особенное в вещевом разнообразии применительно к определённым функциональным назначениям предметов, но по причине избирательности, в интерпретационном плане по отношению к археологическому материалу, они выступают чаще всего как иллюстративный фон.

Ещё в 2005 г. на заседании круглого стола, проведённого редакцией и редколлегией журнала «Российская археология», Ю. М. Лесманом были обозначены важные вопросы археологии Нового времени. Они связаны с проблемами современных наработок в этнографии материальной культуры русских. Среди них: 1) наличие источниковедческого разрыва между археологическими материалами, обработанными по правилам археологической науки (типологии, хронологии, ареалы распространения) и материалами этнографии и музейными коллекциями; 2) методический разрыв, который связан с отличающимися принципами обработки материала в археологии и этнографии; 3) избирательность сбора этнографических материалов, поэтому они мало сопоставимы с археологическими коллекциями [16, с. 87].

Список источников и литературы

1. *Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Татаурова Л. В., Тихонов С. С.* Археологическая летопись земли Тарской. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2019. – 412 с.
2. *Зиняков Н. М.* Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск: Издат. дом «Наука», 2017. – С. 427–437.
3. *Корона О. М., Татаурова Л. В.* Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии.* – Омск: Изд-во Ом. ин-та (фил.) РГТЭУ, 2011. – С. 323–333.
4. *Татаурова Л. В.* Историческая экология русского населения деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. // *Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки».* – 2017. – № 3 (15). – С. 100–106.
5. *Явиева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В.* Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск: Апельсин, 2008. – С. 356–367.
6. *Бондарев А. А., Татаурова Л. В., Татауров С. Ф.* Животноводство и охота в экономике русских Тарского Прииртышья: опыт сравнительного исследования города и деревни // *Экология древних и традиционных обществ.* – Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. – Вып. 6. – С. 292–295.
7. *Татаурова Л. В., Мильников В. П.* Охотничье-промысловый инвентарь русского населения Тарского Прииртышья XVII–XVIII вв. // *Археология, этнография и антропология Евразии,* 2021. В печати.
8. *Tataurova L. V., Sopova K. O.* Russian Pottery of Western Siberia – from the Present to the Past: Methodological Aspects // *Bylye Gody.* – 2020. – Vol. 58. – Is. 4. – P. 2396–2408.
9. *Tataurova L. V.* Handicraft Activities in the Life-Support System Structure of the Siberian Village of the XVII–XVIII centuries (according to the Archaeological Materials of the Omsk Irtysh Region) // *Bylye Gody.* – 2018. – Vol. 50. – Is. 4. – P. 1376–1387.
10. *Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея.* – Томск: ТГУ, 1993. – 240 с.; Приложение. – Томск: ТГУ, 1993. – 155 с.
11. *Хозяйство русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея.* – Тюмень: Вектор БУК Лтд, 1994. – 230 с.

12. Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 368.
13. Культура русских в коллекциях Тюменского областного краеведческого музея. – Новосибирск: Наука, 1997. – 189 с.
14. *Жигунова М. А., Захарова И. В.* Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Омск: Издат. дом «Наука», 2009. – 266 с.
15. *Татаурова Л. В.* Этноархеологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2010. – С. 60–64.
16. Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // Российская археология. – 2005. – № 1. – С. 81–89.

Татаурова Лариса Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Р. С. Минасян

ДВА ДРЕВНИХ СПОСОБА ЛИТЬЯ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ, БАРАБАНОВ И КОЛОКОЛОВ

В статье рассматриваются способы литья котлов, барабанов и колоколов. Скифские и сарматские котлы отливали по утрачиваемым моделям в неразъёмных глиняных формах. В Древнем Китае народы, воспринявшие китайский способ литья, отливали пустотелые изделия в разъёмных глиняных формах. Декор наносился на внутренней поверхности створок с участием восковых моделей или без них.

Ключевые слова: Китай; гунны; бронзовые котлы; барабаны; колокола.

R. S. Minasyan

TO OLD METHODS OF CASTING BRONZE CAULDRONS, DRAMS AND BELLS

The article discusses the methods of casting boilers, drums, and bells. Scythian and Sarmatian cauldrons were cast with lost models in one-piece clay molds. The peoples of ancient China, who adopted the Chinese method of casting, practiced another way. They cast hollow objects in separable clay molds. The decor was applied on the inner surface of the sash with or without wax models.

Keywords: China; Huns; bronze cauldrons; drums; bells.

Способы изготовления бронзовых котлов, уже рассмотренные нами ранее, определялись на основании данных их изучения трасологическим методом. Было установлено, что все скифские и сарматские котлы отливались в неразъёмных глиняных формах с утраченной моделью. Этот вывод остаётся неизменным. Что касается гуннского котла из Кызыл-Адыр, то из-за сложности конструкции он не вписывается в схему литья по утрачиваемой модели, и наше объяснение этого случая было ошибкой. В 2017 г. в Санкт Петербурге проходили две выставки китайских древностей эпохи бронзы [1]. Причудливая форма китайских бронзовых котлов, датируемых 1600–1050 гг. до н. э., как бы свидетельствовала в пользу способа их литья по утрачиваемым моделям. К сожалению, это было тоже ошибочное заключение [2, рис. 6; 3, с. 190–195, 206–212]. Процесс литья пустотелых отливок в Древнем Китае происходил иначе.

В 2019 г. в Государственном Эрмитаже экспонировалась выставка археологических коллекций из музеев Вьетнама [4]. Среди представленных на экспозиции вещей были большие и маленькие барабаны с двумя вертикальными литейными швами на тулове и горизонтальным швом под крышкой. Поверхность барабанов сплошь украшена тонким рельефным геометрическим орнаментом. Это говорит о том, что при литье барабанов применяли формы, составленные из пяти частей (верхняя, нижняя, две боковых створки и внутренний сердечник, формирующий полость в отливках).

На китайских рисунках эпохи Мин показан процесс отливки барабанов в разъемных глиняных формах (рис. 1). На этой схеме из восьми кадров нарушена последовательность производственных действий. На рисунках в первом и четвертом кадрах представлена добыча руды в горах и выплавка там же медного слитка. На остальных рисунках показаны этапы изготовления большого и маленьких барабанов в мастерской. Здесь мастера одеты в иную одежду, нежели у рудокопов-литейщиков. На этих рисунках можно найти много интересной информации об устройстве домниц, изготовлении, декорировании и сборке частей литейных форм, зачистке готовых отливок и о других рабочих сюжетах. Однако здесь отображены не все важные этапы работы. А без них отлить китайские или вьетнамские барабаны было бы невозможно.

На крышках некоторых барабанов стоят четыре полых одинаковых стилизованных фигурки «черепахи», а по бокам расположены ручки. Вокруг оснований этих деталей нет литейных швов (рис. 2). Это исключает возможность применения дополнительных частей литейных форм, помимо обозначенных литейными швами, а их отсутствие не позволяет отлить ручки и полые фигурки. Например, тулово треножника, найденного в районе реки Карагалянки, отлито по утрачиваемой модели. Тем не менее, на дне вокруг трёх ножек имеются литейные швы. Такие швы есть на месте соединения колец на скифских бронзовых удилах и на многих других предметах, отлитых в формах, с дополнительными частями, позволяющими отливать ручки, петли, ножки, отверстия и др. И в данном случае к неразъемной форме с утрачиваемой моделью тулова карагалянского котла внутри снизу присоединили три дополнительные формы для отливки ножек. Такие же котлы есть в национальном музее в Алматы [2, рис. 5-2; 3, ил. 44, 45, 71-1,2; 5. s. 168].

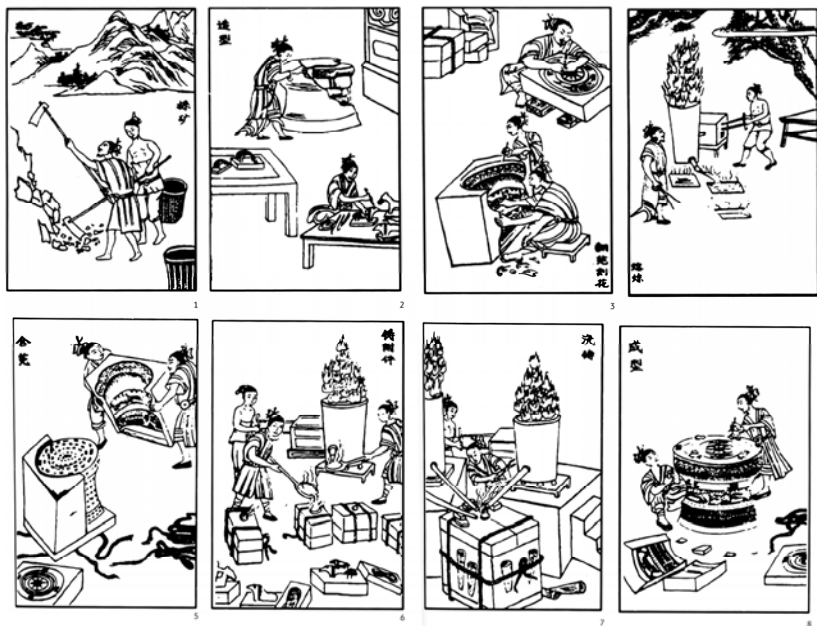

Рис. 1. Рисунки с изображениями добычи и выплавки меди и литья бронзовых барабанов
Китай, Эпоха Мин

Рис. 2. Вьетнамский барабан. VI–I вв. до н. э.
(по изд.: «Сокровища Красной реки», 2019, кат. 1)

Выступающие детали на крышке и стенках барабанов, при отсутствии литейных швов вокруг них, не позволяют ни соединить части литейной формы вместе, ни разнять их без разрушения. Это говорит о применении какого-то необычного способа. На фрагменте 2 китайской схемы показано, как один мастер изготавливает стержень, стоящий на постаменте (рис. 1). Другой мастер приготавливает восковые модели фигурок и боковые ручки.

На следующем, отсутствующем кадре, должно было быть показано изготовление внешних створок литейной формы китайским способом. Это делали следующим образом. Восковые модели выступающих деталей прикрепляли на стержне. Затем стержень облепляли глиной и разрезали оболочку на три части (крышку и две боковые створки). После просушки глины створки разнимали уже с оторванными восковыми моделями внутри. После вытапливания воска в частях формы образовывались полости, позволяющие отлить детали без литейных швов вокруг них.

На кадре 3 рисунка 1 изображено, как два мастера наносят декор на внутренней поверхности внешних створок (рис. 1). Это делали гравировкой и, судя по узорам на барабанах, оттисками различных печатей и лекал. На внутренней поверхности крышки обозначались только маленькие пятна от оснований ножек «черепашек». После нанесения орнамента на крышке в центре должны были просверлить литниковый канал – металл в форму заливали через крышку, как это показано на кадрах 6 и 7 (рис. 1). Здесь нужно отдать должное мастерству литейщиков. Вокруг литника нередко появляется брак. Качество же вьетнамских барабанов, представленных на выставке, – превосходное. Тонкий орнамент воспроизведён полностью, и только на крышках в центре заметны небольшие неорнаментированные пятна, оставшиеся после зачистки удалённых литников.

После декорирования внутренней поверхности створок и перед их сборкой в один блок нужно было создать литейную полость – зазор между внешними частями формы и стержнем. Стержень должен был слегка «похудеть». Его могли немного обточить. Вероятно, уже «похудевший» стержень показан на кадре 5 (рис. 1). Кстати, на этом рисунке на крышке формы видны четыре пятна от восковых моделей, заключённых внутри.

На кадрах 6–7 показан процесс заливки металла в формы (рис. 1). Створки крепко обвязаны ремнями, деревянными клиньями.

На кадре 8 показана очистка отливок с просматривающимися четырьмя фигурками черепашек на крышке от пригоревшего слоя глины (рис. 1). Из-за пригара поверхностного слоя формы к отливкам их репродуктивная способность утрачивалась. Глиняные формы предназначались только для отливки вещей в единственном экземпляре.

Эти рисунки и выявленные при осмотре вьетнамских барабанов трасологические признаки позволяют понять, как осуществлялось литьё не только барабанов, но также котлов и колоколов во Вьетнаме, Китае, Корее и Японии. Теперь можно вернуться к вопросу о способе изготовления китайских котлов, рассмотренных нами прежде. Заключение, высказанное о способе литья котлов только по утрачиваемым моделям, оказалось не столь однозначным. Большая часть китайских котлов имеет литейные швы, стенки, украшенные тонким рельефным геометрическим орнаментом и выступающие детали сложной конфигурации, в основании которых нет литейных швов. Такие котлы были отлиты так же, как барабаны – в литейных формах с декорированными изнутри створками и с участием тиражированных восковых деталей [1; 3, ил. 77–78; 6, с. 620–621].

У кочевнических котлов, найденных на территории Сибири, есть экземпляры с тонким вертикальным швом на тулове, порой украшенные парой небрежно нанесённых горизонтальных тонких рельефных валиков, не соединяющихся на линии литейного шва (рис. 3). Такие котлы находят в Монголии и Северном Китае на памятниках хунну I–II вв. [9, р. 229–232]. Несмотря на невзрачность декора и низкое качество литья, и котлы хунну, и пышно тщательно украшенные китайские, корейские и вьетнамские изделия отливали одним способом – в формах с пятью створками, но на этот раз без участия восковых деталей. А – какой ни есть бедный – декор в виде тонких валиков также прочерчивали на внутренней стороне боковых створок.

Такой же способ литья, но с более сложным декором, представляют котлы гуннов. Бронзовый котёл из погребения у с. Кызыл-Адыр имеет цилиндрический корпус с двумя фигурными ручками на венчике, округлое дно. Ножка отломана. Тулово украшено четырьмя парами радиально выступающих рёбер, горло отделено от тулова валиком. Посреди ручек между рёбер на двух сторонах тулова есть два вертикальных литейных шва (рис. 4). Если бы литьё

осуществлялось по утрачиваемой модели, то, несмотря на наличие литейных швов, выступающие ребра не позволили бы соединить внешние створки при сборке формы для заливки металлом. Этот котёл отливали тоже не по утрачиваемой модели, как мы прежде полагали, а китайским способом в составной форме, внешние створки которой декорировались изнутри. Так делали и декорировали все гуннские котлы, найденные в Ордосе, Монголии, в степных районах России, в Молдавии, Венгрии, Болгарии [7, с. 69–73; 8, с. 95–121] (рис. 5).

Кроме китайцев и народов, перенявших способы китайского литья, крупные полые вещи так никто не отливал. Гуннские котлы были отлиты в Азии, скорее всего, в каком-то одном-двух местах. Не случайно они имеют схожий декор и одну конструкцию. Знатным гуннам, умершим на чужбине во время их дальнего похода в Европу, нередко клали в могилу поломанные котлы, непригодные для использования. После поражения гуннов в Галлии на Каталаунских полях в 451 г. и ухода из Европы они увезли свои котлы с собой. Таким образом, можно заключить, что метод изготовления гуннских котлов представляет собой упрощённый вариант китайского способа литья в разъёмных глиняных формах с декорированными изнутри створками, но уже без участия восковых моделей.

Рис. 3. Котёл с вертикальными литейными швами на корпусе. Ножка отломана. Хунну? (Государственный Эрмитаж, инв. № 1286/58)

Рис. 4. Гуннский котёл из погребения Кызыл-Адыр Оренбургская обл. (Государственный Эрмитаж, инв. № 2718/1)

1

2

Рис. 5. Гуннские котлы. V в.: 1 – р. Осока, Симбирская губ. Хранение Государственный исторический музей; 2 – Шестач. Молдавия

Нужно отметить, что в указанных здесь способах литья пустотелых изделий прослеживается много вариаций конструкций утрачиваемых моделей и литейных форм. Они характеризуют производственные отличия региональных школ и мастерских, а также время их функционирования. Это очень интересная и перспективная тема, требующая дальнейшего изучения.

Список источников и литературы

1. Сокровища Шанхайского музея: каталог выставки. – СПб.: Б. и., 2017. – 228 с.
2. Минасян Р. С. Литьё бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э. – V в. н. э.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 27. – Л.: Искусство, 1986. – С. 61–78.
3. Минасян Р. С. Металлообработка в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 472 с.
4. Сокровища Красной Реки. Археологические коллекции из музеев Вьетнама: каталог выставки. Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. – 232 с.
5. Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. – München [etc.]: Prestel; Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatl. Museen zu Berlin, cop. 2007. – 340 s.

6. Всемирная история: в 10 т. / под ред. М. Жукова. – М.: Госполитиздат, 1955–1965. – Т. 1. История первобытного общества и древнего мира до IV–V вв. н. э. – 747 с.
7. *Засецкая И. П.* Погребение у села Кызыл-Адыр в Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники на территории СССР. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1982. – С. 54–77.
8. *Kovrig I. L.* Hunnischer Kessel aus der Umgebung von Värpalota // Folia Archeologica. Vol. XXIII. – Budapest, 1973. – S. 95–121.
9. Mounted Nomads of Asian Steppe – Chinese Northern Bronzes: Catalogue of the exhibition. – Tokyo: Tokyo National Museum, 1997. – 350 p.

Минасян Рафаэль Сергеевич – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа
(Санкт-Петербург)

С. Ф. Татауров

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА В КОЛЛЕКЦИЯХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДА ТАРЫ

Археологические раскопки в историческом центре одного из первых русских городов в Западной Сибири, Таре, проводящиеся в последние 15 лет, позволили получить более семи тысяч предметов в археологические коллекции. В них достойное место занимают предметы из железа, которые поступали в Тару как в виде товаров или снабжения гарнизона, так и изготавливались на месте тарскими кузнецами. В исследовании показана динамика распространения железных изделий с момента основания города до конца XIX в.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Тара; железо; металлообработка; кузница; кузнец; производство.

S. F. Tataurov

IRON PRODUCTS IN THE COLLECTIONS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE CITY OF TARA

Archaeological excavations in the historical center of Tara, one of the first Russian cities in Western Siberia, carried out over the past 15 years, have made it possible to obtain more than seven thousand items into the archaeological collections. A worthy place in them is occupied by items made of iron which came to Tara, in the form of goods or supplies for the garrison, as well as they were made by the Tara blacksmiths on the spot. The study shows the dynamics of the spread of iron products from the foundation of the city to the end of the 19th century.

Keywords: Western Siberia; Tara; iron; metalworking; forge; blacksmith; production.

Археологические исследования на территории одного из первых русских городов в Сибири, Тары, продолжающиеся уже почти пятнадцать лет, позволили собрать представительные коллекции предметов материальной и духовной культур населения города. Всего в областной и районный краеведческие музеи было передано несколько тысяч предметов. Достойное место в этих собраниях занимают изделия, изготовленные из железа, – именно им посвящено наше исследование.

Следует выразить благодарность Н. М. Зинякову, который практически все годы наших работ, как в Таре, так и на русских поселениях Тарского Прииртышья, проводил изучение полученного

металла [1–3]. Исследователь относит металлообработку к доминантной сфере деятельности русских и пишет о создании собственной базы металлургической и металлообрабатывающей промышленности, так как местный железоделательный промысел не соответствовал требованиям «...ни по качеству используемого сырья, ни по широте номенклатуры производимой продукции, ни по рабочим характеристикам готовых изделий, ни по объёмам производства» [2].

Основание нового русского города в Сибири на значительном расстоянии от других городов и при отсутствии нормальных путей сообщения изначально создавало ситуацию дефицита сырья для изготовления изделий из железа. Ещё одной проблемой стало отсутствие мастеров. Первоначально обе проблемы были решены за счёт Тобольска и Европейской России, откуда стали поступать железные изделия и приехали мастера. В перечне ввозимых в Сибирь в это время товаров указан большой ассортимент продукции – «от криц и уклада до иголок и гвоздей» [2, с. 306]. Дефицит железа вынуждал все вышедшие из строя инструменты пускать на перековку. Отражением этой ситуации стало практически полное отсутствие железа в культурных слоях города конца XVI – первой половины XVII вв. Больших массивных предметов нет совсем. Основная масса найденных железных предметов была в сгоревших избах (ножи, святыцы, иголки и другие металлические вещи), откуда забирать их было нельзя – «огонь за ними может прийти...». В слоях этого времени не найдено ни одного гвоздя, да и сложно представить в XVII в. им место применения – время гвоздей придёт позже [4].

Открытие Московско-Сибирского тракта серьёзно повлияло на обеспечение Тары железом, что нашло отражение в собранных коллекциях из культурных слоёв XVIII в. В городе в 1730-х гг. началось строительство первой каменной церкви – Спасской – и параллельно началась распиловка древесины на доски. Теперь, когда при строительстве каменных зданий уже было невозможно крепить доски старыми методами, стали применять гвозди. Удивительным моментом для производства гвоздей в Таре было то, что до настоящего времени из более чем тысячи найденных предметов, я не подобрал серии, выкованной на одной гвоздильне. Фактически каждый гвоздь – индивидуален. Естественно, что и гвоздилен найдено не было, хотя нами в 2016–2018 гг. был исследован большой по площади и количеству найденного материала кузнечный комплекс.

В городе в какой-то момент возник дефицит гвоздей, и, при отсутствии железа, серия этих предметов была изготовлена из бронзы. В городе увеличилось количество кузниц, к 1720 г. насчитывалось 20 кузнецов [5, с. 103]. Существенно расширился ассортимент найденных железных предметов при общем усложнении конструкций. Например, наряду с двухрожковыми святцами, когда кузнец просто разрубал железный пруток на две части, появляются трёх и четырёх рожковые с элементами декора и, позднее, комбинированные изделия под лучину и под свечу – подсвечники [6]. Развитие кузнечного дела отразилось на наиболее массовой категории находок – ножах. Появляются несколько вариантов изделий, как по конструктивным особенностям, так и по технологии их изготовления. От узкопрофессиональных (сапожных) со специфическим лезвием ножей, до повседневных – кухонных, в которых форма часто зависела от имевшегося перед изготовлением размера и качества железа, и до достаточно серьёзных охотничьих и, возможно, боевых ножей [7]. Выросло количество бытовых предметов – ножниц, бритв, иголок, вилки, ключей к замкам. В слоях этого времени появляются находки топоров, фрагментов кос-горбуш, серпов и других предметов, которые ещё несколько десятилетий назад шли на вторичное использование, что тоже свидетельствует о бесперебойном поступлении железных изделий из других провинций Российского государства, прежде всего – с Урала. Значительно возросло количество изделий, связанных с конской упряжью: удила, пряжки, распределители и, наконец, подковы. Коллекция последних насчитывает более 50 предметов. Интересен момент, связанный с этими предметами, – кузнецы по какой-то, пока не известной мне причине не пускали их в переработку, поэтому около кузницы были зафиксированы скопления сломанных или сильно изношенных подков. Мне известен случай, когда в 2019 г. на пункт приёма металла в Таре было сдано несколько мешков подков, найденных при рытье водоотводной канавы.

В культурных слоях города конца XVIII – начала XIX вв. фиксируются новые категории железных изделий – появляются декоративные элементы оформления особняков и храмов в виде различных спиралей, завитков, розеток. Серия таких изделий была найдена во время поиска фундамента Пятницкой церкви. Тарское купечество стало заказывать чугунные надгробные плиты с уральских заводов, одна из которых была найдена во время проведения археологических работ на Тихвинском кладбище. Во время раскопок на

месте сгоревшей каланчи было найдено несколько специальных пожарных топоров [8, с. 405].

Что ещё пока не найдено во время раскопок города? Прежде всего, оружие – Тара почти два века была военной крепостью с весьма значительным гарнизоном. По количеству пушек она уступала только Тобольску. Но за все годы археологических изысканий были найдены только скоба к фитильному ружью и два курка для пистонных огнестрелов. В Тарском краеведческом музее есть ряд предметов – фальконет, ружье с кремниевым затвором, кольчуга и ряд других предметов, относящихся к XVII – началу XVIII вв., но в раскопах пока оружия нет. Также на настоящий момент не найдено инструментов для кузнечного дела. Нет наковален и гвоздилен, нет молотов и другого инструментария кузнеца. Вероятнее всего, после прекращения функционирования кузницы, инструменты унесли на новое место работы. Нет инструментов мастеров ювелирного дела, «серебряников», хотя их в Таре на тот же 1720 г. насчитывалось 14 человек [5, с. 103]. Несмотря на большое количество прошедших исследовательских сезонов, следует констатировать, что совсем небольшая территория тарской крепости и острога археологически исследованы, и производственные комплексы, в том числе – по металлообработке, ещё станут нашими объектами исследования.

Список источников и литературы

1. *Зиняков Н. М.* Чернометаллические изделия поселения Изюк-I: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 275–288.
2. *Зиняков Н. М.* Особенности становления русского металлообрабатывающего производства в XVII–XVIII вв. в Западной Сибири (На примере материалов Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Изд-во Ом. ин-та (фил.) РГТЭУ, 2011. – С. 305–310.
3. *Зиняков Н. М.* Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Издат. дом «Наука», 2017. – С. 427–437.
4. *Татауров С. Ф.* Гвоздь в Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2004. – Т. 8. – С. 234–241.

5. *Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р.* Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI – конце XVIII века // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. – Омск: Амфора, 2014. – С. 87–124.
6. *Татауров С. Ф.* Освещение жилых, административных и храмовых комплексов в городе Таре в XVII–XIX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 1 (44). – С. 37–44.
7. *Татауров С. Ф., Фаистов Т. Н.* Железные ножи в городе Таре в конце XVI – первой половине XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2016. – С. 111–118.
8. *Татауров С. Ф.* Тарская каланча или про пожары в городе Таре и как с ними боролись // Пятые Ядринцевские чтения: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Омск: ОГИК-музей, 2015. – С. 400–407.

Татауров Сергей Филиппович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

С. С. Тихонов

ПОДСВЕЧНИК МИНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СРЕДНЕГО ПРИТОМЬЯ

В статье рассмотрены обстоятельства находки китайского подсвечника минского времени у д. Крапивино Кемеровской области. Автор предполагает, что он был утерян крестьянами на переправе через Томь. Сам же подсвечник принадлежал художнику В. Д. Вучичевичу-Сибирскому, жившему на заимке близ д. Калашино. Он и его семья были зверски убиты А. Сажиным и его подельниками в 1919 г. После смерти художника его имущество было разграблено.

Ключевые слова: подсвечник; эпоха Мин; художник Вучичевич-Сибирский; этно-археология.

S. S. Tikhonov

CANDLESTICK OF MING TIME FROM THE MIDDLE TOM RIVER REGION

The article deals with the circumstances of the discovery of a Chinese candlestick of the Ming time near the village of Krapivino in the Kemerovo region. The author suggests that it was lost by the peasants at the crossing of the Tom river. The candlestick itself belonged to the artist V. D. Vuchichevich-Sibirsky, who lived on zaimka near the village of Kalashino. He and his family were brutally murdered by A. Sazhin and his cronies in 1919. After the death of the artist, his property was looted.

Keywords: candlestick; Ming Epoch; artist Vuchichevic-Siberian; ethnoarchaeology.

Введение. Статья носит предварительный характер, необходимый для постановки вопроса о наличии ветвящихся процессов в этно / этнографо-археологических исследованиях. Это является частью работ автора в области методологии изучения этнографо-археологических комплексов и адаптацией методологии естественных наук к гуманитарным работам [1, с. 44–50]. Полагаю, что на данном этапе целесообразно рассматривать марковские ветвящиеся процессы. То есть, когда в физической системе, состоящей из конечного числа единиц (например, археологических и этнографических коллекций, а в нашем случае – подсвечника), каждая из них может трансформироваться в одну или несколько других частиц, или исчезнуть, причём независимо от других. Пока я рассматриваю начальный вариант, когда физическая система служит началом нескольким направлениям изучения, ведущим к разным исследовательским полям.

Источниками для подготовки статьи стали:

- архивные материалы Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (далее – МАЭ ОмГУ) [2];

- бронзовый подсвечник минского времени, хранящийся в фондах Новокузнецкого краеведческого музея (учётный номер НКМ КП-1103 ВИ-649);

- публикации о жизни и обстоятельствах смерти художника В. Д. Вучичевича-Сибирского [3, с. 395–402; 4–6];

- информация о В. Д. Вучичевиче-Сибирском, собранная автором в деревнях Крапивино, Змеинка, Фомиха Крапивинского района Кемеровской области.

Обсуждение. В Архиве МАЭ ОмГУ в фонде М. П. Грязнова хранится лист кальки [2], на котором изображён подсвечник, найденный на правом берегу р. Томи напротив с. Крапивино (Кемеровская область) в 1932 г. жительницей села Поварницыной. На листе имеется ряд пояснительных надписей, сделанных М. П. Грязновым (рис. 1-1). Сам предмет был передан в краеведческий музей г. Сталинска. Каким-то образом геолог-угольщик В. И. Яворский узнал о существовании этого изделия, о чём сообщил в Институт истории материальной культуры в Ленинграде. Это произошло после 1935 г., поскольку на рассматриваемом листе есть помета «Письмо в ИИМК (Институт истории материальной культуры. – С. С.) доктора В. И. Яворского», а докторскую диссертацию тот защитил в 1935 г. Известно так же и то, что он активно работал в Кузбассе в 1942–1944 гг. Предмет был атрибутирован востоковедом Э. К. Кверфильдом (есть и другие варианты написания его фамилии) как подсвечник минского времени, который можно датировать временем не ранее XV и не позднее XVI вв. М. П. Грязнов снял на кальку абрис изделия (возможно, с фотографии с нечётко проработанной нижней частью подсвечника) и поместил его в папку с материалами, происходившими с реки Томь. Других действий, связанных с изучением подсвечника, он не предпринимал.

Информацию о В. Д. Вучичевиче-Сибирском, вкупе со сведениями о могиле хана Кучума на Абатовой горе в верховьях рек Кучуманда и Улуманда (бассейн р. Тайдона, правого притока Томи), я использовал при изучении вопроса о глубине исторической памяти локальных групп населения [7, с. 133–138]. Это было необходимо для верификации устных сведений о закономерностях системы

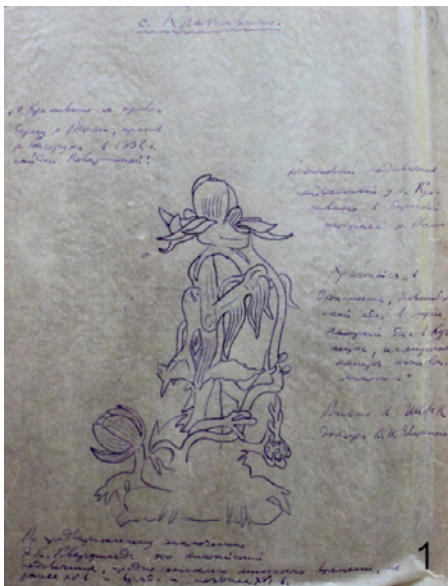
расселения челдонов среднего течения Томи в районе Мунгатского острога [8, с. 133–136], а затем стало отдельным направлением работ [9, с. 270–273; 10, с. 33–37].

Итак, подсвечник высотой 195 мм (рис. 1-2–3) выполнен «в виде змеевидного дракона с разинутой вверх пастью, опирающегося свёрнутым хвостом на основание из 2-х крабов и 2-х лотосов. Свечник в виде свернувшейся змеи, её хвост в лапах дракона. Розетка свечника в виде распустившегося лотоса» [11]. Отмечу, что рисунок из архива (рис. 1-1) и фото (рис. 1-2) показывают предмет примерно с одного ракурса.

Рассмотрим некоторые направления работ, связанные с изучением подсвечника, что, по моему мнению, ляжет в основу ветвящихся процессов.

Атрибуция предмета (определение времени и места производства, технологии изготовления, мастерской, где он был сделан и т. п.) – это первое, с чего начинается исследователь. Наличие на предмете дракона и лотоса позволяет отнести его к культурам Китая или его периферии. Э. К. Кверфильд датирует его концом Минской эпохи, т. е. не ранее XV и не позднее XVI в. Сотрудники Новокузнецкого краеведческого музея отнесли изделие к концу XIX – началу XX вв., тем самым определив его как поздний цинский. Не являясь специалистом по бронзовым изделиям Китая, не могу ничего добавить к их мнению. Поиск похожих изделий на интернет-сайтах, посвящённых бронзовым изделиям Китая, к положительному результату не привёл. Поэтому в данном направлении предстоит много работы.

Одиночные археологические находки и их интерпретация. Сильной стороной работ отечественных археологов является изучение комплексов, раскопанных максимально полно. Но время от времени в поле зрения археологов попадают случайные находки. Это значит, что они были найдены не на площади памятника, вне культурного слоя, не во время плановых работ, не всегда специалистами. Обычно можно определить время их бытования, принадлежность к археологической культуре, территорию распространения. Со временем накопилось такое число подобных находок, что для их изучения уже проводят конференции [12]. Крапивинский подсвечник – из серии таких находок, но можно высказать версию об обстоятельствах его попадания на берег, связанную с убийством В. Д. Вучичевича-Сибирского и разграблением его заимки.

С. Крапивино

«с. Крапивино, на правом берегу р. Томи, против р. Быструха в 1932 г. найден Поварницкой»

Бронзовый подсвечник найденный у с. Крапивино в береговой террасе р. Томи

Хранится «в Сталинске, Новосибирской обл. в музее, который был в Кузнецке, именуемом теперь тоже Сталинской»

Письмо в ИИМК доктора В.И. Яворского

По предварительному заключению Э.К. Кверфильда это китайский подсвечник, предположительно минского времени не ранее XV в. - вряд ли позднее XVI в

Рис. 1. Подсвечник из с. Крапивино:
1 – лист из архива М. П. Грязнова;

2–3 – современные фото подсвечника (фонд Новокузнецкого краеведческого музея, фото С. В. Кунина)

На кальке из архива МАЭ ОмГУ есть надпись: «с. Крапивино на правом берегу р. Томи, против р. Быструха» (рис. 1-1). Фактически указанное место – это пойменный мыс в месте, называемом «Мунгатское плесо». Здесь хорошо видны веера блуждания, есть небольшие пойменные дюны, озеро Копь (некоторые старожилы считают его бывшим руслом р. Мунгат), и небольшие озера. На мысу есть многочисленные рощи, пастбища и сенокосные угодья. Археологических памятников здесь не было никогда, этот участок Томи был заселён русскими только после 1715 г. (с образованием Мунгатского острога), тюльберы жили намного выше этого места. Поэтому логично предположить, что подсвечник попал сюда извне, и единственным местом, где могли быть подобные вещи, являлась заимка В. Д. Вучичевича-Сибирского. Была и дорога, соединявшая его заимку с переправой у Крапивино.

Когда-то чуть выше устья Быструхи в районе бывшей конторы «Заготзерно» (левый берег Томи) находился паром, который причаливал к вершине мыса на правом берегу Томи. Отсюда начиналась дорога к деревне Фомиха и далее к устью р. Осипово, проходя через несуществующие ныне деревни Тупичиха и Широкая щель. Из д. Тупичиха, где жил убийца художника, Сашка Сажин, через Долгий остров можно было переправиться на противоположный берег Томи к заимке В. Д. Вучичевича-Сибирского, стоявшей на левом берегу речки Гвоздовичиха (приток Томи). На другом её берегу была деревня Калашино (ныне не существует, хотя остались топонимы Калашин луг и Калашино болото).

После смерти художника заимка была заброшена, а его имущество присвоили крестьяне окрестных деревень. Вероятно, одним из них подсвечник был утерян на переправе через Томь.

Расположение деревень и пути сообщения между ними в месте выхода Томи из гор (от порога Куриные лапки до Порывного порога). Конечно, для изучения этого сюжета есть другие источники типа карт или описаний мест расположения населённых пунктов. Но подсвечник, найденный на дороге, позволяет определить дату функционирования объекта, а таких свидетельств, особенно касающихся дорог, очень мало.

Этнографо-археологическая оценка заимки В. Д. Вучичевича-Сибирского. В поле зрения учёных не так часто попадают комплексы, отражённые в разных видах источников. Устные сведения о заимке художника позволяют считать, что имелся дом, в ко-

тором жил он и его семья, стайка для коров (здесь и далее в скобках и кавычках будут приведены сведения из рассказов о смерти художника); («Крестьяне шли, а в стайке коровы недоенные ревут»), место для коней («укажи нам, где коней поставить»). Усадьба была огорожена («Сашка в ворота стучался», «А третий закричал, да со двора убежал»). Скорее всего, были и «погребки» для хранения продуктов, летние печи во дворе, места для отдыха и приёма пищи работниками («Он богатый был, работников держал»). Фактически это был одиноко стоящий жилищно-хозяйственный комплекс с фиксированными границами. После ограбления комплекса интерес к нему был потерян, и с тех пор его можно считать «закрытым». В жилом доме была хорошая мебель, большая кровать («дочери посадили братика под кровать, да наказали не кричать»), зеркала («оно в палихмахерской долго виселось»), телескоп («старик Тарасов в его глядел один раз»). То есть имеются предварительные сведения о возможном этнографо-археологическом комплексе.

Таковы предварительные итоги изучения подсвечника, а также возможные направления исследований некоторых аспектов изучения поздней археологии, этнографии, истории Среднего Притомья, связанные с ним. Возможно, именно они и будут основой ветвящихся процессов, которые в качестве предположения предлагается рассматривать как методологию археолого-этнографических работ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пользуясь случаем, искренне благодарю коллег из Новокузнецка за помощь в поиске и изучении этого предмета: Юрия Викторовича Ширина, заместителя директора по науке музея-заповедника «Кузнецкая крепость», сообщившего мне о его местонахождении, дирекцию Муниципального автономного учреждения культуры «Новокузнецкий краеведческий музей» в лице директора Светланы Анатольевны Гончаровой, заместителя директора по науке Петра Петровича Лизогуба, предоставивших информацию о подсвечнике, и сотрудника музея Сергея Владимировича Кунинина, сделавшего качественные фотографии вещи.

Список источников и литературы

1. *Тихонов С. С.* Об археолого-этнографической интеграции и её методологическом обеспечении // *Культурологические исследования в Сибири.* – 2013. – № 1. – С. 44–50.
2. Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Ф. III. Д. 29. Томь. 15 л.

3. Живём Крапивинской судьбою: Очерки истории Крапивинского района: (К 80-летию юбилею района). – Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. – 480 с.
4. Литературный сайт Мэри Кушниковой и Вячеслава Тогулева. – Режим доступа: <http://litsite.narod.ru/fotoarkhiv/vutchitchevitch.html> (дата обращения: 29.03.2021).
5. *Кушникова М.* Место в памяти: Вокруг старого Кузнецка. С любовью к Сибири. Художник В. Д. Вучичевич-Сибирский // Кузбасс. Страницы истории. – Режим доступа: http://kuzbasshistory.narod.ru/book/mesto_ram_sk/008_s_lyub_sib.htm (дата обращения: 29.03.2021).
6. *Кушникова М.* Историческая публицистика // Кузбасс. Страницы истории. – Режим доступа: http://www.kuzbasshistory.narod.ru/Ist_Pub/Text/Vuch/sl_tab.html (дата обращения: 29.03.2021).
7. *Тихонов С. С.* Художник В. Д. Вучичевич-Сибирский и глубина исторической памяти // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – 2012. – № 17. – С. 133–138.
8. *Тихонов С. С.* Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестн. Куз. гос. тех. ун-та. – 2013. – № 3 (97). – С. 133–136.
9. *Тихонов С. С.* Об устной истории Гражданской войны и глубине народной памяти // Социально-политические кризисы в истории России. – Шадринск: ШадрГПУ, 2018. – С. 270–273.
10. *Тихонов С. С.* О глубине памяти жителей Сибири // Народная культура Сибири: материалы XXV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2017. – С. 33–37.
11. Госкаталог. – Режим доступа: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15019807> (дата обращения: 29.03.2021).
12. Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: матер. тематич. науч. конф. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 285 с.

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

История и культура народов: междисциплинарные подходы в современной гуманитаристике

УДК 951/ 959

М. Ж. Абдиров

**ОРАЗ-МУХАММЕД ОНДАНУЛЫ – КАСИМОВСКИЙ ХАН
В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ (БИОГРАФИЯ КАЗАХСКОГО СУЛТАНА
В ЗЕРКАЛЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ)**

Статья посвящена биографии казахского султана Ораза-Мухаммеда Онданулы, который в 1600–1610 гг. был Касимовским царём и являлся активным участником событий Смутного времени в России.

Ключевые слова: Чингиз-хан; Золотая Орда; Русское государство; Касимовское царство; Борис Годунов; Ораз-Мухаммед.

M. Zh. Abdirov

**ORAZ-MUKHAMMED ONDANULY, THE KHAN OF KASIMOV,
IN THE RUSSIAN STATE (BIOGRAPHY OF THE KAZAKH SULTAN
IN THE MIRROR OF ALTERNATIVE HISTORY)**

The article is devoted to the biography of the Kazakh sultan Oras-Mukhammad Ondanuly who in 1600–1610 was the king of Kasimov and was an active participant in the events of the Time of Troubles in Russia.

Keywords: Chingis Khan; Golden Horde; Russian state; Casim state; Boris Godunov; Oras-Muhammad.

14–15 ноября 2019 г. в Москве по инициативе Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Российской Федерации И. Н. Тасмагамбетова состоялась международная научная конференция на тему «Роль Ораза-Мухаммеда Онданулы в современной истории». В ней приняли участие российские и казахстанские учёные, в том числе и автор настоящей статьи. В городе Касимове Рязанской области, на территории старинного мусульманского кладбища, была открыта памятная стела-кенотаф в честь Касимов-

ского хана и казахского султана Ораза-Мухаммеда, лежащего в далёкой от казахской степи русской земле, ставшей для него второй родиной.

Родился он в 1572 г. в знаменитой во всей степи семье, которая уже 300 лет правила Ак Ордою – государственным образованием в Казахстане в послемонгольскую эпоху. Его родословная выглядит следующим образом: Ораз-Мухаммед – Ондан-султан – Шигай-хан – Жадик-султан – Жаныбек-хан – Барак-хан – Куйручук-оглан – Орыс-хан. Их общим первопродком был Орда-Ежен – старший сын Жошы-хана (Джучи) – старшего сына Чингиз-хана [1, с. 271].

Таким образом, Ораз-Мухаммед по рождению являлся чистокровным султаном-чингизидом и имел все права на трон в Казахском ханстве. Но суровая жизнь внезапно спутала все планы, и перспективы занять в будущем престол неожиданно померкли.

В одной из битв с ойратами его отец и наследник престола, Ондан-султан, погиб; вскоре умер и Шигай-хан. Правителем Казахского ханства стал его второй сын – Тауекель-хан (1582–1598 гг.). Малолетний Ораз-Мухаммед оказался сиротой, и его дальнейшая судьба стала неопределённой. Новый хан был дальновидным стратегом и дипломатом, прилагал все усилия для укрепления и расширения территории Казахского ханства. При нём в 1594 г. было направлено в Москву первое казахское посольство во главе с Кул-Мухаммедом, а в 1595 г. прибыло ответное посольство Вельямина Степанова [2, с. 403–404].

В 1582 г. атаман Ермак совершил поход в Сибирь, разгромил войско хана Кучума и захватил столицу Сибирского ханства – город Искер. Кучум происходил из династии сибирских шейбанидов, его союзником выступали бухарские шейбаниды во главе с могущественным ханом Абдаллахом, являвшимся противником казахского хана Тауекеля. После гибели атамана Ермака в край стали прибывать царские воеводы и возводить новые укрепления, чтобы прочно обосноваться в крае [3, с. 91–97].

Тауекель-хан воспользовался поражением старого врага казахов, Кучума, и отправил в Сибирь своего племянника, Ораза-Мухаммеда, чтобы присоединить часть территории Сибири к Казахскому ханству. Российский учёный А. В. Беляков предполагает, что жены Кучума и Ондан-султана были родными сёстрами, поэтому Ораз-Мухаммед приходился пасынком хану Кучуму и мог на законных основаниях претендовать на часть территории Сибири [4,

с. 8, 24]. Так, в 1586 г. юный султан Ораз-Мухаммед впервые оказался в Сибири; среди сопровождавших его был знаменитый историк Кадыргали-би Жалаири, который в своём сочинении «Жами аттаварих» («Сборник летописей») подробно описал последующую судьбу Ораза-Мухаммеда. В русских летописях его называли Карача-би [5, с. 29–31].

В один из летних дней 1588 г. Ораз-Мухаммед, князь тайбугидов Сейид-Ахмет, Кадыргали-би со свитой, всего 500 человек, охотились с ястребами и соколами у Иртыша в местности Княжий луг, недалеко от нового русского городка Тобольска. Воевода Данила Чулков, увидев у реки группу знатных всадников, решил хитростью заманить их в крепость и захватить в плен.

Воевода направил своих представителей и пригласил в гости якобы для переговоров о мире и дружбе. Ораз-Мухаммед и его спутники ещё не имели опыта общения с русскими и решили принять приглашение. Степняки превыше всего ценили верность слову и не подозревали о вероломстве воеводы, который приготовил для них западню. Оставив за стенами укрепления воинов и оружие, Ораз-Мухаммед и его спутники вошли в городок. У ворот их встречал сам Чулков, излучавший показное гостеприимство.

Во время пира воевода в знак дружбы и мира предложил гостям поднять по большой чаше вина за здоровье царя Федора Ивановича. Не привыкшие к такому напитку степняки отказались от такой чести, чего и добивался воевода. Он обвинил гостей в неуважении к русскому государю, злых намерениях и подал знак стрельцам, которые тут же схватили знатных гостей. Так, в результате коварства тобольского воеводы Чулкова, Ораз-Мухаммед и его спутники очутились в плену. Узнав, что в его руки попал родной племянник самого казахского хана Тауекеля, царевич Ораз-Мухаммед, Данила Чулков немедленно отправил его к царю. 10 сентября 1588 г. Ораз-Мухаммед выехал в Москву. В самом конце того же года молодой и неискущённый казахский султан со спутниками оказался в столице Русского государства, позже их всех отправили на жительство в Касимовское ханство; Ораз-Мухаммед остался в Москве.

Сын Ивана Грозного, царь Фёдор Иванович (1584–1598 гг.) устроил молодому султану торжественную встречу в Грановитой палате Кремля, поскольку в его лице видел представителя правящей династии сильного Казахского ханства. Оценив по достоинству

знатное происхождение и военные способности юного царевича, Фёдор Иванович принял Ораз-Мухаммеда в российское подданство и зачислил на воинскую службу. С этого времени началась 20-летняя служба молодого казахского султана царям Фёдору Ивановичу, Борису Годунову и Василию Шуйскому. К сожалению, сведения о его воинской службе отрывочны и разрозненны.

Так, в 1590 г. Ораз-Мухаммед в составе сторожевого полка русской армии вместе с царём Фёдором Ивановичем ходил в поход против шведов, участвовал в штурме крепостей Ям и Иван-город. Весной 1598 г. участвовал вместе с новым царём, Борисом Годуновым, в походе против крымских татар в составе полка правой руки [6, с. 103–105].

Сведения о его государственной и воинской службе дают представление о том, что он был приближен к царям, пользовался их доверием и покровительством, удостоился разных милостей. Ораз-Мухаммед активно участвовал во многих войнах, походах и сражениях, и, несмотря на молодость, благодаря своему ратному искусству и верности данной присяге, приобрёл широкую известность.

За честную службу Руси и преданность царскому престолу, воинскую доблесть и мужество царь Борис Годунов в 1600 г. пожаловал казахскому царевичу Оразу-Мухаммеду город Касимов с волостями и со всеми доходами, даровал ему титул удельного «царя Касимовского» с вручением специального ярлыка, который прежде могли выдавать только ханы Золотой Орды [7, с. 122–124, 156–158].

Касимовское ханство (русские называли его царством) – небольшое удельное княжество, которое было создано московскими великими князьями для тюрко-кыпчакской знати, перешедшей в разное время на службу Руси. Оно занимало территорию по реке Оке в северо-восточной части Рязанского княжества. Впервые было пожаловано великим князем московским Василием II в 1450 г. казанскому царевичу Касыму, сыну золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда, к которому русский князь попал в плен во время одной из битв. По имени первого хана главный город царства Городок Мещерский стал называться Хан-Кырманом или Касимовым (по имени первого хана Касыма).

Царство просуществовало свыше 200 лет, и за это время на ханском троне сменилось 16 «царей». Касимовские ханы назначались по усмотрению московского правительства, и первое время

русские цари относились к ним как к равным государям, тем более они все были из потомков Чингиз-хана и ханов Золотой Орды. Конечно, это была тонкая и дальновидная политика, направленная на привлечение степной знати к службе России и повышение авторитета Москвы в глазах Запада и Востока.

Избрание Ораза-Мухаммеда касимовским царём состоялось 12 июня 1600 г. в главной мечети Хан-Кырманна в присутствии всего населения. По древней степной традиции приближенные подняли Ораза-Мухаммеда на золотой кошке, присутствовавшие при инаугурации огласили мечеть радостными возгласами; карачаи, аталыки, беки, хафизы и сеиды осыпали хана золотыми и серебряными монетами, а собравшийся народ принёс ему свои поздравления. Ораз-Мухаммед был государем справедливым и милосердным: Касимовское ханство при нём было самым спокойным регионом во всём Русском государстве.

Таким образом, Ораз-Мухаммед стал единственным из казахских султанов, кто был ханом в Касимове, т. е. на территории самой Руси. Причём его воцарение было подробно описано Кадыргали-би Жалаири; ни о каком другом касимовском правителе таких сведений нет. Касимовские ханы, в силу происхождения из рода великого Чингиз-хана, по статусу перечислялись в царских документах сразу же за московскими удельными князьями и были «честию выше бояр» [8, с. 185–186, 198].

Он часто бывал в Москве, и каждый раз его принимали с царскими почестями. В марте 1601 г., например, был на приёме у Бориса Годунова, присутствовал в Грановитой палате при проводах польского посла, а в мае уже находился на южной границе во главе Большого полка русской армии, стоявшего против крымского хана в ожидании его нападения.

В 1605 г. умирает царь Борис Годунов, начались крестьянские восстания, появились различные самозванцы, претенденты на русский трон. Правящая боярская верхушка изменила государству и перешла на службу к ставленникам польских королей – так называемым «истинным царям»: Лжедмитрию I и Лжедмитрию II. В Москву были введены польские войска, а на престол приглашён польский королевич-католик Владислав, которого Боярская дума назвала «царём и Великим князем всея Руси», и присягнула ему.

В такой сложной внутривосточной обстановке касимовский хан Ораз-Мухаммед также был вынужден подчиниться самозван-

цам и польским интервентам. В марте 1610 г. он прибыл в польский лагерь под Смоленском, где король Сигизмунд с почётом принял его и удостоил первого места среди своих сенаторов. Гетман Жолкевский в своих записках отмечал его верность королю и солидность поведения. Но как Лжедмитрий II, так и царь Василий Шуйский, видимо, не доверяли «татарскому хану» и с подозрением относились к нему, хотя внешне выказывали своё уважение. Беда пришла совершенно с неожиданной стороны.

Кто-то из близких Ораз-Мухаммеда донёс Лжедмитрию II, что касимовский хан замыслил изменить ему; говорят, что это был даже его родной сын – Мухаммед-Мурад. Самозванец поверил ложным слухам и пригласил ничего не подозревавшего хана на охоту, во время которой предательски убил его, а труп бросил в реку Оку. Произошло это событие 22 ноября 1610 г. Чтобы скрыть гнусное преступление против влиятельного мусульманского правителя Касимовского ханства, было объявлено, что Ораз-Мухаммед погиб при попытке совершить покушение на «истинного царя». Никакого следствия по факту убийства Ораза-Мухаммеда ни поляками, ни русскими властями не производилось.

Только его верный соратник, ногайский князь – Пётр Урусов, бывший начальником охраны Лжедмитрия, тайно побывал на месте гибели своего друга, нашёл в проруби тело Ораз-Мухаммеда, убитого в спину, и убедился в его насильственной смерти от рук самозванца. Он решил отомстить ему и 11 декабря 1610 г. во время очередной охоты, сказав: «Я научу тебя топить ханов, негодный обманщик!», застрелил Лжедмитрия, а затем отрубил ему голову. Таким образом, Касимовский хан Ораз-Мухаммед своей трагической смертью и ногайский князь Пётр Урусов своим героическим поступком спасли Россию от последнего самозванца.

Ораз-Мухаммед со всеми почестями был захоронен в ханском склепе в городе Касимове. Могила Ораз-Мухаммеда была найдена на Старопосадском кладбище в 1860 г. Надгробный памятник лежал на земле, разбитый на две части. На нём арабской вязью написано: «Сказал Господь преславный и всевышний: всякая душа должна вкусить смерти; затем вы к нам возвратитесь. Истину сказал пророк Божий. В 1019 году, месяца рамазана в 16 день (22 ноября 1610 г.) скончался сын Ондан-султана, Ураз-Мухаммед-хан. Господь всевышний да помилует его». В книге российского историка В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях

и царевичах» (часть I) приведён фотолитографический снимок надгробия Ораз-Мухаммеда, который, к сожалению, не сохранился до наших дней [6, с. 402–403, 486–488].

Такова история короткой жизни казахского султана Ораза-Мухаммеда Онданулы – Касимовского царя в Русском государстве, оставившего заметный след в его истории во время Смутного времени [9, с. 326–332].

После отъезда царя Василия Шуйского в Польшу и изгнания из Кремля царевича-католика Владислава начались поиски новой царской династии вместо варяжской династии Рюриковичей, которая пресеклась со смертью сыновей царя Ивана Грозного – царевича Дмитрия в 1591 г. и царя Фёдора Ивановича в 1598 г. Боярская дума долго не могла решить этот вопрос, с учётом интересов разных политических группировок, которые враждовали между собой и стремились к единоличной власти.

Народ же каждый день собирался у Кремля и требовал назвать имя нового правителя. Люди в страхе говорили: «Скоро крымский хан опять будет под Москвою, а мы без царя и защитника». Поэтому русские люди хотели видеть на престоле прежде всего православного человека, пусть он будет хоть немцем, поляком, литовцем или ордынцем. Русские люди спрашивали чужеземца: «Не кто ты по крови, а как веруешь?». И в этой ситуации потомок Чингиз-хана, Касимовский царь Ораз-Мухаммед (будь он жив) теоретически мог претендовать на трон Русского царства. Подобная гипотеза имеет право на существование. Объяснялось это тем, что Русь почти три века была вассалом Золотой Орды; совместное проживание в составе фактически единого государства сблизило их народы и правящие элиты. Можно было предполагать в будущем слияние русских и тюрков-татар (православных и мусульман) в единый суперэтнос, чего невозможно представить в отношениях с католиками.

Сторонники приглашения на русский престол представителя тюркского мира могли надеяться, что, как и касимовские ханы, новые правители Руси примут крещение и станут православными царями Русского государства. И приводили в пример Касимовского хана Симеона Бекбулатовича, которого в одно время царь Иван Грозный даже объявил «Великим князем всея Руси», а также царя Бориса Годунова, предок которого по имени Чет пришёл на Русь из Орды, принял христианство и верно служил новой родине. Да и в жилах самого царя Ивана Грозного текла тюркская кровь, так

как его мать, Елена Глинская, была из потомков знаменитого эмира Золотой Орды Мамай, который происходил из тюркизированного монгольского племени кыят, к одному из поколений которого относился и сам Чингиз-хан. Можно также вспомнить казанского царевича Кудайкула, в крещении Петра Ибрагимовича, зятя московского великого князя Василия III. Он был бездетным, поэтому в 1509 г. объявил своим официальным наследником царевича Петра Ибрагимовича. К сожалению, он скончался в 1523 г., и если бы не ранняя смерть царевича, то история России могла бы быть иной. В 1613 г. кандидатом в русские цари рассматривали также потомка сибирского хана Кучума – султана Арслана бин Али [1, с. 337–357].

Эта была вполне по тем временам здравая мысль, и при наличии достойных претендентов на русский престол его мог занять кто-нибудь из потомков ханов Золотой Орды, принявший православие. И им мог быть Ораз-Мухаммед, так как казахские ханы никогда не нападали на Русь и не воевали с ней. К тому же ещё в 1594–1595 гг. при хане Тауекеле Московское царство и Казахское государство установили дипломатические отношения, обменялись посольствами и договорились совместно бороться с Сибирским и Бухарским ханствами. А хан Тауекель уже тогда был готов принять российское подданство.

И можно предположить, что если бы к этому времени Касимовский хан Ораз-Мухаммед не погиб от рук Лжедмитрия II, его вполне вероятно могли пригласить занять опустевший престол, и он, приняв православие, стал бы основателем новой правящей династии Касимовских царей в Русском государстве. Концепция альтернативной истории особого пути России такое развитие событий вполне допускает.

Ещё основоположник знаменитого евразийского направления в духовной истории России, князь Николай Сергеевич Трубецкой писал, что татарская государственная идея была великой идеей, обладающей неотразимой притягательной силой, нужно было лишь отделить её от монгольства, связать с православием и объявить её своей, русской. Так совершилось бы чудо превращения монгольской государственной идеи в государственную православно-русскую идею, с которой Россия столкнулась реально, будучи приобщена к Монгольской империи и став одной из её провинций [10, с. 33–34].

Однако история России пошла по другому пути. В 1613 г. Земский собор избрал новым царём представителя боярской фамилии Романовых, 16-летнего Михаила Фёдоровича, предки которого никогда не были великими князьями или царями. С него началась новая династия, правившая Россией свыше 300 лет, до своего падения в 1917 г.

Список источников и литературы

1. *Абдиров М. Ж.* Казахский хан в Русском государстве. – Алматы: Атамур, 2020. – 392 с.
2. История Казахстана с древнейших времён до наших дней: в 5 т. – Т. 2. – Алматы: Атамур, 1997. – 624 с.
3. *Абдиров М. Ж.* Хан Кучум: известный и неизвестный. – Алматы: Жалын, 1996. – 176 с.
4. *Беляков А. В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусайтов. Опыт совместной биографии. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. – 208 с.
5. *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в потоке истории. Очерки. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015. – 384 с.
6. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царицах. Ч. II. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864. – 494 с.
7. *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. – Т. I. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – 777 с.
8. *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 320 с.
9. *Султанов Т. И.* Касимовский царь из Казахской Орды // Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – СПб.: Евразия, 2006. – 448 с.
10. *Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 576 с.

Абдиров Мурат Жеткергенович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (Алматы, Казахстан)

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко

ПРИВЛЕЧЕНИЕ СИБИРСКИХ ТАТАРСКИХ ВОИНОВ В СОСТАВ РОССИЙСКИХ ВОЙСК В НАЧАЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ*

В докладе рассматриваются и анализируются исторические свидетельства привлечения сибирских татар на службу в состав российских служилых воинов в период присоединения Западной Сибири к Российскому государству. Сибирские служилые татары участвовали в борьбе со сторонниками сохранения Сибирского ханства. Они были приписаны к разным сибирским городам. Российские власти доверяли им владение и использование огнестрельного оружия в борьбе с противниками российских властей в сибирских землях. Привлечение на военную службу сибирских татар позволило представителям российской администрации восполнить нехватку необходимых людских ресурсов для сохранения вновь присоединённых к Российскому государству сибирских земель.

Ключевые слова: Сибирские служилые татарские воины; Западная Сибирь; использование огнестрельного оружия.

Yu. S. Khudjakov, A. Yu. Borisenko

INVOLVEMENT OF SIBERIAN TATAR WARRIORS IN A LINE-UP OF THE RUSSIAN FORCES AT THE BEGINNING OF THE ANNEXATION OF WESTERN SIBERIA BY THE RUSSIAN STATE

In the article, the historical pieces of evidence of Siberian Tatars' recruitment in a line-up of the Russian Service warriors during the annexation of Western Siberia by the Russian State are analyzed and considered. Siberian Service Tatars took part in the struggle against supporters of the preservation of the Khanate of Sibir. They were assigned to different Siberian cities. The Russian authorities entrusted them possession and utilization of firearms in struggles with adversaries of the Russian authorities in Siberian lands. The enlistment of Siberian Tatars has allowed the representatives of the Russian administration to make up for the lack of necessary manpower resources for the preservation of re-attached by the Russian State Siberian lands.

Keywords: Siberian Service Tatar warriors; Western Siberia; utilization of fire-arms.

В ходе присоединения сибирских земель к Российскому государству важную роль имело привлечение на военную службу неко-

* Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

торых представителей правящей элиты и рядовых воинов из числа сибирских народов. На территории Западной Сибири в состав служилых людей неоднократно активно привлекались к сотрудничеству и для несения военной службы служилые татарские воины и некоторые представители сибирской татарской знати. Большой вклад в изучение истории сибирских татар внёс выдающийся сибирский учёный-этнограф Н. А. Томилов [1; 2].

Необходимость привлечения сибирских татар в состав российских служилых воинов была обусловлена острой нехваткой собственных людских ресурсов для охраны коммуникаций на территории недавно присоединённых сибирских земель и необходимостью эффективного сбора ясака пушниной с коренного населения. Среди представителей сибирской татарской знати, принадлежащей к различным правящим аристократическим родам, были острые внутренние противоречия и борьба за власть в Сибирском ханстве. В числе первых опытов привлечения сибирских татар к сотрудничеству можно отметить попытку казачьего атамана Ермака произвести благоприятное впечатление на татарского тархана Кутугая и продемонстрировать ему эффективность стрельбы из пищалей, что нашло отражение в иллюстрациях «Краткой сибирской (Кунгурской) летописи» [3, с. 488]. Атаман передал некоторые подарки для хана Кучума. Несмотря на то, что Кучум принял эти подарки, он стал готовиться к военным действиям [4, с. 218]. Тем не менее, военные неудачи сторонников сохранения Сибирского ханства привели к тому, что некоторые представители сибирской татарской знати предпочли ради сохранения своих привилегий перейти на службу к Московскому царю [5, с. 103]. Для них российскими властями были предусмотрены разнообразные поощрения, чтобы «отговаривать» от поддержки хана Кучума представителей высшей сибирской татарской правящей элиты [6, с. 49]. В составе российских военных отрядов в Западной Сибири в источниках конца XVI–начала XVII вв. неоднократно упоминаются юртовские служилые татары, а также юртовские тобольские татары и волостные татары, возглавляемые своими татарскими военными командирами – «татарскими головами» [5, с. 103]. Некоторые из них переходили на сторону российских властей по своей инициативе, другие соглашались сотрудничать, попав в плен. Среди сибирских татарских военачальников на сторону российских властей перешёл известный сибирский татарский полководец, близкий родственник самого си-

бирского хана Кучума, царевич Махметкул, который согласился стать российским воеводой [4, с. 244]. Во главе некоторых военных отрядов «служилых татар» были назначены начальники из русских служилых людей или из татарских военных командиров [7, с. 172].

В какой-то мере процессу признания верховной власти московского царя и переходу на военную службу некоторой части сибирской татарской знати поспособствовала политика самого сибирского хана Кучума, который неоднократно совершал опустошительные походы на поселения некоторых групп сибирских татар, в предшествующие годы вынужденных признать российские власти в Сибирском регионе. В 1590 г. хан Кучум во главе своего военного отряда неоднократно совершал военные походы на ясачных татар, которые жили поблизости от Тобольского острога, напал на татарских жителей Каурдакской и Салымской волостей. Он убил на этих поселениях среди сибирских татар «много людей и награбил большое количество всякого добра» [4, с. 572]. Во время своих нападений он насильственно переселял сибирских татар из принадлежавших им поселений в более южные степные районы Западной Сибири. Вполне очевидно, что жителям этих татарских посёлков не могло понравиться подобное отношение со стороны сибирского хана. Поэтому они были вынуждены искать защиты у российских властей в сибирских землях. Во время военного похода отряда под командованием воеводы В. Кольцова-Масальского в его составе было «большое количество татар». Ставка хана Кучума была разгромлена. Некоторые члены его семьи были взяты в плен [3, с. 584]. При основании города Тары воеводой А. Елецким были привлечены на службу, в том числе, тобольские служилые татары, среди которых были «татарские головы» – военные командиры Баязет и Байбахта [4, с. 282]. Из состава данного отряда, численность которого насчитывала до полутора тысяч воинов, не менее двух сотен бойцов составляли сибирские татары. Татарские воины из Западной Сибири привлекались для участия в военных действиях против других сибирских тюркских народов. Около сотни сибирских татарских воинов из Тобольска приняли участие в военных действиях против енисейских кыргызов на территории Южной Сибири [5, с. 103]. В некоторых сражениях между сторонниками российских властей и возрождения Сибирского ханства татарские воины выступали с обеих, противостоящих друг другу, сторон. В начале XVII в. войско сибирских, «неверных» татар, возглавляемое пре-

тендентом на ханский престол Ишимом, совершило военный поход на земли Тюменского уезда и захватило Киньрский городок, населённый сибирскими «служилыми» татарами. Против них был отправлен военный отряд, возглавляемый известным военачальником, «татарским головой» К. Изъетдиновым. Он разгромил ставку сибирского хана Али, сына Кучума, и захватил в плен некоторых его близких родственников [8, с. 209]. Судя по этому событию, российские власти в Сибири не только привлекали сибирских татар, в том числе – представителей знатных татарских семей на российскую воинскую службу, но и доверяли татарским военным командирам самостоятельно совершать военные походы против вооружённых сил сторонников восстановления Сибирского татарского ханства.

Участие сибирских татарских воинов в военном освоении территории Западной Сибири позволило сторонникам Московского царства значительно укрепить свои позиции в лесостепных и степных районах на землях, расположенных за Уралом [9, с. 179–182]. Представители местной сибирской татарской элиты смогли значительно усилить военно-политические позиции Московского царства в западносибирском регионе.

Сибирские служилые татары, несшие воинскую службу на территории Западной Сибири в Российском государстве, были освобождены от выплаты ясака пушниной. В случае военной опасности они были обязаны выставлять свои отряды, состоявшие из достаточно хорошо вооружённых и снаряжённых сибирских татарских воинов, способных противостоять с оружием в руках сторонникам восстановления Сибирского татарского ханства. Уступая в численности военным отрядам воинов, состоявшим из сторонников восстановления Сибирской татарской государственности, они многократно превосходили их в степени вооружённости огнестрельным оружием. Конные отряды служилых сибирских татарских воинов, как правило, совершали военные походы и участвовали в боевых столкновениях с противниками в составе объединённых российско-татарских войск, подчинявшихся российским военачальникам. В некоторых случаях российские командиры таких объединённых войск настаивали, чтобы большая часть из подчинённых им воинов являлась именно служилыми татарами.

Административно «служилые татары» были приписаны к разным российским сибирским городам. Наиболее крупный отряд служилых татар был приписан к административному центру рос-

сийских владений в сибирских землях, к главному в то время сибирскому городу Тобольску. Значительно меньшие по численности отряды были прикреплены к другим российским городам, расположенным на территории Западной Сибири, – к Тюмени и Таре. Общая численность служилых татар в составе российских войск на территории Западной Сибири к концу XVII в. составляла более четырёх сотен профессиональных, хорошо подготовленных в военном отношении, сибирских воинов. К 1630 г. они составляли только в городе Тобольске по своей численности более трети от всех российских служилых воинов [5, с. 104]. В случае необходимости, помимо служилых татарских воинов, представители российских властей в Сибири могли привлекать в состав своих войск и другие категории подвластных им сибирских татар, не только конных воинов, но и пехотинцев, вооружённых ручным огнестрельным оружием. Российские власти на западносибирской территории привлекали на свою военную службу не только воинов из числа сибирских татар, но и представителей некоторых других тюркских, угорских и кетских коренных народностей, обитавших на присоединённых к Московскому царству землях в западных и южных районах Западной Сибири.

Ввиду недостаточной численности своих собственных российских воинских сил, которые можно было бы использовать для охраны присоединённых западносибирских земель, привлечение на военную службу представителей некоторых сибирских народностей позволило отечественным администраторам в некоторой мере восполнить значительную нехватку необходимых людских ресурсов. Привлечение их дало возможность сохранить присоединённые сибирские земли в составе Российского государства.

Список источников и литературы

1. *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население западносибирской равнины в конце XIV – первой четверти XIX в. – Томск: ТГУ, 1981. – 276 с.
2. *Томилов Н. А.* Этническая история тюркоязычного населения западносибирской равнины в конце XVI – начале XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 271 с.
3. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань: Александрия, 2008. – 688 с.
4. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М.: Вост. лит-ра, 1999. – Т. I. – 630 с.
5. *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная

- организация: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 128 с.
6. *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань: Фэн, 2010. – 288 с.
 7. *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – Ч. 2. – С. 153–175.
 8. *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времён до начала XX века). – Казань: Фэн, 2002. – 488 с.
 9. *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. – Казань: Фэн, 2012. – 260 с.

Худяков Юлий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Борисенко Алиса Юльевна – кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Л. И. Шерстова

**ЕВРАЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА:
МОНГОЛЬСКИЙ УЛУС – СИБИРСКАЯ ЯСАЧНАЯ ВОЛОСТЬ
(ИНОРОДНАЯ УПРАВА)***

Успешное продвижение русских по Сибири во многом было обусловлено тем, что как у русских, так и у части сибирских аборигенов были распространены похожие модели социальной организации, основой образования которых была не территория, а наличие зависимого населения, т. е. улусная система евразийского происхождения, что облегчало межкультурное взаимодействие между пришлым и местным населением. Её следствием вплоть до начала XX в. были экстерриториальность отдельных инородных управ, предоставление широкой автономии сибирским народам, несвязность территории их проживания и административного подчинения.

Ключевые слова: евразийская концепция; улус; ясачная волость; сословие ясачных (инородцев); инородная управа.

L. I. Sherstova

**THE EURASIAN MODEL OF SOCIAL STRUCTURE: FROM MONGOLIAN
ULUS TO RUSSIAN FURS TRIBUTE VOLOST (NON-SLAV DISTRICT)**

The successful advancement of Russians across Siberia was in many ways determined by the similarities of social structures widespread among the Russians and indigenous people. These social structures were of Eurasian origin, and their basis was not the territory itself but the presence of dependent people on it. This similarity eased the interactions between the locals and newcomers. The structure existed till the beginning of the 20th century and resulted in the extraterritoriality of some non-Slav authorities, wide autonomy for Siberian peoples, disconnection between the place of dwelling and administrative subordination.

Keywords: the Eurasian concept; Ulus, Fur tribute volost; Fur tribute non-Slavs; non-Slav authority.

Проблема определения уровня и специфики социально-политических институтов аборигенных обществ Сибири обычно решается в парадигме эволюционного или формационного подходов, заранее помещая аборигенов на стадии догосударственного развития и обрекая их на роль статистов московской политики. Между тем в со-

* Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир "Большого Алтая": единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002).

циальных коммуникациях, в том числе и межкультурных, передача информации идёт не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Такой подход к рассмотрению русско-аборигенных контактов позволяет понять ту стремительность, с которой русские распространялись и закреплялись в Сибири, так как он предполагает наличие некоторых неких общих черт русского и аборигенных социумов, схожих ментальных установок и ценностей, благодаря которым устанавливалось взаимопонимание между коренным и пришлым населением Сибири.

Методологической парадигмой, в рамках которой возможно понимание как русско-аборигенных межкультурных контактов на низовом уровне, так и выявление сущности аборигенной политики государства в Сибири может стать евразийская концепция, понимаемая как результат синтеза культурных элементов народов Евразии. При этом следует отметить, что евразийство – это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Начало формирования евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса происходит задолго до походов Чингисхана и Батыя. Однако даже относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения. Вопрос же о наличии общих элементов в организации социумов населения Сибири и Московского царства в отечественной историографии пока не ставился.

Между тем особое понимание связи «земли и людей», воплотившееся в концепции евразийцев, наложило отпечаток на восприятие ими российской истории. Поэтому в их работах большое внимание уделялось «ордынскому наследию» в развитии российского государства и государственности. В середине XV в. Золотая Орда рассыпалась на несколько небольших ханств. «Правители Москвы, – писал Г. Вернадский, – были достаточно проницательными, чтобы извлечь выгоду из нового положения вещей... С основанием в 1452 г. вассального княжества в Касимове Москва продемонстри-

рвала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [1, с. 21]. Сакральная преемственность власти от Чингизидов к Рюриковичам, возможно, нашла отражение и в, казалось бы, нелогичном поступке Ивана IV, временно посадившего на московский трон чингизида Симеона Бекбулатовича, а затем вернувшего себе царскую власть.

Из этого следовало восприятие обитателей Сибири как «изначально» подданных Москвы, из чего проистекал и государственный патернализм – поскольку все народы Сибири (присоединённые и не присоединённые) считались заведомо «своими подданными» – с ними следовало обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью» [2, с. 140–141].

О государственных интересах свидетельствуют указы Бориса Годунова (1604 г.) и Василия Шуйского (1608 г.) сибирским воеводам, дословно повторяя друг друга: «И они б сибирские земли всякие люди... и братью и дядю и племя и племянников, и друзей отовсюду призывали и *волости полнили*» [2, с. 140]. Отсюда – сохранение и даже создание таких податных единиц, которые бы определялись *самим наличием* тяглого контингента, а не жёсткой пространственной привязкой или чёткими географическими границами. Поэтому сибирской администрации пригодилась давно воспринятая московской властью центрально-азиатская традиция социального устройства через *улус*. Под этим термином в Золотой Орде подразумевалась *не столько территория, как таковая, сколько «владение»; народ, данный в феодальное держание* [3, с. 118].

Следует отметить, что расширение границ государства может осуществляться двумя путями – либо сначала завоёвывается территория, а затем проводится политика «включения» его населения в социально-политическую систему, либо процесс аккультурации населения другой территории предшествует факту её закрепления в рамках расширяющегося государства. Таким образом, в первом случае действует принцип «чья земля, того и люди», во втором – «чьи люди, того и земля». Для московских правителей, как и для ханов евразийских степей именно численность податного, зависимого населения, а не размеры контролируемой территории, составляли силу, могущество и богатство их власти.

Одним из первых учёных, кто обратил внимание на значимость человеческих коллективов как фактора государствообразования у народов степной Евразии был Е. М. Залкинд. В 1970-х гг. он пи-

сал: *«Поскольку границы кочевий не были чётко определены, то пожалование уделов (при Чингисхане – Л. Ш.) не могло копировать аналогичный акт в оседлых странах. Там короли жаловали земли вместе с обитающими на них людьми, у номадов же происходило наоборот: люди жаловались вместе с осваиваемыми ими пастбищными территориями»* [4, с. 174].

Возникнув в «кочевых империях Евразии» как наиболее удобная форма социальной организации улус был воспринят монголами и, в какой-то степени, внедрён в московскую государственность, что проявилось в функционировании административной системы допетровской Руси. По этому поводу Г. Вернадский писал, что в Московской Руси «каждый район ..., способный выставить десять воинов в сочетании с другими такими же составлял сотню..., десять сотен – тысячу, десять тысяч образовывали тьму (от монгольского «тумен») ..., т. е. сформировалось такое административное устройство, в основе которого лежали не размеры территории, а численность подданных – прежде всего, трудоспособных (и боеспособных) мужчин – ревизских душ в Российской империи» [1, с. 74].

В Сибири московские власти обнаружили уже привычную для них форму организации местных социумов, в основе которой также лежали не размеры территории, а определяющим было само наличие населения, также имевшего центрально-азиатское происхождение.

Сибирские материалы XVII в. позволяют понять, насколько глубоко в московской государственности укрепилось евразийское понимание значимости численности подвластного населения для величия государства. Многочисленность зависимых людей, объединённых в рамках административно-фискальных единиц, в основе которых лежал «центрально-азиатский улус», чьим аналогом в Сибири являлась ясачная волость, обеспечивала реальную и ментальную силу сибирских воевод, московских царей и государства в целом. Вопрос о праве на землю решался с опорой на тезис «чьи люди, того и земля», что существенно отличало московскую государственность от западноевропейской – «чья земля, того и люди», но сближало с центрально-азиатской и китайской моделями.

В этой связи показательно и то, как русские крестьяне относились к земле. В 1908 г. старообрядцы Уймонской управы в Горном Алтае отказывались платить поземельную оброчную подать, когда объектом обложения стала земля, на том основании, что «по их религиозным убеждениям платить за землю грешно ... она ничья, она

Божья» [5, л. 518]. В то же время они признавали «законной» выплату подушной подати, а также право на куплю-продажу обработанной земли – земли, в которую был вложен труд, который и оценивался.

Ярким свидетельством евразийской модели организации аборигенных социумов уже в составе Московского царства является постоянно фиксируемая во множестве русских деловых бумагах XVII в. подвижность волостей или «землиц», как обычно обозначались крупные местные этнополитические образования, которые по своей сути мало чем отличались от привычных улусов: «*Ачинские волости ясачные люди неведомо куда побежали*»; «*а та Мелецкая земля пришла к киргизам*» [6, с. 264]; «*Басагарские и Васюганская волости подошли к киргизам ближе*»; «*волости живут позади киргиз*» [7, с. 31]. В 1634 г. «*аринские татары со всеми улусными людьми ... отъехали в киргизы и там кочуют от киргиз себе улусом*» [6, с. 435]. Из документов следует, что ясачные волости сибирских уездов – это не строго определённые территории, а некие группы людей, приписанные к русскому острогу и городу, которые при необходимости могли бежать, переселяться, скрываться, т. е. типичные улусы евразийских степей.

На укоренённость евразийского представления об отсутствии «привязки» населения к территории как основы государственности не повлияли ни модернизационные процессы Петра Великого, ни реформы М. М. Сперанского.

Улусная традиция организации податного аборигенного населения проявилась в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.) в виде широкой автономии, позволившей ему иметь своё сословие, органы самоуправления, право на сохранение своего образа жизни, что подкреплялось правом «на земли, ими обитаемые». Ясачные волости XVII–XVIII вв. по сути изменили свои названия на инородные управы.

Проявлением несвязности населения и территории стало выделение нескольких экстерриториальных инородных управ. В этом смысле весьма показательно существование в XIX – начале XX в. Кумышской и Шуйской инородных управ Томского округа, которые вообще не имели собственных территорий. Население Кумышской управы было разбросано по 20 селениям в 3 крестьянских волостях Томского и одной волости Кузнецкого округов. Эти аборигены ни в административном, ни в податном отношении не слива-

лись с русскими крестьянами, хотя и проживали в смешанных деревнях и сильно обрусели.

Сибирские материалы XVII – начала XX в. конкретизируют черты евразийской цивилизации, проявлением которой, среди прочего, были «несвязность» территории и населения, а также стремление государства увеличивать численность подданных – т. е. того, что определяет суть центрально-азиатского улуса. Укоренённость улуса в московской государственности позволила ему не только сохраниться, но и весьма причудливо трансформироваться, несмотря на административно-фискальные преобразования Сибири в XVIII – начале XX вв., так как и сама Сибирь была частью евразийской цивилизации задолго до прихода русских. И это общее евразийское наследие русских и сибирских аборигенов существенно влияло на интенсивность и результативность их межкультурного взаимодействия.

Список источников и литературы

1. *Вернадский Г. В.* Русская история. – М.: Аграф, 1997. – 544 с.
2. *Пугачев А.* Древнейший документ о нашем городе // Томск: литературно-художественный, общественно-политический и научный альманах. Март-июнь. – 1946. – С. 138–142.
3. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 270 с.
4. *Залкинд Е. И.* Очерки генезиса феодализма в кочевом обществе. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2012. – 242 с.
5. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 45. Д. 696. 684 л.
6. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – Т. 2. – 637 с.
7. *Бутанав В. Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII–XVIII вв. – Абакан: ХГУ, 1995. – 250 с.

Шерстова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)

В. Е. Лявшук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ БЕЛОРУССКИХ ГОРОДОВ В СОСТАВЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1569–1795 гг.

Настоящий текст создан по мотивам ответов на вопросы российских туристов, заданных ими во время посещения белорусской глубинки, и призван помочь адекватно интерпретировать сохранившиеся артефакты и культурные практики, обусловленные двухсотлетней бытностью белорусских земель в составе Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Речь Посполитая; город; социокультурный контекст; культурные практики.

U. Y. Liaushuk

SOCIOCULTURAL REALITIES OF BELARUSIAN CITIES WITHIN THE POLISH–LITHUANIAN COMMONWEALTH IN 1569–1795

This text is based on the Russian tourists' answers to the questions asked during their visit to the Belarusian hinterland and is intended to help adequately interpret the artifacts and cultural practices preserved there due to the two-hundred-years existence of the Belarusian lands as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Polish-Lithuanian Commonwealth; city; sociocultural context; cultural practices.

До Люблинской унии (1569 г.) земли современной Беларуси представляли собой основную часть территории Великого княжества Литовского. Уния 1569 г. завершила политическое объединение Королевства Польского и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) в федеративное государство Речь Посполитую. Управляемое монархом с титулами короля и великого князя оно отличалось политико-правовой многоукладностью и этноконфессиональным разнообразием. В течение двух следующих веков эти факторы обуславливали дезинтеграционные тенденции в государстве. Интеграционные тенденции задавались процессами аккультурации, идущими горизонтально через барьеры этносов и конфессий и вертикально, сквозь иерархические границы сословного социума. Центрами аккультурации стали города с магдебургским (немецким) правом.

Рецепция магдебургского права городами ВКЛ не была обусловлена внутренней потребностью горожан и происходила под давлением великого князя и магнатов, заинтересованных в потоке

налогов и денежной форме. Поэтому городское право не было однородным и однотипным. В западной части государства ощущалось влияние традиций польских и прусских городских самоуправлений. На востоке – в Подвинье и Верхнем Поднепровье – были сильны традиции вечевого самоуправления. Спектр прав и обязанностей горожан различался и зависел от того, принадлежал ли город великокняжескому домену или частному владельцу. После выборов очередного монарха города обращались к нему за обновлением своих магдебургских привилегий, стремясь в их тексте расширить область своих прав и сузить область обязанностей [1].

В XVI–XVII вв. города во многом оставались «аграрными», что не оставляло мещанам времени на «городское» времяпровождение и не способствовало развитию городских социокультурных институтов. Поэтому Жак Ле Гофф (1924–2014) считал, что для реального городского статуса, кроме собственного права, городу необходимо доказательство экономического потенциала, каковым должно быть присутствие монастыря нищенствующих орденов доминиканцев или францисканцев [2, с. 84]. На белорусских землях ВКЛ францисканские монастыри в 1569 г. существовали только в Ошмянах, Лиде и Пинске [3, s. 107], а доминиканские монастыри распространились лишь в XVII в. [4, s. 130–132]. В отличие от Западной Европы в ВКЛ монахи не могли прокормиться на пожертвования горожан, поэтому при основании монастыря благотворители наделяли их капиталом и землёй.

По подсчётам Зиновия Копысского, в середине XVII в. на белорусских землях было 37 городов и 425 местечек [5, с. 9–21]. К местечкам он отнёс городские поселения до 300 дымов (дым – единица налогообложения в виде обособленного домохозяйства). В середине XVII в. в городах проживало около 370 тыс. человек, что составляло 8,2 % населения ВКЛ). На один город приходилось около 367 кв. км общей площади страны [6, с. 545]. Крупнейшими городами ВКЛ были Вильно, Слуцк, Могилев, Минск, Брест. Более 40 % от всех городов на белорусских землях принадлежали Радзивиллам, Сапегам, Чарторыйским, Ходкевичам, Пацам и др. магнатам. Крупными частновладельческими городами были Горки, Давид-Городок, Друя, Дубровна, Копыль, Кейданы, Клецк, Копысь, Мир, Несвиж, Ружаны, Слуцк, Старый Быхов, Шклов.

Многоукладность правового режима ВКЛ в 1569–1795 гг. определялась большим числом источников права. Ими служили,

во-первых, Статут ВКЛ в редакциях 1566 г. и 1588 г.; во-вторых, конституции (постановления) сеймов; в-третьих, магдебургское право городов. Кроме правовых форм территориальной юрисдикции в ходу были разные виды права персональной юрисдикции, в числе которых наиболее распространённым было христианское право в форме греко-византийского церковного и латинско-римского канонического права, а также еврейское право и мусульманское право.

Магдебургское право изменяло пространственную планировку городов. Они получали новое ядро в виде прямоугольной Рыночной площади (Рынка) поодаль от замка. Посреди Рынка ставилась каменная ратуша для магистрата и архива городской документации, а по периметру – каменные дома богатейших граждан города. Замок оставался центром администрации владельца города. В границах города существовали участки, изъятые из-под городской юрисдикции. Они назывались «юридиками» и принадлежали либо шляхте, либо королевской экономии, приходу, монастырю, капитулу при епископе и т. п. Административная и судебная власть в юрисдикции принадлежала её владельцу. В частновладельческих городах число юридик было минимальным, так как они уменьшали количество налогов от горожан. В королевских городах число юридик росло, поскольку возможность «либертации» была одним из политических товаров монарха в обмен за лояльность магнатов. Поэтому де-факто в границах города вместе с мещанами жили подданные духовных и светских феодалов, шляхта, духовенство, военные замкового гарнизона плюс обязательно находился самоуправляемый анклав еврейской, а иногда и татарской общины.

Статут ВКЛ уже 1566 г. содержал комплекс норм, определяющих правовой статус мещан. Мещанами назывались лично свободные люди, занимающиеся торговлей и ремеслом. В городской общине выделялись городские верхи («патрициат») и городские низы («плебс», «посполство»). К первым относились владеющие городской недвижимостью купцы, совершавшие экспортно-импортные операции, а также крупные ремесленники, цехмайстры. Из их рядов, как правило, выбирались члены магистрата и войт. Вторая группа была представлена массой малоимущего торгово-ремесленного люда – лавочниками, перекупками-прасолами, мелкими ремесленниками и их учениками и т. п. В нижнюю группу входили поденщики, беглые крестьяне и нищие [7, с. 613].

Ремесленники и торговцы объединялись в цехи. Внецеховые ремесленники-партачи преследовались. Будучи корпорацией работников физического труда, цех имел своего святого покровителя и свой патрональный праздник. В сакральном пространстве города место цеха было отмечено собственным алтарём или отдельной иконой в храме и позицией в городских религиозных процессиях. Кроме цехов мещане объединялись в церковные братства. Братства могли объединять профессионалов, например, музыкантов, но чаще они служили душепопечению и благотворительности, как, например, католические Братства Доброй Смерти, Братства Святого Розария, марианские содалии или ставропигиальные православные братства, обладавшие правом патроната над своей церковью и контролировавшие её клир [8].

Этноконфессиональная мозаика в городах ВКЛ сопровождалась относительной веротерпимостью [9]. После смерти последнего монарха из династии Ягеллонов требование религиозной толерантности стало одним из ключевых положений договора между политическим народом-шляхтой и элекционным монархом. Толерантность реализовывалась в духе сформулированного в 1555 г. в Аусбурге принципа *cuius regio eius religio* (чьё правление, того и религия). Крупные феодалы были фундаторами церквей на своих землях и рассматривали их как собственность. По праву патроната они предлагали на утверждение епископу кандидатуру священника, а в случае смены своего вероисповедания меняли его на представителя новой конфессии [8]. Так, став кальвинистами Николай Радзивилл Рыжий (1512–1584) и Николай Радзивилл Чёрный (1515–1565) превратили костёлы в своих городах в кальвинские сборы. Сыновья Радзивилла Чёрного обратились в католицизм, и сборы вновь стали костёлами.

Первые кальвинские сборы появились в Несвиже, Клецке, Бресте, Витебске, Глубоком, Заславле, Могилеве, Минске, Новогрудке, Орше, Шклове, Сморгони и Вильно. Во второй половине XVI в. в ВКЛ было около 200 кальвинских сборов. К середине XVII в. в ВКЛ их осталось 140, в конце XVII в. – 48, в 1754 г. – 28 [10, s. 413].

Реформационная и контрреформационная активность шляхты во второй половине XVI в. не затрагивала простой люд ВКЛ, оставшийся в лоне византийского православия. Но возникшая разница вероисповеданий шляхты и её подданных создала неопределённость в вопросе о церковной десятине, которую уплачивала шляхта

за своих крестьян. Кроме того, православные иерархи стремились к главным ролям в политической жизни. Брестская уния 1596 г. решила часть этих проблем. Одобренная королевской властью, она была хорошо воспринята католической шляхтой, но вызвала сопротивление православных общин в государственных городах ВКЛ. Его поддержали протестантская шляхта и украинские казаки, также стремившиеся к эмансипации в социальной структуре Речи Посполитой. В 1618 г. жители Могилева не впустили в город полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (1580–1623), прибывшего с королевским мандатом на передачу церкви униатам. Могилевский староста Лев Сапега (1557–1663) квалифицировал деяние горожан как преступление против маестата королевской власти, лишил город магдебургского права, вечового колокола и ратуши, и приговорил 20 зачинщиков беспорядков к смерти. В 1623 г. в аналогичной ситуации беспорядки в Витебске окончились убийством И. Кунцевича. Город был усмирён Л. Сапегой ещё более жестоко, чем Могилев [11]. Смерть И. Кунцевича ускорила распространение унии. Но её противники в 1620 г. сумели восстановить иерархию и образовали Киевскую митрополию Константинопольского патриархата. В 1632–1633 гг. она была легализована сеймом и королём Владиславом IV Вазой. Магдебургское право Витебску было возвращено в 1644 г., а Могилеву – в 1651 г.

После войн 1648–1667 гг. с Московским государством и Швецией активность мещанского сословия неуклонно уменьшалась. В обезлюдевших городах множились юриды, уменьшающие налогооблагаемую базу и подрывающие благосостояние ремесленников и купцов. Новый урон нанесла Северная война 1700–1721 гг. Во второй половине XVIII в. на белорусских землях ВКЛ было 39 городов и около 350 местечек, в которых проживало около 250 тыс. человек (около 11 % населения) [6, с. 544–545].

Толерантность обеспечивалась пространственно-временной сегрегацией конфессиональных и этнических групп горожан, которой сопутствовала аккультурация, в процессе совместного обслуживания негорожан – шляхты, прибывающей в город на сеймики, суды, смотры ополчения и просто на ярмарки; паломников к святым местам; своих и чужих войск и т. п. Христиане византийского и римского обрядов пользовались разными (юлианским и григорианским) календарями. У мусульман, иудеев и христиан нерабочими

днями были последовательно пятница, суббота и воскресенье, что обуславливало специфику городских практик.

Объединяли горожан городские праздники: светские и религиозные. К светским относились коронации, именины короля и/или владельца города, открытие сессии судов, начало сеймов, визиты в город высокопоставленных лиц и т. п. Религиозные касались адептов конкретных религий. Для христиан поводом для праздника были даты церковного года, титулярные храмовые праздники, патрональные праздники братств и цехов, торжества по поводу канонизации святых, юбилеи, а также визиты епископов и папских нунциев. Отдельным видом торжеств были погребальные церемонии короля, магнатов и иерархов Церкви. Каждая из городских корпораций имела своё, освящённое традицией, место в процессиях и свою роль в празднике.

Знания в описываемое время были источником веры, а не служили преобразованию природы. Главным был вопрос о конфессиональной принадлежности и о передаче её детям. Протестанты издавали Писание в переводе на родные языки и одновременно создавали при сборах школы, где учили его читать. Во второй половине XVI в. на белорусских землях ВКЛ работало шесть типографий протестантов, самые крупные – в Бресте и Несвиже. Кальвинские школы в 1570–1651 гг. функционировали в Вильно, Витебске, Глубоком, Заславле, Могилеве, Минске, Новогрудке, Орше, Свислочи, Сморгони, Шклове и др. Из них наиболее славной была Слуцкая гимназия. У католиков инициативу чаще проявляли иезуиты. Их целью было приближение верующих к латинскому тексту Библии. В иезуитских коллегиях молодёжь учили латыни, а элементарные операции учебно-воспитательного процесса реализовывали подобно духовным упражнениям И. Лойолы, чтобы сформировать благочестивого христианина и красноречивого оратора для духовного и политического поприща [12].

После Брестской унии построением своих систем образования занялись униаты и православные. Первые создали школы при базилианских монастырях в Новогрудке, Минске, Жировичах [11, с. 87–102], а вторые – братские школы при ставропигиальных православных братствах в Вильне и Могилеве, ставшие образцом для школ в Минске, Пинске, Полоцке [13, с. 277–373]. Обе системы школ создавались выпускниками иезуитов. Базилиане пытались внести в иезуитскую модель содержание униатской конфессии, но сохра-

няли базирующиеся на игнатианской духовности формы воспитания учащихся. Их школы на белорусских землях ВКЛ просуществовали до 1839 г. [13, с. 477–524]. Братские школы ограничились преподаванием одинаковых с коллегиумом предметов. Во второй половине XVII в. о них нет упоминания [13, с. 409–476].

Специфика городских созидательных практик обнаруживается в стилистике исполнения сохранившихся артефактов. Во второй половине XVI в. ренессансный маньеризм был вытеснен барокко. На белорусских землях этот стиль встретил сарматскую идеологию шляхты и приобрёл массивность форм и аскетизм оформления. В первой половине XVIII в. на смену сарматскому барокко пришло виленское, для которого, наоборот, были характерны лёгкость форм и богатство декора. В это время из Франции в интерьеры городских зданий проникла мода рококо. Во второй половине XVIII в. барокко затем уступило место классицизму [14].

Первый храм в стиле барокко построил в Несвиже в 1586–1601 гг. архитектор-иезуит Джованни Бернадони (1541–1605). Затем в этом стиле строились храмы, замки, ратуши и т.п. Характерный для белорусского барокко синтез византийской и западноевропейской традиций проявился в конструктивных особенностях культового зодчества (крестово-купольные базилики и др.), в стилистике икон (портретная индивидуализация и фольклорность при сохранении византийских образцов), в сарматских портретах (иконная плоскостность и статичность), в рецепции византийских традиций в росписях католических храмов и т. п. [14, с. 5–6].

В целом городской социокультурный контекст белорусских земель ВКЛ определялся борьбой за доминирование одних социальных групп над другими с одновременным противостоянием дискриминации. В конфессиональной сфере старания удержать собственную групповую идентичность предпринимались на фоне неизбежных в повседневной жизни процессов сближения и обмена обычаями и поведенческими образцами. В городах католический «потребительский» стиль жизни сосуществовал с протестантской суровостью, с этосом трудолюбия и бережливости. Но мещанам не удалось сформировать модель культуры, альтернативную шляхетской. Они стремились не устранить сословные барьеры, а обойти их и вписаться в шляхетское сословие. В результате процессов аккультурации происходила сарматизация (специфическая полонизация) городских социокультурных практик.

Список источников и литературы

1. *Марзалюк І. А.* Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XV–XVIII ст. (этнаканфесійная склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан). – Магілёў: МДУ ім. А. А. Куляшова, 2007. – 165 с.
2. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
3. *Kantak K.* Franciszkanie polscy: w 2 t.: Nakładem Prowincji Polskiej OO. Franciszkanów, 1938. – Т. 2. – 506 s.
4. *Milawicki M.* Dominikanie na kresach wschodnich Rzeczypospolitej Obojga Narodów (teren dzisiejszej Białorusi) // *Folia Historica Cracoviensia.* – 2014. – № 20. – S. 95–153.
5. *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. – Минск: Наука и техника, 1966. – 227 с.
6. Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ: энцыклапедыя: у 3 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005–2010. – Т. 1. – 2005. – 688 с.
7. Вялікае Княства Літоўскае: ВКЛ :энцыклапедыя : у 3 т. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005–2010. – Т. 3. – 2010. – 669 с.
8. *Szady B.* Prawo patronatu w Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych. Podstawy i struktura. – Lublin: Liber, 2003. – 248 s.
9. *Tazbir J.* Dzieje polskiej tolerancji. – Warszawa: Interpress, 1973. – 168 s.
10. *Lukaszewicz J.* Dzieje kościołów wyznania helwieckiego: w 2 t. – Poznań: Nowa Księgarnia, 1842. – Т. 1. – 420 s.
11. *Марозава С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады). – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
12. *Лявшук В. Е.* Организационные аспекты образовательной модели иезуитского коллегіума. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 239 с.
13. *Харлампович К. В.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1898. – 604 с.
14. Барока ў беларускай культуры і мастацтве / пад рэд. В. Ф. Шматава. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 304 с.

Лявшук Владимир Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)

К. Н. Тихомиров

К ИСТОРИИ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В XVIII в.

Рассматривается история картографирования территории Среднего Прииртышья в XVIII в. Анализируются ранее мало используемые картографические материалы этого времени с целью выявления наиболее ценных для исследования системы расселения татар Западной Сибири в указанный период. Делается заключение о том, что наиболее перспективными для этого являются карты из атласов 1784 и 1798 гг.

Ключевые слова: история картографирования; картографические материалы XVIII в.; Западная Сибирь; тюркоязычное население; система расселения.

K. N. Tikhomirov

TO THE HISTORY OF THE MIDDLE IRTYSH REGION MAPPING IN THE 17th CENTURY

The history of mapping the territory of the Middle Irtysh region in the 17th century is considered. Previously little-used cartographic materials of this time are analyzed to identify the most valuable of them for the study of the Western Siberia Tatars settlement systems during this period. It is concluded that the most promising for this are maps from atlases of 1784 and 1798.

Keywords: history of mapping; mapping materials of the 17th century; Western Siberia; Turkic-speaking population; settlement system.

Важнейшим механизмом существования традиционных сообществ является их система жизнеобеспечения. Каждая из них имеет свои особенности, во многом вызванные различием природных условий, в которых она располагается. Одной из её частей является система расселения как способ освоения пространства для максимально эффективного проживания на нём. Система расселения значительно влияет на историю, экономику и культуру людей этого региона. Поэтому важнейшим этапом исследования истории какого-либо населения является анализ системы его расселения. Наиболее показательным источником для этого являются картографические материалы.

В лесостепной и южнотаёжной зоне Западной Сибири ко времени начала расселения выходцев из европейской части Русского царства жили предки западносибирских татар. Являясь культурными наследниками населения, проживавшего на этих территориях

с эпохи раннего Средневековья, они заимствовали многие приёмы жизнеобеспечения, в том числе и систему расселения. Её остатки были зафиксированы на первых картах Западной Сибири. Хотя она уже была трансформирована, но в целом ещё сохраняла свои традиции и потому имеет важнейшее значение для изучения истории и культуры населения этих регионов.

Исследования систем расселения тюркоязычного населения Западной Сибири XVI – первой половины XX вв. с последней трети XX в. проводит Н. А. Томилов [1]. Его работы послужили фундаментом для дальнейших исследований в этом направлении. Однако на современном этапе картографические материалы XVIII в. практически не используются. А ведь они помогли бы значительно лучше понимать указанную систему, наглядно представить условия проживания местного населения и влияния на этнокультурогенез. Это особо актуально в свете того, что омскими исследователями производятся работы по реконструкции археолого-этнографического комплекса тарских татар. Поэтому в настоящее время важно включать в работу наиболее ранние картографические материалы, зафиксировавшие расселение данного этноса. Для того, чтобы представить, какие картографические материалы могут быть использованы при этом, необходимо обратиться к истории картографирования Среднего Прииртышья.

В наши дни доминирует мнение о том, что территория Среднего Прииртышья попала на карты в произведениях С. У. Ремезова. Наиболее известные и доступные из них – это «Хорографическая чертёжная книга Сибири» [2] и «Чертёжная книги Сибири» [3]. Однако имелись более ранние картографические материалы. Н. Н. Оглоблин указывал, что при создании «Чертёжной книги» автор использовал более ранние источники, в том числе – составленные до завоеваний Ермака. Сам Семён Ульянович писал, что пользовался материалами «доезда» атамана Ивана Петрова «с подьячими и мурзы, Бураш Альшев с товарищи, 20 человек» [4, с. 4], посланного в 7075 (1567 г. – *Авт.*) году [5]. Н. Н. Оглоблин приводит слова С. У. Ремезова, написанные им в предисловии к «Чертёжной книге», о том, что из 24 листов его атласа он только 7 написал «вновь», а остальные 17 переснял «возможно с дополнениями и поправками» с известных до него и снятых в Москве [5, с. 4]. И далее Н. Н. Оглоблин приходит к выводу о том, что при создании своей «Чертёжной книги» С. У. Ремезов пользовался копией

К. И. Прютца, сопровождавшего в Москву шведского посланника Фрица Кронмана. К. И. Прютц, по мнению Н. Н. Оглоблина, снял её в 1669 г. с чертежа, сделанного 1667 г. стольником и воеводой Петром Ивановичем Годуновым [5, с. 12]. Тем не менее, указанные книги наиболее доступны и являются довольно ценным источником по истории Западной Сибири. Их, однако, не следует идеализировать, так как, они полны неточностей, а некоторые места противоречат друг другу.

Следующие заметные картографические работы на территории Среднего Прииртышья проводили исследователи начала – первой половины XVIII в. Среди первых профессиональных картографов, работавших на данной территории, следует указать Петра Глебовича Чичагова, проведшего обследование р. Иртыш от устья до оз. Зайсан и составившего в 1719 г. первую карту Западной Сибири, основанную на астрономических определениях [6, с. 83].

Новым этапом исследования и картографирования Западной Сибири в целом и Среднего Прииртышья в частности стала деятельность Академического отряда Великой Северной экспедиции (1733–1743 гг.). Отдельной строкой её деятельности следует записать исследования Г. Ф. Миллера по изучению прошлого Западной Сибири. Важным источником для её истории являются его путевые заметки, в которых он описал расположение рек, озёр и населённых пунктов, встреченных им на берегах р. Иртыш [7]. Следует отметить, что от Знаменского погоста (р. ц. Знаменское) до г. Тара он проплыл с 13 по 20 июня 1734 г., вероятно, в половодье. Вследствие чего его описания содержат сведения этого сезона. Так, оз. Сеитовское он описывает как иртышский меандр, который во время разлива выглядит именно так. При этом выше по течению его описания корректны. К сожалению, часто упускают тот факт, что Г. Ф. Миллером были составлены карты. Так, в 1735 г. «на четырёх александрийских листах» (сорт дорогой книжной бумаги наподобие ватмана определённого размера. – *Авт.*) [8, с. 558] им была выполнена карта р. Иртыш, которой пользовалась К. Н. Сербина при подготовке карт к изданию его «Истории Сибири» в 1937 г., сообщая о большом количестве собранных и созданных им картографических материалов, хранящихся в архивах [9, с. 571–574]. К. Н. Сербина планировала их обработать и издать, но не сделала этого.

В 1735–1740 гг. по заданию В. Н. Татищева на юге Западной Сибири работали две группы геодезистов: Василий Шишков с уче-

ником Пименом Старцовым и Иван Шишков с учеником Парфеном Сомовым, которые также составили карты этих мест [10, с. 30].

В 1768 г. для наблюдения за проходом Венеры по диску Солнца в Якутск и Тобольск Географическим департаментом Императорской академии наук был послан его сотрудник – специалист по геодезии и астрономии капитан Иван Иванович Исленьев [11, с. 393–394; 12, с. 994]. Он произвёл (совместно с адъютантом Ф. Чёрным) инструментально-математическое определение координат городов: Барнаула, Змеиногорска, Коловани, Омска, Усть-Каменогорска, Семипалатинска, основных родников в бассейнах рек Аlea, Ульбы, Иртыша; представил путевые журналы, карты, планы, таблицы, зарисовки [13, с. 89]. Картографические работы в Сибири он закончил в г. Тобольске 17 февраля 1771 г. В том числе в 1780 г. он составил «Карту течения реки Иртыш от Омской крепости до Тобольска». Она была выгравирована на медных пластинах на русском (Леонтием Сергеевым) и латинском (Ефимом Худяковым) языках [14, с. 243]. Её также использовала К. Н. Сербина при составлении карт к изданию «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера [9, с. 574]. На этой карте довольно схематически указаны населённые пункты от станца Татарского (ныне с. Татарка Черлакского района Омской области) до г. Тобольск. В целом карта содержит много неточностей и ошибок, но, тем не менее, некоторые сведения могут помочь в понимании истории Среднего Прииртышья. Приведённые на карте данные уникальны и дополняют другие источники. Так, на ней отмечено множество татарских населённых пунктов, расположенных по берегам рек Иртыш, Омь, Тара.

В 1782 г. из Сибирской губернии, вследствие административных реформ, образуется Тобольское наместничество с Тобольской и Томской областями. В 1784 г., исполняя сенатский указ от 15 марта 1783 г. «О сочинении генеральных атласов на обмежёванные губернии», создаётся «Географический атлас Тобольского наместничества, состоящий из XVI уездов». В него входила «Карта Тарского уезда», изготовленная поручиком Каммером в масштабе: в одном дюйме – 15 вёрст. В 1796 г. проходит очередная административная реформа, в ходе которой образуется Тобольская губерния, что потребовало новых картографических работ. Результатом этого стало создание «Атласа топографического Тобольской губернии» [15, с. 126], ставшего значимым событием в истории Западной Сибири. В нём была карта (масштаб: в одном дюйме – 15 вёрст) и топогра-

фические планы Тарского уезда (в масштабе: в 1 дюйме – 3 версты), составленные губернским землемером В. Филимоновым. На планах были отражены русские и инородческие деревни, волости, места расположения мельниц, названия ручьёв и озёр того времени, в настоящее время изменившиеся.

Таким образом, в XVIII в. территория Среднего Прииртышья была полностью нанесена на карты. Начиная с материалов, больше похожих на рисунки, составленных часто на основании опроса «сведущих людей» в начале века, к его окончанию они становятся точными картами, созданным на основе географических координат. Именно карты и топографические планы из атласов 1784 и 1798 гг. наиболее перспективны для исследования системы расселения тюркоязычного населения в Западной Сибири в XVIII в. На них показано точное расположение различных географических объектов, в том числе – населённых пунктов татар, что визуализирует письменные источники и может в дальнейшем способствовать обнаружению их остатков на местности и изучению археологическими методами.

Список источников и литературы

1. *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. – 276 с.
2. *Хорографическая чертёжная книга Сибири С. У. Ремезова.* – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. – 690 с.
3. *Чертёжная книга, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г.* // Internet Archive. – Режим доступа: <https://archive.org/details/RemezovCHertezhnayaKnigaSibiri> (дата обращения: 15.05.2021).
4. *Ремезов С. У.* Приложение к чертёжной книге Сибири. – М.: Книга по Требованию, 2013. – 60 с. [репринт].
5. *Оглоблин Н. Н.* Источники «Чертёжной книги Сибири» Семёна Ремезова. – СПб.: Изд. ред. журн. «Библиограф» Н. М. Лисовского, 1891. – 12 с.
6. *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий: в 5 т. – Т. 3. Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.). – М.: Просвещение, 1984. – 319 с.

7. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники; вып. VI).
8. *Бакланова Н. А., Андреев А. П.* Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – С. 541–569.
9. *Сербина К. Н.* Замечания к историко-географической карте Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – С. 571–574.
10. *Контев А. В.* Административно-территориальное деление юга Западной Сибири в первой половине XVIII в. по картографическим источникам // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – № 4-1 (80). – С. 29–33.
11. Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., 1894 // Российская государственная библиотека. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003924235#?page=403> (дата обращения: 25.04.2021).
12. Летопись Российской академии наук – Т. 1. 1724–1802 гг. – СПб.: Наука, 2000. – 994 с.
13. *Гнучева В. Ф.* Географический департамент академии наук XVIII века. – М.; Л., 1946. – 446 с. (Труды Архива АН СССР, вып. 6) // Санкт-Петербургский филиал Архива российской академии наук. – Режим доступа: <http://ranar.spb.ru/rus/books1/id/53/> (дата обращения: 25.03.2020).
14. Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XX века. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2015. – 384 с.
15. *Коновалова Е. Н., Попов В. А.* Атласы Тобольской губернии во второй половине XVIII – XIX вв. // Гео-Сибирь. – 2010. – Т. 6. – С. 125–130.

Тихомиров Константин Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий инженер Омского научного центра Сибирского отделения РАН, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Е. Н. Дедкова

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ БАХМУТСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ В 1866–1914 гг.

В статье дана краткая характеристика образования и развития Бахмутской Земской Управы. Рассматривается Положение о земских учреждениях, структура управления, съезды курий с выборами «гласных», земские собрания, на которых решали насущные вопросы жизни уезда. В статье приводятся статистические данные штатных изменений за несколько лет.

Ключевые слова: земство; штатное изменение; земские учреждения; гласные; выборы; губернии; земские собрания.

E. N. Dedkova

THE STRUCTURE OF THE BAKHMUT DISTRICT COUNCIL ADMINISTRATION IN 1866–1914

The article gives a brief description of the formation and development of the Bakhmut District Council. The article deals with the Regulations on zemstvo institutions, the management structure, the congresses of the curia with the election of "vowels", the zemstvo meetings at which the pressing issues of the life of the county were resolved. The article provides statistical data on staff changes over several years.

Keywords: zemstvo; staff change, zemstvo institutions; vowels; elections; provinces; zemstvo assemblies.

Земства возникли не случайно, а в строго определённое время и на прочном социально-экономическом фундаменте. Земства оказались организационным оформлением нового класса городской и сельской буржуазии. Актуален вопрос местного самоуправления и сейчас, спустя целый век после крушения института земского самоуправления.

Земское самоуправление привлекло внимание историков с первых лет своего существования. Особенно тщательно изучали его представители либерально-буржуазной школы. Они посвятили земствам статьи, очерки, монографии и многотомные издания. Кульминационным моментом в изучении земства стал период с 1910 по 1914 гг., когда в России отмечался полувековой юбилей земского самоуправления. Именно тогда по этой проблеме вышел

ряд крупных, обобщающих трудов Б. Веселовского, В. Чарнолуцкого, В. Трутовского, Г. Львова и других.

Представители либерально-буржуазной школы изображали земства в виде идеальной внеклассовой системы управления. Такая оценка стала традиционной для того времени. В дореволюционной литературе достаточно широко освещалась проблема деятельности земств в области народного просвещения в Российской империи. Менее изученными оказались темы медицинской и сельскохозяйственной деятельности земства.

Источниками данной работы, в первую очередь, послужили книги редкого фонда Донецкого республиканского краеведческого музея, в основном – статистические материалы, в которых приведены подробные данные о численности населения, о территории и землевладении.

В настоящее время, с расширением источниковой базы, появилась необходимость обобщения последних материалов. Особый интерес для исследования представляют первые шаги Бахмутского земского Собрания 1 созыва (с 26 мая 1866 г.) и итоги его работы через 50 лет накануне революции 1917 г.

В 1861 г., с отменой крепостного права, крестьяне получили землю и личную свободу. Они должны были стать полноправными членами общества, участвовать не только в экономической, но и в политической жизни государства. Шаг в сторону буржуазной монархии, сделанный 19 февраля 1861 г., привёл к реорганизации старой системы местного управления.

Подъём либерально-оппозиционного движения среди тех слоёв дворянства, которые осознавали необходимость социальных и политических преобразований и создания хозяйственно-распорядительного самоуправления, общего для всех сословий, основанного на выборном начале, привёл к возникновению земства в стране. Однако, возникнув как уступка правящих классов общественно-политическому движению в стране, земство с момента начала своего образования находилось под жёстким контролем властей, ограничивших его деятельность рамками чисто хозяйственных вопросов местного значения.

Во всех европейских странах переход от феодализма к капитализму сопровождался приобщением населения к системе местного самоуправления. Россия в этом плане не была исключением.

1 января 1864 г. Александр II утвердил «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», согласно которому земства являлись всесословными органами. В земских учреждениях помимо помещиков, состоятельных горожан, интеллигенции, были представлены и крестьяне.

В Положении просматривался компромисс между интересами старых феодальных и новых буржуазных сил: было ограничено представительство основной массы населения страны – крестьянства, исключено представительство рабочих и ремесленников, и были даны преимущества дворянам-землевладельцам и крупной буржуазии. И всё же по закону местное самоуправление строилось в соответствии с буржуазными принципами ведения экономической жизни. В основу выборов в земства был положен чисто буржуазный принцип имущественного ценза. Земства были лишены каких бы то ни было политических функций. Власти предполагали, что поскольку земства были цензовыми учреждениями, то они должны были быть легко управляемыми и послушными, если обеспечить в них определённое влияние помещиков.

Положение о земских учреждениях 1864 г. было построено в соответствии с принципом: «задача государства – есть право и благо, задача общины – просвещение и хозяйство» [1, с. 9].

К решению вопросов местного хозяйства привлекался широкий круг жителей: представители дворян и обуржуазившихся помещиков, торгово-промышленная и сельская буржуазия. Царизм полагал, что земства должны быть управляемыми и послушными за счёт определяющего влияния в них дворян. Земства были цензовыми учреждениями, однако принятие «Положения» знаменовало собой большие политические сдвиги, проходящие в России.

Создание земств во многих губерниях растянулось на десятилетия. Екатеринославская губерния стала земской довольно быстро, в 1866 г. Для избрания уездного земского собрания население делилось на три курии: первая включала землевладельцев; вторая – собственников недвижимого имущества в городе и третья – крестьян. Выборы «гласных» от каждой курии проходили раздельно. В число «гласных» Бахмутского уездного собрания в 1866 г. входили 26 представителей «землевладельцев» (среди них: отец и сын Бахиревы, братья Н. и Л. Шабельские, А. и Н. Шаховы, Ф. и А. Плещеевы, А. и Г. Депрерадовичи, И. и А. Карповы); 6 купцов и дворян Бахмута – «городское сословие» (в том числе – первый Голова Ду-

мы В. А. Ангелиди); 19 «представителей сельских обществ» (дворяне, сельские старосты). Председательствовал И. А. Карпов, секретарём был Н. Ф. Ткачев. Губернскими гласными были крупные землевладельцы-дворяне С. О. Шульгин, генерал М. М. Котляревский, братья Карповы – всего 9 «гласных». Земское собрание арендовало дом купчихи Рукавишниковой за 275 рублей серебром в год. Секретарь Управы получал 800 рублей серебром.

«Гласные» в земскую Управу избирались на 4 года от дворян, купцов, мещан, государственных крестьян, но был определённый имущественный ценз. На съезде представителей от первой курии принимали участие крупные и средние помещики, имевшие не менее 200 десятин земли или другого недвижимого имущества стоимостью до 15 тыс. рублей, а также лица, располагавшие годовым доходом до 6 тыс. рублей – мелкие землевладельцы, у которых было менее 1/20 полного ценза, выбирали из своего окружения уполномоченных. Их число определялось путём деления суммарной стоимости имущества на величину полного ценза.

В работе съезда от второй курии участвовали домовладельцы, фабриканты и заводчики, купцы и прочие горожане, владевшие купеческими свидетельствами или промышленными и торговыми заведениями с годовым доходом, равным 6 тыс. рублей. К ним также подключались владельцы недвижимой собственности, стоимостью до 4 тыс. рублей, а в мелких городах – до 500 руб.

Выборы «гласных» от крестьян были многоступенчатыми: сельские общества посылали своих представителей на волостной сход, где избирали выборщиков, а уже из их среды выбирали установленное количество «гласных» уездного земского собрания. «Положение» разрешало крестьянам избирать «гласных» из других условий.

После избрания собирались уездные земские собрания. Обычно на них председательствовали уездные предводители дворянства. Последних приводили к присяге, и начиналось обсуждение вопросов местного плана. Заседания проходили открыто, и в зале мог присутствовать всякий. На первом же собрании уездные «гласные» избирали из своего состава губернских «гласных»: от шести уездных – одного губернского. Срок полномочий уездных собраний равнялся трём годам [2, с. 5]. С 1890 по 1913 гг. в Екатеринбургской Управе наибольший срок находились С. В. Бахирев, В. И. Карпов, В. И. Першин (по 5–8 созывов, по три года каждый).

Исполнительным органом уездного земства была уездная земская управа, круг обязанностей которой определялся «Положением о земских учреждениях» и постановлениями земских собраний. Для выполнения текущей работы земские собрания избирали управы из трёх человек: председателя и двух членов. Кандидатуру председателя утверждал губернатор, а в случае его несогласия назначались новые выборы. Не получивший утверждения не мог баллотироваться на эту должность вторично.

Земская управа в Бахмутском уезде была образована одновременно с другими уездами губернии. В Управу преимущественно избирали «гласных» от дворян. Так, в 1886 г. в ней заседали председатель А. А. Карпов и члены Управы И. Г. Ковальский и Н. А. Кулябко-Корецкий. Все они были дворянами [3, с. 1]. В 1903 г. председателем управы опять был избран А. А. Карпов, членами – И. И. Погорелов, Н. Г. Стеклер и М. Насветьевич. Лишь Н. Г. Стеклер входил в категорию «гласных» от разных сословий, все остальные члены Управы были дворянами [4, с. 15].

В 1912 г. председателем был избран горный инженер И. В. Рутченко, а членами стали надворный советник Г. А. Смекалов, коллежский советник И. И. Погорелов, коллежский регистратор Н. И. Новгородцев, крестьянин А. И. Агарков [5, с. 3]. Таким образом, к началу XX в., увеличилась численность управы с трёх до пяти человек, и расширилось представительство в ней разных сословий.

Хотя по «Положению» 1864 г. выборы проходили каждые три года, но в исследуемый период состав «гласных» фактически оставался неизменным. Фамилии А. А. Карпова и И. И. Погорелова встречаются очень часто в руководящем аппарате земской управы. Можно предположить, что они хорошо справлялись со своими обязанностями и поэтому часто переизбирались. При Управе состояла канцелярия, в состав которой входили в 1886 г. семь человек: секретарь, его помощник, бухгалтер и четыре писца [3, с. 12].

Следует отметить, что в последующие годы аппарат Управы значительно расширился. В 1903 г. он состоял уже из: секретаря, его помощника, бухгалтера с двумя помощниками, двух заведующих делопроизводством по разным вопросам (по телефонизации и по продаже железа населению), заведующих архивом, отправкой земской почты и книжным складом при Управе, 10 писцов [4, с. 11–12].

В 1912 г. в состав управленческого аппарата входили: секретарь, три делопроизводителя, бухгалтер, два помощника по прода-

же железа, один помощник, содержащийся за счёт телефонного капитала, 10 счётчиков, 10 писцов, корректор «Народной газеты», делопроизводитель кассы мелкого кредита и его помощник, заведующий складом и его помощник, кассир, заведующий школьным музеем. Всего: 35 человек [5, с. 7].

Для исполнения работ, требующих специальных познаний, при канцелярии состояли специалисты, количество которых также постоянно возрастало. Так, в 1903 г. были приглашены: инженер, техник, санитарно-эпидемический врач, управляющий телефонным сообщением [4, с. 12]. В 1905 г. – агроном, инженер, два техника, землемер, управляющий телефонным сообщением. Всего: шесть человек [6, с. 9].

В 1912 г. штат специалистов составлял 25 человек. В него входили: инженер-заведующий дорожными сооружениями, 4 техника, 4 землемера, управляющий телефонным сообщением, 2 телефонных техника, инженер-заведующий гидротехническими работами, инженер-заведующий ремесленным образованием, 5 агрономов, инструктор садоводства, инструктор землеустройства, агент по переселению крестьян в Сибирь и его помощник, 4 агента по переселению в Томскую губернию [5, с. 6].

Существовало распределение обязанностей между председателем управы и тремя его помощниками. На председателя возлагался надзор за правильным течением дела в Управе и всеми её исполнительными органами. Он принимал участие в заседаниях административного присутствия уездного съезда, уездного учительского совета, тюремного комитета, заведовал кассой управы, канцелярией, бухгалтерией, врачебной частью в уезде. Также равномерно распределялись среди членов Управы и остальные виды обязанностей. Одному из них доставалось заведование сельскохозяйственными и агрономическими мероприятиями в уезде [4, с. 10–11]. Члены Управы также следили за положением дел на своём участке, за исправностью мостов, дорог и другими нуждами.

Регулярно созывались земские собрания, которые решали насущные вопросы жизни уезда. Так, в 1903 г. прошло три собрания: одно очередное (25–30 сентября), два чрезвычайных (18 апреля, 20 ноября), и 39 коллегиальных заседаний, на которых было рассмотрено 849 вопросов [4, с. 13]; в 1912 г. – одно очередное (3–9 октября), два экстренных (23 марта и 8 мая), 41 коллегиальное заседание, на которых обсуждалось 2269 вопросов [4, с. 5].

Это свидетельствует о том, что за девять лет круг вопросов, рассматриваемых земством, значительно расширился. Самым продолжительным и насыщенным по содержанию было собрание земства с 20 по 26 октября 1914 г., где было рассмотрено свыше 300 вопросов и докладов. Многие вопросы были продиктованы событиями начавшейся Первой мировой войны. Например, член управы штабс-капитан М. П. Пестерев был призван в армию (именно ему принадлежал проект создания в пойме р. Бахмут нового соляного курорта), как и ряд врачей земских участков, и нужно было искать им замену [2, с. 2].

Таким образом, за 26 лет аппарат Управы вырос более чем в четыре раза. Во многом это было связано с тем, что круг вопросов, которыми занималось земство, значительно расширился и старый состав канцелярии уже не удовлетворял насущные потребности земства. Спектр дел, находящихся в ведении Управы, был достаточно широк. Фактически он охватывал все вопросы, связанные с хозяйственной жизнью уезда.

Список источников и литературы

1. Приложение к докладу Губернской земской управы (К вопросу о реформе земских финансов). – Екатеринослав: Екатеринослав. губ. Земство, 1915. – 142 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. – Т. 39. – 119 с.
3. Отчёт Бахмутской земской Управы за 1886 год. – Бахмут: [б. и.], 1887. – 52 с.
4. Отчёт Бахмутской земской Управы за 1903 год. – Бахмут: [б. и.], 1904. – 106 с.
5. Отчёт Бахмутской земской Управы за 1912 год. – Бахмут: [б. и.], 1913. – 112 с.
6. Отчёт Бахмутской земской Управы за 1905 год. – Бахмут: [б. и.], 1905. – 113 с.

Дедкова Елена Николаевна – старший научный сотрудник Государственного бюджетного учреждения «Донецкий республиканский краеведческий музей» (Донецк, Донецкая Народная Республика)

Н. Э. Халикова

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БУХАРСКОГО ХАНСТВА С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ ФОНДА БУХАРСКОГО МУЗЕЯ

Статья содержит информацию о политических отношениях Бухарского ханства / эмирата с Российской империей, о том, как интерпретируются отношения двух государств в книгах русских авторов, которые хранятся в фонде Бухарского музея. Также в статье имеется информация о Документальном фонде музея-заповедника, о том, как он образовался и что в себя включает данный фонд.

Ключевые слова: Бухарский музей; документальный фонд; музейная коллекция; экспонат; хранение; политические отношения.

N. E. Khalikova

REFLECTION OF THE POLITICAL RELATIONS OF THE BUKHARA KHANATE WITH THE RUSSIAN EMPIRE IN RUSSIAN PUBLICATIONS OF THE BUKHARA MUSEUM FOUNDATION

The article contains information about the political relations of the Bukhara Khanate / Emirate with the Russian Empire, about that kick is interpreted by the relations of the two states in the books of Russian authors, which are kept in the fund of the Bukhara Museum. Also, the article contains information about the Documentary Fund of the Museum-Reserve, how it was formed and what includes the storage of this fund.

Keywords: Bukhara Museum; documentary fund; museum collection; exhibit; storage; political relations.

Бухарский государственный музей-заповедник существует с 8 ноября 1922 г. С 1945 г. музей расположен в бывшей цитадели бухарских эмиров – Арке. В фондах музея-заповедника хранятся памятники материальной и духовной культуры народов Бухарского оазиса, которые освещают историю древней Бухары.

Фонды Бухарского музея-заповедника стали формироваться с 1922 г. [1, с. 45]. В фондах музея-заповедника имеются огромное количество экспонатов. Здесь собрана великолепная коллекция археологического, нумизматического, этнографического, эпиграфического материала. Фонд эпиграфики, или же нынешний документальный фонд насчитывает свыше 700 памятников с текстами. Здесь не только научные и литературные труды, здесь есть и част-

ные письма, товарные книги, прошения, финансовые и юридические договоры и акты. Документальный фонд хранит огромное количество фотоматериалов, негативов и слайдов, отражающих виды Бухары, людей, улицы и конторы, дома различных слоёв населения (от временной кибитки дервиша до дворцов правителей).

Документальный фонд создан в 1975 г. В то время он включал в себя около 36 000 экспонатов. В состав отдела входят сектор документального фонда и фонотеки, включающий 32 456 экспонатов, и сектор вещественного фонда, включающий 3099 экспонатов. В настоящее время хранение фонда включает более 40 тысяч экспонатов [2, с. 13], из них 266 книг русских авторов (основной фонд), 50 энциклопедий, 679 газет, 4 тысячи фото, негативов, 11 тысяч личных документов [3, с. 32].

Для коллекции фонда большое значение имеют документы исторических личностей (11 тысяч документов). Для исследователя большой интерес вызывает личная коллекция Л. И. Ремпеля (1940 г.) и археолога С. Н. Юренева. В фонде хранятся книги Е. Мейендорфа, Н. Ханикова, Н. Халфина, В. А. Шишкина, О. Чеховича, которые являются важными источниками по истории Средней Азии и Бухары для молодых исследователей [3, с. 31].

В фондах Бухарского музея хранится большое количество документальных источников, отражающих взаимоотношения Российской империи и Бухарского ханства в XIX–XX вв.

Важными источниками являются опубликованные труды, которые содержат сведения о проблемах региона Средней Азии и происходящих здесь событиях, о взаимоотношениях Бухарского эмирата с Российской империей. К ним относятся путевые заметки русских путешественников, которым в XIX в. удалось посетить регион и описать то, что они увидели и услышали. Во вторую группу входят путевые заметки политических посланников русских правителей, направленные в ханства, хотя они немногочисленны. Все эти путевые заметки можно считать самыми богатыми письменными источниками.

Путевые заметки, помимо описания впечатления их автора, также освещают политические события, методы управления в ханствах, их представление о Бухаре. В мемуарах путешественников, купцов, послов и других лиц содержатся интересные данные по политической, социально-экономической обстановке в регионе исследуемого периода.

Труды русскоязычных авторов являются важными для исследования истории политической, социально-экономической и культурной жизни Бухарского ханства периода правления мангытской династии.

Из немногих русских изданий, хранящихся в документальном фонде Бухарского музея-заповедника, можно получить широкую информацию о политических отношениях Бухарского ханства / эмирата с Российской империей. В основном значительные сведения об отношениях двух государств нам дают документы (ранее не публиковавшиеся) переписки Бухарского правительства с Российским политическим агентом. Так как автору в основном приходилось изучать уже опубликованные русские издания, то в этом деле хорошо помогли работы Д. Н. Логофета, Д. И. Романовского, Н. А. Халфина, П. П. Шубинского, И. Л. Яворского и книга «Посланник Петра I на Востоке».

В XVII в. взаимоотношения России и Бухары носили преимущественно торгово-дипломатический характер. Уже в этот период российские правители рассматривали перспективы торговых взаимоотношений с Индией. Большая часть индийских товаров поступала в Россию через среднеазиатский регион, где русские купцы сталкивались с индийскими торговцами. Именно поэтому главной целью первоначальных взаимоотношений России с ханствами была разведка торгового пути в Индию. Российским посланникам, отправлявшимся в среднеазиатские ханства, поручалось разведать путь в эту страну, поэтому огромное значение имело установление и поддержание дружественных политических взаимоотношений с Хивой и Бухарой. Таким образом, уже в XVII в. российское правительство стало рассматривать Среднюю Азию в качестве транзитного пути в Индию. Первым русским посланником, побывавшим в 1620 г. в Хиве и Бухаре, был дворянин Иван Хохлов. В грамоте, которую он вёз хану, сообщалось, что царь хочет быть в «согласии и дружбе», а также позволяет бухарцам торговать в Казани и Астрахани «без притеснений и обид» [4, с. 1–27]. Любопытно, что царь также просил об освобождении русских пленных. Посланнику поручили разведать информацию о находившихся в Бухаре русских пленных и, в особенности, об именитых дворянах. В итоге с ним на родину отпустили 44 человека. Таким образом, хан хорошо принял И. Хохлова, но это не привело к серьёзным позитивным изменениям в отношениях двух государств. Известно, что на восток И. Хох-

лов с дипломатическими поручениями ездил два раза: в 1600 г. сопровождал на родину из Казани персидского посла, а в 1613 г. отправился в Персию из Астрахани [5, с. 16]. Следующим крупным посольством в Хиву и Бухару была миссия Семёна и Бориса Пазухиных. Посольство Пазухиных состояло из 8 человек. Миссия отправилась сухопутным путём через Яик, калмыцкий улус и Хиву. Обратный маршрут её шёл через Иран и ханства Южного Кавказа (Шемаху и Баку). Из политических задач, как и перед посольством Хохлова, Пазухиным вменялось в обязанность освобождение русских пленных [6, с. 13]. Пазухины нашли около 300 русских пленников только во владениях самого бухарского хана, из которых смогли выкупить 22 человека. В торговле Московское правительство интересовал производимый в Бухаре шёлк-сырец, о способах производства которого Пазухины собрали обширный материал [7, с. 11, 33].

В XVII в. политические отношения между среднеазиатскими ханствами и Москвой определялись взаимными торговыми интересами, и основной задачей обмена посольствами являлось заключение торговых договоров. Россия стремилась к устранению препятствий в развитии торгового сотрудничества со Средней Азией, к налаживанию взаимоотношений с азиатскими купцами. Россия не только нуждалась в товарах из Средней Азии, но также стремилась к формированию своего рынка сбыта. Во второй половине XVII в. внешняя политика Русского государства ориентировалась на привлечение среднеазиатских купцов. 10 октября 1717 г. Пётр I принял бухарского посла. Посол поздравил царя с победой над шведами и просил от имени эмира прислать в Бухару «девять шведок» и отправить послом «разумного человека» [8, с. 11]. Пётр I воспользовался случаем и назначил послом в Бухару итальянца Флорио Беневени, служившего секретарём ориентальной экспедиции Посольского приказа. Ему было поручено утвердить русское влияние в Бухаре. В марте 1723 г. он просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть Бухару, так как считал свою миссию выполненной. Но разрешение на отбытие он получил лишь в 1725 г. В декабре после семилетнего одиночного посольства Ф. Беневени прибыл в Москву с грамотами бухарского и хивинского ханов к Петру I, которого в это время уже не было в живых [8, с. 30].

Изучение источников показало, что Бухарский эмират и царская Россия были очень заинтересованы в установлении дипломатических отношений и развитии торговли. В период правления ди-

настии Мангытов дипломатические отношения между Россией и Бухарой были установлены при эмире Хайдаре. В этот же период активизировались связи бухарского купечества с русскими купцами и промышленниками. При изучении проблемы дипломатических и торговых отношений Бухарского эмирата с Россией было выявлено, что в экономике России торговля с Бухарским эмиратом играла весьма заметную роль. Взаимные связи способствовали развитию не только взаимовыгодной торговли, но и проникновению материальной и духовной культуры.

Из числа эмиров из династии Мангытов в основном эмиры Хайдар и Насрулло уделяли особое внимание усилению дипломатических и торговых отношений с Россией, так как им нужны были поддержка и военная помощь с её стороны для укрепления торговли и центральной власти внутри страны, однако при эмире Насрулло русским удалось собрать обширный и разнообразный разведывательный материал для завоевания Средней Азии.

Россия в рассматриваемый нами период пыталась проникнуть в Среднюю Азию без применения военной силы. В основном ею использовались торговые связи и дипломатическая разведка. К тому же рост английского проникновения в Среднюю Азию через Индию и Афганистан вызывал опасения русского царизма, и по этой причине Россия в первой половине XIX в. ещё более активизировала дипломатические и торговые отношения с Бухарским эмиратом.

В этот период наблюдается заметный подъём в экономике Бухары, развиваются товарно-денежные отношения, оживляются торговые и посольские сношения Бухары с Россией. Только с 1800 по 1836 гг. в Бухару прибыло три русских посольства. Бухарский эмират, в свою очередь, только с 1836 по 1843 гг. снарядил в Россию три посольства для переговоров с царским правительством о расширении русско-бухарских торговых связей. Обмен посольствами продолжался до 60-х гг. XIX в. Таким образом, обе стороны – и Россия, и Бухара – были заинтересованы в поддержании и расширении посольских и торговых взаимоотношений.

Из Бухары в Россию вывозились хлопок, шёлк, краски, сушёные фрукты, халаты, а из России в Бухару в большом количестве ввозились готовые фабрично-заводские изделия.

С конца 80-х годов XIX в., в связи с проникновением сюда русских и иностранных капиталов, в Бухаре началось развитие капиталистических отношений. С проведением через Бухару железнодоро-

рожного пути (1887 г.) здесь начали возникать русские поселения. Устройство железнодорожных линий и станций требовало создания так называемой «железнодорожной полосы отчуждения». Одновременно появились русские поселения при железнодорожных станциях и на речных пристанях.

В целом в Бухаре в начале XX в. действовало множество отделений и агентств русских банков и фирм, которые постоянно увеличивали торгово-кредитные операции, выдаваемые в основном под хлопок и каракуль, и параллельно создавались местные банки и фирмы.

События февраля 1917 г. в Петрограде, отречение от престола российского императора Николая II всколыхнули все слои бухарского общества, активизировали общественную жизнь в стране, наложив на них отпечаток политической обостренности. Оказали они огромное влияние и на дальнейшую судьбу Бухары.

Список источников и литературы

1. *Альмеев Р. В.* Бухара – город-музей. – Ташкент: Фан, 1999. – 128 с.
2. Отчёты за 2020 год // Сектор учёта Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника (На правах рукописи).
3. Книга приёма музея-заповедника № 8 // Архивные документы государственного архитектурно-художественного музея-заповедника. Документальный фонд. Книга приказов за 1957 г. Приказ № 52. 27.07.1957. С. 89 (На правах рукописи).
4. *Веселовский Н. И.* Иван Данилович Хохлов: Русский посланник в Персию и Бухару в XVII в. // Журн. Мин. нар. просв. – 1891. – № 80. – С. 1–27.
5. *Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. – Петроград: Тип.-лит. Н. И. Евстифеева, 1915. – 215 с. – (Труды общества российских ориенталистов. № 2).
6. Наказ Борису и Семёну, Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч, 1669 г. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1894. – 61 с.
7. *Алексеев А. К.* Россия и Центральная Азия: торгово-экономические и политические отношения в XVII–XIX вв. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификация в новое время / под ред. Н. Н. Дьяконова и Н. А. Самойлова. – СПб.: НП-Принт, 2011. – С. 11–33.
8. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. – М.: Наука, 1986. – 156 с.

Халикова Наргиза Эркиновна – магистр, научный сотрудник Бухарского государственного архитектурно-художественного музея-заповедника (Бухара, Узбекистан)

В. А. Гайкин

ЯПОНСКИЕ КОЛОНИСТЫ В МАНЬЧЖОУ-ГО (1931–1945 гг.)

Программа японской колонизации Маньчжурии (после создания марионеточного государства Маьчжоу-го) была многоцелевой. Предполагалось решить проблему аграрного перенаселения самой Японии; создать в Маньчжурии «спокойные районы», свободные от партизанского влияния; заселить лояльным населением приграничные с СССР территории, одновременно формируя резерв рекрутов для японских армейских частей в Маньчжоу-го; заселять японскими колонистами окрестности промышленных центров для обеспечения их безопасности.

Ключевые слова: Маньчжурия; японская агрессия; японские колонисты; китайские крестьяне.

V.A. Gaikin

JAPANESE COLONISTS IN MANCHUKUO (1931–1945)

The program of Japanese colonization of Manchuria (after the creation of the puppet-state of Ma'chukuuo) was multipurpose. It was supposed to solve the problem of agrarian overpopulation of Japan itself; to create "quiet areas" in Manchuria, free from guerrilla influence; to populate the territories bordering with the USSR with a loyal population, at the same time forming a reserve of recruits for the Japanese army units in Manchukuo; to populate the surroundings of industrial centers with Japanese colonists to ensure their safety.

Keywords: Manchuria; Japanese aggression; Japanese colonists; Chinese peasants.

В течение всего существования марионеточного государства Маньчжоу-го Япония с разной степенью успеха реализовывала всевозможные программы заселения Маньчжурии японскими и корейскими сельскохозяйственными колонистами (Корея до 1945 г. являлась частью японской колониальной империи). Самый циничный проект появился в журнале «Дайямондо»: «Вооружённая крестьянская эмиграция возможна лишь силами японцев. Корейцы скорее могут быть использованы здесь лишь в качестве батраков. Их следует заставить заниматься рисосеянием – работой, уготованной им природой. Японо-корейская эмиграция в Маньчжурию может быть осуществлена переселением из Японии 500 вооружённых крестьянских семей, которые будут использовать как батраков 500 семей корейцев, ояпонивая их» [1, с. 59]. Этот план слишком диссонировал с демагогическими заявлениями идеологов японской экспансии

об общности судеб народов Восточной Азии, поэтому не мог быть принят к реализации.

Организованное, направленное вселение японских крестьян началось уже в 1932 г. (корейцев – только с 1937 г.) С помощью корейских колонистов, контролируемых японскими компаниями, предполагалось решить проблему обеспечения продовольствием как населения самой Японии, так и японской (Квантунской) армии в Маньчжурии. Программа японской колонизации была многоцелевой. Предполагалось решить проблему аграрного перенаселения самой Японии; создать в Маньчжурии «спокойные районы», свободные от партизанского влияния; заселить лояльным населением приграничные с СССР территории, одновременно формируя резерв рекрутов для японских армейских частей в Маньчжоу-го; заселять японскими колонистами окрестности промышленных центров для обеспечения их безопасности, а также «организовать строительство нового государства с участием всего народа, состоящего из разных этносов, ядром которого стали бы японские сельскохозяйственные переселенцы» [2, с. 30]. Интересно, что поставки товарного зерна этой программой не предусматривались.

В истории японской колонизации можно выделить три этапа: 1932–1936, 1937–1941, 1942–1945 гг. Первый этап можно назвать опытным (разведочным), второй – периодом довольно успешного вселения, третий – постепенного упадка колонизационного процесса. В 1932–1936 гг. многие районы Маньчжурии были охвачены пламенем антияпонской войны, в которой принимали участие самые разные силы – от старой китайской армии до коммунистических партизан. Переселение японцев на этом этапе осуществлялось в русле борьбы с партизанским движением. Это были сравнительно небольшие, хорошо вооружённые группы колонистов, которых селили на границах партизанских районов, после «умиротворения» населения (читай – карательных операций). В задачи переселенцев входили: предупреждение перехода местных китайских крестьян на антияпонские позиции; установление контроля над китайскими отрядами самообороны (крестьянские формирования защиты от хунхузов); конфискация оружия у китайских крестьян; сотрудничество с японскими армейскими частями [2, с. 33].

С одной стороны, японские переселенцы выполняли отчасти жандармские функции, противодействуя партизанам. С другой – само их вселение зачастую вызывало возмущение местного населе-

ния, называвшего колонистов «военными бандитами», что было естественно, поскольку японские «культурные хозяева» прославились насилием и грабежами. Переселенцы занимали не только пустующие земли, но и нередко земли, конфискованные у китайских крестьян, что приводило к стычкам и даже восстаниям.

Удобным поводом для захвата земель в Маньчжурии была политика «разделения партизан и населения» (изоляция повстанцев) посредством создания нежилых зон, окружавших партизанские районы, реализуемая японской армией и полицией Маньчжоу-го. На плодородные земли, с которых были согнаны китайские крестьяне, селили японских колонистов. Японские авторы даже после войны отрицали факты занятия переселенцами уже обрабатывавшихся земель, настаивая на том, что колонисты осваивали лишь целину. На самом деле, например, 37 % земель занятых японскими крестьянами в 1940 г., были ранее обрабатываемыми участками. Общая площадь пахотных земель, захваченных в Маньчжурии для японских колонистов на 1941 г., в 3,7 раза превышала весь пахотный фонд Японии [3, с. 41].

Самым известным «инцидентом», связанным с захватом земель, стало восстание китайских крестьян в местечке Тугуйшань, начавшееся в марте 1934 г. Причиной послужили слухи (небеспочвенные) о готовящихся масштабных конфискациях земли. В результате был создан крестьянский отряд численностью 500 человек, вооружённый лёгким стрелковым оружием во главе с Се Вэньдуном. Повстанцы стали называть себя Северо-Восточной народной армией самообороны. Общее число крестьян, так или иначе участвовавших в восстании, составило 6-7 тысяч человек. Был уничтожен японо-маньчжурский отряд, прибывший с карательными целями, атакованы деревни японских переселенцев первого, а позже – и второго заезда, которые несколько недель находились в осаде. Многие колонисты погибли. После прибытия японской артиллерии и поддержки с воздуха осаду 20 мая сняли.

Руководителями восстания стали начальник местного отряда самообороны Се Вэньдун и руководитель сельскохозяйственного общества, относившиеся к местной помещичье-купеческой прослойке. Судьба Се Вэньдуна сложилась следующим образом. В 1935 г. его отряд перерос в так называемую 6-ю армию Северо-Восточной объединённой антияпонской армии, контролируемой китайской компартией. В период спада антияпонского движения,

в марте 1939 г. сдался японцам. Крестьянские бунты, вызванные конфискациями земли, мародёрством японских колонистов, возникали и в других уездах, например, в уезде Мишань, где был размещены японские колонисты заезда 1936 года [3, с. 43].

Компетентные японские органы регулярно проводили совещания, на которых обменивались опытом, анализировали ошибки, намечали очередные ориентиры и цели колонизации. Первое совещание провели в январе 1932 г., сразу после японской оккупации Маньчжурии. Следующее – в феврале 1933 г., на котором были сформированы органы управления переселенческим движением – переселенческие отделы. Интересно, что у руля управления иммиграцией стоял «особый отдел» Квантунской армии. Содействие оказывали японское посольство, корейское генерал-губернаторство, министерство колонизации. Как утверждал японский чиновник: «Чтобы переселить один двор в Маньчжурию, требуется 4–5 тысяч иен. Для бюджета это тяжёлая ноша» [4, с. 32].

После восстания крестьян в Тугуйшане особый отдел Квантунской армии провёл в Синьцзяне конференцию по проблемам колонизации (ноябрь–декабрь 1934 г.), которая получила название «Первая конференция переселенцев». Было признано, что колонисты, основная задача которых – поддерживать порядок, своими действиями зачастую сами вызывают беспорядки. Тем не менее колонизацию было решено продолжать. В апреле 1936 г. тот же особый отдел провёл вторую конференцию, которая приняла масштабный 20-летний план переселения 1 млн дворов (5 млн человек). В августе 1936 г. японское правительство приняло этот план к реализации [4, с. 28]. Одновременно руководство колонизацией перешло от Квантунской армии к специально созданной в 1936 г. «Маньчжурской колонизационной компании» (Мантаку). Свои капиталы в «Мантаку» вложили такие фирмы, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо.

Основной задачей первых пяти вселений (1932–1936 гг.) было содействие японским войскам в антипартизанской борьбе. В 1937 г., в связи со снижением активности партизан из-за перманентных карательных операций японской армии, произошла частичная смена приоритетов. Больше внимания стало уделяться собственно сельскохозяйственным целям. Тем не менее, борьба с партизанами и, соответственно, вселение в партизанские районы считались основными приоритетами до 1939 г. (8-й заезд). Радикальное изменение политики

вселения началось с 1940 г. по двум причинам: японской армии удалось к этому времени в основном подавить антияпонское партизанское движение; в связи с подготовкой агрессии против СССР на повестку дня встала задача заселения приграничных с СССР территорий японским населением. Забегая вперёд, скажем, как к концу войны распределялись колонизационные потоки: 50 % колонистов направлялись к границам с СССР, 40 % в партизанские районы, 10 % селили вокруг промышленных центров [3, с. 40].

Как уже говорилось, первый заезд так называемых «коллективных колонистов» (сюдан имин) был осуществлён в 1932 г. (301 двор). Они засеяли 400 те, однако из-за болезней переселенцев и нападений партизан урожай собрали только на половине этой площади. В 1933 г. состоялся второй заезд (467 дворов). Засеяно было столько же, но результаты хуже, чем у первого заезда (в результате восстания в Тугуйшане).

<i>Заезд</i>	<i>Год заезда</i>	<i>Кол-во дворов</i>
3-й	1934	225
4-й	1935	454
5-й	1936	1038

Из вселившихся за эти пять лет реально остались только 2310 дворов. С 1937 г. началась реализация 1-го пятилетнего плана колонизации. Кроме «коллективных» колонистов появились «организованные» переселенцы (сюго имин), отличавшиеся от первых меньшей опекой властей и меньшим финансовым обеспечением.

<i>Заезд</i>	<i>Год заезда</i>	<i>Кол-во дворов</i>	
		<i>сюдан</i>	<i>сюго</i>
6-й	1937	3618	54
7-й	1938	3949	611
8-й	1939	6096	928
9-й	1940	6455	2578
10-й	1941	3248	1190

В 1942 г. был принят 2-й пятилетний план колонизации (1942–1946 гг.), согласно которому планировалось переселить в Маньчжурию 136 800 дворов коллективных и организованных японских колонистов. Намётки как первого, так и второго пятилетнего плана достигнуты не были. В 1942 г. состоялось вселение 2026 коллек-

тивных дворов и 584 двора организованных колонистов. С 1932 г. до конца 1943 г. вселено всего 30 211 дворов (108 108 чел.) коллективных и 5860 дворов (22 651) организованных переселенцев. Кроме этих двух типов были так называемые дисперсные переселенцы (бунсан имин), коих до конца 1943 г. переселилось 1625 дворов (7908 чел.); «молодёжный корпус» (гиютай) – 24 054 чел.; «деревни самообороны» (дзикэйсон) – 381 двор (1606 чел.). Общее число въехавших колонистов – 164 327 чел. [4, с. 25].

Всего в конце войны в Маньчжурии насчитывалось 102 тыс. дворов сельскохозяйственных переселенцев (220 тыс. чел.), что составляло 1,8 % от 5500 тыс. дворов аграрного населения Японии [4, с. 29]. (Таким образом, можно сказать, что решить проблему аграрного перенаселения в Японии путём переселения крестьян в Маньчжурию не удалось). 46 тысяч колонистов умерли и погибли в Маньчжурии; 34 тысячи человек оказались в плену в СССР; пропали без вести 36 тысяч; благополучно вернулись в Японию 110 тысяч переселенцев [5, с. 47].

Список источников и литературы

1. Дайямондо. – 1932. – № 10. – С. 53–69.
2. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антаяпонская борьба в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы) // Рэкиси хёрон. – 1962. – № 7. – С. 26–40.
3. *Моритакэ Маро*. Мансю иминси кэнкюкайхэн Нихон тэйкокусюги сита но мансю имин (рецензия на книгу «Японский империализм и переселение в Маньчжурию») // Рэкисигаку кэнкю. – 1977. – № 451. – С. 28–49.
4. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антаяпонская борьба в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы) // Рэкиси хёрон. – 1962. – № 9. – С. 20–35.
5. *Ямада Гоити*. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин (Антаяпонская борьба в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы) // Рэкиси хёрон. – 1962. – № 10. – С. 36–50.

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Владивосток)

Т. В. Павлова-Борисова

ПЕРВЫЙ ЯКУТСКИЙ КОМПОЗИТОР МАРК ЖИРКОВ – ЛИДЕР ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ЯКУТИИ 1930–1950-х гг.

Статья посвящена первому якутскому национальному композитору Марку Жиркову как лидеру творческой интеллигенции Якутии 1930–1950-х гг. Лидерские позиции композитора были сформированы ещё в ранний период его деятельности, когда он работал в Вилюйске, занимался общественной служебной, организаторской, музыкальной деятельностью, что впоследствии позволило ему выйти на республиканский всероссийский и всесоюзный уровни. На протяжении всей его жизни, несмотря на многие трудности, он сохранял ролью лидера творческой интеллигенции Якутии, оставив яркий след первого якутского композитора, основоположника якутской национальной композиторской школы и национального профессионального музыкального искусства и образования.

Ключевые слова: Марк Жирков; национальный композитор; Якутия; лидер; творческая интеллигенция.

T. V. Pavlova-Borisova

THE FIRST YAKUT COMPOSER MARK ZHIRKOV – THE LEADER OF THE CREATIVE INTELLIGENTSIA OF YAKUTIA IN THE 1930–1950s

The article is devoted to the first Yakut national composer Mark Zhirkov as the leader of the creative intelligentsia of Yakutia in the 1930–1950s. The composer's leadership positions were formed in the early period of his activity, when he worked in Vilyuysk, engaged in public service, organizational, and musical activities, which later allowed him to reach the republican All-Russian and All-Union levels. Throughout his life, despite many difficulties, he retained the role of the leader of the creative intelligentsia of Yakutia, leaving a bright trace of the first Yakut composer, the founder of the Yakut national school of composers and the national professional music art and education.

Keywords: Mark Zhirkov; national composer; Yakutia; leader; creative intelligentsia.

Творческая интеллигенция в истории и культуре национальных республик России сыграла исключительную роль. Деятельность выдающихся представителей литературы, изобразительного, театрального и музыкального искусства формирует духовный потенциал общества. Особую роль играют лидеры творческой интеллигенции. Они, благодаря своим исключительным качествам и харизме, становятся центром притяжения лучших творческих сил. Кроме того, те из них, которые обладают недюжинными организа-

торскими качествами, действительно становятся признанными лидерами интеллигенции и возглавляют творческий процесс в развитии культуры целого народа в определённые периоды. В нашей статье речь пойдёт об одном из таких деятелей, которые сыграли подобную, имеющую непреходящее значение роль, – Марке Жиркове. Цель нашей работы – показать, как произошло выдвижение его на гребень творческого процесса якутской нации в переломную эпоху.

Марк Жирков (1892–1951) – сын двух народов – якутского и русского. Родился в городе Вилюйске в семье казака-поселенца. Поликультурная среда провинциального города, где жили потомки русских казаков и якуты, воспитала неординарную личность. Марк Жирков с детства впитал в себя культурные традиции двух народов. Учился в казачьей школе, Якутском реальном училище, окончил Вилюйское высшее начальное училище. Это позволило ему иметь широкий круг общения. Отец будущего композитора, дослужившийся до чина хорунжего, Н. С. Жирков, слыл искусным тойуксutom, любил исполнять песни на русском и якутском языках, его дом посещали известные олонхосуты С. Н. Каратаев-Ырыа Дыгыйар и С. И. Менкяров-Мэнкэр Сэмэн. Мать П. М. Жиркова также была знатоком народных песен. На дому часто устраивались домашние концерты. Жирковы наравне с Березкиными, Бубякиными, Кондаковыми и др. родами составляли костяк казачьего населения Вилюйска [1–5]. Поэтому Марк Николаевич очень рано стал общественно активной личностью, войдя в широкий круг общения своей семьи.

В Якутском реальном училище в 1903–1908 гг. Марк Жирков освоил игру на различных музыкальных инструментах и музыкальную грамоту. По возвращении в Вилюйск он создал один из первых в Якутской области струнных оркестров из вилюйчан и политссылных. Возникшая потребность в коллективном музицировании способствовала развитию его организаторских способностей.

По окончании Вилюйского высшего начального училища в 1912 г. работал учителем пения в данном учебном заведении. Руководил художественной самодеятельностью училища. Одним из крупных культурных событий тех лет стала постановка учителями и учениками училища пьесы «Иван Сусанин» по мотивам оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», посвящённая к 300-летию Дома Романовых. Марк Жирков исполнил партию Сусанина. В годы учительства он сотрудничал с такими крупными деятелями, как поэт

и писатель А. Е. Кулаковский, лингвист С. А. Новгородов, педагог и краевед П. Х. Староватов. Расширился его кругозор, общение с такими личностями сформировало его мировоззрение и укрепило его природные задатки лидера.

В 1913–1917 гг. М. Н. Жирков находился на службе в канцелярии окружного исправника в должности помощника земского заседателя, а затем секретаря Вилюйского окружного полицейского управления и стал в 1914 г. одним из инициаторов создания «Вилюйского кружка любителей драматического искусства» Организация подобных кружков была приметой времени, когда в различных частях огромной страны люди самых разных сословий и национальностей, чувствуя тягу к прекрасному, стремились удовлетворить свои эстетические и художественные потребности, объединившись в творческие ассоциации и союзы [6]. Служба в структуре полицейского управления, как и само происхождение композитора из казаков, осложнит его творческий путь в советское время. Дважды во второй половине 1920-х гг. он будет подвергаться гонениям.

После Февральской революции, в период земского областного управления, М. Н. Жирков работал секретарём Вилюйской уездной управы. Несмотря на то, что культурная жизнь замерла, он продолжал занимать активную общественно-политическую позицию. В декабре 1919 г. принял Советскую власть, в январе 1920 г. стал секретарём уполномоченного Военно-революционного штаба Красной армии в Вилюйске Степана Аржакова, а в феврале 1920 г. записался добровольцем в красную дружину и участвовал в боях против колчаковцев, в 1922 г. – против белогвардейцев из отряда С. Канина. Несмотря на военное время, оркестр под управлением Марка Жиркова дал несколько концертов для красноармейцев из отряда И. Я. Строда.

После гражданской войны до 1933 г. Марк Жирков находился на службе в советских органа власти в Вилюйске. В этот период он вновь был в центре общественно-политической и культурной жизни. Он был избран членом Правления вилюйского Межсоюзного клуба, народным заседателем 1-го судебного участка, а также возглавлял музыкальную секцию и руководил оркестром Народного дома. Под его руководством проводились постановки пьес на якутском и русском языках, музыкально-литературные вечера. С ним сотрудничали режиссёр Д. Д. Большев, деятель культуры С. Н. Донской-II, писатель А. А. Иванов-Кюндэ, переводчик и актёр С. Ф. Гоголев и другие известные деятели культуры. Марк Жирков

привлекал к участию иногородних музыкантов, например, среди них был скрипач Л. Н. Харитонов, известный в будущем учёный-филолог. Здесь делал первые шаги будущий известный художник-постановщик Г. М. Туралысов.

Признавая активность и значимость культурной деятельности Марка Жиркова, Правительство Якутской АССР направило его на учёбу на композиторское отделение Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского в 1933–1936 гг.

По окончании обучения он был зачислен заведующим музыкальной частью и скрипачом Якутского государственного национального театра. С первых лет работы в театре он тесно сблизился с директором В. В. Местниковым и режиссёром С. А. Григорьевым. Под его руководством создаются струнный ансамбль и Государственный якутский хор (1936–1940 гг.). В составе хора пели выдающиеся деятели якутской культуры и искусства Екатерина Захарова, Анна Егорова, Дарья Слепцова, Пётр Решетников, Марк Слепцов, Дмитрий Ходулов и др. В 1940 г. М. Н. Жирков вошёл в состав Художественного совета театра. В театр прибыли из центральных городов страны пианисты П. К. Розинская, С. К. Джангваладзе, хормейстер В. П. Попов, балетмейстеры С. В. Владимиров-Климов, И. А. Каренин, вокалисты А. Ф. Костин, А. Н. Клещева и др. Начиная с этого времени он находился в центре внимания музыкальной и театральной общественности.

Работа над первой музыкальной драмой «Нюргун Боотур Стремительный» дала начало сотрудничеству с драматургом Д. К. Сивцевым-Суорун Омоллооном. Два выдающихся деятеля якутской культуры создали шедевры музыкально-драматического искусства Якутии [7].

М. Н. Жирков последовательно участвовал в создании Якутского музыкально-вокального коллектива, Музыкально-драматического театра, Музыкального театра-студии. В этих учреждениях начинали свой путь известные якутские вокалисты Надежда Шепелева, Анастасия Лыткина, Марина Попова, хормейстер Феврония Баишева и др.

В 1944 г. Марк Жирков, имея высокий авторитет в среде национальной творческой интеллигенции и выдающиеся организаторские способности, возглавил творческую бригаду якутских деятелей культуры в составе Д. К. Сивцева-Суорун Омоллоона, И. Д. Винокурова-Чагылгана, В. В. Местникова, И. Д. Избекова,

С. А. Зверева. Эта делегация выехала затем в Москву для создания якутского национального репертуара.

Бригада провела работу с 23 московскими и свердловскими композиторами, которые за короткий срок в 1944–1945 гг. написали сотни музыкальных сочинений, в числе которых – балетные сюиты, симфонические произведения, песни, которые стали основой якутского музыкального репертуара на долгие годы, вплоть до наших дней. Самым выдающимся произведением творческого тандема М. Н. Жиркова – Г. И. Литинского стала первая якутская опера «Нюргун Боотур». Якутский композитор, благодаря своей харизме и кипучей энергии, умел собирать вокруг себя творческие силы, аккумулировать потенциал крупных деятелей искусства и вести за собой.

В последние годы жизни Марк Жирков перешёл на работу заведующим сектором искусствоведения в Институт языка, литературы и истории Якутской базы Академии наук СССР. Здесь он обобщил накопленные им знания и материал о якутской музыке. На годы работы в институте приходится тесное сотрудничество с крупным якутскими учёными З. В. Гоголевым, Е. И. Убрятовой, П. П. Барашковым, М. Я. Жорницкой, художником М. М. Носовым. И здесь он смог организовать научные экспедиции по районам Якутии, собрав и зафиксировав уникальные записи якутского музыкального фольклора, объединив усилия учёных, художников, филологов и т. д. Его фундаментальный труд «Якутская народная музыка» при жизни так и не был издан, но именно на его основе были сделаны последующие открытия в якутском музыкознании, принадлежащие С. Кондратову, Г. Григоряну, Э. Алексееву и другим исследователям якутской народной музыки.

Последующие представители якутской национальной композиторской школы активно обращались к песенно-мелодическому фонду, собранному и обобщённому Марком Николаевичем Жирковым в его нотных записях, используя, применяя, цитируя их в своих сочинениях. Ярким примером данному обстоятельству служит «Якутский победный марш» Д. Ф. Салиман-Владимирова, который был удостоен премии на конкурсе маршей на темы народов СССР для духовых оркестров Советской армии и впервые прозвучал на Красной площади во время Парада Победы 24 июня 1945 г.

Отойдя от работы в театре, Марк Жирков сохраняет свои лидерские позиции в музыкальных и театральных кругах республики, среди творческой интеллигенции. Активная общественно-полити-

ческая позиция будет способствовать тому, что он всегда находился в центре творческого процесса Якутии, оказывая большое влияние на музыкальные процессы в республике. Даже сейчас, спустя свыше семи десятилетий, творчество М. Н. Жиркова, высказанные им идеи и основанные музыкально-творческие институты республики дают мощный импульс для новых творческих исканий современных якутских композиторов и музыкальных деятелей.

Список источников и литературы

1. *Санников В. И.* О жизни и деятельности М. Н. Жиркова. – Якутск: Кн. изд-во, 1987. – 80 с.
2. *Алексеева Г. Г.* От фольклора до профессиональной музыки. – Якутск: Бичик, 1994. – 160 с.
3. *Павлова-Борисова Т. В.* Первый якутский композитор Марк Жирков. – Якутск: Бичик, 2017. – 136 с.
4. *Павлова-Борисова Т. В.* Роль этнокультурной среды г. Вилюйска в становлении личности основоположника якутской национальной композиторской школы М. Н. Жиркова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-2 (77). – С. 116–118.
5. Марк Николаевич Жирков: документы, фотографии. – Якутск: Алаас, 2017. – 248 с.
6. *Полутина Е. В.* Любительские театры Мордовского края как фактор развития провинциальной культуры конца XIX – начала XX в. // Регионология. – 2010. – № 4. – С. 311–320.
7. *Павлова-Борисова Т. В.* Опера-олонхо М. Н. Жиркова и Г. И. Литинского «Нюргун Боотур» // Жирков М. Н. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 4. – М.: Наука, 2020. – С. 5–15.

Павлова-Борисова Татьяна Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (Якутск)

Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова, Р. М. Пайзулаева

**ХЛОПКОВОЕ ОСВОЕНИЕ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ФАКТ В УСЛОВИЯХ
РАВНИННОГО И ВНЕШНЕГОРНОГО ДАГЕСТАНА:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ**

Выращивание хлопковой культуры в Дагестане имеет древнюю историю. Он культивировался в низменном Дагестане и в его предгорной части. Необходимо восстановить выращивание хлопчатника в целях развития российской хлопчатобумажной промышленности на собственном сырье. В Дагестане есть все факторы для этого – подходящие природные условия, научные кадры и опыт выращивания. Этой проблеме посвящена данная статья.

Ключевые слова: Дагестан; хлопковое освоение; хлопчатник; восстановление бывшей технической культуры.

Kh. L. Khanmagomedov, A. N. Gebekova, R. M. Payzulaeva

**COTTON DEVELOPMENT AS A HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC
AND NATURAL-ECONOMIC FACT IN THE CONDITIONS
OF LOWLAND AND FOREIGN MOUNTAIN DAGESTAN:
SOME QUESTIONS OF HISTORY**

The cultivation of cotton crops in Dagestan has an ancient history. It was cultivated in lowland Dagestan and its foothill part. It is necessary to restore the cultivation of cotton in order to develop the Russian cotton industry on its own raw materials. Dagestan has all the conditions for this – suitable natural conditions, scientific personnel and cultivation experience.

Keywords: Dagestan; cotton development; cotton; restoration of the former technical culture.

Среди технических растений, возделываемых в нашей стране ещё со времён СССР, как пишет А. Н. Ракитников, наибольшее значение имеет хлопчатник, дающий главное сырье для современной текстильной промышленности [1, с. 166]. Как мы знаем, сейчас эта культура в Дагестане не выращивается, но потребности в своём российском хлопчатнике имеются. Для развития хлопчатника в Низменном и Внешнегорном Дагестане есть все условия природного характера, в достаточном количестве имеется рабочая сила по уходу и переработке хлопкового сырья. Данная статья освещает краеведческие аспекты по истории освоения территории сельскохо-

зяйственного производства. В этих районах «естественные ландшафты постоянно подвергаются антропогенному воздействию, дегериорации, и в результате хозяйственного освоения из природного комплекса выпадают отдельные компоненты, возникают компоненты интенсивного хозяйственного воздействия» [2, с. 188]. Так случилось в этих районах, где хлопчатник занял места естественной полупустынной растительности и почвенного покрова. Этот фактор необходимо учесть при освоении территорий под эту культуру, т. е. хлопчатник как техническая культура занял их место. Это нашло отражение и в топонимии, где имеется определённое количество названий сельхозугодий, связанных с данной культурой. Это топонимы ногайского, кумыкского и азербайджанского происхождения.

С. Я. Сушко подчёркивает, что хлопок, в отличие от кенафа, требует хорошо азрированных, легко проницаемых почв, любит супеси и лёгкие суглинки, лёсс не определяет механического состава [3, л. 73]. По его мнению, почвенно-климатически «возможно передвижение хлопка из дельты [Терека] на север по Каспийскому побережью, из Дагестана – его северной части, точнее дельты Терека», но он «будучи культурой орошаемой не выносит “сырости” почвы, при которой обыкновенно находят место плесневые процессы» [3, л. 73–74]. Сушко считает, что для дельты Терека хлопок будет играть большое значение и что «ему здесь предстоит большое будущее» [3, л. 32].

В первой четверти XVIII в. в России хлопок не возделывался: хлопчатобумажная промышленность не имела отечественного сырья и работала на привозном (персидском) материале. А. В. Волынский подчёркивает, что «вывозимый из Персии хлопок является доходным предметом русско-персидской торговли» [4, с. 31]. Чтобы ликвидировать зависимость русской хлопчатобумажной промышленности от иноземного сырья и наладить отечественное хлопководство, были предприняты шаги для заведения хлопковых плантаций на Тереке и в Астрахани. На землях по р. Терек, пожалованных армянину Сафару Васильеву в 1718 г., предполагалось наряду с шелковицей возделывать «хлопковую бумагу» и попытаться наладить возделывание хлопка на указанных территориях, однако, как подчёркивает В. П. Лысцов, эти попытки «по-видимому не привели к серьёзным положительным результатам» [4, с. 31–32].

Хлопковое освоение территории Дагестана можно разделить на два этапа: 1) с древнейших времён до начала установления Со-

ветской власти в Дагестане; 2) советский, с тремя периодами: а) 20-е – 30-е гг. XX в.; б) с 1940-х гг. до середины 1950-х гг.; в) с начала 1960-х гг. По последним двум периодам были проведены изыскания с широким изучением архивных материалов, хранящихся в Государственном казённом учреждении «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (далее – ГКУ РД «ЦГА РД») по освоению выращивания хлопка в советское время.

И. Г. Гербер писал о занятиях местного населения в XVIII в.: «имеют хорошие виноградные и другие сады, также всяких овощей, скотоплодие и пашен довольно; сеют же хлопчатой бумаги, которая здесь наилучше растёт» [5, с. 120]. Рассматривая состояние хлопководства в XIX в., С. Ш. Гаджиева пишет об отрывочных сведениях [6, с. 60]. Ссылаясь на М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамбега, она подчёркивает, что «одним из занятий жителей Дербента явилось «разведение хлопчатой бумаги» [6, с. 60]. Л. И. Тихонов свидетельствует о почвах и занятиях во владениях уцмиев, отмечает, что те производят довольно много разных родов хлеба, хлопчатую бумагу, мариону, сорочинское пшено, садовые и лесные плоды, овощи, шелковичные черви весьма малой частью [7, с. 125], и что во владениях шамхала «делают и хлопчатую бумагу» [7, с. 135]. А. М. Буцковский подчёркивает, что «шелководство и бумага хлопчатая в малом количестве» встречается в кумыкских владениях, «но у лезгин гораздо более производится» [8, с. 244]. В «Описании Дагестана. 1804» А. И. Ахвердов отмечает: «имеют довольно прибытой от своих земель, как-то: на плоскости, живущие хлебопашеством, посевом сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, шелководством, также от нефтяных колодцев, от которых доходы принадлежат уцмию его сродникам» [9, с. 216]. По сведениям С. Ш. Гаджиевой, «дагестанский хлопок заинтересовал Петра I, который осматривал хлопковые поля у селения Буйнак (Уллубийаул Карабудахкентского района Республики Дагестан) во время своего Персидского похода, отметив в «Походном журнале»: «Пришли ночевать у урочища Старого Буйнака, тут же у дороги видели бумагу хлопчатую как растёт» [4, с. 72; 10, с. 70].

И. К. Оксенкруг пишет, что в Кюринском округе с незапамятных времён крестьянство занималось хлопчатником для домашних нужд, но 70–80 лет тому назад (примерно во второй половине XIX в.) общество с. Мамраж с целью усилить культуру хлопчатника положило большие труды, проводя канаву с мелко-оросительными

сетями и стало сеять хлопчатник; семена для этого доставляли из Персии [11, л. 4]. Также он утверждает, что стремление к этой работе было так велико, что место посева даже переименовали в Полоса Памбук экен ерлари (в переводе с азербайджанского – «хлопковая плантация»). Затем в 1923 г. вновь возобновили культуру хлопчатника, но уже из американских семян. Несмотря на плохой уход, сбор урожая достигал 30–40 пудов с десятины. И. К. Оксенкруг отмечает, что в этом районе возможно правильное водоснабжение [11, л. 4]. На этом же листе читаем: «Дербентский район (Республики Дагестан) также с древнейших времён засевали тем же родом хлопчатника для собственных нужд ..., его урожайность достигает 60–70 пудов с десятины земли. Земля вся пригодная для хлопчатника и есть много желающих заниматься этим делом, как мусульман, так немцев и малорусов (последние – переселенцы из Мугани (Азербайджан), знающие хорошо культуру хлопчатника» [11, л. 4]. И далее: «Этот район необходимо использовать и агитировать крестьян на широкий засев хлопчатника за счёт других злаков» (технических культур) [11, л. 4]. На л. 4 подчёркивается, что Кайтаго-Табасаранский округ некогда был сильно заинтересован культурой хлопчатника, который засевался в изобильном количестве, и кустарным способом вырабатывали здесь ткани для одежды.

Прекратили засевать эту культуру по причине большого наплыва мануфактуры, но с 1923 г. вновь стали разводить хлопчатник из американских семян [11, л. 4]. В Махачкалинском районе и всех прилегающих к нему селениях также засевали хлопчатник. В 1925 г. в Дагестане крестьяне засеяли хлопчатником 60 десятин, в 1926 г. – 600 десятин. Как отмечает И. К. Оксенкруг, для успешного внедрения хлопчатника были проведены опыты с хлопком в 1910 г. в районе Дербента и Хасавюрта, продолженные в 1918 и 1925 гг. [11, л. 5]; в Дербентском районе – с 1925 г. и в Каякенте – в 1924 г. [11]. В Протоколе заседания по вопросу хлопководства в Дагестане от 23 сентября 1925 г. отмечается создание в Дагестанской ССР паевого товарищества «Дагхлопком» как органа, регулирующего эту отрасль хозяйства, снабжающего её семенами, машинами и денежными средствами [11].

Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

Посевные площади под хлопчатник по бывшему Дербентскому и Кюринскому, Махачкалинскому и Хасавюртовскому округам, 1925–1930 гг. [9]

Округ	Годы				
	1925–26	1926–27	1927–28	1928–29	1929–30
Дербентский и Кюринский	250	500	750	1000	1750
Махачкалинский	375	750	1125	2500	3125
Хасавюртовский	375	750	1125	2500	3125
Итого	1000	2000	4000	6000	8000

Из таблицы видно, что за 5 лет площади под хлопчатник увеличивались: например, в 1929–1930 гг. – в 4 раза в сравнении с 1925–1926 гг. Наиболее поливными считались Махачкалинский и Хасавюртовский округа, так как они обладали «всеми» физико-географическими условиями выращивания этой культуры. Второй округ по этому показателю – Дербентский и Кюринский – в связи с расположением в нижне-предгорной зоне, не обладал, по нашему мнению, всеми «хлопковыми показателями».

В 1928 г. Дагестанской селекционной станцией была издана работа И. С. Вассермана «Как возделывать хлопчатник в Дагестане», состоящая из 16 глав. В фонде ГКУ РД «ЦГА РД» имеется рецензия агронома Управления Уполномоченного Главхлопкома Дагестанской ССР А. М. Анисимова, что работа «довольно хорошо издана и рекомендуется при переиздании, должна быть переведена на тюркский [азербайджанский] и кумыкский языки, иначе она для крестьян Дагестана не будет доставлять никакой ценности» [12, л. 295].

По степени засушливости зоны орошения хлопковые районы Дагестана, согласно архивным материалам, разделяются на три части: 1) неорошаемые (Ачикулакский (ныне – в составе Ставропольского края), большая часть Шелковского (ныне – в составе Чечни) районы); 2) условно орошаемые (Бабаюртовский, Хасавюртовский, Кизлярский районы, часть Махачкалинского района); 3) орошаемые (Каякентский, Касумкентский районы, часть Махачкалинского района) [13, л. 67]. Здесь не указан один из важнейших хлопководческих районов Дагестана – Дербентский административный район. В разделе «Из истории развития хлопководства» в Дагестане в 1931 г. указывается, что этот регион в эпоху натурального хозяй-

ства, по историческим данным и преданиям, был хлопковым районом. Опыты же с хлопчатником начали производиться здесь в 1909 г. [13, л. 49].

В Хасавюртовском опытном хлопководческом поле [13, л. 57] урожайность хлопка-сырца с одного га в центнерах составляла: в 1909 г. – 7,21; в 1911 г. – 6,46; в 1912 г. – 13,98; в 1913 г. – 7,07; в 1914 г. – 11,88; в 1915 г. – 16,54; в 1925 г. – 8,6; в 1926 г. – 11,84; в 1927 г. – 13,52; в 1928 г. – 12,52; в крестьянских хозяйствах в 1927 г. – 3,56, в 1928 г. – 0,8 [14]. Вывод А. М. Анисимова таков: высокие урожаи производились больше в государственных хозяйствах, нежели в крестьянских. Это объясняется научной организацией ведения хлопководческого хозяйства. В разделе «Агротехнические мероприятия» указано, что по решению правительственных организаций в 1936 г. Хасавюртовский хлопкозавод обслуживал выращивание хлопка в районе этого завода на площади 15 200 га, а в других местах 3500 га – всего на площади 18 700 га. Зоны обслуживания этого завода – Хасавюртовский, Бабаюртовский, Шелковской (тогда он входил в состав Дагестана, а сейчас это территория Чеченской республики), Кизлярский, Кумторкалинский, Карабудахкентский, Махачкалинский, т. е. районы Северного региона Дагестана, а также Карабудахкентский район, расположенный в бассейне р. Манасозень [15, л. 1].

Выращивание хлопчатника в Дагестане, как показывают архивные материалы, стало делом чести для занимавшихся селекционными работами работников Главхлопка республики. По мнению А. А. Вейсмана, А. М. Анисимова, Г. Н. Криворучко, культивирование хлопчатника в промышленных масштабах могло быть осуществлено в Дербентском районе республики только в его плоскостной части, где его северная часть пользуется оросительной водой из реки Уллучай, ключей, а его южная часть – водами рек Рубас и Гурген-Чай [Гюренчай] [15, л. 2–3].

Дербентский район – один из благодатных районов современного Дагестана. В то же время вышеуказанные работники Главхлопка, ведавшие хлопководством в Дагестане, отмечали и определённые трудности выращивания хлопковой культуры: 1) недостаточность осадков (340–350 мм годовых); 2) дожди наблюдаются иногда начиная с середины – конца сентября; 3) ирригационная система является недостаточно пригодной для орошения.

В Дагестане и его отдельных территориях уделялось большое внимание обеспечению семенным фондом в специализированных совхозах. Например, на участке «Кафары» Дербентского района Дагестана Главхлопком провёл исследование почвенного покрова с целью выяснить пригодность для заложения здесь хлопкового семенного хозяйства. Работа была выполнена под руководством профессора А. И. Панкова в лаборатории почвоведения Горского сельскохозяйственного института В. М. Моткиным. Были установлены пригодность южной части участка к созданию семхоза и пригодность северной части по почвенным и рельефным особенностям [16, л. 2]. Согласно Резолюции по совхозному строительству в Дербентском районе Республики Дагестан 1930 г., целесообразной считается организация одного хозяйства «Кафары» ввиду его небольшой территории и значительной оторванности от первого участка [17, л. 44]. Отмечается также, что в Бабаюртовском, Махачкалинском, Хасавюртовском районах можно организовать по одному хлопководческому хозяйству площадью в 1 га; в Таджи-ятагу – 400 га; в Бабаюртовском районе – 800 га; в Хасавюртовском – 300 га [17, л. 45].

А. Н. Кажлаев справедливо замечает, что определяющим фактором при размещении промышленных предприятий должна быть доступность к дешёвым ресурсам [18, с. 330]. В 1930 г. в Махачкале было завершено строительство фабрики «Каспийская мануфактура» с прядильно-ткацким уклоном [19, с. 5]. При её строительстве учитывалась «возможность получения сырья (хлопка) не только у соседних районов Кавказа, но и дешёвым морским путём из Средней Азии», причём М. С. Юсупов и И. М. Магомедов пытались выращивать хлопок и у территории самой фабрики [20, с. 34].

Таким образом, на основе архивных материалов мы установили, что в 1920–1930-х гг. хлопчатник выращивался в современных районах Низменного Дагестана, в нижнепредгорной зоне, в Буйнакском, Казбековском, Сулейман-Стальском, Кайтагском районах, по нашим подсчётам, на площади 18 000 кв. км. Нам известно, что в нашем родном с. Берикей Дербентского района Республики Дагестан ещё в начале 1950-х гг. выращивали эту культуру. По данным историко-архивного справочника административно-территориального деления Дагестана за 1920–2000 гг., в Мугартинском сельсовете Дербентского района функционировал хутор Памбугдере («хлопковая долина»), как свидетельство о выращивании этой культуры,

исключённый из учёта как «временный» Указом Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР [21, с. 302]. Однако его название сохранялось как топоним у мугартынцев, обозначая былой населённый пункт, где выращивали хлопчатник.

По нашему мнению, настало время для восстановления хлопчатых плантаций Республики Дагестан. Необходимо изучать изменения физико-химических свойств почвенного покрова, так как территория подвержена антропогенному воздействию, а северная часть – это район отгонного скотоводства и, в первую очередь, – овцеводства. Для возрождения былого хлопководства в Дагестане имеются достаточные силы в лице почвоведов, геороботников, агрономов, физико-географов. Конечно, возрождение хлопководства не должно идти в ущерб зерновым и виноградарским районам Дагестана. По мнению Г. Я. Сушко, «плоскостные районы Дагестана примерно до параллели Кумы с юга в пределах Дагестана являются типичными хлопковыми районами, где культура хлопчатника встретит подходящие для себя термические условия, ибо режим таковых примерно такой же, как в типичных районах Туркестана и Закавказья» [3, л. 43]. Изучение фондовых материалов в ГКУ РД «ЦГА РД» показало, что хлопок высевали на территории от Терека до границ с Азербайджанской республикой на площади около 18 000 кв. км. Эта территория больше территории Чеченской республики в 1,16 раза, Республики Ингушетия – в 5, Республики Северная Осетия-Алания – в 2,25, Кабардино-Балкарской республики – в 1,44, а Карачаево-Черкесской республики – в 1,26 раз.

Поскольку объём статьи не позволяет подробно рассмотреть данный вопрос, мы изложим этот материал в другой нашей работе. Данная статья требует дальнейшей разработки, так как в ней мы рассмотрели лишь некоторые вопросы выращивания хлопчатника в просторах Низменного и Внешнегорного Дагестана с учётом развития агрономической науки в Дагестане, России и зарубежья. Данную статью мы считаем областью исторической (историко-этнографической), географической (природно-хозяйственной) и агрономической (выращивание сельскохозяйственной культуры) сельхознауки. Несомненно, в предмете названных наук есть не только различия, но и общее. Как мы знаем, ни одно научное направление не может развиваться без взаимодействия с другими. Не стала исключением и подготовленная нами статья.

Список источников и литературы

1. *Ракитников А. Н.* География сельского хозяйства СССР // Экономическая география СССР: учеб. пособие для естественно-геогр. фак-тов пед. ин-тов / под ред.: Н. П. Никитина, Е. Д. Прозорова, Б. Тутихина. – М.: Просвещение, 1966. – С. 157–200.
2. *Ханмагомедов Х. Л.* Влияние антропогенеза на освоение и детериорацию сельскохозяйственных ландшафтов (по данным топонимии) // Наука и социальный прогресс: материалы 3-й республиканской [дагестанской] конференции. – Махачкала: Изд-во Правительства РД, Даг. науч. центра РАН, Даг. гос. ун-та, 1995. – С. 188–191.
3. Очерк инж. С. Я. Сушко «Обследование физико-механических и химических свойств и аллювиальных наносов Кизлярской опытно-мелиоративной станции (в дельте р. Терек) по материалам работы СКОМО (Северо-Кавказской краевой опытно-мелиоративной станции)». 1927 г. // Государственное казённое учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан» (ГКУ «ЦГА РД»). Ф. Р.-501. Оп. 5. Д. 9. 114 л.
4. *Лысцов В. П.* Персидский поход Петра I. 1722–1723. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 1951. – 247 с.
5. *Гербер И. Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 60–120.
6. *Гаджиева С. Ш.* Дагестанские азербайджанцы XIX – начала XX в.: Историко-этногр. иссл. – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 359 с.
7. *Тихонов Л. И.* Описание Северного Дагестана 1796 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 125–137.
8. *Буцковский А. М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 239–246.
9. *Ахвердов А. И.* Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – С. 213–229.
10. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки: историко-этногр. иссл. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 378 с.
11. Очерк Оксенкруга И. К. «Краткая история хлопководства и мероприятия для восстановления и развития хлопковой культуры и промышленности» // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р.-501. Оп. 5. Д. 144. 7 л.
12. О брошюре агронома И. С. Вассермана «Как возделывать хлопчатник в Дагестане». Рецензия агронома Управления Уполномоченного в ДССР А.[М] Анисимова. Апрель 1928 г. // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р.-127. Оп. 6. Д. 4. 449 л.

13. *Беляев, Гернец*. Итоги и перспективы развития хлопководства и хлопковой промышленности в ДАССР, проблемно-тематический план научно-исследовательской работы на 1932 год // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р-127. Оп. 6. Д. 24. 74 л.
14. Отчёт о работе Хлопкома в Дагестане по Хасавюртовскому хлопководству за 1936 год (по районам Хасавюртовскому, Бабаюртовскому, Шелковскому, Кизлярскому, Кумторкалинскому, Карабудахкентскому, Махачкалинскому) // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р-127. Оп. 6. Д. 78. 23 л.
15. Докладная № 2 А. А. Вейсмана, зам. директора селекционной станции, А. М. Анисимова, зав. хлопкоплантаций, и Г. А. Криворучко, инструктора по хлопководству Дагнаркомзема в Управление водного хозяйства Дагнаркомзема в 1936 г. // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р.-501. Оп. 5. Д. 145. 9 л.
16. *Моткин В. М.* Почвы хлопкового семсовхоза проектируемого участка «Кафары» Дербентского района ДССР // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р-501. Оп. 5. Д. 14. 37 л.
17. Резолюция по совхозному строительству в новых районах // Главный хлопковый комитет. Резолюция 3-го Всесоюзного совещания по вопросам хлопководства по новым районам (г. Ростов [на-Дону] 15–19 января 1930 г. – М., 1930 // ГКУ «ЦГА РД». Ф. Р-127. Оп. 2. Д. 128. Лл. 44–48.
18. *Кажлаев А. Н.* Возникновение и экономическое развитие городов Дагестанской АССР. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1971. – 332 с.
19. *Юсупов М., Магомедов И.* Социально-экономическое развитие Махачкалы. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1981. – 204 с.
20. *Юсупов М. С., Магомедов И. М.* Махачкала: вчера, сегодня, завтра. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. – 160 с.
21. Историко-архивный справочник административно-территориального деления Дагестана за 1920–2000 гг. – Махачкала: Изд-во Центр. гос. архива Комитета Правительства Республики Дагестан по делам архивов, 2008. – 430 с.

Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович – доктор географических наук, профессор, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (Махачкала)

Гебекова Аджабике Набиевна – кандидат педагогических наук, доцент, и. о. заведующей кафедрой начального образования Дагестанского института развития образования (Махачкала)

Пайзулаева Рагимат Махмудовна – кандидат биологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства (Махачкала)

Т. Т. Халимов

ПРАЗДНИК НАВРУЗ, ИЛИ ДЕНЬ ВЕСЕННЕГО РАВНОДЕНСТВИЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОКА

В статье представлена информация об истории Навруза (день весеннего равноденствия) и его роли в культуре разных народов. В статье также исследуются начало Нового года в истории народов Востока, культура земледелия и ряд связанных с ней ритуалов.

Ключевые слова: Навруз; навсард; новсорджи; саману; земледелия; Сямбун но хи; Хиган; Анно; Комоедица; Ярилин день.

T. T. Halimov

THE NAVRUZ HOLIDAY OR THE DAY OF THE VERNAL EQUINOX IN THE HISTORY AND CULTURE OF THE PEOPLES OF THE EAST

The article provides information about the history of Navruz (the day of the spring equinox) and its role in the culture of different peoples. The article also examines the beginning of the "new year" in the history of the peoples of the East, the culture of agriculture, and several rituals associated with it.

Keywords: Navruz; navsard; novsordzhi; samanu; agriculture; Shumbun no hi; Higan; Anno; Komoeditsa; Yarilin day.

Народы Востока имеют богатую культурную историю. Различные обычаи, традиции и ритуалы, связанные с календарём года в образе жизни народов, являются ярким примером такой богатой истории. День весеннего равноденствия – ритуальный день для многих народов и религий мира, который известен с глубокой древности. Это день, когда природа пробуждается от зимнего сна, день равновесия света и тьмы, после которого свет берёт верх над тьмой. Наступают тёплые дни, распускаются деревья, цветут цветы, птицы поют весенние песни, каждый человек чувствует прилив сил, желание любить, творить и созидать. С этим днём связаны тюркские, персидские, славянские, германские и кельтские праздники. Самыми древними свидетелями почитания дня весеннего равноденствия были памятники мегалитической культуры древних цивилизаций культового назначения. Главная ось Стоунхенджа, загадоч-

ный взор Великого Сфинкса в Гизе направлены именно на точку восхода Солнца в этот астрономический период.

В Японии день весеннего равноденствия называют Сямбун но хи и тоже отмечают как праздник. Недельный период, начинающийся за три дня до весеннего равноденствия, называется Хиган. В это время японцы посещают могилы предков. Жители Ганы отмечают новогодний праздник Анно, который длится тринадцать дней и заканчивается 21 марта [1].

Многие из этих различных обычаев и обрядов начинаются у народов Востока в первый день земледельческого календаря – праздник Навруз. С давних времён праздник весны Навруз, который мы отмечаем с большой торжественностью, наши предки отмечали как великий день. Праздник Навруз восходит к тому времени, когда возникли первые научные и географические представления о планете, и отмечался он сначала оседлыми крестьянами, а затем полуоседлыми и кочевыми тюркскими народами. В то время как средневековые историки датируют его образование тремя или тремя с половиной тысячами лет назад, современные историки приходят к выводу, что исторические корни Навруза уходят в десятое и пятое тысячелетия до нашей эры.

Из источников известно, что 21 марта как праздник отмечали даже в древнеегипетском государстве. Согласно тексту древнего мифа о боге Мардуке, очень большой праздник, посвящённый Мардуку, проводился в месяце нисан (дни, когда ночь и день были равны весной). В этом источнике описываются религиозные обряды, совершаемые во время праздника. Сам король присутствовал на этих церемониях и должен был подражать Мардуку и показать себя в состоянии благородных мучений. Для этого во время особой церемонии внешние атрибуты его владычества – посох и корона – были вырваны у царя, и первосвященник хлестал стоящего на коленях царя. Только после этой церемонии король восстановил право владения королевской властью от верховного божества [2, с. 84]. Такие верования должны были укрепить авторитет и престиж короля, который был во главе государства, построенного на основе рабства.

У некоторых тюркских народов приход весны олицетворялся победой света над тьмой. Потому один из главных атрибутов Навруза – костёр. Пламя несёт в себе очищающее значение. Огонь выступает в качестве пожирателя зла и всех недугов. Прыгая через

костёр в этот день, люди отдают огню всё плохое, оставляя его в уходящем году. В этот день все веселятся и радуются.

В древних верованиях славян именно день весеннего равноденствия приходится центральным звеном четырнадцатидневных праздников. Две недели, одна до, а другая после 22 марта, назывались Комоедицей. Один из её праздников – Ярилин день. Ярила – бог весны и жаркого солнца, он воплощает её плодородные силы и приносит с собой возрождение природы от зимнего сна; от него зависит и её своевременный приход, и осуществление надежд на хороший урожай. В этот праздник, как и народы Азии, славяне жгли большие костры и прыгали через огонь, чтобы очиститься от всякой скверны. С этим же днём связаны поверья о том, что снова появляется на земле нечистая сила (уже не боится замёрзнуть), а заодно просыпаются медведи и домовые. В Ярилин день проводились игры «пробуждения медведя», выставлялось угощение для домового. Там, где разводили пчёл, проводили очистительное окуривание травами пасеки, а в более теплом климате праздновали вылет первого роя.

Этот праздник имеет очень глубокие исторические корни в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, и существует ряд исторических письменных источников и исторических трудов, подтверждающих, что это древняя традиция. В частности, исторические, научные и литературные произведения таких писателей, как Абу Райхан Бируни, Абу Мансур Салаби, Омар Хайям содержат интересные сведения о происхождении Навруза, его уникальных древних обычаях и ритуалах. В трудах известных средневековых энциклопедистов история происхождения Навруза трактуется в связи с легендарными царями Каюмарсом, Джамшидом и Сулейманом. С начала празднования Навруза различные правители и высокопоставленные исторические деятели на государственной службе также выразили разные взгляды на проведение этого праздника.

Абу Райхан Бируни в своей книге «Памятники древних народов» описывает праздники разных народов и приводит следующую информацию об иранском месяце «Фарвардин Мох»: «Первый день этого месяца – Навруз. Навруз – это первый день нового года, и его персидское название требует того же значения. ... Согласно доисламским верованиям, в этот день Бог создал подземный мир, поставил над ним Каюмарса своим царём, а Навруз был его “джашни”, или священным праздником» [3, с. 253].

Есть достаточно свидетельств того, что праздник Навруз издавна существовал у всех народов Средней Азии. Учёный-энциклопедист Бируни, работавший над календарями древних народов, рассказал о согдийских праздниках, отметив, что первый день года начинается с месяца Навсард, и этот первый день отмечается как великий Навруз. В Хорезме этот день приходился на первый день месяца Новсорджи [3, с. 279–280].

В наше время этому национальному празднику уделяется большое внимание, и отмечается он в разных регионах. В частности, с приходом весны во всех районах Бухарской области и молодые, и старые с нетерпением ждут этого праздника и готовятся к нему. Обряды, связанные с Наврузом, можно разделить на два типа: предпраздничные и послепраздничные. Предпраздничные мероприятия включают в себя подготовку к сбору урожая, уборку улиц, дворов, святынь и могил, а также приготовление праздничных обедов.

Люди стараются встречать Новый год с очищением. При этом все оросительные сети будут очищены от грязи хашаром, а водоточки сглажены. Наши предки издавна проводили обряды жертвоприношений, намереваясь обильно напиться жидкостью в новом году ранней весной. Эти традиции до сих пор не утратили своего значения. По древнему поверью нашего народа праздник Навруз начинался в последнюю ночь месяца хут (21 февраля – 21 марта) с проведения в семейном кругу ритуала «казан тулди» («наполнение котелка»). Это чисто семейная традиция, в которой каждое домашнее хозяйство готовит деликатесы в меру своих возможностей и угощает соседних детей пирожками. Вечером происходит «наполнение котелка», все сосуды наполняются водой. Согласно распространённому мнению, сосуды, наполненные водой, были наполнены благословениями по милости Бога. Считается, что в этот вечер, если каждое домашнее хозяйство наполнит свои казаны и приготовит вкусную еду, то в следующем году будет много урожая. Историческая основа этого обычая связана с праздником Хамаспатмаэдая, который записан в Авесте. В древности этот ритуал был связан с посещением хорошими духами дома, где они жили в канун Нового года [4, с. 333]. Украшение праздничных столов также было связано с домашними делами. Например, в то время как крестьянский стол был заполнен сельскохозяйственными товарами, пастуший стол был заполнен мясными и молочными продуктами.

Накануне Навруза крестьяне раскладывали семена пшеницы, ячменя, риса, овса, проса, ржи, фасоли на семи досках и каждый день поливали водой. В день «наполнения котелка» они смотрели на рост этих зёрен и гадали, какие из них принесут хороший урожай в следующем сезоне. Этот обычай впервые практиковался в королевском дворце в период Сасанидов, когда люди предсказывали наступление Нового года. В дополнение к этому, делались различные догадки, пророчества о наступающем году, в зависимости от того, в какой день недели 21 марта и с какого животного начинается Навруз. В то же время первые дни Нового года также сигнализировали о том, как наступит Новый год. Например, в Азербайджане первый день Навруза означает весну, второй день – лето, третий день – осень, а четвёртый день – зиму. Подобные взгляды были и у земледельцев Бухарского оазиса. Ежегодно, в канун Навруза, на печах готовят сумалак, халим и другие весенние блюда.

Самым распространённым из этих блюд является сумалак, а само приготовление его – особым ритуалом. Слово «сумалак» происходит от древнетюркского слова «сума», означающего «ячмень, собранный для получения сока», или пшеницу. Мухаммад Хусейн Бурхан в книге «Бурхани Котэ» объясняет: «Саману – это что-то вроде холвайтара, приготовленного из сока проросшей пшеницы» [5, с. 37].

Поскольку в день Навруза людям было запрещено заниматься какой-либо работой, то молодёжь и старики старались отметить этот день празднично. Согласно «магии первого дня», существующей у народов мира, одно и то же настроение сопровождает людей в течение года, когда отмечается первый день Нового года [6, с. 134]. Рано утром в день праздника люди вспоминали своих умерших предков, посещали святые места-могилы, своих родителей, родственников. Затем они шли в парк отдыха. Спектакли были разные: детские, борцовские, акробатические и длились до вечера. Ребята били раскрашенные в разные цвета яйца и проводили соревнования по метанию листьев.

Издавна праздник Навруз заканчивался посевом семян на полях в сельской местности. Эти ритуалы также состоят из нескольких этапов, таких, как «шохмойлар», «уруг сепиш», «кош оши». Исторические корни этих церемоний восходят к концу третьего тысячелетия и к началу второго тысячелетия до нашей эры и связа-

ны с древними верованиями, проводившимися в определённые дни недели.

В день, когда на поле был вынесен первый плуг, в честь Баба-дехкана приносили в жертву барана и готовили «кош оши», «кош гужа» и «навруз гужа» в качестве церемониальной трапезы [7, с. 63]. Только после благословения старейшего дехкана они начали работать, прося у Бога обильного урожая. Одно из блюд, например, плов или суп, готовили из мяса жертвенного животного. Рога и шеи быков были помазаны жиром и маслом дня «казан тулди» («наполнение котелка») [8, с. 174].

В общем, церемонии, называемые «кош чикариш», «шохмойлар», «кош оши» и «уруг сепиш», были для дехканов первыми рабочими днями нового года, и по «магии первого дня» люди пытались встретить этот день как можно более радостно [6, с. 135]. Анализируя празднование Навруза, имеющего тысячелетнюю историю, мы можем увидеть следующие общие черты церемоний, связанных с ним, у разных народов мира: зажигание огня; окропление водой друг друга; прогнозы и пророчества; питьё абрикосового сока или воды; церемония «казан тулди»; привычки, связанные с приготовлением и окраской яиц в разные цвета; посещение высот, холмов, гробниц, святых мест; посещение друг друга и родителей; устройство качелей для девочек; загородные прогулки; борьба и т. д.

И хотя этот праздник унаследован от более древних культур и не связан напрямую с исламом, он, действительно, широко отмечается в мусульманском мире. В 2009 г. Навруз был включён ЮНЕСКО в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. С этого времени 21 марта объявлено Международным днём Навруза и является официальным праздником во многих странах.

Итак, в основе всех вышеупомянутых традиций, связанных с Наврузом, лежит единственное благородное намерение народа – надежда на то, что Новый год будет годом продуктивности, изобилия, мира и процветания в стране. Как яркий пример мировоззрения наших древних предков, их высокого духовного уровня Навруз открывает весенние обряды и охватывает собой весь сезон. Наряду с возрождением природы и жизни, Навруз веками был символом чистоты и радости, духовности и солидарности, национальной гордости и самосознания. Это прекрасный пример родства всех народов мира.

Список источников и литературы

1. *Киргуева З.* 22 марта – самый старый новый год // Сетевое издание «Информационный интернет-портал ООО АОК “Панорама”». – Режим доступа: <https://www.panoram.ru/news/culture/22-marta-ndash-samyu-staryu-novuu-god/#> (дата обращения: 20.04.2021).
2. *Жабборов И., Жабборов С.* Жаҳон динлари тарихи. – Тошкент: «Ўзбекистон», 2002. – 224 с.
3. *Абу Райҳон Беруний.* Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар. – Тошкент: «Фан», 1968. – 487 с.
4. *Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справ. разд. И. В. Рака.* – СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997. – 480 с.
5. *Исоқов Б., Исоқова Н.* Анъаналарни абадиятга айлантирган айём. – Наманган: «Фаҳризода», 2013. – 64 с.
6. *Аширов А. А.* Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. – Тошкент: «Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон миллий кутубхонаси нашриёти», 2007. – 276 с.
7. *Қурбонова М. Б.* «Наврўз гўжа» воҳа маросимий таоми сифатида // Бухоро тарихи масалалари (энг қадимги замонлардан ҳозиргача). Республика илмий-амалий анжуман материаллари. – Бухоро, 2017. – 166 с.
8. *Шаниязов К.* К этнической истории узбекского народа. – Ташкент: «Фан», 1974. – 346 с.

Халимов Талғат Тураевич – учитель, Бухарский государственный университет (Бухара, Узбекистан)

С. Дж. Атдаев

ОБРАЗ ГЛАШАТАЯ «ДЖАРЧИ» В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ ТУРКМЕН

Джарчи – это вестник, глашатай. В туркменских эпосах и сказаниях джарчи объявляет о предстоящих скачках и свадьбах, призывает в военные походы и озвучивает приказы ханов. Джарчи был связующим звеном и необходимым элементом организации общества, и ни одно крупное событие или происшествие не проходили без его участия.

Ключевые слова: джарчи; приказ; меджлис; базар; свадьба; праздники.

S. J. Atdaev

THE IMAGE OF THE HEADER 'JARCHI' IN THE HISTORICAL PAST OF TURKMEN

Jarchi is a messenger, a herald. In the Turkmen epics and legends, the jarchi announces upcoming races and weddings, calls for military campaigns, and voices the orders of the khans. Jarchi was a connecting link and a necessary element of the organization of society, and not a single major event or incident took place without his participation.

Keywords: jarchi; order; mejlis; bazaar; wedding; holidays.

Жизнь размеренно проходит,
Ждут сельчане у арчи
Весть благую, что доносит
Зычным голосом джарчи.

С. А.

В тюркских языках основу термина *джарчи* (вестник) составляет слово *джар*, отсюда производные: *джарлык* (ярлык, грамота), *чарла* (клич, извещение) и т. д. [1, с. 18]. В туркменском языке термин *джар* (*jar*) означает – клич: *джар болмак* (*jar bolmak*) – стать известным; *джар чекмек* (*jar çekmek*) – огласить; *джар этмек* (*jar etmek*) – известить. *Джарчи* (*jarçy*) переводится как глашатай, *джарчилик* (*jarçylyk*) – глашатайство [2, с. 617]. О термине *джарчи* у туркмен писал русский востоковед П. П. Шимкевич (1856–1900), в своей работе «Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области» [3, с. 141].

В средневековых произведениях туркменских авторов слово *джарчи* и производные этого слова передаются в разных вариантах: *гыгырычы* – вестник (*guguguşy* – словарь ибн Муханны, XIII в.),

хатыф – посланник Аллаха (*hatyf* – диван Бурханеддина Казы, XIV в.), *джар* – глашатай (*jar* – словарь «Абушка», XVI в.), *джар эт* – сообщать (*jar et* – диван Бурханеддина Казы, XIV в.), *джар айле* – оповещать (*jar eyle* – диван Бурханеддина Казы, XIV в.), *тартыджы* – глашатай (*tartygçy* – словарь Махмуда Кашгарли, XI в.), *тевячи* – вестник (*tewäçi* – словарь «Абушка», XVI в.) [4, с. 340, 359, 403, 731, 754]. В стихах классика туркменской поэзии Махтумкули (1724–1807) встречается слово *деллал* – глашатай, посредник (*dellal*) [5, с. 144].

Глашатаи присутствуют во многих туркменских сказаниях. В огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» один из героев по имени Бейрек обозначен титулом «глашатай остальных огузов» [6, с. 30, 39, 58]. Глашатаи фигурируют в «Огуз-наме» [7, с. 79]. В туркменском эпосе «Гёроглы» джарчи объявляют о скачках, свадьбах, призывают в военные походы и озвучивают приказы ханов [8, с. 229, 231, 323, 345, 465].

Джарчи часто упоминаются в исторических источниках. Старший из глашатаев носил титул *джарчи-баши*, в обязанности которого входило передавать приказы военачальникам, государственным чиновникам и шахские указы – народу. Джарчи-баши восседали в джарчи-ханэ – управлении публичными глашатаями. Джарчи-баши занимали достойное место при дворах восточных правителей.

Джарчи объявляли милость правителей к покорённым народам. Средневековый автор Бейхаки (995–1077) пишет, что туркменский правитель из рода сельджуков Тогрул-бек (1038–1063), после завоевания им Нишапура, обратился к местной знати, заверив их, что сделает всё для укрепления покоя и порядка в городе. Затем глашатаи прошли по базарам, разъясня положение вещей, и «простой люд успокоился» [9, с. 271]. Историк XIII в. ар-Равенди так писал впоследствии о завоевании Нишапура туркменами-сельджуками: «Жители Нишапура были в тревоге, однако глашатай прокричал по улицам, что сельджуки никого не обидят» [10, с. 353].

Подобная ситуация описана и при захвате туркменским правителем Надир-шахом (годы правления 1736–1747) города Кабула. Государь пощадил горожан и их имущество, приказав, чтобы громкоголосые джарчи озвучили его строгий приказ: если кто-нибудь из его воинов совершит убийство или ограбление жителей Кабула, того он предаст казни [11, с. 49]. То же самое наблюдалось и при

захвате индийского города Джеханабад. Когда начались убийства и грабежи жителей, индийские правители обратились за помощью к шаху. Последний через своих джарчи отдал приказ, чтобы его воины не беспокоили граждан города и отпустили взятых в плен женщин и детей [11, с. 164].

Через глашатаев-джарчи таваджи (*тевячи, тевечи*) объявляли подготовку к бою и другие военные организационные указания [12, с. 77]. Персидский историк XIII в. ал-Джуджани писал, что гуридский правитель Султан Ала-ад-дин (1149–1161) затеял ссору с туркменским султаном Санджаром (1118–1157). Когда последний выступил против него, Ала-ад-дин отступил до города Наб в долине Герируда. Здесь он приказал затопить земли в тылу своего войска и объявил через глашатая: «Тот, кто захочет бежать назад, увязнет в глине» [13, с. 440].

Также джарчи участвовали в шахской охоте. Когда воины Надир-шаха базировались в Лахоре, в один из дней они услышали крик *чаушей* (слуг-телохранителей) и джарчи: «Дур баш!», что означало, что правитель выезжает из крепости на охоту [11, с. 103].

Сведения о джарчи продолжают встречаться и в материалах XIX в. В архиве хивинских ханов XIX в., в перечне туркменских землевладельцев, упомянуто имя – Шукур-Берды джарчи [14, с. 305]. Побывавший в Туркменистане генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг (1800–1878) отмечал, что все пожелания или приказания всегда объявлялись народу через глашатая [15, с. 64]. При назначении нового хана, последний обычно устраивал для населения жертвенное угощение – «*худай-ёлы*». По его велению резали несколько баранов, варили мясной суп – *чорба*, а затем посылали джарчи для приглашения людей на празднество – *той* [16, с. 146].

Роль джарчи была особо заметной в военном деле и охранной службе. В записках капрала французской армии, художника и топографа *Жоржа Анри* Гулибефа де-Блоквиля описывается организация военной экспедиции у туркмен. Предводитель набега – сердар, извещал через глашатая о предстоящем набеге и организовывал сбор в условленном месте [17, с. 276]. По сообщению корреспондента британской газеты «*Daily News*» Эдмонда О’Донована (1844–1883), за порядком в Мерве следила местная полиция численностью до 2000 бойцов-ясаулов (*yasawul*), базировавшихся под стенами крепости Говшут-хан-кала. По приказу ясаул-баши глашатай бросал

ключ к готовности, и джигиты немедленно скакали вперёд, готовые настичь нарушителей общественного спокойствия [18, р. 165].

Глашатаи первыми сообщали о решении народного собрания – меджлиса. Присутствовавший на одном из подобных собраний Донован писал, что после принятия собранием важного вопроса, традиционно выступили поэты, а затем глашатаи сообщили решение меджлиса, за что получили определённую плату [18, р. 284]. В обязанности глашатаев был призыв на общественные работы. По данным Донована, во время укрепления крепости Говшут-хан-кала, каждое утро на рассвете раздавался крик глашатая, который обходил дома, собирая людей для работы [18, р. 377].

Образ джарчи традиционно больше связан с базаром. Посетивший мервский базар Донован, писал, что глашатай, взобравшись на глиняную стену, сообщал о том, что творится на рынке. Если это объявление исходило от хозяина мясной лавки, то джарчи извещал о свежей баранине, которую можно приобрести здесь по сниженной цене. Если это была информация о пропаже ребёнка, то джарчи приводил детальное описание его одежды и внешности [18, р. 334]. В некоторых случаях кто-то мог забить овцу, отложить часть мяса на свои нужды и отправить глашатая по селу, с сообщением о его готовности сбыть излишки по умеренной цене [18, р. 339].

Джарчи продолжали практиковать свою деятельность и в начале XX в. Российский и советский востоковед, академик А. Н. Самойлович (1880–1938), проведший ряд полевых исследований в Туркменистане, отмечал, что джарчи имели хороший заработок на базарах, куда народ съезжался со всей округи, и где при помощи джарчи особенно удобно было наводить всякие справки и распространять разные вести. В своих записях за 1906 г. А. Н. Самойлович отмечал, что на текинском базаре в городе Мерве для джарчи имелось специальное глиняное возвышение цилиндрической формы. На него взбирался пожилой глашатай, обычно бедно одетый, который надорванным голосом выкрикивал заказанную ему речь. Кто-то просил объявить о своём потерянном животном, кто-то искал работу, а кто-то просто желал услышать весть о предстоящем празднике (*мое*) по случаю обрезания сына или установке новой кибитки. Труд глашатая вознаграждался грошами, которых за день ему перепало немало [19, с. 124].

В материалах о восстании 1916 г. в Средней Азии говорится, что, согласно плану принудительного набора рабочих от населения

Тедженского уезда Закаспийской области, местная администрация с соответствующим конвоем объезжала аул и через джарчи объявляла о принудительном наборе рабочих [20, с. 71].

Туркменский историк и этнограф Г. И. Карпов (1890–1947) в своих исследованиях отмечал, что джарчи не имел жалования, а получал одновременные вознаграждения во время праздников (тоев), а также за объявления о потерянных вещах и других подобных услугах [21, с. 9]. Русский советский писатель П. А. Павленко (1899–1951), совершивший летом 1930 г., вместе с творческой бригадой, поездку по Туркменистану, отмечал, что видел, как на мервском базаре глашатай пел декреты новой власти. Население слушало его как певца и легко запоминало «руководящие мысли» [22, с. 28].

Местное население с особой радостью ждало от джарчи приятных вестей. Донован сообщал, что если в ауле происходило какое-нибудь важное событие, или их село навещала очень видная и значимая личность, то это явление находило отражение в именах новорождённых детей [18, р. 411]. Особую роль джарчи играли на свадьбах. Туркменская пословица гласит: «Дом невозможен без грани, а свадьба без глашатая» (*Bir gyraňsyz öý bolmaz, bir jarçysyz – toý*) [23, s. 209]. О роли джарчи на свадьбах упоминается в народном эпосе «Гёроглы». Глашатаи не только объявляли о предстоящей свадьбе, но даже давали сигнал об её окончании (*Toý aman sowuldy – diýip, jarçu gygyrды. Märekedargamagabaşlady*) [8, s. 231].

В эпосе «Гёроглы» также описывается, как джарчи заранее объявляли о предстоящих скачках [8, s. 229]. Джарчи объявляли и о предстоящих соревнованиях борцов – гореш (*göreş*), и о призах, выдаваемых победителям. А. Н. Самойлович отмечал, что однажды был свидетелем свадьбы (*тоя*) под Мервом. Видную роль во время скачек и борьбы силачей (*пяльванов*), а также на многолюдных собраниях и во многих других случаях туркменской жизни играли глашатаи-джарчи. Они приглашали представителей разных родов участвовать в этих состязаниях [24, с. 188].

Если аульному старшине нужно было объявить приказ или кто-либо решил пригласить своих односельчан на общественную трапезу (*худай йолы*); если у кого-нибудь пропала какая-то вещь – все обращались к услугам джарчи. А. Н. Самойлович приводит два примера обращений джарчи, записанных им в ауле Багыр, в июне 1902 г. В первом случае глашатай передал народу приказ асхабадского начальства, которое предполагало на следующий день в ауле

Гёкча опрос туркменов о потерях от саранчи. Обращение было таким: «От каждого „серкара” (артель водовладельцев) по человеку завтра должны отправиться в Гёкча. Не говорите, что не слышали. Три рубля штрафа придётся отдать, хоу!» [19, с. 124]. Во втором случае, джарчи сообщал, что на берегу канала Патша-су был забыт мешочек для чаю. Нашедшему этот мешочек предлагалось вернуть находку за вознаграждение в размере одного «крана», т. е. 20 копеек [19, с. 124].

Вышеприведённые материалы показывают нам, что глашатайством занимались чаще пожилые люди, вынужденные делать это по нужде. По замечанию А. Н. Самойловича, глашатаями были обычно дряхлые старики со слабым голосом и невнятным, шамкающим произношением [19, с. 125]. Туркменская пословица гласит: «Если дело доброе, не переживай, что стал глашатаем» (*Haýyrlyşejarçybolsaň gupanma*) [23, с. 209].

При военных действиях должность джарчи занимал тот, кто обладал хорошим, мощным голосом, но не владел военными навыками. То есть, роль глашатая не была столь популярной среди воинов. В мирное время глашатаи чаще совмещали свою работу с караульной службой (*garawul*). И здесь мы видим не столь высокое социальное положение глашатаев. Туркменская пословица гласит: «Когда раб состарится, то станет джарчи, когда рабыня состарится, то станет гадалкой» (*Gul garrasa, jarçy bolar, gyrnak garrasa – palçy*) [23, с. 209].

И всё же роль джарчи в туркменском обществе была заметной. Его должность была выборной, и назначался он аксакалами аула [21, с. 9]. Ни одно событие или происшествие не проходили без его участия, будь то события военного характера или явление мирного времени. Джарчи являлся неотъемлемой частью социума. Его образ часто фигурирует в народных рассказах, сказках и дестанах. Он декларирует шахские указы [8, с. 345, 465] и повеления [25, с. 342], призывает в военные походы [25, с. 323, 325], зазывает на свадьбы [25, с. 133, 140].

Джарчи являлся нераздельной частью туркменского общества. Все свежие сообщения и известия общество узнавало через него. Джарчи оповещал о радостных событиях и предстоящих торжествах. Его голос призывал на общественные работы или извещал о победе над врагом. В туркменских эпосах и сказаниях джарчи объявляет о скачках, свадьбах, призывает в военные походы и озву-

чивает приказы ханов. Вся новостная информация и связь передавалась непосредственно через него. Ни одно событие или происшествие не проходили без его участия, будь то инцидент военного характера или явление мирного времени. Джарчи был связующим звеном и необходимым элементом организации общества.

Список источников и литературы

1. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтуркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – М.: Наука, 1989. – 292 с.
2. Türkmen diliniň düşündirişlisözlügi. Ikitomluk. Itom. A-Ž. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy. 2016. – 646 s.
3. Шимкевич В. Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области. – Асхабад: К. М. Федоров, 1899. – 168 с.
4. Gadymy türkmen diliniň sözlügi. – Aşgabat, 2007. – 934 s.
5. Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. 1 bölüm. A-J. Günbed Kabus. 1997. – 190 s.
6. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. – СПб.: Наука, 2007. – 300 с.
7. Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. – Баку: Элм., 1987. – 128 с.
8. Görogly eposy. Türkmen halkynyň gahrymançylykly dessany. Aşgabat: Türkmenistan, 1980. – 563 s.
9. Бейхаки. Извлечения из «Тарих-и-Бейхаки» Абу-л-Фазля Бейхаки. // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. – М.: Ин-т Востоковедения, 1939. – С. 234–308.
10. Ар-Равенди. Извлечения из «Рахат ас-судур» ар-Равенди // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. – М.: Ин-т Востоковедения, 1939. – С. 350–358.
11. Петров П. И. Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (Извлечение из Та'рих-и-аламара-йи надири). – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 214 с.
12. Атнаев С. Из истории почтовой службы у туркмен // Культурное наследие. – Нур-Султан, 2020. – № 4 (91). – С. 75–92.
13. Ал-Джужджани. Извлечения из «Табакат-и-насири» Минхадж-ад-дина ал-Джужджани // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. – М.: Ин-т Востоковедения, 1939. – С. 438–442.
14. Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 442 с.
15. Бларамберг И. Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1978. – 357 с.
16. Карпов Г. И. К истории туркмен али-эль (ала-эль) // Советская этнография. – 1947. – № 3. – С. 145–149.

17. *Блоквиль Г. Г.* Четырнадцать месяцев плена у туркменцев: (записки Генриха Гулибефа де-Блоквиля) // Учёно-литературное прибавление к Биржевым ведомостям. – 1866, июнь-июль. – Отд. 2. – Гл. 1–2. – С. 51–77; Гл. 3. – С. 258–281. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000623499> (дата обращения: 07.04.2021).
18. *O'Donovan E.* The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879-80-81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". – Vol. II. – G. P. Putnam's Sons, New York. – 1883. – 500 p.
19. *Самойлович А. Н.* Этнографические мелочи из дневников путешествовавшего по Туркмении // Живая старина. – Вып. 1. – СПб., 1908. – С. 122–125.
20. Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). – Ашхабад: Туркмен. Гос. изд-во, 1938. – 317 с.
21. *Карпов Г. И.* О туркменских ханах, сердарах, аксакалах, мирабах, джарчи и др. в Ахале (XIX в.) [Рукопись]. – Ашхабад, 1939. Рукопись. – 105 с.
22. *Павленко П. А.* Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. Очерки 1930–1951. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. – 543 с.
23. Türkmen halk nakyllary. – Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2005. – 648 s.
24. *Абрамзон С. М.* А. Н. Самойлович – этнограф // Тюркологический сборник. 1974. – М.: Наука, 1978. – С. 169–197.
25. Türkmen halk ertekileri. (Jadyly ertekiler). – Aşgabat: Türkmenistanyň milli medeniýet «Miras» merkezi, 2006. – 392 s.

Атдаев Сердар Джумаевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

А. А. Газиева, М. М. Гасанов

КАВКАЗСКАЯ КОРДОННАЯ ЛИНИЯ: К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ АККУЛЬТУРАЦИИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТИРЕ

В статье делается попытка освещения некоторых вопросов аккультурации, которая проходила на кордонной линии между горской и казачьей культурами. В работе раскрываются наиболее существенные точки переплетения и взаимовлияния двух культур на кавказском фронтире. Несмотря на конфронтацию ввиду Кавказской войны, процесс аккультурации способствовал становлению добрососедских отношений между казаками и горцами, когда граница в виде укрепления становилась условной.

Ключевые слова: фронтир; терские казаки; повседневность; культурная интеграция; бытовая культура; кордонные линии.

A. A. Gazieva, M. M. Gasanov

CAUCASIAN CORDON LINE: TO THE QUESTION ABOUT SOME ASPECTS OF ACCULTURE ON THE CAUCASIAN FRONT

The article attempts to illuminate some of the issues of acculturation of mountain and Cossack cultures. The work reveals the most significant points of intertwining and mutual influence of the two cultures on the Caucasian frontier. Despite the confrontation caused by the Caucasian War, the process of acculturation contributed to the formation of goodneighborly relations between the Cossacks and the highlanders.

Keywords: frontier; Terek Cossacks; everyday life; cultural integration; everyday culture.

В современном мире крайне велика значимость культурного диалога. Фронтирная зона является контактной по своей природе. Кавказский фронтир, как и любой другой, следует рассматривать не как передний край государства и агон столкновения полярных акторов исторического процесса, а как зону смешения – территорию аккультурации, новых возможностей, перспектив.

Наиболее плодородной почвой для коммуникации – экономической, культурной – на кавказском фронтире были кордонные линии. Хотя линии были созданы для достижения цели укрепления российского присутствия на Кавказе, но «приграничный ярус был не только преградой; линейная система имела чёткие социальные, экономические, даже экологические последствия по обе стороны водораздела» [1, р. 40], то есть она выполняла совокупность соци-

ально-экономических задач, которые были намечены для реализации кавказской политики в регионе.

В процесс экономической и культурной коммуникации были вовлечены русские солдаты, казаки, горцы и переселенцы из центральных губерний империи. В процессе заимствований и аккультурации одну из ключевых ролей играли казаки-фронтирмэны (жители фронта, основообразующий элемент колонизации). Ранее других познакомились с горцами казаки Терекской линии. Сохранив за собою старинные казацкие обычаи и религиозную принадлежность, они первыми переняли элементы одежды и вооружения своих неприятелей. По примеру терских то же сделали и другие казацкие полки. В самом деле, «по одежде очень трудно отличить линейного казака от любого горца. Обязанные носить форменную одежду свою только на службе внутри империи, дома они совершенно забывают её и носят длинные черкески с широкими рукавами» [2].

Терское казачество является субэтносом, субъектом сложного и противоречивого процесса формирования северокавказской историко-культурной общности [3, с. 91], одним из ключевых акторов сложного процесса инкорпорации Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи. Терское казачество формировалось на фронтире, в иноэтнической среде, что отразилось на его материальной, хозяйственно-бытовой культуре.

Так как в ряды терских казаков принимались православные осетины, черкасы, русские [4], оно являлось продуктом этнического взаимодействия, субэтносом. Казачество принимало участие в характерном для фронтирной зоны процессе аккультурации, вбирая в себя элементы культуры соседних горских народов, параллельно оказывая влияние на культуру и быт последних. Вследствие подобного взаимодействия на фронтире возник особенный, характерный только для него уклад жизни и материальной культуры.

Процесс аккультурации на фронтире проходил особенно активно в XVIII–XIX вв. Горская культура и быт терских казаков тесно переплетались. Сближение казаков с соседями и склонность к переимчивости полезных особенностей придавали особый колорит материально-бытовой культуре кавказского фронта.

Следует отметить, что Кавказские кордонные линии, которые изначально планировались как зоны утверждения силы и власти империи, в итоге выполняли противоположную функцию. Они оказались наиболее эффективными в вопросах установления добрососед-

ских отношений, потому что создали пространство для взаимодействия, на котором с середины XVIII до середины XIX вв. различия между «русским» и «горцем» постепенно стали размытыми. По тем самым линиям, которые были предназначены для определения различий, обменивались речью и одеждой, едой и обычаями [1, р. 44].

Актеры кавказского фронта, находясь в тесном взаимодействии между собой, проявлявшемся в хозяйственных и матримониальных связях, куначестве, перенимали особенности иноэтнической среды, что выражалось в заимствовании элементов хозяйственно-бытовой жизни, одежды, пищи, обрядности. Между линиями на кордоне существовала значительная взаимозависимость. Горцы торговали с деревнями на равнинах или даже напрямую с казаками. Для реализации горцы предоставляли домашний скот, животные изделия, изделия из кожи, древесину из горных лесов и оружие (хотя последнее, в свою очередь, могло быть использовано против них) [1, р. 41].

В городах-крепостях Кавказской линии проходил процесс активного товарооборота между горцами, казаками, переселенцами и приезжими купцами. Благодаря быстро развивающейся торговле в бытовой жизни горцев появилось большое количество разнообразных товаров как российского, так и зарубежного производства. Кавказский регион постепенно втягивался в торгово-экономическое пространство Российской империи.

Способствовала процессу аккультурации и взаимовлиянию практика межнациональных матримониальных связей. Смешанные браки между казаками и коренными женщинами были традиционным явлением. Похищение невест было обычным делом. Потомки этих союзов позиционировали себя либо горцами, либо казаками, в зависимости от индивидуальных обстоятельств; обычно подобное самоопределение шло по отцовской линии.

Казаки, переселенцы, особенно в начальный период своего присутствия, охотно женились на женщинах местного происхождения, по сговору либо увозя их из родных аулов. В свою очередь, горцы нередко спускались к городам и деревням и увозили женщин с целью замужества или продажи татарину или османскому торговцу рабами [1, р. 42]. В результате матримониальных отношений на фронтире возник особый фенотип, присущий Кавказскому фронтиру. И. Березин, побывавший в Дагестане в начале 1830-х гг., отмечает, что увидел здесь «“безукоризненного горца”, который на поверку оказался русским офицером» [5, с. 15].

Обрядовая культура также заимствовалась. Заимствовали и приспособивались к кавказской обрядово-бытовой действительности русские солдаты и казаки, которые быстро перенимали нравы и обычаи соседних народов [6, с. 195]. Схожим среди горцев и казаков был обряд взаимопомощи (*билка* у народов Дагестана) при проведении крупных работ – строительстве дома, сборе урожая и прочих хозяйственных делах. В из жизненную практику вошли следующие традиции – *билка* (обряд взаимопомощи), *барымта* (ответный набег за разорение и разграбление, возмездие), *куначество* (дружба, побратимство) и др.

Вблизи кордонных Линий правительство разрешало селиться, а иногда и само расселяло аулы мирных горцев, так как, по их мнению, «не стесняемые в своих обычаях, покорные туземцы не только исполняют многие приказания начальства для пользы наших дел на Кавказе, но и по необходимости, улучшая свой быт, доставляют весьма важные выгоды» [7, с. 52].

Заселение горцами казачьих станиц приводило к большему сближению казаков с соседями и к «переимчивости полезных особенностей у них», придавало отдельным из них колорит, особенно в укладе жизни, в обрядах, в песнях [8, с. 13].

В результате коммуникации с русским военным и гражданским населением, казаками у горцев происходили перемены в области домашнего хозяйственно-бытового уклада и материальной культуры. В постоянное пользование вошли следующие элементы культуры: русская печь, высокий стол, стулья, самовар, фарфоровая и фаянсовая посуда, зеркала, часы и другие бытовые предметы, застеклённые окна [9, с. 88]. В свою очередь, офицеры на кордонной линии приобретали у горцев бурки, папахи, башлыки, кинжалы, шашки и др. Русские солдаты приобщались к кавказской кухне.

Множество аспектов соприкосновения и взаимовлияния на Кавказском фронте способствовали тому, что на этой территории сложился особый тип культуры, который возник в результате коммуникации между населением. Несмотря на то, что Кавказские кордонные Линии были задуманы как граница между «своими» и «чужими», в результате последующей гражданской колонизации региона и процессов коммуникации между этносами и конфессиями, они выполняли роль территории аккультурации. Понимание значения этого процесса уходит вглубь истории. История Кавказа – это бесконечная череда культурных контактов, в результате которых

закладывался фундамент межкультурного диалога, коммуникации и культуры добрососедства.

Список источников и литературы

1. *King, Charles*. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. – N. Y.: Oxford University Press, 2009. – 314 p.
2. *Потто В. А.* Воспоминания о закавказском походе // Библиотека «Вехи». – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Potto_V_A/text1.htm (дата обращения: 02.05.2021).
3. *Гарунова Н. Н.* Административная и культурная роль городов-крепостей в политике России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX века. – Махачкала: «Радуга-1», 2008. – 303 с.
4. *Потто В. А.* «Кавказская война» (в 5-ти томах). Том 1. От древнейших времён до Ермолова // Электронная библиотека «Вехи». – Режим доступа: <http://www.vehi.net/istoriya/potto/kavkaz/11/html> (дата обращения: 15.04.2021).
5. *Виноградов А. В., Виноградов В. Б.* Дань лермонтовской судьбе: (Ист.-литературовед. этюды). – Армавир: [б. и.], 2004. – 44 с.
6. *Пылков О. С.* Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). – Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. – 248 с.
7. Левое крыло Кавказской линии, Терская область, Прикаспийский край (Дагестанская область) Лезгинская кордонная линия // Сб. док. Отдел редкой книги ИИАЭ ДФИЦ РАН. Б.м., б.г. 752 с.
8. *Максимов Е.* Терское казачье войско // Терский сборник. Вып. 1. – Владикавказ, 1890. – 167 с.
9. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.

Газиева Абидат Абдулаевна – младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, проректор по учебной работе Дагестанского государственного университета (Махачкала)

М. А. Мубинов

ДИПЛОМАТИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ С ГОСУДАРСТВАМИ ВОСТОКА В СВОЕЙ БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

В данной статье проанализированы дипломатические отношения среднеазиатских ханств с государствами Востока во второй половине XVIII – конце XIX в. Рассмотрены сведения по историческим источникам о месте среднеазиатских ханств в системе международных отношений, о связях с Российской империей, Османской империей, Китаем, Ираном.

Ключевые слова: дипломатия; политическое положение; субъект; посольство; эмир; хан; военные действия; международные отношения.

М. А. Mubinov

DIPLOMACY OF THE EASTERN STATES AND CENTRAL ASIAN KHANATES IN THE STRUGGLE FOR INDEPENDENCE

The article provides a scientific analysis of the diplomatic relations of the Eastern countries and the Central Asian khanates from the second half of the 18th century to the end of the 19th century. There is information about the role of the Central Asian khanates in relations with the Russian Empire, the Ottoman Empire, China, and Iran.

Keywords: diplomacy; political situation; political subject; embassy; emir; khan; military operations; international relations.

The foreign policy and diplomatic activity of the Central Asian khanates in the first half of the 17th – 19th centuries testifies to the fact that the khanates were full and independent subjects. At the time of the formation of the khanates, active political, socio-economic processes were taking place in the territory of Movarounnahr. The activity of the Emirate of Bukhara before the Russian invasion has great importance.

Great achievements are being made in the study of the history of the Bukhara Emirate, which has aroused special interest in world historiography, and in the expression of scientific and objective analytical views. Establishing foreign political and economic relations with the Emirate of Bukhara, conducting trade was important for Britain, Germany, Russia, Turkey, Iran, and these foreign relations were very important.

Diplomatic relations between the countries of the East and the Central Asian khanates on the eve of the invasion of the Russian Empire were bilateral and multilateral on the basis of equality. As early as the reign of

Peter I (1689–1725), the Russian Empire began to take practical steps to conquer Central Asia. Some articles on the history of Central Asian-Russian relations state that Peter I had a will in the spirit of aggression, which was followed and acted upon by subsequent Russian rulers.

In 1876, the full text of the secret testament was published in “The testament of Peter the Great or the Key to the Future”. Turkish scholar Najeeb Fazil noted in his book that he took the text of the will from this source and quoted it. Peter I's testament consisted of 14 clauses, which provided not only for the conquest of the East, but also for the disintegration of Europe. Paragraph 9 of the will defines the territories to be conquered in the East. There was given: “It is necessary to get as close to Istanbul and India as possible. Whoever conquers Istanbul and India will be the ruler of the world. For this, Russia must constantly wage war with both Turkey and Iran. Then it is necessary to build military ports on the Black Sea coast. Along with this sea, it is necessary to be the master of the Baltic Sea. Both are important for the implementation of the plan and provide a place to prepare for a military campaign. In order to occupy the Persian Gulf, it is necessary to accelerate the decline of Iran. If possible, Russia's old trade with the Middle East should be revived through Syria, and efforts should be made to seize India, the world's treasure. If we can achieve this goal, we will no longer need British gold.” In fact, the road to India passed through Central Asia and Afghanistan. The implementation of the will of the founder of the Russian Empire was reflected in practice in the 19th century.

In the second quarter of the 18th century, the Emirate of Bukhara established diplomatic relations with several foreign countries. In particular, in 1779, the Emir of Bukhara Daniel appointed Ernazar Maksud as ambassador to Russia and the Ottoman Empire. He needed to strengthen mutually beneficial relations with the Ottomans and Russia. The ambassador of Bukhara is well received by Catherine II and the Turkish sultan Abdulhameed I. They talked about Bukhara-Ottoman, Bukhara-Russian relations [1, p. 95]. In 1783–1784, Emir Daniel sent ambassadors led by Muhammad Sharif to Abdulhamid I (Istanbul) for the second time. The Ottoman sultan sent a reply letter through Muhammad Sharif. In 1786, Sultan Abdulhamid I sent ambassadors to Bukhara under the leadership of Alamdor Mahmud Said aga. Because Ottomans were dissatisfied with the Treaty of Kuchukkaynarja signed with Russia in 1774. According to the treaty, the Ottoman sultan Amir Shah Murad (1785–1800) sought both political and moral support against Russia in order to retake Crimea, which had passed to Russia. It is obvi-

ous that the Emirate of Bukhara at that time was an independent and powerful state, fully independent in foreign relations. In fact, in 1786, Amir Shah Murad sent ambassadors to Russia, led by Polvonkul Kurchi, to resolve the Russian-Iranian conflict and prevent the Russo-Turkish war. In addition, Amir Shah Murad protested against Russia's rule over the Kazakh Juz and sent a letter to the Kazakh Juz dancers through his ambassadors [2, p. 74–75]. These data show that the emirs of Bukhara began their actions against Russia at a time when there was no threat of Russian invasion.

In the first half of the 19th century there were attempts to bring Bukhara-China relations closer. These actions were carried out by the people of Bukhara. In particular, the Emir of Bukhara Haydar (1800–1826) in 1816 sent an ambassador to the Manchu official office in Kashgar in order to establish mutual political and trade relations between the two countries. According to the rules of diplomatic relations between the Central Asian states, the ambassador was accompanied by a letter and gifts from the Emir. Although there was no official response from the Chinese government in Manchuria, trade and economic ties between Bukhara and China continued. Thus, the Central Asian states continue to trade with their neighbors in all political and economic situations. Among these countries, the foreign trade of the Emirate of Bukhara with China is developed [3, p. 178–179].

The foreign relations of the Bukhara Emirate became more active in the early 19th century. The foreign policy of the Emirate of Bukhara is described in Chapter 13 of the book "Central Asia", published in 1969 in New York by Professor G. Hembley of El University, on the history of the Uzbek khanates. This book describes the administrative-territorial structure of the Emirate of Bukhara, foreign diplomacy, trade relations. In 1969, James Lant's book "Alexander Burns in Bukhara" was published in London. There were given informations about Bukhara-Russia-Turkey-Iran relations [4, p. 42].

During the reign of Amir Nasrullo, the Emirate of Bukhara was reformed, and the emirate's external influence and military power increased significantly. However, after the victory of the Emir of Kabul Dostmuhammadkhan over the British in 1845, he recaptured the territory once centered in Balkh, which was once occupied by Amir Shah Murad. After that, the emirs of Mangit engaged in political activities in order to establish their rule in Central Asia. Muhammad Hakimkhan Tora's work "Muntahab at-tavarih" describes the Bukhara-Kokand relations and the events of this period. The play depicts the conquest of Jizzakh by the armies of the Emir of Bukhara,

the march towards Kokand, the defeat of the armies of Kokand khan Muhammad Ali khan. According to Mulla Alim Mahdum Haji's "History of Turkestan": The Emirate of Bukhara established political relations with Iran in the 30s of the 19th century, and in 1834–1835 Abdusamad Tabrizi from Iran was invited to Bukhara. In the war against Kokand, Abdusamad Tabrizi led the Amir's artillery. According to N. Khanikov's book "Description of Bukhara Khanate": "In the autumn of 1841, the Emir of Bukhara mobilized about 1,000 soldiers, 30,000 Uzbek troops, a large army with 11 artillery pieces to Kokand. Kokand has been occupied." Thus, in 1842, the Emir of Bukhara conquered a large part of Movarounnahr, and the Emirate began to play an important role in foreign policy.

In the first half of the 19th century, the Russian Empire approached the borders of the Bukhara Emirate, Kokand and Khiva khanates, and the Kazakh states of the Big Juz, the Middle Juz and the Small Juz were included in the empire. The city of Orenburg became a stronghold of the Russian Empire's military operations, strategic plans for the conquest of Turkestan were developed, as well as maps for military action. The khanates were alarmed by the concern of the rulers of the Central Asian khanates to take measures against the threat of invasion of the Russian Empire. On the eve of the invasion of the Russian Empire, the independent emirs and khans who ruled the region began to send ambassadors and special diplomats to British India and Istanbul (Turkey) to take advantage of the conflict between the Russian Empire and Britain and the military support of the Ottoman Empire.

Due to the contradictions between the khanates, they were unable to form a common, unified union. In particular, the sources say that the Emirate of Bukhara, Khiva and Kokand khanates rejected the offer of united struggle against a common rival. Some beys of the Kokand khanate were in conflict with Khudoyorkhan, and Qurama begy Yaqubbek with 50 navkars crossed to East Turkestan, where he formed the Yettishahar state (1865–1877) and minted coins on behalf of Khudoyorkhan's brother Mallakhon and the Turkish sultan Abdulaziz. Sent his envoys with gifts to the Ottoman ruler [5, p. 40].

The political pressure of the Russian Empire began to intensify significantly in the 50–60s of the 19th century. The ruler of Bukhara, Amir Muzaffar (1860–1885), was perplexed by the fact that the troops of the Russian Empire had conquered the cities of Turkestan, Shymkent, and Tashkent, occupying a number of territories of the Kokand Khanate and approaching the Emirate's borders.

In the summer of 1867, the Emir sent Mufti Mulla Muhammad Hodja Porso as an ambassador to the Ottoman ruler, Istanbul. On September 24, 1867, Muhammad Hodja Porso handed over the Amir's gifts and secret letter to Sultan Abdulaziz. Although the Turkish sultan expressed his sympathy for the Emirate of Bukhara, he said that he could not provide practical military assistance and could send artillery and military advisers.

He paid 50,000 rupees from the sultan's treasury and sent Hodja Muhammad Porson on Hajj [6, p. 101–105].

Amir Muzaffar sent a letter to the Queen of England informing her about human rights violations, material and moral support, and the fact that she ruled the country with justice as a ruler. A similar letter from the Emir was also sent to the Viceroy of British India, John Lawrence [5, p. 40]. The only letter of Queen Victoria of England to the Emir of Bukhara Muzaffar in 1872 has survived.

The Hungarian scholar, traveler and spy Herman Vamberi (1833–1905) also notes that in 1865–1867 the Central Asian khanates set their hopes on Britain and Turkey to escape the invasion of the Russian Empire.

On December 24, 1867, the ambassador of Bukhara presented the Emir's letter to Henry Ellab, the British ambassador to Istanbul, but he did not receive a clear answer. In the same year, the British Foreign Secretary Lord Clarendon issued a special note stating that the actions of the Russian Empire were a military aggression. However, Gorchakov, the Russian foreign minister, and Milyutin, the Russian military minister, reminded him that Anglo-Russian spheres of influence had been agreed upon in Central Asia. Due to the negative attitude of Britain and Turkey towards the Russian Empire, Gorchakov, a far-sighted politician, advocated caution. However, the Minister of Defense, Milutin, believed that drastic military action was needed.

The Emir of Bukhara not only sent ambassadors, but on February 7, 1868, the Emir and his 14 officials sent a letter to the British government, in which the Russian military occupied Jizzakh, Uratepa, Yangikurgan, and killed thousands of civilians and Muslims. stated in [7]. There is no proof that this letter was intended to draw Britain's attention to the emirate.

The ruler of the Khiva khanate, Sayyid Muhammad Rahimkhan (1865–1910), also asked for help from European countries on the eve of the conquest of the khanate by the Russian Empire. In 1872, Sayyid Muhammad Khan Feruz sent his ambassador Aminboy Muhammad oglu to the Viceroy of India, Norsbrug. The ambassador met with Lord Norsbrug in Calcutta, the headquarters of the Governor-General of India, and the letter of the khan's request for help was handed over to the British

administrator. Britain feared an open confrontation with the Russian Empire. British diplomacy took a cautious approach, fearing secession from India and the deterioration of its position in Afghanistan. Due to the above factors, the Khiva khanate was prevented from providing military assistance. Norsbrug said that the British government was sympathetic to the Khiva khanate, but could not provide open military assistance, and did not go beyond admonishing the ambassador: "You should improve relations with the Russians as much as possible and create a union of Muslim countries." Lord Norsbrug made it clear that he would not count on British help if a war broke out between the Russian military and the Khiva Khanate. [8, p. 28].

On the eve of the Russian invasion of the khanate, Khudoyorkhan (1864–1876), the khan of Kokand, sent Hodja Bek Isaac Aga to Turkey as an ambassador. The ambassador had taken with him a letter from the Turkish sultan and the British representative in Istanbul asking for military assistance. In his reply, the Sultan of Turkey said: "You have no choice but to rely on your people and your opportunities. I explained this to your ambassador Hodja Bek Isaac Aga. It is not possible to send the required cannons and cannon masters."

Based on the above details, the following conclusions can be drawn.

As noted in the historical literature of the Soviet period, the idea that the khans of Central Asia did nothing to prevent the invasion of the Russian Empire was unfounded, and the emirs and khans did their best to preserve the sovereignty of their state. The main hopes of the Central Asian khanates came from Britain (Great Britain) and the Ottoman Empire (Turkey), who sought military assistance by sending ambassadors and sending letters.

At the time of the colonization of Central Asia by the Russian Empire, the international situation was unfavorable for the khanates, Anglo-Russian, Russian-Turkish relations were strained, the Ottoman Empire became increasingly dependent on European countries, detached from the medieval caliphate. The defeat of British diplomacy in Central Asia is due to a number of factors. First, the Russian Empire was close to the khanates in relation to Britain, had military fortresses and warehouses in the border areas for military operations. Second, on the eve of Russia's invasion of Central Asia, popular uprisings in the British colonies (India, China, etc.) erupted, and confidence in the British government and diplomacy in the international arena waned. Third, in the Russian-British negotiations, the boundaries of the sphere of influence of the two countries were the right and left banks of the Amu Darya, and the demarcation line was defined as the middle of the Amu Darya.

Thus, by the second half of the 19th century, the Ottoman Empire was a relatively independent foreign policy among the countries of the East, and its territories were gradually being lost, weakened and preoccupied with their own problems. Therefore, the relationship has become formal.

In conclusion, it should be noted that the notion that the Mangit rulers of Bukhara, the khans of Khiva from the Kungrad dynasty, the khans of the thousand dynasties of Kokand did nothing against the Russian attack was incorrect. The khanates of Central Asia pursued an active foreign policy during their political activity. In expressing these views and comments, we first approached the sources from a critical perspective. Historical research in this area faces important challenges in the future.

List of used sources and literature

1. *Гулямов Х. Г.* Из истории дипломатических отношений России с Бухарским ханством XVIII в. – Ташкент: Фан, 1992. – 333 с.
2. *Rahmonqulova Z.* Buxoro amirligining diplomatik aloqalari // Jamiyat va boshqaruv. – 2002. – № 3. – Fan. – 6 b.
3. *Qoʻldoshev Sh.* Mangʻitlar davrida Buxoro-Xitoy munosabatlari // Buxoro tarixi masalalari (Respublika ilmiy-nazariy anjumani materiallari). – Buxoro, 2017. – 4 b.
4. *Avazov Y.* Buxoro amirligining tashqi iqtisodiy aloqalari (XIX–XX asr boshlari) // Moziydan sado. – 2007. – Fan. – № 1. – 5 b.
5. *Toʻxtiyev I.* Tangalar tilga kirganda. – Toshkent: Fan, 1989. – 49 b.
6. *Mehmet Saroy.* Rus ishgʻali devrinda Osmanli devletining Turkistan hanliklari orasindagi siyasi munasebetler (1775–1875). – Istanbul: Kitapyurdu, 1994. – 188 s.
7. *Sodiqov H.* Tarixning chigal soʻqmoqlari // "Vatan" gazetasi. – 1994. – № 28. – 5 b.
8. *Masharipova G., Bekchanov S., Jumaniyozov Sh.* XVI–XIX asrlarda Xiva-Rossiya munosabatlari // Xonlik tarixining baʼzi muammolari (maqolalar toʻplami). – Urganch, 2004. – 10 b.

Мубинов Мухаммадали Ақобирович – преподаватель Бухарского государственного университета (Бухара, Узбекистан)

***Историографические аспекты изучения
этнокультурной истории***

УДК 930; 902; 39

Н. А. Томилов

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В ТРУДАХ СИБИРСКИХ АРХЕОЛОГОВ
И ЭТНОГРАФОВ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX – ПЕРВЫХ
ДЕСЯТИЛЕТИЙ XXI ВЕКА**

Приводятся и систематизируются сведения о монографиях и научных сборниках по историографии и истории археологии и этнографии – изданиях последней четверти XX и первых десятилетий XXI в. российских учёных с выделением работ омских исследователей. В статью вошла краткая сводка публикаций по историографии и истории археологии и этнографии в трудах сибиреведов – а именно о историографии разных научных направлений, концепций и тематик, истории археологических, этнографических и музееведческих научных центров, научных школ, работы о деятельности учёных, об оценках результатов вышеназванных исследований омских учёных.

Ключевые слова: историография; археология; этнография; музееведение; научные центры.

N. A. Tomilov

**RESEARCH ON THE HISTORIOGRAPHY AND HISTORY
OF HUMANITIES IN THE WORKS OF SIBERIAN ARCHEOLOGISTS
AND ETHNOGRAPHS OF THE LAST QUARTER OF THE 20th –
FIRST DECADES OF THE 21st CENTURY**

Information about monographs and scientific collections on historiography and history of archeology and ethnography written by Russian scientists – editions of the last quarter of the 20th and the first decades of the 21st century – is presented and systematized, the works of Omsk researchers are emphasized. The article includes a summary of publications on the historiography and history of archeology and ethnography in the works of Siberian scholars, namely on the historiography of various scientific directions, concepts, and topics, the history of archaeological, ethnographic, and museum research centers, scientific schools, works on the activities of scientists, on assessments of the above Omsk scientists' research results.

Keywords: historiography; archeology; ethnography; museology; scientific centers.

Обоснованием темы данной статьи является прежде всего актуальность исследований по историографии и истории археологии и этнографии, связанная с потребностями общества в этих научных знаниях, с обобщением результатов научных исследований и определением направлений дальнейших научных поисков. Тематика статьи – это выяснение направлений историографических и историко-научных разработок сибирских археологов и этнографов последней четверти XX – первых десятилетий XXI в.

Больше места в статье отводится работам учёных омского археолого-этнографического сообщества, в котором много заметных результатов было достигнуто рядом «стихийных историографов» [1, с. 294–301; 2, с. 221–226; 3, с. 151–158; 4, с. 150–155; и др.]. Начало первых публикаций омских учёных по истории археологических и этнографических исследований приходится на вторую половину 1970-х гг. (45 лет назад) и на 1980-е гг. и знаменуется работами учёных Омского государственного университета (далее – ОмГУ) и Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького (ОмГПИ, с 1990-х гг. – ОмГПУ) и, прежде всего, И. В. Захаровой, В. И. Матющенко и Н. А. Томилова, но также и А. В. Жука, Б. А. Коникина, В. В. Реммлера.

Наибольший же объём публикаций омских учёных в этих направлениях приходится на следующий период, который начинается в 1990-е гг. и продолжается по настоящее время. Он характеризуется присоединением к историко-научным и историографическим исследованиям учёных ОмГУ и ОмГПУ археологов, этнографов и музееведов созданного в 1991 г. Омского филиала Объединённого института истории, филологии и философии СО АН СССР – затем РАН (в 2006 г. он преобразован в Омский филиал Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, и с 2018 г. – это Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН). И сегодня омской академической гуманитарной науке (по названным выше сферам знания) – 30 лет [5, с. 1–3]. Кроме того, к этим исследованиям подключились учёные Сибирского филиала Российского института культурологии (создан в 1993 г. и преобразован в 2014 г. в Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва [6, с. 17–45]) и ведущих музеев Омска.

Источниками для написания нашего краткого очерка об историографических и историко-научных исследованиях сибирских учёных стали сами их научные труды, опубликованные во второй

половине 1970-х гг. – первых десятилетиях XXI в. В основном нами привлечены результаты этих исследований, опубликованные монографически, либо в фундаментального характера тематических научных сборниках и отдельных статьях. Ниже приводятся сведения о таких работах, может быть, не в полном объёме, но их сводка придаёт нашей статье и библиографическое значение.

По истории отечественной археологии в вышеназванный период увеличилось количество монографических исследований. Это работы, освещающие историю российской археологии в целом за всё время её развития [7–9], либо историю этой науки только в рамках Российской империи [10], либо историю советской археологии [11; 12], либо историю археологических работ отдельных учреждений [13; 18] и в отдельных регионах [14–17; и др.]. К такого рода работам примкнули и омские археологи, опубликовавшие авторские работы по истории сибирской археологии [19–22] и серию сборников по историографии и истории археологии Сибири [23–28; и др.].

Также и в изучении истории и историографии отечественной этнографии / этнологии вышли в печати обозначенного периода монографии [29–38], сборники научных трудов [39–42], а также том изданного в 1980-х гг. «Свода этнографических понятий и терминов», в том числе тома с характеристикой научных школ и направлений [43] и циклы статей в разделе «История науки» журнала «Этнографическое обозрение». Включились в эту работу и омские этнографы, опубликовав несколько монографий [44–48], научных сборников [49–52; и др.], а также статей разделов в выходящих в Омске периодических изданиях – «Историческом ежегоднике» [53; 54; и др.], журнале «Культурологические исследования в Сибири» с его рубриками «Методология, теория и историография культурологических и смежных с ним дисциплин», «Юбилейные события» и «Хроника научной жизни», научных сериях «Интеграция археологических и этнографических исследований», и «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» [55, с. 142–148; 56, с. 6–23; и др.], научно-информационных бюллетенях «Исторические науки в Омске», «Вестник культуры», а также «Известиях Омского государственного историко-краеведческого музея», альманахе «Омский краевед», ежегоднике «Декабрьские диалоги».

Направления исследований по историографии и истории археологии и этнографии, да отчасти и сопряженных с ними культурологии и музееведения в омском научном сообществе – это и изучение периодов и этапов в истории этих наук, и интерпретация на-

учных концепций и теорий по отдельным темам, и характеристика возникновения и развития научных центров и научных школ в сибирском регионе, и описание и анализ деятельности отдельных учреждений с археологической и этнографической составляющей, и определение вклада научных форумов в развитие археологии, этнографии и смежных с ними наук, и создание портретной галереи занятых исследованиями в этих областях знания учёных и краеведов.

Каждое из этих направлений может быть изучено отдельно и рассмотрено в виде самостоятельных научных очерков. И в данной статье такая задача не поставлена. Отметим только, что в публикациях по истории наук освещается история не только омских археологической, этнографической, фольклористической и музееведческой научных школ [20, с. 314–315; 21, с. 301–325; 44, с. 131–237; 57, с. 34–44; 58, с. 185–203; 59, с. 16–26; 60, с. 181–194; 61, с. 27–33; 62, с. 319–336; 63, с. 305–310; 64, с. 285–295; и др.], но и научных центров или их отдельных учреждений Владивостока, Москвы, Новосибирска, Томска и других городов России [20, с. 287–318; 44, с. 10–35; 65, с. 18–29; 66, с. 5–9; 67, с. 37–47; 68, с. 92–101; 69, с. 10–14; 70, с. 5–11; и др.].

В вышеназванных научных изданиях омских учреждений в 1990-х – 2010-х гг. опубликовано более полутора сотен статей об учёных гуманитарной сферы знания. И среди них большую часть составляют очерки об археологах и этнографах. В список археологов и занимавшихся археологическими исследованиями учёных других специальностей, кому посвящены такие статьи, вошли Ю. В. Балакин, З. Я. Бояршинова, Ф. К. Волков, М. П. Грязнов, А. П. Деревянко, А. П. Дульзон, Б. А. Конилов, В. П. Левашова, В. И. Матюшенко, А. А. Миллер, В. И. Молодин, А. П. Окладников, Л. М. Плетнева, И. С. Поляков, С. И. Руденко, И. Т. Савенков, И. Я. Словоцов, В. И. Соболев, Л. В. Татаурова, С. А. Теплоухов, С. С. Тихонов, А. П. Уманский, Ю. С. Худяков, А. В. Циркин, М. П. Черная, В. Н. Чернецов, Л. А. Чиндина и др.

Среди этнографов и занятых этнографией других учёных, кому посвящены статьи в омских изданиях, – А. В. Анохин, Д. Н. Анучин, Ю. В. Аргудяева, С. А. Арутюнов, Ш. К. Ахметова, И. В. Белич, М. Л. Бережнова, В. Б. Богомоллов, Ф. Ф. Болонев, В. Я. Бутанаев, С. И. Вайнштейн, Ф. Т.-А. Валеев, Ч. Ч. Валиханов, В. И. Васильев, Н. И. Воробьев, И. Н. Гемуев, А. В. Головнев, И. С. Гурвич, В. П. Дьяконова, М. А. Жигунова, И. В. Захарова, Т. Н. Золотова, А. И. Казанник, М. А. Кастрен, М. М. Ковалевский, М. А. Корусен-

ко, С. Н. Корусенко, С. П. Крашенинников, Р. Г. Кузеев, В. В. Мерзликин, Р. П. Митусова, В. А. Липинская, М. Г. Левин, Т. Г. Леонова, Г. М. Патрушева, Г. И. Пелих, Б. Э. Петри, В. В. Пименов, Ю. В. Попков, Г. Н. Потанин, А. М. Решетов, А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, Е. Ю. Смирнова, Т. Б. Смирнова, З. П. Соколова, Н. А. Томилов, В. С. Томилова, Л. В. Хомич, Л. Т. Шаргородский, О. Н. Шелегина, С. М. Широкогоров, В. А. Шнирельман, И. Н. Шушов, Н. М. Ядринцев и др.

Заметен и тот факт, что на отдельные издания омских учёных, где освещались темы по истории археологической и исторической наук, их историографии, были опубликованы статьи и рецензии с положительными оценками [1, с. 294–301; 2, с. 221–226; 3, с. 151–158; 71, с. 311–313; 72, с. 277–279; 73, с. 316–329; 74, с. 182–186; и др.].

Итак, в последние десятилетия заметно возросла потребность в знаниях по историографии и истории отечественной археологии и этнографии, а также смежных с ними наук. Эта тематика присутствует и обсуждается во время работы Археологических съездов, Конгрессов этнографов и антропологов России, научных конференций в сибирском регионе (особенно – в Омске и Томске). И, тем не менее, выскажем мнение, что всё более проявляется потребность в организации и проведении научного форума по историографии и истории российской археологии и этнографии, возможно или даже желательно, на регуляторной основе.

Список источников и литературы

1. *Корзун В. П.* Изменение инструментального ландшафта исторической науки в 1990–2000-е гг.: омский вариант // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2017. – № 4. – С. 294–301.
2. *Корзун В. В.* Опыты историко-научных исследований в творчестве Н. А. Томилова // Этнограф, культуролог, историк... К 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 221–226.
3. *Корзун В. П., Мамонтова М. А.* «Стихийные историографы» в региональном и интеллектуальном ландшафте: В. И. Матющенко, Н. А. Томилов // Вестник Том. гос. ун-та. – 2018. – № 436. – С. 151–158.
4. *Томилов Н. А.* История археолого-этнографических исследований в омских этноархеологических научных сериях // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2017. – № 3. – С. 150–155.
5. *Корусенко С. Н.* Омской академической археологии, этнографии, музееведению – 30 лет // Исторические науки в Омске: науч.-информ. бюл. – 2021. – Апрель. – Вып. 1 (6). – С. 1–3.

6. *Золотова Т. Н.* 25 лет научной жизни во имя сохранения культурного наследия // Культурологический сборник. Исследования по культуре Западной Сибири и Северного Казахстана. К 25-летию Сибирского филиала Института наследия. – М.: Ин-т наследия, 2019. – С. 17–45.
7. *Пряхин А. Д.* История отечественной археологии: учеб. пособие: в 2 ч. – Ч. 1. Русская дореволюционная археология. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 185 с.
8. *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историко-графические очерки. – М.: Знак, 2004. – 320 с.
9. *Формозов В. Ф.* Страницы истории русской археологии / отв. ред. В. В. Кропоткин. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
10. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1992. – 464 с.
11. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). – Киев: Наукова думка, 1982. – 230 с.
12. *Пряхин А. Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. – 204 с.
13. Институт археологии: история и современность: сб. науч. биогр. / под ред. В. И. Гуляева. – М.: Изд-во Ин-та археологии РАН, 2000. – 271 с.
14. *Бродянский Д. П.* Очерки истории дальневосточной археологии (С публикацией лекции В. К. Арсеньева). – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. гос. ун-та, 2000. – 160 с.
15. *Ковешникова Е. Л.* Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века. – Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1992. – 127 с.
16. *Мартынов А. И.* Историография археологии Сибири: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1983. – 76 с.
17. *Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу.* Тихоокеанская археология: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1980. – 103 с.
18. *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. – 332 с.
19. *Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии / отв. ред.: В. П. Корзун, С. С. Тихонов. – Т. 1. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – 178 с.
20. *Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии / отв. ред.: С. С. Тихонов, И. В. Толпеко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 550 с.
21. *Конилов Б. А.* Иллюстрированная энциклопедия. Археология Омска / науч. ред. А. В. Жук; отв. ред. Г. Г. Гурьянова. – Омск: Омскбланк-издат, 2016. – 408 с.

22. Жук А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860–1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1995. – 29 с.
23. Археология Сибири: историография / отв. ред. В. И. Матющенко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1995. – Ч. 1. – 99 с.; Ч. 2. – 95 с.
24. Археология Сибири: историография и источники / отв. ред. В. И. Матющенко. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1996. – 184 с.
25. Вопросы истории исследования и историографии археологии Западной Сибири / отв. ред. Б. А. Конигов. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1992. – 160 с.
26. История археологических исследований в Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1990. – 164 с.
27. Рыцарь сибирской археологии: сборник, посвященный памяти В. И. Матющенко... / отв. ред. С. С. Тихонов. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. – 304 с.
28. Vita scientificus, или Археолог В. И. Матющенко: сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко – археолога, учёного, педагога / отв. ред.: С. С. Тихонов, В. Б. Яшин. – Омск: Полиграф. центр КАН, 2014. – 232 с.
29. Бусыгин Е. П. Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2002. – 220 с.
30. Клейн Л. С. История антропологических учений. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та, 2014. – 744 с.
31. Кочешков Н. В. Этнографы Дальнего Востока (XVIII – середина XX вв.): справ. уч.-метод. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001. – 130 с.
32. Лукина Н. В. Наука как форма общественного развития северных этносов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 348 с.
33. Пименов В. В. Моя профессия – этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки / сост., отв. ред., автор эпилога Т. С. Гузенкова. – СПб.: Аврора, 2015. – 320 с.
34. Решетов А. М. Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век / отв. ред. В. Н. Кисляков. – СПб.: Наука, 2012. – 582 с.
35. Соловей Т. Д. Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XX – начало XXI вв.). – М.: Прометей, 2004. – 498 с.
36. Соловей Т. Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. – 258 с.
37. Тишков В. А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. – СПб.: Алетейя, 2008. – 176 с.
38. Токарев С. А. Истоки этнографической науки (До середины XIX в.). – М.: Наука, 1978. – 168 с.

39. Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования / отв. ред. Г. А. Комарова. – Т. II. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010. – 333 с.
40. Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. – М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 2013. – 376 с.
41. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / сост. Д. Д. Тумаркин; отв. ред.: В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. – М.: Наука, 2004. – 746 с.
42. Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. – М.: Вост. лит-ра, 1999. – Вып. 1. – 343 с.; 2003. – Вып. 2. – 495 с.
43. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы / отв. ред.: М. В. Крюков, И. Зельнов. – М.: Наука, 1988. – 225 с. – (Свод этнографических понятий и терминов / под общ. ред. Ю. В. Бромлея и Г. Штробаха).
44. *Захарова И. В., Томилов Н. А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред.: В. П. Корзун, В. И. Матющенко. – Омск: Издат. дом «Наука», 2007. – 400 с.
45. Педагог, историк, культуролог... К 60-летию начала трудовой деятельности Валентины Сергеевны Томиловой / авт.-сост. и отв. ред.: С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2019. – 256 с.
46. *Томилов Н. А.* Народная культура городского населения Сибири: Очерки историографии и теории историко-этнографических исследований / отв. ред. В. П. Корзун. – Омск: Издат. дом «Наука», 2010. – 164 с.
47. *Томилов Н. А.* Российские учёные в гуманитарных науках. Избранные научные работы / отв. ред. А. Э. Еремеев. – Омск: Изд-во Ом. гуманитар. академии, 2018. – 236 с.
48. *Томилов Н. А.* 60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские учёные и их окружение (вторая половина XX – первые десятилетия XXI века): в 2 т. / отв. ред.: А. П. Деревянко, В. П. Корзун, С. Н. Корусенко. – Т. 1. – Омск: Издат. дом «Наука», 2020. – 444 с.
49. Жизнь и наследие Ч. Ч. Валиханова / отв. ред. Н. А. Томилов. – Омск, 2010. – 66 с.
50. Этнограф, культуролог, историк...: К 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / сост. С. Н. Корусенко; отв. ред.: А. П. Деревянко, К. Э. Разлогов, В. И. Струнин. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – 438 с.
51. Этнограф, этноархеолог, культуролог...: К 65-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / отв. ред.: А. В. Ремнев, В. И. Струнин. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 314 с.
52. Томилов Николай Аркадьевич. К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности учёного и педагога / отв. ред.: М. Е. Бударин, А. В. Ремнев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – 126 с.

53. Исторический ежегодник – 2001: спец. выпуск: посвящён 25-летию этнографических исследований в Омском государственном университете и 15-летию кафедры этнографии и музееведения ОмГУ / отв. ред.: Н. А. Томилов, А. В. Якуб. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2002. – 190 с.
54. Исторический ежегодник: спец. выпуск: посвящ. 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / отв. ред.: М. Л. Бережнова, А. В. Якуб. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – 260 с.
55. *Tomilov N., Tomilova V.* The journal «Cultural Research in Siberia» and its place in the study of history and culture (on the 10th anniversary of its founding) // Experiment, Los Angeles, California USA. – 2009. – Vol. 15. – P. 142–148.
56. *Корусенко М. А., Томилов Н. А., Томилова В. С.* Серийные издания Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского по археологии, этноархеологии, этнографии и культурологии // Библиографический указатель трудов учёных Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. – Вып. 3: 1994–1998 гг. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – С. 6–23.
57. *Жигунова М. А.* Омская этнографическая научная школа // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 34–44.
58. *Жигунова М. А., Томилов Н. А.* Научные и научно-педагогические школы // Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского: очерки. – Омск: Издат. дом «Наука», 2014. – С. 185–203.
59. *Леонова Т. Г.* Омская научная школа по фольклористике // Народная культура Сибири: материалы XXIII научно-практического семинара Сибирского регионального центра по фольклору. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. – С. 16–26.
60. *Смирнова Т. Б.* Омская школа этнографии // Этнография. – 2019. – № 4. – С. 181–194.
61. *Томилов Н. А.* Омский музееведческий научный центр // Культурологические исследования в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 27–33.
62. *Томилов Н. А.* Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 319–336.
63. *Томилов Н. А.* Современный период омской этнографии: к 45-летию омского этнографического научного центра // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2019. – № 3. – С. 305–310.
64. *Томилов Н., Жигунова М.* Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. – Т. II. – М., 2010. – С. 285–295.
65. *Жигунова М. А.* Изучение русской культуры Сибири во второй половине XX века // Культурологические исследования в Сибири. – 2005. – № 2. – С. 18–29.

66. *Никишенков А. А.* Кафедре этнологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова – 75 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2012. – № 1. – С. 5–9.
67. *Томилов Н. А.* Итоги и перспективы этнографического изучения народов Сибири и Дальнего Востока // Культурологические исследования в Сибири. – 2000. – № 2. – С. 37–47.
68. *Томилов Н. А.* Российское этнографическое сибиреведение XX века (К постановке проблемы) // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 3. – С. 92–101.
69. *Тураев В. А.* Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН – 30 лет // Культурологические исследования в Сибири. – 2001. – № 1. – С. 10–14.
70. *Шулепова Э. А.* РИК от юбилея к юбилею: взгляд (к 75-летию Российского института культурологии) // Культурологические исследования в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 5–11.
71. *Арутюнов С. А.* В. С. Томилова: жизнь и творчество в образовании и науке (рец. на: Педагог, историк, культуролог... К 60-летию начала трудовой деятельности Валентины Сергеевны Томиловой / авт.-сост. и отв. ред. С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2019. – 256 с.) // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2019. – № 3. – С. 311–313.
72. *Арутюнов С. А.* Рецензия на: Педагог, историк, культуролог... К 60-летию начала трудовой деятельности Валентины Сергеевны Томиловой. – Омск: Издат. дом «Наука», 2019 // Вестник антропологии. – 2019. – № 3. – С. 277–279.
73. *Матвеев А. В.* Обзор публикаций серии «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» (1996–2002 годы) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 9. – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – С. 316–329.
74. *Худяков Ю. С.* Серия «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума» // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 182–186.

Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, профессор кафедры этнологии, антропологии, археологии и музееологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск)

М. А. Демин

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
1990-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

Общественные трансформации 1990-х годов сопровождались всплеском творческой активности, созданием новых общественных объединений и активизацией региональных исследований этнокультурной истории. Наряду с накоплением этнографических и устноисторических источников происходит расширение проблематики и освоение новых историографических подходов. В частности, разрабатываются теория и практика исследований в области устной истории.

Ключевые слова: общественные трансформации; этнокультурная история; Алтайский край.

М. А. Demin

**REGIONAL STUDIES OF ETHNOCULTURAL HISTORY
IN THE CONTEXT OF SOCIAL TRANSFORMATIONS OF THE 1990s
(BASED ON MATERIALS FROM THE ALTAI TERRITORY)**

The social transformations of the 1990s were accompanied by a surge of creative activity, the creation of new public associations, and the intensification of regional studies of ethnocultural history. Along with the accumulation of ethnographic and oral historical sources, there is an expansion of problems and the development of new historiographic approaches. In particular, the theory and practice of research in the field of oral history are being developed.

Keywords: social transformations; ethnocultural history; Altai Territory.

До начала коренных изменений экономического и общественно-политического уклада страны на рубеже 1980–1990-х гг. был создан прочный научный фундамент изучения историко-культурных и этнических процессов на Алтае. В результате этнографических работ была значительно обогащена источниковая база исследований, сформулированы проблемы, выделены основные этапы и раскрыты ключевые явления этнокультурной истории аборигенного (Л. П. Потапов, А. П. Уманский и др.) и русского (В. А. Липинская, М. М. Громыко и др.) населения края. В официальном идеологическом дискурсе и образовательных программах обращение к этнокультурной тематике было связано, как правило, с идеями дружбы народов и взаимообогащения культур.

Радикальные общественные трансформации конца 1980-х – начала 1990-х гг. привели, во-первых, к перекройке национально-административной карты страны, использованию этнокультурных материалов в политических дискуссиях и межпартийной борьбе. Во-вторых, в этот период возникают многочисленные общественные национально-культурные объединения, землячества, краеведческие ассоциации, а также новые структуры гуманитарного профиля в государственных учреждениях. В-третьих, данные по межкультурному взаимодействию, включая такие дискуссионные и болезненные вопросы, как депортации и межнациональные конфликты, находят место в школьных и вузовских образовательных программах. В-четвёртых, в деятельность по собиранию традиционных предметов материальной культуры вовлекаются представители широкой общественности, в том числе – учащаяся молодёжь. В-пятых, изменившаяся общественная и историографическая ситуация способствовала расширению тематики исследований, систематическому использованию устных исторических источников и, соответственно, разработке методов их сбора и анализа.

Политические процессы в стране привели к существенным изменениям в территориально-административном устройстве Алтайского края. В результате ряда нормативных актов 1990–1992 гг. по повышению статуса Горно-Алтайской автономной области она выходит из состава Алтайского края и становится самостоятельным субъектом Российской Федерации, получив наименование «Республика Алтай». В регионе активизируются процессы, связанные с утверждением этнических ценностей и поиском новой идентичности [1, с. 98]. Проживающие в Алтайском крае, Республике Алтай и Кемеровской области кумандинцы, включавшиеся обычно в состав алтайцев, в начале 1990-х гг. стали признаваться самостоятельным этносом, который в 2000 г. постановлением Правительства Российской Федерации причислили к коренным малочисленным народам. В местах компактного обитания кумандинцев создаются национальные территориальные общины, возникает несколько общественных организаций кумандинцев, издаётся русско-кумандинский разговорник и пособие для учащихся: кумандинско-русский словарь.

1 июля 1991 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР был восстановлен существовавший в 1927–1938 гг. Немецкий национальный район. В этом же году учреждаются Алтайское краевое общество немцев «Видергебурт» и Сообщество российских немцев

Алтая. В 1997 г. была создана Алтайская краевая национально-культурная автономия российских немцев, а в следующем году – Алтайский краевой Российско-немецкий дом (с 2021 г. – краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края»), которые координировали деятельность местных автономий и центров культуры по возрождению исторической памяти немецкого населения региона [2, с. 189]. Происходит создание и других национально-культурных объединений (ассоциаций, центров, автономий, фондов и пр.), которых в настоящее время в Алтайском крае зарегистрировано 57, из них 9 – у немцев, 6 – у казахов, 5 – у кумандинцев. Активность этих организаций зависела от ряда факторов и, прежде всего, инициативы руководителей, однако в целом на территории края (и в 1990-е, и в последующие годы) удалось сохранить межнациональное согласие и избежать деструктивных проявлений на этнической почве.

Общественный энтузиазм конца 1980-х гг. и постперестроечных времён породил всплеск интереса к изучению этнокультурных явлений прошлого, что выразилось, в частности, в создании ряда новых учреждений или структурных подразделений гуманитарного профиля в уже существовавших государственных организациях. В 1989 г. при отделе редких книг Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова был открыт «Клуб любителей алтайской старины». В 1990 г. в Барнаульском педуниверситете была создана госбюджетная научно-учебно-методическая лаборатория исторического краеведения. В 1992 г. при Алтайском государственном университете был организован Институт гуманитарных исследований. В этом же году было зарегистрировано краевое государственное бюджетное учреждение «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края» (НПЦ «Наследие»), который в сложный период становления новых имущественных отношений осуществлял регулирование вопросов, связанных с историческими памятниками. Задачу объединения усилий отдельных исследователей, общественных организаций и государственных учреждений была призвана решать Алтайская краеведческая ассоциация (позднее – Алтайская краевая краеведческая ассоциация), созданная в конце 1989 г. [3, с. 41–43]. Однако, по мере угасания общественного подъёма и нарастания сложностей 1990-х гг., она снижает свою активность, и ведущую роль в координации исследований и изучении этнокультурной ис-

тории выполняли государственные учреждения и, прежде всего – высшие учебные заведения.

Оживление общественного интереса к местной истории и культуре повлекло за собой открытие соответствующих специальностей и специализаций в высших и средних учебных заведениях края. В 1992 г. на историческом факультете Барнаульского государственного университета была открыта специализация по историческому краеведению (с 2000 г. – «Историческое краеведение и музееведение»). В 1993 г. Т. М. Степанская вела подготовку студентов Алтайского государственного университета по направлению «Искусствоведение», преобразованному впоследствии в факультет искусств. В 1997 г. в Барнаульском педагогическом колледже стали готовить организаторов историко-краеведческой работы в школе. В Алтайском государственном институте культуры ввели специальность по музейно-краеведческой, а в Алтайском колледже культуры – по фольклорно-этнографической работе. Были изданы соответствующие учебные пособия, в частности, «История культуры Алтая» и «Книга для чтения по художественному краеведению». Новые направления подготовки не только отвечали потребностям времени, но и учитывали региональные особенности Алтайского края, где преобладали сельские, в том числе малокомплектные школы, оторванные от городских центров культуры и образования.

Одним из показателей широкого общественного интереса к этнокультурной истории являлось регулярное проведение ряда школьных конференций по гуманитарным наукам, на которых история и культура народов края занимала приоритетное место. С 1992 г. лабораторией исторического краеведения Барнаульского педуниверситета под эгидой Комитета (Министерства) по образованию и науки Администрации Алтайского края и на базе Алтайского краевого педагогического лицея стали проводиться ежегодные историко-краеведческие конференции школьников. В рамках конференции всегда существовала этнографическая секция, на которой учащиеся докладывали о результатах своих исследований по материальной и духовной культуре русских, украинцев, немцев, мордвы, армян, казахов, эстонцев и других этнических групп, проживавших на территории региона. В отдельные годы, наряду с общей этнографической секцией, выделялась секция по истории и культуре российских немцев. Аналогичное направление в работах школьников было представлено в федеральной программе «Шаг

в будущее» и в других российских и краевых краеведческих конференциях и конкурсах.

Одним из новых исследовательских направлений, зародившихся в 1990-х гг., стала устная история (Oral history). В лаборатории исторического краеведения Барнаульского педвуза был создан (по инициативе и под руководством Т. К. Щегловой) сектор устной истории, преобразованный впоследствии в Центр этнографии и устной истории и ставший базой для становления соответствующей научной школы [4, с. 89–97]. Во время ежегодных экспедиционных исследований, с помощью взаимосвязанного комплекса методов устной истории и этнографии, изучалась информационная среда, включавшая коллективную и индивидуальную историческую память населения и культурный ландшафт сельских населённых пунктов Алтайского края. В ходе работы выявлялись особенности интерпретации и введения в научный оборот устных источников и разрабатывался научный инструментарий по изучению исторической памяти различных этнических, социальных, конфессиональных, правовых групп населения. С 1991 г. началось формирование архива устных исторических источников: Т. К. Щегловой были разработаны авторские методики их сбора, оформления и хранения; опубликованы научно-методические материалы. С 1994 г. стали проходить международные конференции «Этнография Алтая и сопредельных территорий» и «Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история». Важным итогом активного развития этнокультурных исследований в 1990-е гг. стала подготовка сборников по истории и культуре отдельных районов Алтайского края.

В заключение отметим, что значительные трудности в социально-экономическом развитии страны обуславливают, как правило, негативную оценку периода 1990-х гг. Изменения в сфере исторической науки часто сводят к критике марксистской методологии, заполнению «белых пятен» и пересмотру ряда оценок советской историографии. Между тем, именно в эти годы наблюдается невиданный ранее всплеск творческой активности, сопровождавшийся созданием новых общественных объединений и активизацией региональных исследований в области этнокультурной истории, хотя порой и краеведческого уровня. Наряду с накоплением этнографических и устноисторических источников происходит расширение проблематики и освоение новых историографических подходов.

В частности, разрабатываются теория и практика исследований в области устной истории, новой социальной, локальной и гендерной истории, истории ментальностей и микроистории. Эти явления, вероятно, можно трактовать как своеобразный научный и культурологический «взрыв», основные черты и результаты которого ещё предстоит осмыслить.

Список источников и литературы

1. *Октябрьская И. В., Самушкина Е. В.* Общественное движение в Республике Алтай: Традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX – начало XXI века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: история, филология. – 2006. – Т. 5. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 98–107.
2. *Волобуева М. М.* О национальных сообществах в Алтайском крае // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2005. – № 21. – С. 189–197.
3. *Сергеев А. Д.* Ассоциация – путь к объединению // Вестн. Алт. краев. краевед. ассоц. – Барнаул, 1990. – С. 41–43.
4. *Демин М. А., Щеглова Т. К.* Исследования в области истории Сибири и Центральной Азии, этнографии и устной истории // Вестн. АлтГПУ. – 2018. – № 35. – С. 89–97.

Демин Михаил Александрович – доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

*Н. А. Тадина***О РОЛИ НАУЧНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРНО-АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА В ИЗУЧЕНИИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ**

В статье освещена роль Научной лаборатории этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета в изучении региональных проблем. На примере анализа статей студентов и аспирантов отмечено, что преподавание этнологических дисциплин несёт не только этнокультурную воспитательную функцию в формировании мировоззрения обучающихся, их взглядов на многие проблемы современного мира, родной страны и своей малой родины, но и развивает творческие способности и навыки научно-исследовательской работы. Обращено внимание на тот факт, что историки с этнографической специализацией необходимы учреждениям Республики Алтай, комитетам по национальной политике и связям с общественностью, развитию туризма и архивного дела, музеям народной культуры и быта. В учителях-историках с этнографической специализацией нуждаются райцентры и села для организации региональных музеев и возрождения народных промыслов и этнической культуры. В целях реализации научно-исследовательских программ и проектов по этнологическим направлениям и сотрудничеству работает Научная лаборатория этнографических исследований Горно-Алтайского государственного университета.

Ключевые слова: научное исследование; этнологические дисциплины; научная статья; республика.

*N. A. Tadina***ON THE ROLE OF GASU SCIENTIFIC LABORATORY
FOR ETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE STUDY
OF THE ALTAI REPUBLIC AND REGIONS ADJACENT**

The article highlights the role of the Scientific Laboratory of Ethnographic Research of Gorno-Altai State University in the study of regional problems. Analyzing students and graduate students' articles, it is noted that teaching ethnological disciplines has not only an ethnocultural educational function in shaping the worldview of students, their views on many problems of the modern world, their native country, and their small homeland but also develops creative abilities and skills of scientific research. The fact that historians with ethnographic specialization are necessary for institutions of the Altai Republic, committees for national policy and public relations, tourism and archival development, museums of folk culture and everyday life is paid special attention to. Regional centers and villages need history teachers with ethnographic specialization to organize regional museums and revive folk crafts and ethnic culture. The purpose of the Scientific Laboratory of Ethnographic

Research at GASU is to implement research programs and projects in ethnological areas and cooperation.

Keywords: scientific research; ethnological disciplines; scientific article; republic.

Этнология как историческая дисциплина была введена на историческом факультете нашего университета в 1994 г. в связи с реорганизацией Горно-Алтайского педагогического института в Горно-Алтайский государственный университет (далее – ГАГУ) и открытием кафедры археологии, этнологии и источниковедения. В сложных условиях развития российского образования и науки происходили изменения в преподавании этнологических дисциплин; сложился опыт преподавания смежных дисциплин по выбору студентов, сформировавшихся на пересечении этнологии с другими науками, такими, как, например, «Этносоциология», «Этногенез тюркских народов», «Культурогенез». Историки с этнографической специализацией необходимы, например, учреждениям Республики Алтай, таким, как комитеты по национальной политике и связям с общественностью, развитию туризма и архивного дела, музеям народной культуры и быта и др. В учителях-историках с этнографической специализацией нуждаются райцентры и села для организации региональных музеев и возрождения народных промыслов и этнической культуры.

Наука о народах познавательна, имеет практическое значение и перспективна в научно-исследовательском отношении, неслучайно в 2010 г. при нашей кафедре была открыта аспирантура по этнографии, этнологии и антропологии. С целью проведения фундаментальных и прикладных этнографических исследований Республики Алтай и сопредельных территорий в том же году была образована Научная лаборатория этнографических исследований ГАГУ (руководитель – доцент Н. А. Тадина). Её задачи состоят в реализации научно-исследовательских программ и проектов по различным направлениям этнографии, этнологии и антропологии, в частности – в изучении традиционно-бытовой культуры (природно-средовой, материальной, духовной, соционормативной, культуры жизнеобеспечения), а также в области охраны объектов этнокультурного наследия региона.

В этнологии стали актуальными черты социальной науки, синтезирующей разнообразные знания о человеке, его культуре и обществе. В процессе профессиональной подготовки историков в нашем университете важное значение имеет преподавание этнологии, задачей которой является дать как можно более полное представление

о народах мира, их культуре и взаимодействии. Как известно, этнология (этнография) в средней школе не изучается, хотя те или иные этнографические знания учащиеся получают из курсов истории, обществознания, географии, литературы, телепередач и других источников. При прохождении университетского курса этнологии студенты узнают, что этнические общности (этнос, этническая группа, этнотерриториальная и этноконфессиональная группы) являются одной из исторических форм существования и развития человечества.

В учебный план исторического отделения историко-филологического факультета этнология включена в базовую часть профессионального цикла и преподаётся в течение первого семестра в объёме двух зачётных единиц (72 часа) по профилю подготовки «Краеведение» и выпускному курсу в объёме четырёх зачётных единиц (144 ч.) по профилям подготовки «История», «История и право». Для аспирантов-этнографов введено преподавание следующих этнологических дисциплин: «Этнография, этнология и антропология», «Зарубежные этнологические концепции», «Отечественные теории этноса», «Религиозные культуры в России», «Этнокультурные процессы в Центральной Азии». Мною были разработаны и апробированы лекционный материал, темы практических занятий, рабочая программа и методические рекомендации по изучению этнологических дисциплин. Практика показала, что студентам необходимы этнологические знания, помогающие закрепить знание карты стран мира и населяющих их народов, выработать умение соотносить современный период с основными этапами этнической истории. Студенты отходят от обывательского видения проблем народов, восприятия своеобразия этнических культур и этнической истории регионов.

Преподавание этнологических дисциплин несёт не только этнокультурную воспитательную функцию в формировании мировоззрения студентов и аспирантов, их взглядов на многие проблемы современного мира, родной страны и своей малой родины, но и развивает их творческие способности и навыки научно-исследовательской работы. Первые навыки успешного этнологического исследования студенты-историки, выпускники ГАГУ, получили при подготовке рефератов, курсовых и дипломной работ. Как правило, свои результаты изучения этнологических тем они излагают в докладах на научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных ГАГУ, которая ежегодно проводится в апреле. На этой основе накоплен опыт формирования качественных кадров для региона. В 2000 г. трое выпускников исторического универси-

тета ГАГУ продолжили образование в аспирантуре и защитили диссертационные исследования по различным темам этнологии в Москве – Российском государственном гуманитарном университете, центре социальной антропологии (Э. Энчинов), Томске – Томском государственном университете (Н. Тадышева), Улан-Удэ – Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Э. Торышев). Сегодня они являются ведущими сотрудниками Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова Республики Алтай (г. Горно-Алтайск).

За последние пять лет три выпускника аспирантуры по этнографии, этнологии и антропологии нашей кафедры защитили диссертационные работы в Томском государственном университете. В 2016 г. В. И. Терентьев защитил диссертацию по теме «Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI века» (научный руководитель – доцент Н. А. Тадина). В 2016 г. в Музее антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург) А. М. Учайкина (Попошева) защитила диссертацию по теме «Обычное право южных алтайцев (конец XIX – начало XXI в.)» (научный руководитель – профессор Е. Е. Ямаева). В 2017 г. Д. А. Аткунова защитила диссертацию по теме «Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX – начало XXI в.)» (научный руководитель – профессор Е. Е. Ямаева). Подготовлена к защите диссертация Т. С. Ябыштаева по теме «Родовое движение алтайцев в постсоветский период» (научный руководитель – доцент Н. А. Тадина).

В состав Научной лаборатории этнографических исследований входят студенты и аспиранты нашей кафедры [1]. Это апробированная площадка для подготовки докладов по этнографическим темам для участия в научных и научно-практических конференциях. В работе популярной Российской археолого-этнографической студенческой конференции студенты-этнографы ГАГУ стали постоянными участниками. Возможность проведения полевых исследований дала грантовая поддержка российских научных фондов РГНФ и РФФИ. Имеется опыт сотрудничества с научными сотрудниками Музея антропологии и этнографии РАН и Санкт-Петербургского государственного университета – профессором А. В. Малиновым и доцентом А. В. Цыбом. Научной лабораторией этнографических исследований выполнены четыре научных проекта:

1) «Диалог культур народов Республики Алтай в изменяющихся условиях: стратегия и прогноз» (№ 11-11-04004 p_a);

- 2) «Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай» (№ 13-11-04005 p_a);
- 3) «Традиции и инновации потестарности алтайцев в контексте этносоциальных процессов в Республике Алтай» (№ 15-11-04003 p_a);
- 4) «Пути возрождённого зайсаната: от родовых “камней” алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии» (№ 17-11-04004 p_a).

Научная работа по темам проектов позволяет студентам-историкам, магистрантам и аспирантам-этнографам ГАГУ быть вовлечённым в междисциплинарное исследование этнографических проблем региона и сопредельных территорий, о чём свидетельствуют их научные публикации.

Тема исследования основного исполнителя проектов Т. С. Ябыштаева посвящена актуальной проблеме формирования родового движения алтайцев в постсоветский период. На основе анализа полевого материала освещены пути возрождения зайсаната на фоне этнической мобильности алтайцев. Отмечен этап восстановления значимости института сеока-рода в конце 1980-х гг. конструированием выборов родового главы – зайсана. На этапе политизации этнического наследия в конце 1990-х гг. зайсанатом использован административный путь влияния через собрания-курултай. На этапе общественного кризиса зайсанат идёт по пути сочетания родового и административно-территориального принципов руководства родовым обществом алтайцев [2, с. 139].

В статье, выполненной Т. С. Ябыштаевым в соавторстве, на основе полевого материала дана периодизация становления ритуальной роли зайсанов в деле создания и организации праздника Эл Ойын, первоначально планировавшегося как региональный чемпионат по национальным видам спорта. Дана характеристика ритуальной практики почитания природной среды Алтая-божества, осуществляемой зайсанами утром, в день открытия праздника Эл Ойын, на который съезжаются фольклорные группы и спортсмены-любители соседних районов: Тувы, Хакасии, Кемеровской области и Алтайского края. Приведён обзор документов, а именно: региональных законов, принятых по вопросам организации, с учётом традиционной символики почитания природы Алтая при определении места и срока проведения мероприятия, приобретшего общереспубликанское значение и выступающего в статусе межрегионального праздника [3, с. 99–100].

В статье студентки А. В. Баяндиной освещены основные черты родового сообщества алтайцев – как южных, так и северных этно-

территориальных групп. Также автором собраны и изучены родословные материалы, на основе которых описаны этнокультурные маркеры сеока-рода теелес у алтайцев, к которым относятся: родовая почитаемая гора, родовое животное марал, родовое знамя. Истоки их создания объяснены своеобразием этнической истории сеока-рода теелес на основе собранных родовых легенд алтай-кижи и теленгитов [4, с. 242]. В статье студента С. С. Ябыштаева дан анализ поправок в реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай и причин пополнения правового документа. Сделан вывод о том, что внесение поправок связано с возрождением традиционной культуры алтайцев. Отмечено, что Республика Алтай первой актуализировала проблему сохранения культурного наследия в РФ, приняв закон о регулировании отношений в этой области [5, с. 309].

Тема исследования аспиранта А. У. Ондар посвящена изучению путей трансформации традиционной пищи тувинцев. Отмечено, что модели пищи и система питания каждого этноса тесно связаны с его хозяйственными занятиями. Для тувинцев издавна было характерно комплексное хозяйство, в котором, в зависимости от природно-географических факторов, преобладающими занятиями были: у западных тувинцев – скотоводство, а у восточных тувинцев – оленеводство, охота и рыболовство. Земледелие у западных тувинцев включало в себя посев ячменя и проса, занимало вспомогательное значение, а у тувинцев-тоджинцев подспорьем в хозяйстве было собирательство [6; 7, с. 151].

Научной лабораторией этнографических исследований ГАГУ были выявлены пути этнического возрождения в Республике Алтай. Освещены основные вопросы, связанные с сохранением бурханистских устоев в среде родового общества алтайцев. Дана характеристика ритуальной практики почитания Алтая-божества, начиная от исторического моления, разогнанного в июне 1904 г., до календарных молений последних двадцати лет. Обращено внимание на противостояние в среде алтайцев двух позиций о возрождённом бурханизме: одной – как пробуддистски направленной, а другой – утверждающей, что бурханизм – это реформированный шаманизм. Собранные сведения свидетельствуют в пользу последней позиции о синкретическом направлении, в котором сочетаются черты шаманизма и «старого» бурханизма [8, с. 280–282]. Актуальные проблемы межконфессионального и межэтнического развития Республики Алтай продолжают оставаться ведущими темами исследования

коллектива Научной лаборатории Горно-Алтайского государственного университета.

Список источников и литературы

1. Научная лаборатория этнографических исследований ГАГУ // Горно-Алтайский государственный университет. – Режим доступа: <http://www.gasu.ru/science/laboratorii/nauchnaya-laboratoriya-etnograficheskikh-issledovaniy/index.php> (дата обращения: 15.05.2021).
2. *Ябыштаев Т. С.* Пути возрождённого зайсаната в Республике Алтай // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2019. – № 440. – С. 139–145.
3. *Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.* Праздник Эл Ойын в свете изменений ритуальной роли родовых лидеров алтайцев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. – Вып. XXVII. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С. 97–101.
4. *Баяндина А. В.* Родовые признаки сеока теелес у алтайцев // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных с международным участием. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 241–242.
5. *Ябыштаев С. С.* Об актуальности поправок реестра объектов нематериального культурного наследия в Республике Алтай // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных с международным участием. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. – С. 308–310.
6. *Ондар А. У.* Трансформации в традиционной системе питания тувинцев в советский период (1944–1991 гг.) // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК» (2020 г., Томск, Россия). – Режим доступа: <http://zsaek.tsu.ru/node/38> (дата обращения: 20.03.21).
7. *Ондар А. У.* Технология приготовления мясной пищи у тувинцев: этнографический аспект // Макарьевские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2020. – С. 149–152.
8. *Тадина Н. А., Иркитова А. А., Черлояков И. Г., Ябыштаев Т. С.* О практиках возрождённого бурханизма // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. – Вып. XXVI. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – С. 278–283.

Тадина Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск)

И. Ю. Макаrchук

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ

В статье рассматриваются взгляды А. И. Солженицына на роль интеллигенции в культурных процессах, произошедших в России в первой половине XX в., изложенные в статье «Образованщина», которая впервые была опубликована в сборнике «Из-под глыб» за рубежом. В работе последовательно изложены некоторые проблемы дореволюционной и советской интеллигенции. Некоторым идеям дана авторская интерпретация со ссылкой на оригинальный текст.

Ключевые слова: А. И. Солженицын; мораль; культура; интеллигенция; народ.

I. Yu. Makarchuk

A. I. SOLZHENITSYN ON THE ROLE OF THE INTELLIGENTSIA IN CULTURAL PROCESSES

The article discusses the views of A.I. Solzhenitsyn on the role of the intelligentsia in the cultural processes that took place in Russia in the first half of the 20th century, outlined in the article "Obrazovanschina", which was first published in the "From under the boulders" collection abroad. The work presents some problems of the pre-revolutionary and Soviet intelligentsia. Some ideas are given in the author's interpretation referring to the original.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn; morality; culture; intelligentsia; people.

В сборнике «Из-под глыб», изданном весной 1974 г. на русском языке в парижском эмигрантском издательстве YMCA-PRESS, было опубликовано три статьи А. И. Солженицына: «На возврате дыхания и сознания» [1, с. 7–28], «Раскаяние и самоограничение» [1, с. 115–150], «Образованщина» [1, с. 217–260]. Символичность данного сборника состоит в том, что указанные статьи были подготовлены в окончательной редакции перед арестом и последующей высылкой писателя из СССР. В основу содержания статьи «Образованщина» был положен опыт общения А. И. Солженицына с интеллигенцией разных периодов советской власти.

Ниже рассмотрим воззрения А. И. Солженицына, изложенные в статье «Образованщина», по вопросу о роли интеллигенции в культурных процессах [2, с. 87–130].

Статья начинается с обращения к сборнику статей отечественных философов начала XX в. о русской интеллигенции – «Вехи». Писатель отмечает, что особенности русской дореволюционной интеллигенции были подробным образом изложены в «Вехах». При этом указанный сборник был решительно отвергнут различными профессиональными и политическими сообществами, представляющими интеллигенцию. Таким образом, превентивный потенциал (в части предотвращения разрушительных революционных трагедий начала XX в.) сборника не был реализован.

А. И. Солженицын выделяет 4 группы смыслов, высказанных в «Вехах»:

1) «Недостатки той прошлой интеллигенции», которые сегодня уже не имеют ранней значимости, либо трансформировались совсем в другие тенденции и явления. «Вехи» к интеллигенции главным образом относились критически, указывали на видимые авторами сборника недостатки и пороки, которые могут навредить нормальному ходу российской истории;

2) «достоинства предреволюционной интеллигенции». При значимой массе недостатков, указанных в сборнике, отмечалась достаточность присутствия морально-этических ориентаций и мотивов у представителей интеллигенции, которые «занимают в душе русского интеллигента исключительное место»;

3) «тогдашние недостатки, по сегодняшней нашей переполюсовке чуть ли не достоинства». Здесь писатель демонстрирует, как в разные историко-культурные эпохи одни и те же концепты могут менять свою полярность. Всеобщее реальное равенство, при котором имеет место «готовность принизить высшие потребности одиночек»; наличие открытой и последовательной борьбы за свои идеи, пусть и в условиях государственного преследования («психология героического экстаза»); а «нынешние преследования жесточе, систематичней и вызывают подавленность, не экстаз»;

4) «недостатки, унаследованные посегодня». Интеллигенция по-прежнему не проявляет «сочувственного интереса к отечественной истории», равно как и не признает генетической связи с историей своей Родины; слабо развито чувство «исторической действительности», а отсюда постоянное ожидание беспричинного и внезапного свершения социального чуда.

Автор задаётся вопросом: «Интеллигенция! Каков точно её объём, где её границы?» и анализирует этимологическое значение

этого слова, мнения Г. Федотова, В. Даля, Н. Бердяева, С. Булгакова; рассматривает вопросы эволюции роли, места и значения интеллигенции в истории. Далее писатель приходит к закономерному выводу: «Покорились – до полной приниженности, до духовного самоуничтожения, и что ж, как не кличка образованщины, по справедливости остаётся нам?» [2, с. 101]. Поэтому и получается, что советская интеллигенция стремится к материальным благам, поощрениям и званиям.

Отдельно А. И. Солженицын останавливается на вопросе сохранения культурных ценностей в период массовой эмиграции интеллигенции и отмечает, что последние, уезжая из страны «навсегда, не стеснялись разбирать екатерининские секретеры по доскам..., вперемежку с простыми досками сколачивали их в нелепую “мебель” и вывозили так... только таможенный запрет ещё удерживает в стране иконы древнее XVII в.» [2, с. 103–104].

Негативно писатель оценивает и роль интеллигенции в разрешении вопросов общегуманитарного порядка, например: «уж где там прежние традиции – поддержать политических, накормить беглеца, приютить беспаспортного, бездомного», вместо этого «центровая» интеллигенция регулярно содействует «укреплению общей тюрьмы» [2, с. 104–105].

Интеллигенция тех лет не готова была давать никаких советов и рекомендаций по улучшению общенародной жизни. Для них, пишет А. И. Солженицын, никакого народа не существует: «культура, как змея, просто сбрасывает кожу, и старая кожа, народ, лежит, потеряв свою жизнь, в пыли» [2, с. 117].

Культура нации – это культура семьи, «природная непридуманная ассоциация людей с врождённой взаимной расположенностью членов» [2, с. 118–119]. Между тем народ и культура были попораны двумя губительными процессами, усиливавшими негативный эффект друг друга: с одной стороны – урбанизация, уничтожение крестьянства как класса, стандартизация в области информационного воздействия на массы (пропаганда, транслируемая в том числе из репродукторов – «высшем признаке культуры»), бездумная унификация воспитания и обучения; с другой – стирание «исконного лица России». Вследствие этого были «насильно выкинуты из избы иконы и послушание старшим, печка хлебов и прялки. Потом миллионы изб, самых благоустроенных, вовсе опустошены, развалены или взяты под дурной догляд, и 5 миллионов трудоохот-

ливых здоровых семей вместе с грудными детьми посланы умирать». Именно тогда, в 1930 г., по мнению Александра Исаевича, закончила своё существование интеллигенция. Хотя ниже автор признает, что такой вывод поспешен, ибо остались достойные представители интеллигенции, поднявшиеся «над этой ложью и над хлопотливой суетой образованщины». Духовная порядочность и чистота устремлений, жизнь во имя правды – критерий достойных людей. Между тем, русский народ жив, поскольку не участвует в государственной пропаганде, а значит он не «пуст от Бога...», сохранил выжженное, невытопанное в сердце место». При этом писатель констатирует, что без национального культурного возрождения невозможно вернуть растерзанной России духовные ценности. И интеллигенции, настоящей и подлинной, не осталось, поскольку «всё расплылось в образованщине» [2, с. 121–124].

В заключение приведём слова писателя: «Будущее – неистребимо, и оно в наших руках. Если мы будем делать правильные выборы» [2, с. 125]. Это в полной мере распространимо и на культуру, поскольку её будущий образ и элементы конструируются каждую единицу времени, и то, какой она будет по форме и содержанию, – во многом зависит от интеллигенции – феномена общественной и культурной жизни.

Список источников и литературы

1. Из-под глыб: сб. ст. – М.; Париж: YMCA-PRESS, 1974. – 283 с.
2. *Солженицын А. И.* Публицистика: в 3 т. Т. 1: Статьи и речи. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – 720 с.

Макарчук Иван Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет (Красноярск)

О. В. Гефнер

**«ИСТОРИИ...» ВОЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

В статье анализируются особенности полковой историографии в России в конце XIX – начале XX вв. Характеризуется источниковая база, специфика изложения материала и воспитательная направленность работ по истории военных учреждений. Рассматриваются труды по истории военных заведений и воинских частей Западной Сибири.

Ключевые слова: армия; история; традиции; культура; Западная Сибирь.

O. V. Gefner

**“HISTORIES...” OF THE MILITARY INSTITUTIONS OF WESTERN
SIBERIA IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES:
HISTORIOGRAPHIC FEATURES AND SOCIOCULTURAL CONTEXT**

The article analyzes the features of regimental historiography in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The source base, the specificity of the presentation of the material, and the educational orientation of works on the history of military institutions are characterized. Works on the history of military establishments and military units of Western Siberia are considered.

Keywords: army; history; traditions; culture; Western Siberia.

Армия всегда играла важнейшую роль в истории России. И в условиях современных социальных и политических трансформаций, геополитических реалий и глобальных вызовов усиливается роль армии как политического и социального института, актуализируется военно-патриотическое воспитание, обращение к военным традициям народа. Это вызывает большой общественный и научный интерес ко всему комплексу военно-исторического наследия как общероссийского, так и регионального характера. «Истории...» различных воинских частей и учреждений являются частью этого наследия.

Становление полковой историографии относится к началу XIX в. Создавались «Истории...», главным образом, к юбилеям полков и других военных формирований. Максимальное их число появилось к рубежу XIX–XX вв., когда отмечались круглые юбилеи

частей. К этому времени было создано около 300 произведений подобного рода [1, с. 303].

Одной из особенностей этих трудов было то, что главная задача, которая ставилась при их написании, была в большей степени воспитательная, нежели научно-исследовательская. В русской армии всегда играли большую роль традиции, которые бережно хранились, передавались из поколения в поколение, были основой воинского и патриотического воспитания. «Истории...» военных учреждений являлись средством сохранения традиций, воспитания будущих воинов на примере подвигов героев своей части в духе преданности Отечеству. Также они были призваны знакомить гражданское население с боевыми традициями армии, прививать патриотический настрой обывателю. Необходимость написания историй воинских подразделений стала особо очевидной после введения всеобщей воинской повинности и значительного сокращения срока военной службы в 1874 г., из-за чего в армии почти не оставалось ветеранов – живых носителей и хранителей истории, традиций, преданий полков [2, с. 79]. Наследник, цесаревич Александр Александрович писал в приказе по Гвардейскому корпусу в 1879 г. о значимости изучения истории полков русской армии: «Истории полков служат одним из верных залогов нравственной силы частей войск: сохраняя основные традиции и боевые предания, они составляют одно из средств для поддержания славы и чести полков; из примеров прошлого молодёжь приобретает любовь и уважение к своей части и рвение к подвигам в будущих войнах» [3, с. VII].

Создавались данные сочинения по инициативе военного командования, командиров воинских частей или рядовых офицеров. Составляли «Истории...» не специалисты-историки, а офицеры, которые служили в тех частях, написанием истории которых они занимались. Естественно, что они не имели профессиональных навыков исследователей-историков, но при этом большинство из них, безусловно, были высокообразованными людьми своего времени, подвижниками и энтузиастами, взявшими на себя нелёгкую миссию.

Несмотря на отмеченные характерные особенности, популярный характер работ, благодаря которым трудно отнести истории военных учреждений непосредственно к научным историческим сочинениям, всё же, при внимательном рассмотрении, возможно определить и присущие им некоторые черты научности.

Прежде всего, «Истории...» опирались на обширную источниковую базу. Основным видом источников для них были официальные документы: приказы по военному ведомству и военным учреждениям, послужные списки личного состава, отчёты инспектирующих лиц, различные материалы полковых архивов. При этом труды, как правило, сопровождались статистическими таблицами, списками военнослужащих, персоналиями, выдержками из приказов и другими документами, многие из которых впоследствии оказались утраченными. Теперь же, благодаря включенности их в «Истории...», мы имеем бесценную возможность использования этой документальной базы по военной истории.

Спецификой «Историй...» является также и значительное использование мемуаристики. В них включались как воспоминания ветеранов полков и учреждений, так и самих авторов «Историй...», что сегодня превращает их в ценный источник по изучению военного менталитета.

От этих трудов невозможно, пожалуй, ожидать глубины теоретического осмысления, однако авторы весьма добросовестно проводили работу по кропотливому сбору первоначального фактического материала, его первичной обработке. При этом они осознанно или неосознанно использовали общенаучные методы: описательный, сравнительный, генетический и т. д.

Необходимо отметить, что, несмотря на официальный характер «Историй...», они не носят характер парадных, лощёных отчётов. Они содержат не только положительные отзывы о деятельности военных учреждений, но и иногда и критику, подчас довольно суровую, начальствующих лиц или состояния дел. Авторы «Историй...» стремятся к объективности, уравновешенности в изложении материала, что также придаёт им определённую наукообразность.

Многие подобные произведения были созданы в провинции и посвящены воинским подразделениям, дислоцирующимся в различных городах империи. Не стали исключением и военные учреждения, расположенные в городах Западной Сибири.

Во второй половине XIX – начале XX вв. военной столицей Западной Сибири был Омск. С 1865 г. он являлся центром Западно-Сибирского (Омского, Сибирского) военного округа. В городе находилось значительное количество военных заведений и воинских частей, служило множество офицеров. Офицерство и военное чиновничество (преподаватели Сибирского кадетского корпуса, военные вра-

чи, военные топографы) были частью интеллектуальной элиты городского сообщества. Благодаря их деятельности, в городе развивались образование, наука, благотворительность, медицина [4, с. 277]. Поэтому не случайно, что в Омске был создан целый ряд трудов по истории военных учреждений, расположенных в городе.

Прежде всего, это работы, посвящённые Сибирскому кадетскому корпусу и его юбилейным датам. Труды по истории кадетского корпуса были подготовлены специальными историческими комиссиями, состоявшими из преподавателей корпуса и созданными именно для этих целей. Среди них – «Исторический очерк образования и развития Сибирского кадетского корпуса (1826–1878)» (1884 г.); «Юбилейная памятка Омского кадетского корпуса. 1813–1913» (1913 г.); «Краткий исторический очерк первого Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса. 1813–1913» (1915 г.). Эти труды содержали подробную историю корпуса, материалы о преподавателях и выпускниках, описывали традиции и быт кадетов, содержали множество фотографий.

Ряд трудов был посвящён истории различных воинских частей, которые дислоцировались в Омске. Стоит упомянуть следующие издания в этом ряду – «Краткий очерк жизни и деятельности 1-го Западно-Сибирского Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича линейного батальона за период с 1831 по 1893 г.», составленный поручиком И. Н. Доброхотовым; «Памятка 43 Сибирского стрелкового полка (1711–1911)», написанная капитаном И. П. Крыловым и изданная в 1911 г.; «История 10-го Пехотного Сибирского резервного Омского полка (1865–1907)», созданная подполковником Н. М. Фукиным и опубликованная в 1907 г. [5, с. 90].

В других городах Западной Сибири военными также были написаны истории воинских частей, расположенных в них. В Тобольске в 1886 г. был издан «Краткий исторический очерк Тобольского резервного пехотного батальона (с 1711 г.)», составленный штабс-капитаном С. Н. Мамеевым. В Томске в 1912 г. капитан П. И. Иванов написал работу «42-й Сибирский стрелковый полк. 1711–1911». В Барнауле в 1911 г. вышел труд историка М. К. Соколовского, написанный под руководством командира полка, полковника С. Н. Писарева, – «Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка: 1711–1911».

В этих трудах описываются история создания воинских подразделений, знаменательные события в их жизни (посещение царствующих особ, военных министров), участие в войнах и подвиги солдат и офицеров, награды и т. п. По мнению современных исследователей, подобные работы «являются наиболее ярким свидетельством вклада офицеров в отечественную историографию» [1, с. 303]. Кроме того, данные труды могут представлять большой интерес и для исследователей гражданской истории. В них отражаются история освоения региона; взаимоотношения военных с властями, горожанами; участие армии в событиях городской жизни, формировании элементов городской инфраструктуры.

Таким образом, «Истории...» военных учреждений являются интереснейшими источниками для изучения военно-исторической мысли эпохи, а также способов трансляции традиций, культуры, исторической памяти, бытующей в военной среде дореволюционной России. Также они являются ценным источником для изучения взаимоотношений армии и общества, региональной истории.

Список источников и литературы

1. *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.
2. Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. – Т. XI. – СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1913. – 322 с.
3. *Фукин (подполковник).* История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка, 1865–1907 гг. / сост. подполковник Фукин. – Омск: Тип. К. И. Демидовой, 1907. – 555 с.
4. *Гефнер О. В.* Военный фактор в формировании культурной инфраструктуры городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2017. – № 3. – С. 276–281.
5. *Гефнер О. В.* История в образовании и воспитании военных русской армии в конце XIX – начале XX вв. (на материалах Западной Сибири) // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2019. – № 1. – С. 86–91.

Гефнер Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

А. А. Крих

СЛУЖЕБНЫЕ ПОЕЗДКИ Г. Е. КАТАНАЕВА В 1880–1890-х гг. КАК ФОРМА НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Работы Г. Е. Катанаева в виде научных публикаций, мемуаров, путевых дневников являются важными источниками информации при изучении истории и этнографии Западной Сибири и Степного края. Исследовательская методика сбора полевого материала Г. Е. Катанаевым сложилась под влиянием общей традиции, существовавшей в Русском географическом обществе, и тех обстоятельств, в которых находился Западно-Сибирский отдел Русского географического общества, главой которого Г. Е. Катанаев являлся с 1893 г. по 1897 г. Осуществление научных исследований в ходе служебных командировок членами Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, с одной стороны, являлось яркой характеристикой кризиса деятельности общества, а с другой – способствовало выработке новых исследовательских подходов и практик.

Ключевые слова: изучение Сибири и Степного края; Западно-Сибирский отдел Русского географического общества; Георгий Ефремович Катанаев.

A. A. Krikh

G. E. KATANAEV'S OFFICIAL JOURNEYS IN 1880–1890s AS FORM OF SCIENTIFIC ACTIVITY

G. E. Katanaev's works in the form of scientific publications, memoirs, travel diaries are important sources of information for the research in history and ethnography of Western Siberia and the Steppe Region. G. E. Katanaev's research methods for collecting field material developed under the influence of the general tradition prevailing in the Russian Geographical Society and the circumstances of the West Siberian department of the Russian Geographical Society existence (Katanaev was the head of the Department in 1893–1897). The implementation of scientific research during business trips of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society members, on the one hand, was a vivid characteristic of the Society activities crisis, and on the other hand, it contributed to the development of new research approaches and practices.

Keywords: research of Siberia and the Steppe Region; West Siberian Department of the Russian Geographical Society; Georgiy Efremovich Katanaev.

На начальном этапе существования Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ЗСОИРГО) предпринималась попытка превратить Омск в центр среднеазиатских исследований. Однако с уходом в отставку

в 1881 г. генерал-губернатора Н. Г. Казнакова финансирование экспедиций Отдела краевой администрацией сошло на нет, хотя тесные связи ЗСОИРГО с военными и гражданскими ведомствами продолжали развиваться. С окончанием «эпохи больших экспедиций» значение для функционирования Западно-Сибирского отдела ИРГО как научно-исследовательской организации приобрели служебные командировки его членов, являвшихся сотрудниками военной администрации края, прежде всего – Омского военно-топографического отдела Штаба и Министерства земледелия и государственных имуществ. За период с 1878 по 1901 гг. члены ЗСОИРГО приняли участие в 64 экспедициях, из которых порядка 44 % являлись служебными поездками [подсчитано по: 1, с. 81–84; 2, с. 4–10; 3, с. 6–10].

Одним из активных членов ЗСОИРГО, совмещавших свои научные интересы, административную деятельность в Отделе с военной карьерой, являлся Георгий Ефремович Катанаев, который считал вполне естественным и полезным «... объединять частный почин с правительственно-казённым» в тех ситуациях, когда его прямые служебные обязанности предоставляли ему такое право и возможность [4, с. 125]. Его первая служебная командировка, отразившаяся в отчётных материалах ЗСОИРГО, было совершена в 1885 г. к озеру Зайсан по заданию войскового начальства Сибирского казачьего войска для изучения войсковых оброчных рыболовных статей [5, с. 9]. По существовавшей в Отделе практике Г. Е. Катанаев перед командировкой заранее составил программу сбора материала по экономическому быту киргизского населения Иртышско-Бийской казачьей линии, побережья Зайсана и Черного Иртыша [5, с. 9].

В ходе поездки Катанаев использовал административный ресурс, собирая в казачьих станицах для сбора информации до десятка «...более сведущих и заслуживающих доверия местных жителей» [6, с. 2] и, прежде, чем перейти к сути интересующих его вопросов, дополнительными расспросами о местной жизни, в течение полчаса разговоров, настраивал информантов на нужную ему тему: о количестве зажиточных, средних и неимущих семейств в станице с дальнейшим переходом к составлению описи предметов домашнего обихода и хозяйственных занятий, характерных для семей среднего достатка. Во время проведения беседы Г. Е. Катанаеву приходилось убеждать своих респондентов в отсутствии фискаль-

ного умысла в его вопросах об экономическом благосостоянии станичников [6, с. 3]. Однако, с помощью коллективной беседы, интервьюер получал некий усреднённый, удобный для всех респондентов, ответ на щекотливые экономические вопросы.

Помимо личного участия в опросах, Катанаев использовал доверенных лиц, которым считал возможным поручить сбор расценок описей, собрав, таким образом, 10 описей имущества казачьих семей в разных пунктах Акмолинской и Семипалатинской областей и в двух казахских аулах Семипалатинской области [6, с. 4]. Полученные от других лиц данные Г. Е. Катанаев перепроверял «... как личными ... наблюдениями, так и расспросами... вполне компетентных лиц» [6, с. 5, 6]. Воодушевлённый первым опытом сбора полевого материала, Г. Е. Катанаев считал «положительно необходимым» расширить географический и этнографический охват исследования: «... в размерах возможно широких, по всей территории Западной Сибири (не говоря о других местностях), в среде казаков, крестьян разных округов, киргиз, татар таранчей и проч. » [6, с. 4].

Во время служебных командировок Г. Е. Катанаев вёл путевые дневники. В Историческом архиве Омской области в фонде 366 сохранилось 10 путевых дневников, повествующих о жизни населения на Сибирских казачьих линиях. Одна из значимых служебных поездок была совершена летом 1893 г. Поездке предшествовала серьёзная научная подготовка: 15 марта 1893 г. на заседании распорядительной комиссии Отдела Г. Е. Катанаев представил в качестве «... наиболее важной и неотложной задачи отдела... изучение вопроса об усыхании озёр в Западной Сибири» и предложил свою программу исследования этого явления, основанную на традиционном для ЗСОИРГО методе рассылки «...особых вопросных бланков в сельские и волостные учреждения, учителям, духовенству и всем лицам, более или менее известным Отделу и живущими в пределах предполагаемых исследований» [7, с. 9–10]. На общем годичном собрании Отдела 16 апреля 1893 г. программа Катанаева по изучению озёр и рек степного района Западной Сибири была утверждена и опубликована в «Записках ЗСОИРГО» [8, с. I–IV, 1–8]. Отдельным тиражом в 500 экз. программа была разослана не только корреспондентам ЗСОИРГО в уездах Степного края, Тобольской и Томской губерний, но и «всем прочим неизвестным Распорядительному Комитету лицам», «через посредство и ближайшее содей-

ствие тех же атаманов отделов, уездных начальников и чиновников по крестьянским делам...» [9, с. 4].

Г. Е. Катанаев возлагал большие надежды на данный способ сбора материала: «Нет сомнения, что желающих откликнуться на запрос Географического Отдела найдётся немало, и я уверен, что к зиме же текущего года (1893 г. – *А. К.*) Отдел будет обладать таким богатым материалом по истории вод степного района за текущее столетие, что лицам, которые пожелают разобраться в грудах имеемого быть доставленным таким путём материала, представиться возможность в ближайшем же будущем дать довольно определённый ответ на интересующий нас вопрос о будущности водоёмов степного района» [9, с. 5]. Однако «...дело пошло не так быстро, как ожидалось»: из всего числа разосланных программ к концу 1893 г. вернулось в Отдел с ответами лишь 12 экземпляров [10, с. 7].

Провал программы компенсировался тем материалом, который был получен от старожилов более сорока казачьих и крестьянских поселений и нескольких десятков кочующих казахов непосредственно самим Г. Е. Катанаевым во время его летней инспекционной поездки по Омскому, Петропавловскому, Кокчетавскому и Атбасарскому уездам [10, с. 8]. Помимо устных опросов производился замер уровня воды в степных озёрах специально приобретёнными на средства Отдела для этой поездки инструментами [11, с. 17–18]. В сохранившемся отрывке путевого дневника, охватывающем период с 11 июня по 6 июля 1893 г., Г. Е. Катанаев описывает историю и современное состояние 20 озёр и 13 рек Степного края (подсчитано по: [13]). Дневник содержит беглые зарисовки береговых линий некоторых наиболее крупных озёр, развёрнутые описания растительности и рельефа «озёрного края». Попутно Г. Е. Катанаев составляет подробные этнографические описания населения, проживающего в станицах и деревнях Кокчетавского округа Акмолинской области [14].

В 1894–1896 гг. Г. Е. Катанаев также использовал свои служебные командировки для продолжения наблюдений за водоёмами и лесами Степного края и влияния на них хозяйственной деятельности крестьян, казаков и казахов [3, с. 9], однако такой существенной поддержки со стороны ЗСОИРГО они уже не получали.

Таким образом, в условиях жёсткой экономии бюджета Западно-Сибирским отделом, распространение получает формат научных полевых исследований, выполняемых в ходе служебных команди-

ровок членов Отдела. Такие поездки отличались краткосрочностью и устраивались, как правило, в летний период, имели маршрутный (маршрутно-кустовой) характер, а сами исследования проводились, в целях экономии времени, по заранее продуманной программе вопросов, адресуемых признанным в определённой области специалистам. Для Г. Е. Катанаева таковыми выступали представители местной станичной администрации, как ныне служащие, так и находящиеся в отставке; в редких случаях экспертами становились священники при станичных церквях.

Список источников и литературы

1. *Семенов В. Ф.* Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. – Омск: Изд-е ЗСОИРГО, Тип.-лит. «Омгосполиграф», 1927. – 144 с.
2. Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Кн. 8. – Вып. 1. – Омск, 1886. – С. 4–10.
3. Справочник к обзору деятельности Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1877–1910 годы. – Омск: Тип. Штаба Омского военного округа, 1911. – 123 с.
4. *Катанаев Г. Е.* На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2005. – 367 с.
5. Отчёт Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества с 1-го января 1885 г. по 1-е июля 1886 г. // Записки ЗСОИРГО. – Кн. VIII. – Вып. 1. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1886. – С. 1–48.
6. *Катанаев Г. Е.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XV. – Вып. 2. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1893. – С. 1–38.
7. Протокол заседания Распорядительного комитета 15 марта 1893 г. № 27 // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XVI. – Вып. 2–3. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1894. – С. 9–10.
8. *Катанаев Г. Е.* Программа для собирания сведений об озёрах и реках Степного района Западной Сибири // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XV. – Вып. 2. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1893. – С. I–IV, 1–8.
9. Доклад председателя Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества Г. Е. Катанаева, Распорядительному комитету сего Отдела об организации наблюдений над реками и озёрами степного района Западной Сибири // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XV. – Вып. 2. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1893. – С. 1–10.

10. Отчёт о деятельности Западно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества за 1893 год // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XVI. – Вып. 2–3. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1894. – С. 1–22.
11. Протокол заседания Распорядительного комитета от 29 мая 1893 г. № 34 // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XVI. – Вып. 2–3. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1894. – С. 17–18.
12. Протокол заседания Общего собрания от 15 октября 1893 г. № 35 // Записки ЗСОИРГО. – Кн. XVII. – Вып. 1. – Омск: Тип. Окр. штаба, 1894. – С. 1–3.
13. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 366. Оп. 1. Д. 417. 69 л.
14. *Крих А. А.* Этнографические заметки о населении Киргизской степи в путевом дневнике Г. Е. Катанаева 1893 г. // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». – 2020. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 201–216.

Крих Анна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Ю. В. Герасимов, К. А. Дегтярев, М. А. Корусенко

**ИССЛЕДОВАНИЕ УКРЕПЛЕНИЙ ТАРСКОЙ ДИСТАНЦИИ
НОВО-ИШИМСКОЙ (ПРЕСНОГОРЬКОВСКОЙ) ЛИНИИ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ***

Цель исследования – обобщение истории изучения и авторских подходов в работах, посвящённых Ново-Ишимской линии укреплений XVIII в. В статье рассматриваются историографические источники исследуемой проблемы, включая материалы полевых работ на Тарской дистанции Ново-Ишимской линии 2021 г. Научная новизна заключается в совместном использовании как публикаций, так и материалов полевых исследований.

Ключевые слова: Тарская дистанция; Горькая линия; укрепления; крепость; редут; Омская область.

U. V. Gerasimov, K. A. Degtuarev, M. A. Korusenko

**RESEARCH OF THE FORTIFICATIONS OF THE TARSKAYA DISTANCE
OF THE NEW-ISHIM (PRESNOGORKOVSKAYA) LINE:
HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

The purpose of the research is to summarize the history of the study and the author's methods in the works devoted to the Novo-Ishim line of fortifications of the 18th century. The article considers the historiographical sources of the problem, including the materials of field work on the Tarskaya distance of the Novo-Ishim line in 2021. The scientific novelty lies in the joint use of both publications and field research materials.

Keywords: the Tarskaya distance; Gorkaya line; fortifications; keep; redoubt; Omsk region.

В настоящей работе авторы ставят своей целью обобщение сведений об исследованиях, так или иначе затрагивающих вопросы строительства и функционирования уникального оборонительного сооружения XVIII в. – Ново-Ишимской (Пресногорьковской) оборонительной линии. Основное внимание мы уделим исследованиям, касающимся Тарской дистанции этой линии укреплений.

Хронологически исследования по интересующему нас вопросу можно разделить на 2 периода – дореволюционный (XVIII – начало XX в.) и современный (середина XX – начало XXI вв.). Что касает-

* Работа выполнена в рамках реализации проекта «Геоинформационная система «Сибирские оборонительные линии XVIII в.» фонда «История Отечества».

ся дореволюционного периода, то некоторые сведения об обустройстве Ново-Ишимской оборонительной линии мы встречаем у путешественников XVIII в. и исследователей XIX в.

Так, например, академик И. П. Фальк в своих записях от 1771 г. о посещении одной из крепостей Тарской дистанции сообщает следующее: «При ней (*при Николаевской крепости – авт.*) есть слобода, окружённая рогатками. В ней находится: 1 деревянная церковь, 140 дворов жителей, кроме гарнизона, 355 душ мужского и 350 женского пола» [1, с. 365]. У П. А. Словцова обнаруживаем описание части Ново-Ишимской укрепленной линии: «На восточной стороне ея 4 крепости: Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Покровская, с 9 редутами, считая и Елисаветенский маяк на левом берегу Иртыша, против Омска» [2, с. 468]. Здесь следует отметить, что тематика освоения юга Западной Сибири и военного противостояния Российской Империи и кочевого населения Средней Азии в XVIII в., а также история Сибирского казачьего войска, в течение длительного периода времени была вне поля зрения советских учёных.

Лишь к 50-х гг. XX в. начинаются первые попытки изучения и систематизации имеющихся данных по этим проблемам. В 1953 г. выходит работа Н. В. Горбаня «Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей» [3]. В публикации дана краткая хронология планирования и строительства Ново-Ишимской линии укреплений, что избавляет нас от необходимости повторять её в данной статье [3, с. 206–207]. Автор отмечает следующие укрепления на Тарской дистанции: крепости Покровская (1755 г.) и две Николаевских (1755 и 1761 гг. постройки), редуты Иртышский, Мельничный, Степной, Дубровный, Пустоозёрный, Волчий, Горький, Солёноозёрный, Лосев, Тарский (все – 1755 г.), редуты Пустоозёрный и Волчий (1761 г.). Также у него можно найти информацию об истории заселения данной территории переселенцами из Европейской России. Необходимо отметить, что это была первая работа, где представлена систематизированная информация о Ново-Ишимской линии укреплений. Указанная статья стала одной из первых в формировании направления исторических исследований освоения Сибири в хозяйственно-экономическом, военном, политическом и т. д. аспектах.

Тогда же начал формироваться подход, который можно охарактеризовать как *предметный*, когда исследователи начали изучать части Ново-Ишимской линии как объекты историко-культур-

ного наследия с использованием архивных и полевых материалов. Уже в 1958 г. один из ярких представителей такого подхода, А. Ф. Палашенков, изучает в Центральном Военно-историческом архиве картографические материалы, планы и схемы крепостей и редутов Ново-Ишимской линии. Летом этого же года он совершает рекогносцировочные выезды и по архивным материалам находит обе крепости Тарской дистанции: Николаевскую (1761 г.) и Покровскую (1755 г.), а также редуты Мельничный, Степной, Курганский, Лосев и Волчий (все – 1761 г.). В 1970 г. в Омском, Марьяновском и Москаленском районах Омской области работает А. Д. Колесников; в рамках написания истории освоения территории края, он уделяет внимание и описанию укреплений Ново-Ишимской линии. Им осмотрены редуты Волчий и Степной (1761 г.), Покровская крепость, а также посёлок Мельничный [4, с. 37]. В 1971–1972 гг. к группе исследователей присоединяется доктор географических наук Д. Н. Фиалков, возглавлявший геодезическую экспедицию в районы расположения редутов и крепостей Тарской дистанции Ново-Ишимской линии. Была выполнена их глазомерная съёмка, шурфовка крепостей Николаевской (1761 г.) и Покровской (1755 г.), редутов Волчьего (1761 г.), Лосева (1755 г.), Степного (1761 г.) и Курганского (1761 г.) [5]. На аэрофотоснимке он выделил фрагмент вала Мельничного редута, который, по мнению учёного, находился в 15 м. южнее места расположения разрушенной церкви [5, с. 59].

В конце XX – начале XXI вв. появляются исследования, касающиеся военной составляющей освоения Сибири. К ним нужно отнести исследования Ю. Г. Недбая. В 2001 г. он издаёт двухтомный труд «История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.)» [6], где делает основной акцент на социально-экономических отношениях в среде сибирского казачества. Автором, среди прочего, описаны некоторые сюжеты, связанные со строительством Ново-Ишимской линии.

В 2007 г. С. Р. Муратова защитила диссертацию по теме «Сибирские укрепленные линии XVIII века» [7]. Несмотря на общеисторический подход, данный труд представляет значительный интерес как историографический источник.

И. П. Каменецкий в 2017 г. выпускает две статьи: «Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.)» [8] и «Командующие войсками сибирских

укреплённых линий и их роль в обороне и освоения Южной Сибири (1744–1819 гг.)» [9]. В данных работах автор характеризует историю строительства укреплений Ново-Ишимской линии и заселение защищённых ею территорий.

Отдельно следует упомянуть работы А. В. Матвеева и соавторов об исследованиях Омского государственного историко-краеведческого музея, в результате которых была поставлена на государственную охрану часть объектов Тарской дистанции Ново-Ишимской укрепленной линии: ров и вал Николаевской крепости, ров и вал Волчьего редута, Покровская крепость, Степной и Мельничный редуты [10–12]. Следует отметить, что далеко не все объекты Ново-Ишимской линии были обнаружены автором и его коллегами [13].

В мае 2021 г. сотрудники Лаборатории историко-культурных экспертиз Омского научного центра СО РАН и Комплексной лаборатории исследований древности и современности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского провели предварительные работы по оценке современного состояния укреплений Тарской дистанции Ново-Ишимской линии укреплений. В ходе полевых работ удалось обнаружить и произвести фотофиксацию и отметить координаты в системе WGS-84 для следующих объектов: крепости Николаевская (1752 г.) и Покровская, редуты Лосева, Волчьего (1761 г.), Курганского, Дубровного, а также обоих Степных.

Не удалось обнаружить редуты Солёноозёрный, Горький, Пустоозёрный и Мельничный. На указанном А. Ф. Палашенковым месте расположения Пустоозёрного редута сейчас расположено солончаковое непроходимое высокотравное болото. По Мельничному редуту ситуация с его расположением выглядит ещё более запутанной. Есть сведения о фиксации его А. Ф. Палашенковым, есть предположения о месте его размещения, высказанные после анализа аэрофотоснимков Д. Н. Фиалковым [5, с. 59], есть даже учётная документация на этот памятник. Однако поиски этого фортификационного сооружения А. В. Матвеевым и его коллегами не увенчались успехом. Во время поиска Мельничного редута в 2021 г. М. А. Корусенко была опрошена местная жительница. Она указала, что в 80-х гг. XX в. на берегу реки Камышловка у моста местные жители обнаружили алебарду и серию монет XVIII в. К сожалению, местонахождение обнаруженных находок, как и место расположения редута, сейчас неизвестно.

В заключение отметим, что изученные публикации и выявленные авторские подходы позволили нам обнаружить проблемные области, которые нужно исследовать в первую очередь. К ним относятся, например, варианты размещения того или иного редута или крепости на Тарской дистанции; фиксация современного состояния; инструментальная съёмка; установление точных географических координат фортификационных сооружений и обнаружение сведений об истории конкретного укрепления и т. д.

Список источников и литературы

1. Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению её президента: с примечаниями, изъяснениями и дополнениями, 1818–1825. – Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. – СПб., 1824. – 546 с.
2. *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. – М.: Вече, 2012. – 512 с.
3. *Горбань Н. В.* Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии. Сб. 31: История географических знаний и историческая география СССР. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1953. – С. 206–227.
4. *Колесников А. Д.* Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. – Омск: Обл. ист.-патриот. об-ние «Моя земля», 1999. – 105 с.
5. *Фиалков Д. Н.* Горькая линия военных укреплений // Записки по краеведению Омской области. – Омск: [б. и.], 1972. – С. 52–61.
6. *Недбай Ю. Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): в 2 т. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. – Т. 1. – 404 с.; Т. 2. – 398 с.
7. *Муратова С. Р.* Сибирские укрепленные линии XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2007. – 241 с.
8. *Каменецкий И. П.* Командный состав Сибирских укрепленных линий и его служебная деятельность (1744–1819 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 1. – С. 98–102.
9. *Каменецкий И. П.* Командующие войсками сибирских укрепленных линий и их роль в обороне и освоении Южной Сибири (1744–1819 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 10. – С. 81–87.
10. *Матвеев А. В.* Ново-Ишимская (Горькая) линия военных укреплений XVIII в.: (источники, история изучения, результаты последних исследований) // Изв. ОГИК музея. – Омск: ОГИК музей, 2000. – № 8. – С. 75–93.
11. *Матвеев А. В.* Исследования Ишимской и Ново-Ишимской (Горькой) укрепленных линий XVIII века на территории современной Омской

- области // Исторический ежегодник. – 2001. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. – С. 58–68.
12. *Матвеев А. В.* Русские военно-оборонительные сооружения Среднего Прииртышья XVI в. – первой половины XVIII в. (история и археология) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 79–96.
13. *Матвеев А. В.* Ненайденные укрепления тарской дистанции Ново-Ишимской оборонительной линии XVIII века // Русский вопрос: история и современность: матер. V Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: Наука, 2005. – С. 223–224.

Герасимов Юрий Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Дегтярев Константин Александрович – младший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Корусенко Михаил Андреевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Омск)

Г. К. Казаков

**РАННИЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ СИНЬЦЗЯНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
80-х гг. XX в.)**

В статье рассматриваются ключевые вопросы, возникшие в 80-е гг. XX в. в рамках изучения китайскими археологами каменных изваяний, обнаруженных на территории Синьцзяна. Среди наиболее обсуждаемых вопросов – классификация, возможная периодизация и назначение каменных изваяний региона. Наиболее дискуссионный вопрос – тюркское или более раннее, южносибирское происхождение у каменных изваяний на территории Синьцзяна.

Ключевые слова: Синьцзян; археология; каменные изваяния; турки; КНР.

G. K. Kazakov

**AN EARLY STAGE IN THE STUDY OF XINJIANG STONE STATUES
(BASED ON THE MATERIALS OF CHINESE RESEARCHERS
OF THE 1980s)**

The article examines the key issues that arose in the 1980s as part of the Chinese archaeologists' study of stone statues found in Xinjiang. The classification, possible chronology, and purpose of the stone statues of the region are the most discussed issues. The most controversial issue is the Turkic or even earlier, South Siberian origin of the stone statues on the territory of Xinjiang.

Keywords: Xinjiang; archeology; stone statues; Turks; PRC.

Каменные изваяния Синьцзяна являются важными источниками для изучения истории Центральной Азии. Они привлекают широкое внимание учёных многих стран (Китая, России, Казахстана, Монголии и др.). Исследователи пытаются выяснить происхождение и этническую принадлежность создателей изваяний, а также особенности культуры, религии и искусства разных народов. С конца XIX в. в горах Алтая и Тянь-Шаня, в Семиречье и на других территориях было обнаружено более тысячи древних и средневековых изваяний, изучение которых продолжается до сих пор. Большой научный интерес представляет обширная группа каменных изваяний, обнаруженных в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики (далее – СУАР КНР). На протяжении длительного времени СУАР оставался регионом, за-

крытым для иностранных исследователей, и потому изучение археологических памятников китайскими специалистами во многом проходило независимо от их западных коллег.

К середине 80-х гг. прошлого века общее количество каменных изваяний, найденных в Синьцзяне, составляло около сотни. Арéal их расположения очень широк. Их находили в следующих районах СУАР: Чжаосу (昭苏), Текес (特克斯), Боро-тала (博尔塔拉), Вэньцюань (温泉), Алтай (阿勒泰), Фуюнь (富蕴), Цинхэ (青河), Джимунай (吉木乃), Баркол (巴里坤), Хами (哈密), Иу (伊吾), Цитай (奇台), Джимсар (吉木萨尔), Баинбулукэ (巴音布鲁克), Аксу (阿克苏) [1, с. 101–150]. Некоторые из них расположены вкопанными у погребально-поминальных сооружений, другие лежали на их поверхности или рядом. Часть обнаружена на пересечённой местности.

Наиболее хорошо изученными памятниками на тот момент являлись следующие: изваяние в степи Аркат уезда Вэньцюань (阿尔卡特石人); изваяние Сяохуннахай в уезде Чжаосу (小洪那海石人), каменные изваяния Чемурчека (克尔水齐石人), изваяния Баньцзегоу в уезде Цитай (奇台半截沟石人), каменные изваяния Баркола (巴里坤石人) [2, с. 12–16].

Китайские авторы рассматриваемого периода выделяли множество критериев для возможной классификации каменных изваяний Синьцзяна [1, с. 153–215]. Среди них отметим три главных критерия, предложенных Чэнь Лянвэем (陈良伟) [3, с. 65–66], которые позволяют выделить два основных типа каменных изваяний на территории СУАР: особенности изображения, техника резьбы и этнические черты изображённых людей. Большую часть обнаруженных каменных изваяний можно отнести к одному из двух типов. Изваяния первого типа изображают человека в полный рост, включая голову, шею, грудь, ноги, обувь, одежду, бороды, сосуды для питья, кинжалы, жесты рук и др. На изваяниях второго типа основное внимание уделено оформлению лица и головы, а оформление изваяния ниже шеи практически полностью игнорируется.

С точки зрения техники резьбы каменные изваяния Синьцзяна также условно были разделены на два типа, которые соотносятся с указанными критериями классификации. Мастера, занимавшиеся изготовлением изваяний с акцентом на изображении головы, использовали смесь рельефной техники и техники круглой резьбы

(в основном, рельефную технику). Мастера, умевшие вырезать всё тело, были больше увлечены техникой выбивки. Помимо этого, они освоили не только рельефную и круглую резьбу, но и высокие и низкие ступени круглой резьбы, горельефа и барельефа. Например, они в основном использовали круглые скульптуры для всего моделирования, с барельефами и резными вставками между ними, в то время как горельефы и гравировка использовались для изображения частей тела, сосудов для вина, оружия и прочих деталей. Различные техники резьбы подразумевают, что создатели двух типов статуй принадлежали к разным историческим периодам и находились на разных уровнях развития материальной культуры.

В качестве ещё одного критерия для разделения каменных изваяний на территории Синьцзяна на два типа выступает возможная этническая принадлежность изображённых людей. На изваяниях, представляющих людей в полный рост, наиболее сильно проявляются черты, свойственные представителям монголоидной расы. У них широкое лицо, густые брови, надутый нос, большой рот и плоское лицо. На изваяниях, где тщательно изображалась только голова, наиболее выражены черты, присущие представителям европеоидной расы: более узкое лицо, большие, глубоко посаженные глаза, высокий нос и маленький рот.

Данная классификация позволила Чэню Лянвэю прийти к выводу, что в Синьцзяне есть, как минимум, два типа каменных изваяний, которые никаким образом не соотносятся друг с другом [3, с. 66]. На изваяниях первого типа отчётливо изображена только голова, а на изваяниях второго типа детально изображено всё тело. При создании изваяний первого типа использовались только техники рельефной и круглой резьбы, в то время как создатели второго типа каменных скульптур активно использовали рельеф, горельеф, барельеф, круглую резьбу, гравировку и практиковали смешанное применение нескольких техник. На изображениях первого типа отчётливо видны этнические черты, присущие европеоидам, а на изображениях второго типа – монголоидов. Данные выводы стимулировали дальнейшие дискуссии касательно интерпретации каменных изваяний Синьцзяна.

Наиболее остро стоял вопрос о хронологии каменных изваяний, найденных на территории Синьцзяна. Большая часть исследователей рассматриваемого периода полагала, что их возраст приходится на VI–IX вв. н. э. и отражает материальное наследие тюркского времени [4]. Однако некоторые авторы считали такое однозначное определение в отношении всех каменных изваяний на тер-

ритории Синьцзяна слишком категоричным и недостоверным [3, с. 68]. Было выдвинуто предположение, что уже в дотюркский период кочевые народы в северном Синьцзяне, горах Тянь-Шань, в Южной Сибири и Казахстане имели обычай изготовления каменных и деревянных изваяний, а при их изготовлении особое внимание уделяли именно детальному оформлению головной части.

Таким образом, традиция создания каменных статуй 1-го типа (с акцентом на изображении головной части) относится к более ранней исторической эпохе и впоследствии эволюционировала. Она могла быть перенята тюркскими народами, поселившимися на территории Синьцзяна.

Что касается назначения каменных изваяний на территории Синьцзяна, то китайскими исследователями признается разное назначение двух выделенных типов. Функция каменных изваяний тюркского времени имеет погребальный характер, такие изваяния были призваны увековечить память об умерших людях. Нетюркские каменные изваяния относятся к более раннему и продолжительному периоду. Они выполняли роль либо прижизненных памятников, либо создавались как место для души умерших.

Наиболее острые дискуссии в среде китайских исследователей вызвал вопрос о происхождении каменных изваяний на территории СУАР. Уязвимой является точка зрения об исключительно тюркском происхождении всех изваяний [5], несмотря на все видимые отличия между ними. Рассматривались теории о среднеазиатском и среднекитайском происхождении. Но в 80-е гг. XX в. происходит более тесное знакомство китайских авторов с результатами работы советских археологов на территории Южной Сибири, Монголии и среднеазиатских республик бывшего СССР [6; 7]. Такое взаимодействие позволило произвести сравнение каменных изваяний Синьцзяна и Южной Сибири и сделать предположение о значительном влиянии народов, населявших Южную Сибирь, на дотюркское население Синьцзяна [3, с. 69–70].

Так, есть определённые различия между каменными статуями, обнаруженными в Южной Сибири, и каменными статуями в Синьцзяне. Во-первых, южносибирские каменные изваяния, в отличие от изваяний на территории Синьцзяна, часто имеют головные уборы в форме княжеской короны; во-вторых, южно-сибирские каменные изваяния часто имеют резные линии на лицевой части, лбу, щеках, уголках рта и т. д., в то время как каменные скульптуры в Синьцзяне не имеют таких особенностей; в-третьих, каменные изваяния

южной Сибири в основном украшены масками, изображающими животных, например, волка или тигра, тогда как каменные изваяния Синьцзяна не имеют такой отличительной черты.

Однако наблюдается и много общего между каменными изваяниями, обнаруженными в Южной Сибири, и каменными статуями в Синьцзяне. Во-первых, в обоих регионах для изготовления изваяний использовались гранит и кремневые полосы или плиты; во-вторых, высота изваяний в обоих регионах одинакова, от 1,5 до 2,1 метров; в-третьих, ранние изваяния в обоих регионах были сосредоточены на оформлении головной части изображения; в-четвёртых, на изваяниях в обоих регионах отчётливо прослеживаются европеоидные черты лица; в-пятых, изваяния в обоих регионах были связаны с религиозными верованиями и погребальными обрядами; в-шестых, прослеживаются схожие художественные особенности изваяний в плане использования техник резьбы.

Основываясь на вышеупомянутых сходствах и различиях, были сделаны выводы о том, что сходства преобладают над различиями, которые, в первую очередь, связаны с традиционными культурными особенностями разных племён, независимо от региона. С точки зрения хронологии, каменные изваяния Южной Сибири датируются значительно раньше, чем изваяния в Синьцзяне. Таким образом, было выдвинуто предположение о том, что каменные изваяния Синьцзяна происходят из южносибирского региона. В сочетании с другими культурными явлениями, такими, как форма гробниц, система захоронения, погребальные обряды и обычаи, форма керамики, особенности производства керамической посуды, стиль бронзовой посуды и др., значительная схожесть каменных изваяний I-го типа (с акцентом на изображении головной части) позволила ряду авторов выдвинуть предположение, что в течение доциньского периода древняя культура Южной Сибири оказывала значительное влияние на древних кочевников в северном и восточном Синьцзяне.

Следовательно, согласно данной теории, каменные изваяния Синьцзяна произошли не в результате влияния народов Великой китайской равнины (中原) и не от народов Средней Азии, а из Южной Сибири. Впоследствии тюрки, заселившие Большой Алтай, переняли и продолжили традицию возведения каменных изваяний на территории Синьцзяна. Наконец, с расширением власти и влияния тюркских народов, культурный обычай создания каменных изваяний был перенесён на территорию Монголии, горы Тянь-Шань, Казахстан, Среднюю Азию и другие регионы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в 80-е гг. XX в. в среде китайских исследователей началось активное изучение каменных изваяний Синьцзяна. Накопленный ранее археологический материал и доступ к переведённым работам советских исследователей, изучавших каменные изваяния Южной Сибири, Монголии и Центральной Азии, способствовали активным дискуссиям о возможном происхождении, классификации и назначении каменных изваяний на территории Синьцзяна.

Список источников и литературы

1. Ван Бо, Сюй Сяошань. Сычоуджилу цаююань шижэнь яньцизу [王博、祁小山, 《丝绸之路草原石人研究》, 载《新疆人民出版社》, 1996年, 313页]. Исследования каменных изваяний степей Шелкового пути. – Урумчи: Изд-во Синьцзян жэньминь чубаньшэ [Народное издательство Синьцзяна], 1996. – 313 с.
2. Ван Бинхуа. Тяньшань дунбу дэ шидяо жэньсян [王柄华, 《天山东部的石雕人像》//《新疆文物》, 1985年第1期, 12-16页] Каменные изваяния восточной части гор Тянь-Шань // Синьцзян вэньбу [Памятники культуры Синьцзяна]. – 1985. – № 4. – С. 12–16.
3. Лянвэй Чэнь. Шилунь Сичэн шикэ жэньсян дэ циюань цзици сянгуань вэньти [陈良伟, 《试论西城石刻人像的起源及其相关问题》//《新疆文物》, 1989年第4期, 64-71页]. О происхождении каменных изваяний Синьцзяна и иных вопросах // Синьцзян вэньбу [Памятники культуры Синьцзяна]. – 1989. – № 4. – С. 64–71.
4. Ван Минцзан. Синьцзян гудай шидяо жэньсян цзяньцзе [王明哲, 《新疆古代石雕人像简介》//《新疆社会科学》, 1987年第3期, 121-124页]. Знакомство с древними каменными изваяниями Синьцзяна // Синьцзян шэхуэй кэсюэ [Общественные науки Синьцзяна]. – 1987. – № 3. – С. 121–124.
5. Му Шуньин, Ван Минцзан. Лунь Синьцзян гудай миьнцзу каогу вэньхуа [穆舜英、王明哲: 《论新疆古代民族考古文化》, 载《新疆古代民族文物》, 1985年, 312页]. Об археологической культуре древних народов Синьцзяна. – Урумчи: Изд-во Синьцзян гудай миьнцзу вэньбу [Древние национальные культурные реликвии Синьцзяна], 1985. – 312 с.
6. Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Les idoles anciennes de l'Enisseï. – Л.: Наука, 1967. – 80 с.
7. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 644 с.

Казаков Георгий Константинович – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул)

***Культурное и природное наследие как фактор
и инструмент межкультурного взаимодействия
и туристской привлекательности***

УДК 351.85

Ю. С. Путрик

**МОДЕЛЬ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

Современные интеграционные процессы сферы культуры с другими сферами повышают эффективность использования объектов культурного и природного наследия в целях укрепления цивилизационной идентичности российского народа. Цифровизация в сфере культуры открывает широкие перспективы для обеспечения нового уровня доступности к культурным ценностям благодаря возможностям моделирования процессов взаимодействия историко-культурных ценностей со сферой образования, воспитания, туризма и другими социально и экономически значимыми сферами.

Ключевые слова: культурное наследие; интеграция; цифровизация; моделирование; туризм.

Yu. S. Putrik

**GEOCULTURAL MATRIX MODEL AS A TOOL FOR INTEGRATING
CULTURAL HERITAGE INTO SOCIO-ECONOMIC PROCESSES**

Modern integration processes in the sphere of culture with other spheres increase the efficiency of using objects of cultural and natural heritage in order to strengthen the civilizational identity of the Russian people. Digitalization in the field of culture opens up broad prospects for ensuring a new level of accessibility to cultural values due to the possibilities of modeling the processes of interaction of historical and cultural values with the sphere of education, upbringing, tourism, and other socially and economically significant spheres.

Keywords: cultural heritage; integration; digitalization; modeling; tourism.

Объекты культурного наследия Российской Федерации находятся в постоянном взаимодействии с самыми различными областями деятельности человека и общества, детерминируя перманентный процесс расширяющейся взаимной интеграции культурных ценностей со сферой образования и воспитания, туризмом и другими соци-

ально и экономически значимыми сферами, что в конечном итоге делает более эффективным использование историко-культурного наследия, способствуя тем самым укреплению цивилизационной идентичности российского народа. Цифровизация в сфере культуры открывает широкие возможности для обеспечения нового уровня доступности к культурным ценностям. В национальном проекте «Культура», разработанном в рамках реализации президентского указа «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1], этому актуальному аспекту, наряду с федеральными проектами «Культурная среда» и «Творческие люди», посвящён специальный федеральный проект «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры (“Цифровая культура”)». В паспорте данного федерального проекта предусмотрены мероприятия, направленные на проведение онлайн-трансляций на портале «Культура.РФ», создание виртуальных концертных залов, создание мультимедийных гидов по экспозициям, оцифровку литературных и кинопроизведений, в результате чего граждане получают дополнительные возможности для творческого развития и самореализации в современных учреждениях культуры, а также более широкий доступ к культурным ценностям. В паспорте федерального проекта «Цифровая культура» предусмотрена координация мероприятий проекта с Государственной программой «Развитие культуры» [2] и Государственной программой Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» [3] с соответствующими подпрограммами «Наследие» и «Обеспечение условий реализации государственной программы Российской Федерации “Развитие культуры”» [4].

Новые возможности открываются благодаря цифровизации и в вопросах обеспечения прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного и природного наследия. И для этого к настоящему времени сложились вполне определённые предпосылки. Процессы цифровизации затронули и сферу деятельности по учёту, сохранению, изучению, популяризации и использованию объектов культурного наследия. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – ЕГРОКН), впервые появившийся в 2016 г. в открытом доступе на портале «Открытые данные Министерства культуры России», представляет собой внушительный цифровой массив сведе-

ний, который становится всё более значимой предпосылкой для проведения не только мониторинга, но и более глубоких исследований о состоянии и тенденциях в деле охраны и использования объектов культурного и природного наследия на территории России. В настоящее время ЕГРОКН представляет собой информацию, размещенную в сети интернет в виде систематизированных данных, организованных в формате, обеспечивающем её автоматическую обработку без предварительного изменения пользователем, в целях неоднократного, свободного и бесплатного использования, и содержит сведения о более чем 146 тыс. точечных и комплексных объектов культурного наследия во всех субъектах Российской Федерации [5]. ЕГРОКН включает в себя сведения о более чем 200 тыс. конкретных памятников истории, архитектуры, археологии, искусства. Если обратиться к Федеральному закону № 73-ФЗ (2002 г.), то мы увидим, что Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации представляет собой «...государственную информационную систему, подключаемую к инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, и включающую в себя банк данных, единство и сопоставимость которых обеспечиваются за счет общих принципов формирования реестра, методов и формы ведения реестра» [6]. И там же находим, что «сведения, содержащиеся в реестре, являются основными источниками информации об объектах культурного наследия и их территориях, а также о зонах охраны объектов культурного наследия, защитных зонах объектов культурного наследия при формировании и ведении государственных информационных систем обеспечения градостроительной деятельности, иных информационных систем или банков данных, использующих (учитывающих) данную информацию» [6].

Таким образом, выявление ранее трудно улавливаемых взаимосвязей между показателями наличия и состояния объектов культурного наследия, с одной стороны, и, с другой стороны, показателями социально-экономического развития региона теперь, благодаря формируемым на их основе цифровым контентам, получает новый дополнительный инструментарий, и решение задач по выявлению этих взаимосвязей и взаимозависимостей может теперь осуществляться на новой технологической основе, закреплённой законодательно. Таким инструментарием может стать построение геокультурной матрицы Российской Федерации как совокупности объектов культурного

и природного наследия, представленной в территориальном разрезе (в сетке территориально-административного деления) в едином измерении, как система материальных носителей коллективной исторической памяти, являющейся, во взаимодействии с государственными и общественными гуманитарными институтами, неотъемлемым компонентом информационно-коммуникационного пространства и социокультурной среды современного российского общества в процессе обеспечения поддержания и устойчивой актуализации российской цивилизационной идентичности в меняющихся геополитических и геоэкологических условиях [7]. При этом возникают и актуализируются задачи измерения совокупного историко-культурного потенциала в количественных и качественных интегральных показателях, которые должны рассматриваться в сочетании с объектами природного наследия как неотъемлемой части совокупного цивилизационного потенциала Российской Федерации. Создание и использование геокультурной матрицы будет способствовать поиску и реализации новых возможностей повышения эффективности управления сохранением объектов культурного наследия. В частности, при туристском использовании объектов культурного и природного наследия как базового туристского ресурса актуализируется проблема поиска и более широкого вовлечения объектов историко-культурного и природного наследия в туристский оборот в связи с увеличением внутреннего туристского потока и необходимостью изыскания и продвижения новых центров туристского притяжения.

На первом этапе построения геокультурной матрицы важно создать модель цифровой платформы, состоящую из базовых количественных показателей, на основании которых можно будет производить все последующие расчеты в части выявления особенностей и эффективности использования объектов культурного и природного наследия как на федеральном, так и на региональном уровнях. Моделирование вполне возможно осуществить на основе использования возможностей таблицы в формате *excel* путем заполнения соответствующих ячеек таблицы показателями, отражающими количественные параметры наличия типов объектов культурного и природного наследия, их категорию (например, памятники истории, архитектуры, археологии или искусства федерального, регионального или местного значения), приведенных, при необходимости, к единому знаменателю, позволяющему проводить сопоставления различных регионов по уровню наличия потенциала материальных объектов культурного и природного наследия, а в дальнейшем и выводить индикаторы активности вовлечения

объектов культурного и природного наследия в воспитательный, туристский, образовательный, хозяйственный и иные процессы социокультурного и социально-экономического характера.

Список источников и литературы

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 01.05.2021).
2. Государственная программа «Развитие культуры». Утверждена постановлением Правительства от 15 апреля 2014 г. № 317 // Официальный сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/856/events> (дата обращения: 01.05.2021).
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» // Правовой портал Правительства РФ. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349848&rdk=9> (дата обращения: 01.05.2021).
4. Паспорт федерального проекта «Цифровизация услуг и формирование информационного пространства в сфере культуры (“Цифровая культура”))» // Официальный сайт Министерства культуры РФ. – Режим доступа: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (дата обращения: 01.05.2021).
5. Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Интернет портал «Открытые данные Министерства культуры Российской Федерации». – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn> (дата обращения: 01.05.2021).
6. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. Ст. 15, п. 2 // Информационно-правовой портал «Консультант+». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 01.05.2021).
7. *Путрик Ю. С.* Геокультурная матрица как цифровая платформа изучения объектов культурного наследия в Российской Федерации. // Культурное наследие России: научно-информационный журнал. – 2020. – № 2. – С. 9–10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/geokulturnaya-matritsa-kak-tsifrovaya-platforma-izucheniya-obektov-kulturnogo-naslediya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.05.2021).

Путрик Юрий Степанович – доктор исторических наук, кандидат географических наук, заведующий кафедрой туризма и гостиничного дела Московского гуманитарного университета, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Москва)

С. Г. Гугова, З. А. Целищева

НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ КАК КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с особой ролью информационной культуры в обществе. В работе представлены возможные последствия перехода от знания к «информационному обмену». В статье утверждается, что основная часть культуротворческой работы в этом направлении проводится молодёжью, которая большую часть социальных практик уже сегодня осуществляет в виртуальном мире. Делается вывод, что переход культуры в новое измерение в первую очередь связан с преобразованием самого человека, и поэтому культурная реформация имеет своим результатом рождение нового социокультурного феномена – личность, адаптированную к цифровой среде и способную ей управлять.

Ключевые слова: информационная культура; информационное общество; цифровое общество; молодёжная культура; интернет-коммуникации; информационные потребности.

S. G. Gutova, Z. A. Tselishcheva

A NEW DIMENSION OF CULTURE IN A DIGITAL SOCIETY AS A CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL PHENOMENON

The article discusses issues of current interest related to the special role of information culture in society. The paper presents the possible consequences of the transition from knowledge to “information exchange”. The article argues that the main part of cultural work in this direction is carried out by young people who already carry out most of their social practices in the virtual world. It is concluded that the transition of culture to a new dimension is primarily associated with the transformation of the person himself, and therefore the cultural reformation results in the birth of a new sociocultural phenomenon – a person adapted to the digital environment and able to control it.

Keywords: information culture; information society; digital society; youth culture; Internet communications; information needs.

Информационное общество, а вместе с ним и формирующаяся сегодня цифровая среда всё более ориентированы на создание и применение сложных информационных технологий, которые уже сейчас существенно меняют основные принципы функционирования знания, его созидание, трансляцию, хранение, воспроизводство и накопление. В результате наблюдаются существенные трансфор-

мации ключевых структурных образований, которые отражаются на деятельности основных социокультурных институтов. Стремительно развивающееся интернет-пространство преобразует потребности человека, постепенно делая их наиболее соответствующими новым требованиям информационного общества.

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной научной среде данная тема приобретает всё большую актуальность. Интерес научного сообщества представлен, прежде всего, в междисциплинарной области, поскольку проблемы и связанные с ними опасения полной трансформации культуры в результате погружения её в цифровую среду в ближайшем будущем затрагивают все без исключения социальные процессы в современном обществе. Культура претерпевает сегодня фундаментальные преобразования благодаря её погружению в информационное интернет-пространство. В то же время сеть интернет – это свободный для доступа и наполнения источник информации. Соответственно, возникает вопрос контроля информации в сети, которую в некоторой степени, принято считать социально и экономически опасной [1]. Однако имеет смысл обратиться и к мировоззренческим вопросам, связанным с трансформацией культурных ценностей.

В современном мире особую актуальность приобретает проблема содержательного наполнения интернет-пространства, поскольку именно в нём происходит мощное воздействие на сознание людей, их потребности и, наконец, систему ценностей в целом. Информация, распространенная в интернете и воздействующая на мировоззрение, особенно в сфере повседневных коммуникаций, становится существенным фактором социализации, на которую сложнее повлиять как семье, так и образовательным институтам. Так, например, инновационность многих социальных молодёжных практик имеет сегодня не только позитивные последствия, но и часто, на первоначальном этапе, может иметь деструктивный и даже анти-социальный характер.

Проблемы, которые обозначились сегодня в рамках становления и развития информационной культуры, переходящей в новое измерение, связаны напрямую с процессами, происходящими в общественном сознании, а также зависят от мировых социально-политических, экономических и культурных влияний и, особенно, от воздействия глобализации. С одной стороны, в современном обществе новые информационные технологии создают огромные возможности для раз-

вития коммуникаций, а с другой – возникают опасные тенденции и многие прогнозы указывают на сложности и противоречия, ожидающие человечество в ближайшее время. Особенно уязвимой в этом отношении является современная молодёжь, поскольку именно она, в первую очередь, является и субъектом, создающим новое информационное пространство, и объектом, который более всего поддается трансформации и внешней манипуляции.

Молодёжь, таким образом, как носитель и главный объект информационного воздействия, более других слоев населения подвержена рискам и угрозам со стороны новейших техногенных преобразований в области информационной культуры. Важно подчеркнуть в этом ключе, что именно сегодня мы наблюдаем слияние образования и цифровой среды. Данный процесс осуществляется практически, исключая воспитательный элемент. Поэтому можно предположить, что для молодёжи, благодаря цифровизации ключевых институтов социализации, с одной стороны, открываются серьёзные перспективы в плане улучшения интеллектуальной составляющей образования, а с другой стороны в ближайшем будущем не предлагается альтернатива традиционной системе эстетического и нравственного воспитания. Свобода для молодого человека сегодня – это возможность «...быстро менять собственные установки и убеждения под действием идеологии тех групп, с которыми он себя идентифицирует... обновление социума начинается с постепенной замены ценностей и основных культурных кодов именно в молодёжной культуре» [2, с. 3411].

В рамках современных исследований информационной культуры и цифровой среды в социальном пространстве особое внимание обращается на увеличивающийся разрыв между информацией и знанием. При этом указывается на фрагментарность и безличность информации, которую называют «безучастной к судьбе и переживаниям её носителей» (информация как стерилизованное знание) в отличие от «длительного и, порой, мучительного процесса, который сопровождает формирование системы знаний, убеждения, веры» [3]. В информационной среде сегодня мы повсеместно сталкиваемся с тем, что имеем, с одной стороны, свободу доступа к ресурсам (хотя и здесь это, скорее, иллюзия, поскольку сохраняется неравенство), а, с другой стороны, присутствует тотальный контроль, который Ж. Делез называет «электронным ошейником» [4]. Необходимо учитывать противоречивое влияние современной ин-

формационной культуры (прежде всего – информационно-коммуникативных технологий и ресурсов сети интернет), особенно на ранних этапах социализации, которое сказывается как на уровне различных сообществ, так и на индивидуальном уровне. Размывание традиционных норм социума и ценностей культуры, фрагментация форм общественного сознания, манипулятивные информационные технологии, распространение экстремистской идеологии, ослабление способности к живому общению и эмоционально насыщенному межличностному взаимодействию – эти и другие угрозы полноценному развитию личности требуют многостороннего, глубокого и объективного анализа инструментов и содержания информационного пространства.

Особенно опасно сегодня недооценивать «роль средств массовой информации в “оснащении ума” современников» [5, с. 217]. СМИ целенаправленно создают такую информационную среду, которая определяет интересы, потребности и конкретные действия: «У человека возникает привыкание к постоянному пребыванию в информационном поле. Ненасытная жажда информации объясняется мозаичностью сознания. Такое сознание не имеет структуры, внутренней логики, стержня. Оно не может быть завершено, выстроено, а потому познание не приносит чувства интеллектуального прояснения» [5, с. 218].

Интенсивное развитие и массовое распространение системы глобальной информации и коммуникации (прежде всего – ресурсы сети интернет и мобильные технологии) являются мощным и активным фактором трансформации культуры. «Информационная культура органически входит в реальную ткань общественной жизни, придавая ей новое качество. Она приводит к изменению многих сложившихся духовных, социально-экономических и политических представлений, вносит качественно новые черты в образ жизни человека» [6, с. 203].

Изменения культуры иногда рассматриваются как разрушение её локальных характеристик; так, например, В. В. Миронов отмечает что семиосфера как некое коммуникационное образование, созданное для обеспечения диалога, трансформируется в инфосферу, в виде некоего медиапространства, в которое погружаются все культуры, вынужденные работать по законам этого нового образования [7]. В результате таких преобразований формируются принципиально новые культурные и субкультурные (так называемые цифро-

вые) движения и сообщества. Устоявшиеся формы молодёжной культуры и субкультуры, в свою очередь, испытывают тенденции к глобализации и виртуализации. Важнейшим следствием этого является принципиальная амбивалентность информационно-коммуникативного взаимодействия и его результатов, что ведет к размыванию ценностно-нормативных установок доминантной культуры и к формированию специфического фрагментированного сознания различных групп и сообществ молодёжи, абстрагированного от нравственного, эмоционального и критического восприятия информационных потоков. Системный анализ данной проблемы и разработка социально эффективных средств её решения являются приоритетной задачей для современных общественных наук. Можно согласиться с утверждением, что общество должно «...брать на себя ответственность за тиражируемые в информационно-коммуникативных системах культурные формы и практики, модели поведения, учитывая, что качественные характеристики искусственных сред “задают” социокультурную программу развития современного человека» [8, с. 65].

Специфика нового измерения культуры состоит в том, что манипулирование обществом становится практически основной функцией информационной культурной среды. Отсутствие общепринятых норм, особенно в области традиционной морали, приводит к размыванию устоявшихся культурных границ. Наиболее явно это заметно в настоящее время в области формирования цифровой коммуникационной среды, где новые этические правила ещё только присутствуют в зачаточной стадии, а личность дробится и теряет свою идентичность. Данные процессы в культуре обусловлены необратимыми сдвигами в экономической, социальной и межличностной сферах. Информация, или иначе «информационный обмен» становится самым влиятельным элементом, воздействующим на все механизмы взаимодействия в обществе. Поэтому, современные исследователи констатируют, что: «Люди всё более скептически относятся к идеям взаимодействия, склоняясь к идее информационного обмена» [9, с. 251]. В то же время современные исследователи подчёркивают позитивные тенденции в цифровизации общества: «...ключевой информационной проблемой культуры является *проблема сохранения информационного разнообразия*» [10, с. 131]. В результате внедрения современных технологий в социокультурную сферу возможно найти решения для данной проблемы.

Таким образом, можно сделать вывод, что ускоренные темпы развития информационно-коммуникационных технологий и постоянное увеличение потока информации дают не только положительные результаты для становления общества в целом, но и приводят к негативным последствиям, связанным с развитием отдельной личности. Проблему трансформации традиционной культуры, выраженную в редуцировании её к «информационному обмену» в ближайшем будущем не рассматривают в мире как глобальную проблему, поскольку всё ещё не представляется возможным просчитать все последствия такого сложного и многофакторного процесса. С другой стороны, возможно, личность только выиграет в новом измерении и, пережив воздействие массовой культуры общества потребления, она растворится в цифровом пространстве, сохраняя при этом крупницы элитарной культуры, которые прорастут в этой среде уже в новом качестве.

Стабильность развития и общий интеллектуальный уровень в современном обществе во многом определяются уровнем информационной культуры, которая, в свою очередь, задаёт правила функционирования цифровой среды и формирует социокультурную среду. Таким образом, существовать в новом измерении – это уже сегодня встать на путь культурной реформации, которая делает, в конечном счете, ставку на особые качества личности. Информационная культура сама создаёт механизмы, позволяющие встраивать в структуру личности определённые социальные установки и нормы, которые дают ей возможность функционировать более свободно, а значит постепенно культивировать такие качества, как мобильность, открытость, гибкость, но одновременно и – нестабильность, неукоренённость, шизоидность сознания, спонтанность поведения и т. д. Культура информационного общества, в свою очередь, определяется общими культурными установками самих индивидов.

Список источников и литературы

1. *Лаврентьева М. А., Чурикова С. Ю.* Проблемы и тенденции развития информационного общества в России // Таврический научный обозреватель. – 2015. – № 4-1. – С. 115–118.
2. *Гутова С. Г., Целищева З. А., Бабкова О. М.* Культура молодежи: в поисках духовных оснований // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всерос. социол. конгр. – Тюмень, 2020. – С. 3403–3412.

3. *Савчук В. В.* Контуры постинформации // Конверсия искусства. – СПб.: Петрополис, 2001. – 288 с.
4. *Делез Ж.* Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
5. Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования: моногр. / О. Н. Астафьева, Л. Б. Зубанова [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 292 с.
6. *Бабаева А. В.* Этика в информационном обществе // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2014. – № 2 (21). – С. 203–208.
7. *Мионов В. В.* Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Медиаскоп. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/> (дата обращения: 15.05.2021).
8. *Летов Е. В.* Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестн. Москов. гос. ун-та культ. и иск. – 2013. – № 4 (54). – С. 62–65.
9. *Пронина Л. А.* Информационная культура как механизм саморегуляции общества // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 107. – С. 250–257.
10. *Колин К. К., Урсул А. Д.* Информация и культура. Введение в информационную культурологию. – М.: Стратегические приоритеты, 2015. – 288 с.

Гутова Светлана Георгиевна – доктор философских наук, доцент,
Нижевартовский государственный университет (Нижевартовск)

Целищева Зухра Абдурашидовна – кандидат культурологии, доцент,
Нижевартовский государственный университет (Нижевартовск)

Д. А. Алисов

ПАМЯТНИКИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ*

В статье анализируется роль и значение памятников в формировании исторической памяти города. Раскрыты особенности процесса фиксации и трансляции исторических знаний в городском культурном ландшафте. В основе методологии данной статьи лежат теоретические и научно-практические выводы, обозначенные в работах В. Г. Рыженко, Е. И. Красильниковой, А. М. Кулемзина и автора, опирающиеся главным образом на научную школу memory studies (memory research).

Ключевые слова: историческая память; городские памятники; memory studies (memory research); места памяти; политика памяти; культурный ландшафт города.

D. A. Alisov

MONUMENTS AS A METHOD OF FORMING AND BROADCASTING HISTORICAL MEMORY IN THE URBAN ENVIRONMENT

The article analyzes the role and significance of monuments in the formation of the historical memory of a city. The features of the process of recording and transmitting historical knowledge in the urban cultural landscape are revealed. The methodology of this article is based on the theoretical and scientific-practical conclusions outlined in the works of V. G. Ryzhenko, E. I. Krasilnikova, A. M. Kulemzin, and the author of this article, based mainly on the scientific school of memory studies (memory research).

Keywords: historical memory; cities monuments; memory studies (memory research); places of the memories; policy of the memory; cultural landscape of the cities.

Памятники и мемориальные комплексы являются одним из способов формирования и закрепления исторической памяти в городском культурном пространстве и, в связи с этим, играют одну из важнейших социальных функций – формирование национальной и государственной идентичности, национального самосознания, а значит, целостности и единства народа.

Особую важность вопрос об исторической памяти и памятниках принимает в современную эпоху ментальных войн. Достаточно

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва» по теме «Культурная среда современного крупного города: проблемные зоны и ресурсные точки развития».

вспомнить войны против памятников в странах Балтии, Украине, Восточной Европе и в США. Однако, несмотря на это, до сих пор не поставлен и не изучен вопрос о памятниках Западной Сибири как об «узловых элементах ландшафта коллективной памяти городских жителей, не исследована динамика смыслов, отражавшихся в этих коммеморациях на разных этапах» [1, с. 48].

Согласно представлениям, сложившимся в современной науке, «*историческая память*» как совокупность знаний и переживаний, отражающих наиболее важную, актуальную, конкретизированную информацию об историческом прошлом, имеет более широкие рамки (чем социальная память некой группы людей – Д. А.), а её носитель – это не конкретная, однородная социальная группа, а социальная общность, представители которой являются одновременно членами нескольких разных социальных групп [2, с. 136].

В современном обществе существует большое количество социальных групп, которые различаются не только по каким-либо экономическим или социально-культурным параметрам, но и имеют различные представления об истории и наборы ментальной исторической памяти. В этих условиях одной из важнейших функциональных задач государственной власти, позиционирующей себя «над обществом», является формирование единого «государственного пространства» исторической памяти. Одним из ключевых инструментов создания единого пространства памяти и закрепления его в общественном сознании служат памятники и мемориалы.

Между памятниками и обществом постоянно существуют определённые социально-культурные взаимодействия. Они взаимно влияют друг на друга. Памятники, «являясь частью историко-культурной среды, в которой живет и развивается человек как социальная личность, уже фактом своего физического существования оказывают влияние на формирование его мировоззрения. ... Уже в глубокой древности власть прекрасно осознавала великую эмоциональную силу идеологического воздействия исторических реликтов и монументальных сооружений на психику и сознание людей» [3, с. 4] и пользовалась этим в полной мере.

Фиксация исторической памяти в городском культурном ландшафте посредством возведения памятников и создания мемориальных комплексов имеет целый ряд особенностей. Во-первых, памятники и монументы в подавляющем числе случаев непосредственно связаны с «историческими могилами» и некрополями. Первоначаль-

но они возникают на месте гибели или захоронения «героев истории» и в «местах памяти». Во-вторых, памятники и мемориалы совмещают конкретно-историческое и символическое значения. Например, памятник Д. М. Карбышеву в Омске – с одной стороны, это память о подвиге героя в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с другой – вечный символ верности, долгу и воинской присяге, Родине, жертва во имя жизни своего народа и государства, которому приносилась присяга. С одной стороны, это памятник «места» локальной истории, посвящённый герою-земляку, с другой – общенациональный, имеющий международное значение образ идеального воина. В-третьих, памятники и мемориалы служат пространственной локализации исторических событий и легитимизации государственной власти [4, с. 17]. Несмотря на то, что одним из основных свойств памятников истории и культуры является «способность сохранять и передавать аутентичную историко-культурную информацию о прошедших событиях и явлениях» [3, с. 28], необходимо помнить, что при этом, в процессе формирования исторической памяти, посредством сооружения памятников и мемориалов, «находит своё отражение такая характерная особенность феномена исторической памяти, как избирательность, то есть акцент на определённых исторических реалиях при игнорировании других» [5, с. 98].

Формирование и трансляция исторической памяти средствами мемориализации и возведения памятников осуществляется по весьма непростой формуле. Следует отметить, что историческая память, формируемая памятниками и мемориалами, в социуме как бы раздваивается. Во-первых, любой памятник – это свидетельство о вполне реальных событиях и героях прошедшей истории, образах исторического прошлого. Обозначим этот вид памяти как Память 1, или память прошлого – истории. Во-вторых, это память социума в «момент коммеморации», в основе которой лежит современный (на момент создания мемориала) исторический образ о прошлом подвиге, или исторический миф, который отражает реальный исторический процесс, но уже не вполне адекватен ему в силу обобщения и избирательности. Это Память 2 – память момента. Наряду с этими пластами исторической памяти, закреплёнными в граните и бронзе, существует ещё Память 3 – память настоящего о прошлом. Это виртуальные образы, возникшие в последующие годы и десятилетия существования мемориала в виде набора интерпретаций и новых смыслов, укоренившиеся в менталитете социума [4, с. 18].

С гносеологической точки зрения и по степени достоверности передаваемой исторической информации все памятники можно поделить на памятники-подлинники и памятники-символы. По ошибочному мнению А. М. Кулемзина, памятники-символы являются прямой противоположностью памятников-подлинников – они создаются с заданной целью и не могут претендовать на роль исторической памяти, т. е. «выполнять функцию памятников в той части, чтобы утверждать в общественном сознании историческую истину», так как «символы рассчитаны на преднамеренное её искажение и усвоение знаний в форме веры» [3, с. 45]. В данных рассуждениях наблюдаются две методологические ошибки, приведшие к неверным результатам. Первая заключается в том, что форма абсолютизируется и отрывается от её содержания. Как известно, содержание не может существовать отдельно от формы и наоборот. Символическими значениями обладают и памятники-подлинники, и памятники-символы. Другое дело, что при создании памятников-символов авторы зачастую пытаются слишком вольно обращаться с историческим материалом по идеологическим или эстетическим мотивам, и историческая память сохраняется в данном случае в ограниченном формате.

Примером тому может служить «Памятник труженикам тыла», установленный в Омске в 2010 г. на территории Парка культуры и отдыха им. 30-летия ВЛКСМ. Омск был городом, в котором производились многие виды образцов вооружения – танки, истребители, бомбардировщики, оборудование для кораблей и подводных лодок, авиационные моторы, радиостанции, боеприпасы и многое другое. А на памятнике изображены мать, проводившая сыновей на фронт; женщина, держащая на руках младенца; крестьянка, идущая на покос; медицинская сестра; одинокий рабочий оборонного завода; уходящий то ли на фронт, то ли в тыл поезд. Вклад женщин в достижение Победы, бесспорно, был огромен и требует особого внимания и мемориализации. Однако в этом памятнике явно произошло нарушение баланса исторических смыслов.

Всё, что изображено на «Памятнике труженикам тыла», было весьма важно для Победы, но без произведённого здесь оружия и боеприпасов не было бы этой Победы и не получил бы Омск звание «Город трудовой доблести» среди других 20 городов в июле 2020 г. В начале войны в городе работали выдающиеся авиационные конструкторы-оружейники А. Н. Туполев и С. П. Королёв, первый герой СССР А. В. Ляпидевский. Но памятник этого не отражает. Он

информационно недостаточен. Однако даже и в таком «ограниченном» памятнике нашло отражение значение Омска как «Города трудовой доблести». А это и есть главное в «исторической правде».

Вторая методологическая ошибка А. М. Кулемзина заключается в том, что он абсолютизирует понятие «историческая истина». «Историческая память» и «историческая истина» – это свойства человека и его социума. А человек и социум находятся в постоянном развитии, изменении, что предопределяет каждый раз новое прочтение истории и относительность «исторической истины».

Кроме того, следует отметить, что историческая память «не может полностью слиться с политической идеологией» [1, с. 19]. Каждая эпоха имеет свои смыслы и символы. Смена эпох приводит к изменению «политики памяти», пересмотру отношения к ранее созданным памятникам и мемориалам, к созданию новых, пересмотру интерпретаций прошлых материальных воплощений прошлого, а иногда – к забвению и даже разрушению неугодных.

Список источников и литературы

1. *Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.): моногр. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. – 572 с.
2. *Ростовская О. М.* Память и амнезия как социокультурные феномены // Материалы докладов 43-й научно-технической конференции преподавателей и студентов. – Витебск, 2010. – С. 135–137.
3. *Кулемзин А. М.* Охрана памятников в России как историко-культурное явление: моногр. – Кемерово: Изд-во ОблИИУ, 2001. – 328 с.
4. *Алисов Д. А.* Культурный ландшафт города, или некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города: сб. науч. раб. [Электронное издание] / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. – М.: Ин-т Наследия, 2020. – С. 4–21.
5. *Смирнова Т. А.* Монументы, мнемонические места и конструирование коллективной памяти о Первой мировой войне в Англии // Ярослав. пед. вестн. – 2011. – № 4. – Т. I: Гуманитарные науки. – С. 95–98.

Алисов Дмитрий Андреевич – доктор исторических наук, начальник отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

Н. Ф. Хилько

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И МОТИВАЦИЯ ГЕРОИЗМА В ВИДЕООБРАЗНОМ ОТРАЖЕНИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

В статье анализируется проблема военно-патриотического значения видеообразов учителей-фронтовиков на основе экспозиций школьных музеев. Методология исследования предусматривает непосредственное и медиаобразное отражение музеефикации экспонатов на основе концептуально-образного анализа видеороликов разных регионов России.

Ключевые слова: военно-патриотическое значение; музеефикация; историческая память; мотивация героизма; видеообразное отражение.

N. F. Khilko

MILITARY-PATRIOTIC SIGNIFICANCE AND MOTIVATION OF HEROISM IN VIDEO-LIKE REFLECTION OF MUSEUM OF HISTORICAL MEMORY OF FRONT-LINE TEACHERS

The article analyzes the problem of the military-patriotic significance of the video images of frontline teachers based on the expositions of school museums. The research methodology provides for a direct and media-like reflection of museumification of exhibits based on a conceptual analysis of videos from different regions of Russia.

Keywords: military-patriotic significance; museumification; historical memory; motivation of heroism; video-like reflection.

Проблема военно-патриотического значения и мотивации героизма в образном отражении музеефикации исторической памяти учителей-фронтовиков носит междисциплинарный характер: она связана, во-первых, с рассмотрением самого процесса музеефикации памяти об учителях, ушедших на фронт или вернувшихся с фронта и продолжавших работать в школе, и, во-вторых, это вопросы мотивации героизма учителей и учеников-фронтовиков, срабатывающие на уровне военно-патриотического воспитания молодежи. Первый аспект – изучение процесса музеефикации памяти об учителях – рассматривается как составная часть потенциала гражданско-патриотического воспитания. По этому поводу Н. В. Проказина, Ю. В. Дорохова, Н. Н. Хатнюк пишут следующее: «Сего-

дня, в эпоху сознательного конструирования представлений, знаний и эмоциональных оценок о событиях прошлого, имеющих решающее значение для развития страны, требуется пристальное внимание за источниками, методами и технологиями формирования исторической памяти» [1, с. 260].

Второй аспект – мотивация героизма учителей и учеников-фронтовиков – рассматривается чаще всего в самом общем виде. Так, в статье Н. Ю. Гутман обобщается опыт участия ветеранов Великой Отечественной войны в формировании научно-педагогического состава образовательных учреждений МВД России [2]. Тем не менее, как считает А. М. Мусаева, «музей может выполнять не только информативную функцию, но способен стать основой для различных видов деятельности, в которые вступают школьники» [3, с. 216].

Методологические подходы к проблеме связаны с понятием «историческая память». При этом важно понять, что «музей в любом обществе выступает как средство накопления, хранения и передачи информации, а, следовательно, и как обязательная составляющая исторической памяти любой общности» [4, с.114]. Для нас важно, что в музеефикации исторической памяти участвуют разные средства, о чём пишет Н. Никишин: «Особенность музея состоит в том, что знаки как то, что обозначает и концептуализирует содержание экспозиции, и символы как то, что выражает отношение к этому содержанию, могут быть представлены одними и теми же музейными предметами» [5, с. 29]. Существование образов в музее также не подлежит сомнению, что справедливо утверждает В. Дукельский: «Экспозиционный образ создаёт у посетителя ощущение причастности, благодаря которому «образ и реальность совмещаются, и представленные в экспозиции события истории переводятся во внутренний мир человека» [6].

Таким образом, налицо существование двух форм образного воплощения прошлого в целомном процессе отражения исторической памяти: непосредственного и медиаобразного отражения исторической памяти. На этой основе срабатывает особый метод концептуально-образного контент-анализа различных образных форм отражения исторической памяти: видеороликов, стихотворений, текстов песен, аудиозаписей, дневниковых записей.

Источниковой базой исследования послужили выложенные в интернет видеоролики, входящие в них и размещённые на от-

дельных сайтах поэтические тексты и песни об учителях-фронтовиках Москвы, Омской и Тамбовской областей. Нами выделен из представленных источников ряд образов различного характера. Все они основаны на разных средствах экранно-звуковой выразительности и имеют различное патриотическое содержание.

1. Так, образ стены военных лет с фамилиями и датами ушедших на фронт [7] основан на средствах экранно-звуковой выразительности, представляющих собой изображение подлинной стены и таблички на ней «Слава героям 1941–1945 гг. Спасибо Вам, ребята!»; напряжённые аккорды звукового фильма, переходящие в фотоизображение стены (экспонат школьного музея средней общеобразовательной школы № 37 г. Омска), и чтение на этом фоне отрывка из поэмы таджикского поэта Мумина Коноата в переводе Р. Рождественского «Голоса Сталинграда». Отсюда патриотическое содержание образа – переживание страха и ужаса одного из величайших сражений Великой Отечественной войны – Сталинградской битвы, в которой участвовали и фронтовики, ушедшие воевать из школы № 37 г. Омска.

2. Образ чтеца, играющего роль очевидца кровавых событий, возникает на фоне экспонатов школьного музея тогда, когда изображение стены сменяется показом других экспонатов: офицерских фуражек, полевых сумок, цветов гвоздики. Средствами видеопанорамы показывается ряд фотодокументов военных лет: портреты учителей, вошедшие в «Бессмертный полк», с георгиевскими лентами, флаг триколор, звёзды на веревочках, символ журавля на фоне пятиконечной звезды. Патриотическое содержание образа – вера в Победу через росток новой жизни, заключённый в поэтических строках.

3. Образ современных школьников, листавших памятный альбом фронтовиков, создан при помощи репортажной съёмки просмотра фото и надписей в альбоме под музыку песни «Журавли». При этом дети читают имена героев, помещённых в фотоальбом: «Матвей Михайлович Анцыз – выпуск 1936 г.; Дворкин Виктор Григорьевич – выпуск 1937 г., погиб на Днепре в 1943 г.; Щеголь Слава Львовна, рожд. 1918 г.; Минин Борис – выпуск 1940 г., доброволец, погиб в партизанском отряде и др.». Предполагается, что патриотическое содержание образа – прочувствование значимости и силы подвига героев, учителей и учеников школы, в которой они учатся, как славной традиции героизма.

4. Образы воинов-героев, чьи портреты размещены на «стене на восход солнца», предстают в процессе интервью с директором музея Валентиной Григорьевной Коваленко, которая рассказывает на фоне фотографий о ста двадцати учителях и учениках школы, ушедших на фронт. При этом девочка читает стихи «Волжская баллада» Льва Ошанина (о воине, об оставшемся без рук и ног ветеране), в которых продолжается сталинградская тема предыдущего произведения М. Коноата (возвращение раненого с фронта). Её исполнение происходит на фоне галереи портретов ветеранов и газетных вырезок. На стене зачитываются строки: «Вспомним всех помимённо, горем вспомним своим – это нужно не мёртвым – это нужно живым».

5. Образ стены на восход солнца – действительно существовавшей стены, на которой выпускники омской школы № 37 оставляли свои автографы. Также поступили выпускники 1941 года. Об этом рассказывается в сценарии Любови Симоновой, воплощённом на сцене любительского театра юного зрителя «Сказка» в 1985 и 1990 гг. Спектакль посвящён судьбам людей, связанных с этой школой, ушедшим на фронты Великой Отечественной войны. В 2021 году спектакль был поставлен в школе № 37. Действующие лица – учителя и ученики школы 1941 года, в ролях – сегодняшние ученики и учителя. Так, образы истории переплелись с реальностью сегодняшнего дня. Патриотический мотив образа – решимость сражаться в едином строю.

6. Образ доблести и чести молодого поколения: ответ на вопрос интервью «Как сегодня дети чтут память героев?». Экспозиция школьного музея – основная. Около неё дети читают стихи, проводятся конкурсы чтецов, презентации, конференции; вручаются значки «Патриот России», «Юный патриот России»; на основе материалов о не вернувшихся с войны фронтовиках школьники пишут коммуникационные проекты. Патриотический смысл образа – социальные идеалы гордости за свой народ, готовность защищать Родину.

7. Образ сплочения и дружбы возникает в совместном исполнении песни «Журавли» на стихи Р. Гамзатова – взявшись за руки, на фоне макета «Стены на восход солнца». Экспозиция школьного музея – основная. Патриотическое содержание образа – величие подвига народа.

8. Образ свечи памяти появляется на основе видеоролика «Памяти ушедших учителей посвящается» в с. Щербаки Саргатского

района [8]. Демонстрируются: видеоклип с показом фото учителей сельской школы на фоне песни Стаса Михайлова «Уходите, вы часто уходите...», горящая свеча. Патриотический акцент образа – «в жизни всегда есть место подвигу».

9. Образ поколения учителей и учеников-фронтовиков: фильм школьного музея «Наше наследие» об учителях-фронтовиках Остафьевской школы (ныне – государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 2083») Москвы. «Символ учительства – пеликан, птица-жертвенница. ... Люди, прошедшие войну и ставшие потом педагогами, были и остаются символом стойкости и героизма для детей разных поколений» [9].

Показываются судьбы военного поколения учителей до и после, единение во всём. «Те люди, которые пришли в школу, несли в себе мудрость мира, боль за погибших, ненависть к врагу, агрессору, фашизму, уверенность в Победе, решимость отстоять Родину-мать, уважение и благодарность к тем, кто, оставаясь в тылу, продолжал учить, лечить, готовить всё для фронта и Победы» [9]. «Учителя-фронтовики в наше время – это синоним мужества, силы духа, идейной убежденности и верности Родине. Мы – дети XXI века, должны знать и помнить о славных подвигах учителей-фронтовиков» [9]. Трофимов Николай Алексеевич – директор школы в 1954–1964 гг. – прошёл всю войну, награжден медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией», вернулся в школу и др.

10. Образ единения учителей-фронтовиков. Представлен видеороликом, снятом для виртуального музея муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 33» с. Песчанокоское Ростовской области [10]. Хроника времен войны: «Тревожно шепчут тополя: на фронт ушли учителя...»; «Когда земля от крови стыла, когда горел наш общий дом, победу труженики тыла ковали праведным трудом». Показывается фото на фоне песни «И всё о той весне... Кино идёт, воюет взвод». На снимках мы видим светлые, открытые, но сосредоточенные лица, и – ни капли слёз, железную волю к Победе. Патриотическое содержание образа: волевой импульс – «вперёд к Победе и ни шагу назад!».

11. Образ урока мужества, который ведёт учитель-фронтовик, вернувшийся с войны. В видеоролике, посвящённом учителям-фронтовикам Татановской школы Тамбовского района Тамбовской

области, участникам Великой Отечественной войны, есть слова: «Вас уже давно нет с нами, но память о Вас жива!». Звучат пронзительные песни: «Журавлиная песня», «Вечный огонь». Показывается кинохроника военных лет: «Многие учителя вернулись в родные стены, где продолжили свой педагогический путь». Патриотический смысл образа – знать, изучать, помнить о подвигах учителей.

12. Образ учителей, зачисленных в Бессмертный полк: видеоролик об учителях-фронтовиках Любинской средней общеобразовательной школы Омской области. На фоне мелодии песни «Журавли» идёт ряд портретов учителей-фронтовиков, зачисленных в Бессмертный полк: строгие проникновенные лица земляков, взгляд в глубину веков издалека и ни капли страха, а гордость за страну и свой народ. Лапан Иван Николаевич, Войтов Александр Михайлович, Брюнчугин Александр Михайлович и др. Патриотическое содержание образа – «герои не погибли, они живут вместе с нами, с нами их имена и память о Великой Победе!».

Итак, становится очевидным, что военно-патриотическое значение героизма, сосредоточенное в медиаобразном отражении музеефикации исторической памяти учителей-фронтовиков, выразилось в широком спектре мотивации их подвигов, в которой проявились лучшие качества россиянина, русского человека и всех народов нашей страны – борцов за свою Родину: эмпатия, самоотверженность, самопожертвование, гордость за Родину, величие подвига, романтика героизма, самозабвение, альтруизм, коллективизм, героические порывы. Несомненно, о таких качествах молодому поколению XXI в. следует напоминать как можно чаще.

Список источников и литературы

1. Проказина Н. В., Дорохова Ю. В., Хатнюк Н. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 260–270. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-kak-resurs-patrioticheskogo-i-grazhdanskogo-vozpitaniya> (дата обращения: 06.05.2021).
2. Гутман Н. Ю. Участие фронтовиков в патриотическом воспитании и профессионально-нравственном становлении личного состава образовательных учреждений МВД России // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2017. – № 3. – С. 160–164. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastniki-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg->

как-uchitelya-i-nastavniki-uchastie-frontovikov-v-patrioticheskom-vospitanii-i (дата обращения: 06.05.2021).

3. *Мусаева А. М.* Воспитание патриотизма учащихся средствами музейной деятельности // Сибирский педагогический журнал. – 2008. – № 13. – С. 216–220. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-patriotizma-uchaschihsya-sredstvami-muzeynoy-deyatelnosti> (дата обращения: 06.05.2021).
4. *Божченко О. А.* Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 3 (12). – С. 112–116. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-forma-muzeynoy-refleksii> (дата обращения: 06.05.2021).
5. *Никишин Н.* Музейные средства: знаки и символы // На пути к музею XXI в.: музейная экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, нов. сценарии и концепции): сб. науч. тр. – М.: [б. и.], 1997. – С. 23–32.
6. *Дукельский В.* Образцы и образы современной музейной деятельности // Ассоциация менеджеров культуры (АМК). – Режим доступа: http://amcult.ru/acm_members/dukelskij-vladimir (дата обращения: 06.05.2021).
7. Антон Калькуев – Стена на восход солнца. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=urJu0tPXHKg> (дата обращения: 06.05.2021).
8. «Памяти ушедших учителей посвящается» (с. Щербаки Саргатского района). – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=urJu0tPXHKg> (дата обращения: 06.05.2021).
9. «Школьный музей “Наше наследие” представляет фильм об учителях-фронтовиках Остафьевской школы (ныне ГБОУ Школа № 2083)» г. Москва. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=urUZvj1vqts> (дата обращения: 06.05.2021).
10. «Книга памяти учителей – ветеранов Песчанокопского района». 8 мая 2020 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=wXXNfpR67gw> (дата обращения: 06.05.2021).

Хилько Николай Федорович – доктор педагогических наук, доцент Омского государственного университета, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

И. В. Межевикин

ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Мемориализация событий Гражданской войны в Сибири играет важную роль в сознании людей и относительно объёме памятников истории и культуры. Значительная часть объектов находится под охраной государства. В ходе полевых этнографических практик были собраны фотоматериалы по теме, а также беседы, в которых раскрывалось отношение сельских жителей к мемориалам.

Ключевые слова: памятник; мемориал; Гражданская война; Западная Сибирь; партизаны.

I. V. Mezhevikin

MONUMENTS TO THE CIVIL WAR VICTIMS IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA

Memorialization of the Civil War events in Siberia plays a significant role in the consciousness of people and the volume of historical and cultural monuments. Most of the objects are under state protection. In the course of field ethnographic practices, photographic material on the topic was collected, as well as conversations with villagers were held, in which their attitude to the memorials was revealed.

Keywords: monument; memorial; Civil War; Western Siberia; partisans.

Гражданская война затронула многие сёла, деревни и посёлки Западной Сибири. Поэтому мемориализация событий этой войны встречается здесь немногим реже, чем увековечение памяти павших в Великой Отечественной. Т. Н. Золотова отмечает значительное количество и роль мемориалов этого периода в приграничных с Казахстаном областях Западной Сибири [1, с. 84–87]. Особую роль в истории того времени в рассматриваемом регионе играло партизанское движение [2, с. 76]. Именно борьбе партизан с войсками А. В. Колчака в 1919 г. посвящено подавляющее большинство памятников и мемориалов, относящихся к первой половине XX в. Особняком стоят мемориалы, связанные с одним из самых противоречивых сюжетов Гражданской войны – Западно-Сибирским вос-

* Работа выполнена в рамках реализации темы «Культурное наследие и культурная политика на приграничных территориях России с Центральной Азией».

станием 1921–1922 гг. В рамках полевой этнографической работы приходится сталкиваться с памятниками тех лет и наблюдать динамику отношения к ним у местных жителей.

Рассмотрим мемориализацию событий Гражданской войны в Сибири на примере четырёх памятников – объектов культурного наследия.

Памятник партизанам гражданской войны – Венгерovu Михаилу Трофимовичу и Венгерovu Ивану Трофимовичу.

М. Т. Венгерov (1888–1919) был ветераном Первой мировой войны и вернулся в родное село Спасское (в настоящее время – районный центр Венгерovo Новосибирской области) в чине старшего унтер-офицера [3, с. 3]. Михаил Трофимович организовал партийную ячейку, был избран депутатом уездного съезда Советов в городе Каинске (в настоящее время – Куйбышев Новосибирской области), а затем – депутатом Томского губернского съезда Советов. На волостном крестьянском сходе летом 1919 г. в с. Спасском он был избран председателем ревкома в связи с общим решением о борьбе с колчаковским режимом [4, с. 48]. Созданный после схода партизанский отряд насчитывал до 600 бойцов и вёл боевые действия по направлению к г. Каинску. После упорных боёв с превосходящими силами противника отряду пришлось отступить в урман. 19 июня был расстрелян младший брат Михаила Трофимовича – Иван, а 26 июля – он сам, после поимки его накануне колчаковцами во время разведки. Оба были расстреляны в с. Спасском на берегу р. Тартас. На месте захоронения была установлена деревянная стела со звездой. В настоящее время изначальный памятник утрачен. В 1983 г. прошло масштабное мероприятие – перезахоронение останков М. Т. Венгерова в центре села (рис. 1).

По словам местных жителей, со всех окрестных деревень привезли и взрослых, и детей. Пионеры из консервных банок сделали факелы и несли караул у могилы. С речами выступали как взрослые – представители администрации, так и вожатые пионерских отрядов. Было установлено знамя с траурной лентой и возложены цветы [5, л. 27–27 об.]. Деревянная стела была заменена на каменный монумент с бюстом. Памятнику был присвоен статус объекта военной истории, и он находится под охраной на основании Решения Исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 22.11.1960 г. «О состоянии и мерах улучшения работы по охране памятников культуры в области» [6,

л. 191]. Мемориал является памятником регионального значения, ему присвоен номер 541610428120005 в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – ЕГРКН) [7] (рис. 2).

Рис. 1. Перезахоронение командира партизанского отряда Михаила Трофимовича Венгерова Венгеровский краеведческий музей им. П. М. Пономаренко. № 105 о/ф.

Рис. 2. Современный вид памятника. Памятник партизанам Гражданской войны – Венгерову Михаилу Трофимовичу и Венгерову Ивану Трофимовичу // Руиннет.ру. Режим доступа: <https://ruin.net.ru/objects/item/176939/> (дата обращения: 18.05.2021)

***Могила погибшего партизана Гражданской войны
Е. И. Ткаченко***

Емельян Иванович Ткаченко родился 6 августа 1895 г. и был крестьянином с. Сибирцево Шипицинской волости Каинского уезда Томской губернии (в настоящее время – Сибирцево 2-е Венгеровского района Новосибирской области); после революции 1917 г. – комиссар Шипицинской волости. С июля 1919 г. воевал в партизанском отряде Василия Михайловича Макарова. 3 октября 1919 г. был захвачен в плен и расстрелян колчаковцами [8, с. 116]. В 1947 г. на могиле партизана был установлен памятник из кирпича в виде прямоугольной колонны, сужающейся в верхней части. Изначально мемориал располагался на территории старого сельского кладбища, которое в процессе разрастания села было застроено. В начале 1980-х гг., когда этого кладбища уже не было, обелиск находился между жилыми домами 23 и 25 по ул. Партизанской. К концу 1980-х гг. он был перенесён на площадку перед Домом культуры (пересечение улиц Центральной и Партизанской) (рис. 3). Причём, в отличие от М. Т. Венгерова, не было процедуры перезахоронения тела, был перенесён только памятник [5, л. 5, 58].

Рис. 3. Современный вид памятника
Фото И. В. Межевикина. 2019 г.

Мемориал является памятником регионального значения, так же, как и место захоронения М. Т. Венгерова, и находится под охраной на основании Решения Исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся от 22.11.1960 г.; ему присвоен номер 541410054980005 в ЕГРКН [9].

Братская могила партизан – место боя партизан с колчаковцами в 1919 г.

Памятник находится на кладбище с. Екатерининское Тарского района Омской области. Его история также связана с событиями лета 1919 г. 20 июля по приказу партизанского командира А. И. Избышева головной отряд под командованием С. В. Абрамова выступил из с. Седельниково в направлении на Усть-Тарский фронт с тем, чтобы прекратить движение по Иртышу пароходов с белогвардейскими войсками и одновременно занять с. Муромцево (Муромцевской волости Тарского уезда, в настоящее время – р. п. Муромцево Муромцевского района Омской области) и с. Екатерининское (Екатерининской волости Тарского уезда). К 23 июля партизанские армии (отряды) заняли фронт по линии Усть-Тара–Екатерининское–Пологрудово–Атирка. 27 июля отряд белой армии полковника Франка в Тарском уезде начал наступление на Седельниково. В ожесточенных боях с белогвардейцами партизаны понесли большие потери (до 1600 человек) [10, с. 82–83].

В отличие от предыдущих памятников, здесь не мемориализуется образ отдельной личности (рис. 4). В целом имена почти никого из погибших не установлены. Известно лишь, что среди погребённых был Григорий Горшков из с. Кейзес [11, с. 174].

Мемориал является памятником регионального значения и находится под охраной на основании Решения Исполнительного комитета Омского областного Совета народных депутатов от 26 июня 1980 г. № 239/10 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Омской области»; ему присвоен номер 551610436670005 в ЕГРКН [12].

Братская могила жертв крестьянского восстания 1921 г.

Западно-Сибирское восстание – один из самых противоречивых эпизодов на фоне и так не поддающейся моральной оценке Гражданской войны. Восстание было вызвано голодом, а некоторые лидеры сами были красными военками [13, с. 61, 632]. А. В. Богатырёва и Е. В. Чеснокова были первыми комсомолками и входили в отряд Василия Михайловича Богданова, воевавшего с повстанца-

ми. Именно имена двух женщин указаны на памятнике, хотя похоронены там не только они; упоминается, например, имя председателя Жидоусовского сельсовета Панкратия Беляева [14]. Памятник расположен в центре села, его регулярно красят и приносят к нему цветы и венки (рис. 5).

Мемориал является памятником регионального значения и находится под охраной на основании Решения Исполнительного комитета Тюменского областного Совета народных депутатов от 21.11.1977 г. № 477 «О вновь выявленных памятниках истории и культуры местного значения» и Постановления Правительства Тюменской области «Об уточнении сведений об объектах культурного наследия регионального значения» от 25.08.2014 г.; ему присвоен номер 72141004899000 в ЕГРКН [15].

Рис. 4. Современный вид памятника
Фото И. В. Межевикина. 2020 г.

Рис. 5. Современный вид памятника
Фото К. Ю. Смирных. 2009 г.

Следует отметить, что, несмотря на значительное время, прошедшее с момента окончания Гражданской войны, эта тема продолжает волновать людей. Тема мемориализации деятелей белого движения периодически возникает в обсуждении, и даже появляются отдельные памятники. Однако в подавляющем большинстве случаев мемориализуется образ жертв со стороны красных, что закрепляется в сознании местных жителей; и именно большевики рассматриваются ими как герои.

Список источников и литературы

1. *Золотова Т. Н.* Памятники истории и культуры в социокультурном пространстве российско-казахстанского пограничья // Историко-культурное наследие как механизм укрепления единства российской нации на приграничных территориях России с Казахстаном: сб. науч. тр. – М.; Омск: Ин-т Наследия, 2021. – С. 81–126.
2. *Ларьков Н. С., Шишкин В. И.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Выпуск 4: сб. науч. ст. – Новосибирск: Параллель, 2013. – С. 76–114.
3. *Баталов А.* Былое не забывается // Советская Сибирь. – 1961. – 15 марта. – С. 3.
4. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Кн. 2: Районы и города Новосибирской области (памятники, состоящие на государственной охране): каталог. – 2-е изд., перераб. – Новосибирск, 2012. – 331 с.
5. Материалы этнографической экспедиции ОмГУ 2019 г. Полевая опись 2.
6. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 1020. Оп. 2. Д. 873. 225 л.
7. Памятник партизанам гражданской войны – Венгерову Михаилу Трофимовичу и Венгерову Ивану Трофимовичу // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/50/215583> (дата обращения: 18.05.2021).
8. *Ступаков М. И.* За правое дело. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 128 с.
9. Могила погибшего партизана Гражданской войны Ткаченко Е. И. // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/50/153779> (дата обращения: 18.05.2021).
10. *Наумов Н. В.* Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов (июнь 1918–1919 годы). – Омск: Тип. № 1 Ом. Облполиграфиздата, 1960. – 101 с.

11. *Палашенков А. Ф.* Памятники и памятные места Омска и Омской области. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Ом. отд-ние, 1967. – 235 с.
12. Братская могила партизан – место боя партизан с колчаковцами в 1919 г. // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/50/216426> (дата обращения: 18.05.2021).
13. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: сб. документов. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 744 с.
14. К 90-летию Сорокинского района // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. – Режим доступа: https://sorokino.admtumen.ru/mo/Sorokino/about_OMSU/more.htm?id=11130180@cmsArticle (дата обращения: 18.05.2021).
15. Братская могила жертв крестьянского восстания 1921 г. // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/50/152997> (дата обращения: 18.05.2021).

Межевикин Иван Владимирович – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Омск)

М. Л. Бережнова

СПИСОК НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ*

В статье характеризуется список объектов нематериального культурного наследия как один из основных документов, составляющих основу политики охраны памятников. Список составляется по субъектам Федерации. В статье рассматриваются сведения, касающиеся прежде всего регионов российско-казахстанского пограничья как близких по составу и истории населения Омской области.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие; типы объектов культурного наследия.

M. L. Berezhnova

LIST OF INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION: FEATURES OF COMPILATION AND PRACTICAL USE

The article describes the list of objects of intangible cultural heritage as one of the main documents that form the basis of the policy for the protection of monuments. The list is compiled for the subjects of the Russian Federation. The article examines information concerning, first of all, the regions of the Russian-Kazakh borderlands as similar ones to the Omsk region in its composition and history of the population.

Keywords: intangible cultural heritage; types of cultural heritage objects.

Одним из направлений учёта культурного наследия является работа по составлению реестров нематериального культурного наследия. По определению, включенному в Конвенцию об охране нематериального культурного наследия (принята в 2003 г.), под нематериальным культурным наследием понимают обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [1].

* Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва» по теме «Культурное наследие и культурная политика на приграничных территориях России с Центральной Азией».

Считается, что осмысление роли нематериального наследия в развитии человечества началось ещё в 1970-х гг., когда отдельные правительства выразили заинтересованность в разработке типовых положений по регламентации, развитию и распространению фольклора. Такие рекомендации были разработаны на международном уровне, но исполнение их не было обязательным. Таким образом, документ имел не столько практическое значение, сколько показал важность поднятой проблемы для мирового сообщества. Дальнейшее обсуждение проблемы и работа над документом сопровождалась принятием Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г. и Стамбульской декларации 2002 г., в которой нематериальное культурное наследие объявлялось фактором обеспечения культурного разнообразия и гарантией устойчивого развития. Еще до принятия Конвенции об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО уже сформировало первоначальный список памятников нематериальной культуры человечества [2, с. 87–88].

Российская Федерация не ратифицировала Конвенцию о нематериальном наследии. Е. Г. Драпеко, глава Комитета Госдумы по культуре, в 2018 г. выразила мнение, что идеи этой конвенции, положенные в основу национальной культурной политики, тормозят развитие народов, а также являются основой для сохранения спорных культурных традиций. Комитет Госдумы по делам национальностей поддержал инициативу о сохранении и развитии нематериального культурного наследия народов России, но с опорой на российское законодательство [3].

Действительно, в 2008 г. в Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации началась разработка концепции сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг. Приказом от 17 декабря 2008 г. № 267 по Министерству культуры она была утверждена.

Сравнение определений и положений, приведенных в российской концепции и в конвенции ЮНЕСКО, показывает их большое сходство. Если ЮНЕСКО формирует списки нематериального наследия человечества, то электронный каталог объектов нематериального культурного наследия формируется Государственным Российским Домом народного творчества имени В. Д. Поленова и публикуется в разделе «Традиции» портала «Культура.рф», а также размещается на портале открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [4].

Отметим, что срок реализации российской концепции закончился, но следующий документ, регулирующий деятельность по сохранению нематериального наследия, принят не был. Профессиональное сообщество, прежде всего фольклористы, высказывает озабоченность сложившимся положением. Однако в ряде исследовательских статей указывается, что концепция была не более чем декларацией намерений, но не могла быть воплощена в жизнь хотя бы потому, что практически не финансировалась. Как пишет М. А. Додонова, «согласно отчёту о финансировании федеральной целевой программы “Культура России (2012–2018 гг.)”, доля финансирования мероприятий, связанных с поддержкой народного творчества и нематериального культурного наследия России <...> составляет примерно 0,76 % от финансирования всей программы». Эта же исследовательница для сравнения указывает долю финансирования мер по сохранению материального культурного наследия – это 31 % от бюджета всей программы [5, с. 212–213].

Действительно, программа ради программы остаётся недостаточно известной широкой научной и творческой общественности, мало способствует реальным мерам по сохранению и развитию нематериального наследия, вызывает вопросы по принципам и целям ее формирования. Охарактеризуем кратко нематериальное культурное наследие (далее – НКН), внесённое в каталог.

При каталогизации объектов НКН составляется паспорт объекта, в который вносятся следующие данные: наименование, адрес местонахождения, языковая группа, религия, а также указывается дата обновления записи. Всего в настоящее время в каталоге, размещенном на сайте Минкульта, содержится 447 записей. Записи создавались с 2014 по 2018 г., но обновлялись в 2019–2021 гг.

По «адресу местонахождения» мы выбрали записи, относящиеся к пограничным российско-казахстанским регионам. Их оказалось 42, т. е. 9,4 % от всего количества объектов. Были включены в этот список НКН Волгоградской области – 16 записей в каталоге, Республики Алтай – 10 записей, Новосибирской области – 8 записей, Алтайского края – 5 записей, Омской области – 2 записи; одна традиция бытует на территории Тюменской, Омской и Томской областей. Если посмотреть, каким народам принадлежит включенное в список НКН, то в 19 случаях были представлены традиции русского народа, народов Алтая – в 9 случаях (чалканцы – 5, теленгиты – 3, алтайцы – 1). Также в список НКН российско-казахстанско-

го пограничья вошли традиции мордвы, немцев, обских чатов, белорусов и казахов (заявка была подана от Республики Алтай). В тематическом отношении в списке преобладают певческие традиции – они представлены в 22 паспортах. Это календарные песни, детский песенный фольклор, казачья традиция протяжного пения, мужская певческая традиция, песенные традиции чалканцев, теленгитов, обских чатов, а также песенное искусство выдающихся исполнителей. Кроме того, были объявлены нематериальным культурным наследием свадебный обряд (по отдельным этническим группам), родильно-крестильный обряд, календарные традиции, заговоры, шаманские традиции, сказочная традиция, инструментальное исполнительство и т. д.

В список НКН попадают не только сами традиции, но и замечательные, увлечённые своим искусством исполнители. Однако следует отметить и тот факт, что во многом признание тех или иных традиций нематериальным культурным наследием прямо связано с активной деятельностью работников культуры, которые оформляли документы. Вряд ли в 5 из 11 областей пограничья нет ничего, достойного включения в список НКН. Для пограничной территории в список внесено мало традиций казахов, представлены не все местные народы.

Можно сравнить список НКН Российской Федерации с общим списком объектов культурного наследия [6]. В 2016 г. (последнейших обновлений данных не было. – М. Б.) в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации всего было включено 98 254 объекта, ещё 116 089 объектов значились как выявленные [7]. Список НКН, по существу, является демонстрацией активности органов управления культура, а не отражением истинного состояния народных традиций. В то же время Единый государственный реестр объектов культурного наследия является неотъемлемой частью закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия», который прежде всего регулирует поземельные отношения, связанные с выделением зон охраны культурного наследия, развитием системы кадастрового учёта, а также определяет права и обязанности собственников объектов культурного наследия (см., напр., [8–10]).

Разницей практической направленности двух реестров, возможностью их правоприменения объясняется востребованность одного реестра, постоянное внесение изменений в закон № 73-ФЗ и номинальное наличие второго.

Список источников и литературы

1. Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация объединенных наций [сайт]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/_heritage_conv.shtml (дата обращения: 14.06.2021).
2. *Курьянова Т. С.* Нематериальное наследие: этапы становления термина и явление // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2012. – С. 87–90.
3. *Волкова О.* Драпеко рассказала, почему РФ не приняла конвенцию ООН об охране нематериального культурного наследия // Парламентская газета: электронное периодическое издание. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/drapeko-rasskazala-pochemu-rf-ne-prinyala-konvenciyu-oon-ob-okhrane-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya.html> (дата обращения: 14.06.2021).
4. Объекты нематериального культурного наследия // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/-folklore> (дата обращения: 24.06.2021).
5. *Додонова М. А.* Специфика охраны нематериального культурного наследия на территории Российской Федерации // Этнодиалоги: альманах. – 2018. – № 2 (56). – С. 207–217.
6. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Портал открытых данных Министерства культуры Российской Федерации. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/7705851331-egrkn> (дата обращения: 24.06.2021).
7. Количество объектов культурного наследия, включенных в реестр // ЕМИСС. Государственная статистика. – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/55126#> (дата обращения: 24.06.2021).
8. *Богомяков И. В.* Предмет охраны объекта культурного наследия: земельно-правовой аспект // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2011. – № 4 (115). – С. 53–59.
9. *Артамонов С. Г.* Зоны охраны объектов культурного наследия в современном законодательстве (Часть 1) // Академ. вестн. УралНИИПроект. – 2014. – № 2. – С. 33–38.
10. *Голякова Ю. И.* Становление и развитие системы кадастрового учёта и охраны объектов историко-культурного наследия в России // Вестн. Сиб. гос. геодез. акад. – 2012. – № 4 (20). – С. 69–79.

Бережнова Марина Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

Ю. Н. Ефремова

РОДОСЛОВНАЯ КНИГА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕМЬИ

В данной статье идёт речь о таком немаловажном способе фиксации знаний, полученных родоведом в процессе полноценного исследования истории своей семьи, как издание родословной книги. Значимость и актуальность издания частных семейных книг показана на примере родословной книги «Оссовские герба Долэнга. XVII–XXI вв.».

Ключевые слова: генеалогия; родословная семья; родословная книга; родословное древо; предки; семья; род.

Yu. N. Efremova

GENEALOGY BOOK AS A WAY TO PRESERVE THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF A FAMILY

This article discusses such an important way of fixing the knowledge gained by the pedigree in the process of a full-fledged study of the history of their family, as the publication of a genealogy book. On the example of the genealogy book "Ossowski Dolenga Coat of Arms. 17th –21st Centuries", the importance and relevance of the publication of private family books is shown.

Keywords: genealogy; family tree; genealogy book; genealogical tree; ancestors; family; genus.

Ещё 30 лет назад в России число людей, заинтересованных в исследовании своей родословной (родоведов), было очень мало. Это было связано, прежде всего, с засекреченностью многих архивных данных о российских семьях в советский период их жизни. Политика советского государства была ориентирована на историю СССР и партии и вырабатывала в большей степени коллективное мышление, нежели индивидуальное. Граждане СССР изучали историю глобально, на уровне огромной страны, не погружаясь в нюансы собственной родословной. Именно поэтому частная семейная история по сей день полна мифами и легендами, которые, порой, не имеют документального подтверждения.

По сути, институт семьи, который существовал в царское время, был серьёзно видоизменён с приходом к власти большевиков. Родословные книги, которые были неотъемлемой частью любой

привилегированной семьи России, на время прекратили своё существование. Но с распадом СССР и рассекречиванием архивов родословные книги снова получили популярность, и на данный момент их подготовка и издание являются актуальными задачами многих родословцев. Принцип изучения истории страны у родословца совершенно иной: благодаря архивным источникам о своей семье, родословец проводит параллели с историей государства в целом. Постепенно происходит изменение коллективного мышления на индивидуальное. Изучение общей истории проходит посредством изучения персонифицированной истории.

Труды по генеалогии сегодня можно условно разделить на теоретические и практические.

Изучение сибирских регионов на предмет издательской деятельности по генеалогии позволило сделать вывод, что на сегодняшний день активно развивается этническая генеалогия народов Сибири. В сфере этнической генеалогии работают учёные-этнографы. Они собирают в рамках своих научных интересов полевые материалы этнографических экспедиций. В таких поездках этнографы проводят опрос людей различных национальностей об их истории, предках, культуре, быте, верованиях и т. д. В дальнейшем данные опросов подтверждают архивными генеалогическими источниками (сведениями из похозяйственных книг, переписей населения, ревизских сказок, метрических книг и т. д.).

Что же касается практической генеалогии, то сегодня большая часть родословных книг издаётся частными лицами, то есть потомками. Но это, как правило, малотиражные редкие издания, которые в большинстве своем не попадают в библиотеки, оседая в семейных архивах потомков рода. Такой же вывод сделали исследователи из Томска Е. А. Макарова и А. Ю. Герасимова: «...основная часть семейных родословных создаётся в формате заказных альбомов или книг, поэтому чаще всего они не проходят необходимую редакционно-издательскую подготовку... В итоге становится закономерным, что такого рода издания не попадают в каталоги и прайсы книжных магазинов, в хранилища и на сайты библиотек, и в результате становятся недоступны исследователям и читателям» [1, с. 220].

В области практической генеалогии можно выделить родословные книги конкретных семей [2; 3], а также небольшие публикации об истории семьи в сборниках материалов [4]. Эти труды объединяет желание потомков рода сохранить историко-культурное

наследие семьи: любые архивные находки, материалы экспедиций по местам жизни предков, вырезки газет, фотографии семейного архива и другие источники требуют обобщения, анализа и публикации. В ином случае есть большая вероятность утери данных, например, в связи с ослаблением интереса к родословной следующего поколения рода. Формат публикации истории своей семьи потомки рода выбирают самостоятельно, в зависимости от личных возможностей.

В качестве примера частного издания рассмотрим родословную книгу, подготовленную автором данной статьи в соавторстве с потомком рода А. В. Оссовским в 2019 г., работа над которой длилась почти 10 лет [5].

Исследование родословной Оссовских началось в 2010 г. Потомок рода – Антон Владимирович Оссовский поставил перед собой глобальную цель – узнать максимально возможную информацию о своих предках по линии бабушки и издать родословную книгу.

Вот что вспоминает А. В. Оссовский: «Бабушка (Е. А. Пермякова) мне в детстве рассказывала, что её дедушка – Борис Александрович Оссовский – был дворянином и военачальником, что у него была своя карета и большой дом в Петропавловске, в котором повсюду на стенах висели картины разных художников, написанные, в том числе, и им самим. Также она рассказывала, как от голода в нищете умирала её любимая бабушка, Мария Оссовская. Что её любимый дядя Всеочка был арестован и сослан на каторжный труд только потому, что родился в дворянской семье. Но на все мои просьбы рассказать поподробнее о своих предках Оссовских, бабуля пожимала плечами и говорила, что её мама – Мария Борисовна Оссовская (Заева), родная сестра Всеволода, чудом избежав преследования, жутко боялась, что в будущем может также, как и её брат, пострадать от советской власти за фамилию – уничтожила все сведения, все фотографии и упоминания о нашей фамилии. Я ни в коем случае не осуждаю, а полностью разделяю её женское беспокойство и заботу о своих детях. Единственное, жаль, что изначально у меня в моих поисках не было совсем никаких сведений кроме фамилии и имён с предположительными датами жизни» [6, с. 245].

Представляемая родословная книга повествует о жизни и судьбе старинного дворянского рода Оссовских герба Долэнга. Представители рода (шляхта Брестского воеводства), проживавшие в XVII–XVIII вв. на территории Великого княжества Литовского,

вскоре после раздела Речи Посполитой оказались подданными Российской империи. Подтвердив своё дворянство в Российской империи в XIX в., они стали жителями Гродненской губернии, но вскоре переселились в Минскую. Находясь на службе государства, члены семьи Оссовских часто меняли место жительства, переселяясь из одного города в другой: Кобрин, Игумен, Слуцк, Пинск, Томск, Курган, Оренбург, Каркаралинск, Петропавловск, Омск, Москва и др.

Родословная книга Оссовских герба Долэнга была написана на основе подлинных документов XVII–XX вв., находящихся на хранении в российских и зарубежных архивах и музеях (работа велась в четырнадцати архивах и двух музеях). При создании книги были использованы также краеведческие и этнографические материалы. Подготовка любой родословной книги не обходится без анализа всех возможных источников, включающих также и публикации по сословной принадлежности жителей Российской империи. Благодаря книге «Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска» [7, с. 421] удалось найти уникальную фотографию молодого подьесаула Б. А. Оссовского, которой не было даже в семейном архиве Оссовских.

Из воспоминаний А. В. Оссовского: «С того момента, когда были сделаны первые записи рассказов моей бабушки – Елены Анатольевны Пермяковой (Заевой), и до завершения работы над этой книгой прошло около 20 лет. Начиная по крупицам собирать информацию об Оссовских, я никогда бы не подумал, что получится добыть такое огромное количество исторических сведений, архивных документов, а также найти памятники истории и объекты культурного наследия вековой давности, сохранившиеся до настоящего времени. ... В результате я открыл для себя 500 лет истории Оссовских рода Долэнга» [5, с. 416].

Книга о роде Оссовских была опубликована на 500 страницах формата А4 в 300 экземплярах и разослана по главным архивам, музеям и библиотекам России, Беларуси, Казахстана, Польши и Литвы. Годом позднее вышла сокращённая версия книги на английском языке для библиотек Польши и Литвы. Данная родословная книга является не только способом сохранения историко-культурного наследия семьи, но и популяризацией генеалогических изданий в целом, поскольку подчёркивает важность фиксации знаний о роде в форме публикации. Поэтому родословная книга, по сути,

является учебником истории рода. У подобных книг нет художественного вымысла, это полноценное историко-архивное исследование, что придаёт такого рода изданиям особую ценность.

Родословное древо из подлинной Родословной книги дворян Минской губернии Оссовских. 1823 г.
 Источник хранится в Национальном историческом архиве Беларуси. Ф. 319. Оп. 2. Д. 2368

Список источников и литературы

1. *Макарова Е. А., Герасимова А. Ю.* Сибирские семейные родословные как опыт социогенеалогического исследования: издательский аспект // XI Макушинские чтения: матер. науч. конф. – Новосибирск, 2018. – С. 216–230.
2. *Баикина А. И.* Родословная книга. Артюгины, Крючковы, Свинкины, Киверины. – Тюмень: Вектор Бук, 2012. – 285 с.
3. *Ефремова Ю. Н.* Родословная семьи: Черепановы, Лазаревы. – Омск: Тип. «Золотой тираж», 2018. – 258 с.
4. Родословная книга Сибири: сб. ст. и матер. по практ. генеалогии. – Т. 2. – Омск: Тип. «Золотой тираж», 2020. – 584 с.
5. *Ефремова Ю. Н., Оссовский А. В.* Оссовские герба Долэнга. XVII–XXI вв. – Омск: Тип. «Золотой тираж». 2019. – 501 с.
6. *Оссовский А. В., Петин Д. И.* Россия на перепутье: три судьбы представителей рода Оссовских // Родословная книга Сибири. – Т. 1. – Омск: Тип. «Золотой тираж». 2014. – 502 с.
7. *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. – М.: Русский путь, 2007. – 676 с.

Ефремова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, руководитель генеалогического центра «Связь поколений» (Омск)

В. Г. Корнелюк, О. П. Макарова

К ПРОБЛЕМЕ НЕЙМИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ПРОСВЕЩЕНИЯ И ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема нейминга как инструмента просвещения и туристической привлекательности на примере г. Гродно. Используя результаты изучения жизни и деятельности белорусского писателя Василя Быкова в г. Гродно, авторы статьи предлагают действия, направленные на позиционирование имени В. Быкова как важного феномена в понимании г. Гродно и привлечения в него туристов. Авторы статьи обосновывают возможность такого нового «имени» Гродно, как «Гродно – город Василя Быкова».

Ключевые слова: нейминг; Василь Быков; Гродно; туризм; просвещение.

V. G. Karnaliuk, O. P. Makarova

TOWARDS THE PROBLEM OF NAMING AS A TOOL OF EDUCATION AND TOURISTS ATTRACTION

The article examines the problem of naming as a tool of education and tourists attraction on the example of Grodno. Using the results of studying the life and work of the Belarusian writer Vasil Bykov in Grodno, the authors of the article propose actions aimed at positioning the name of V. Bykov as an important phenomenon in the understanding of Grodno and attracting tourists into it. The authors of the article substantiate the possibility of such a new "name" of Grodno as "Grodno – the city of Vasil Bykov".

Keywords: naming; Vasil Bykov; Grodno; tourism; education.

Когда, путешествуя, человек попадает в новую для себе местность, он сталкивается с множеством наименований. Названия магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, развлекательных заведений, туристических компаний, разных брендов – знакомят, удивляют, волнуют, манят и напрягают путешественника и туриста. Имена и новые слова названий свидетельствуют о том, чем занимается та или иная компания, какие товары либо услуги она может предоставить для своих клиентов либо покупателей. Отсюда всё количество новых названий составляет для иностранца (или жителя другой, далёкой местности своей страны) общий образ местности. «В имени – совокупность вселяющих физиологических, психических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер», – отмечал А. Лосев [1].

Мы в своём исследовании поставили задачей выяснить вариативность использования знаменитых, знаковых для конкретной местности определённой культуры имён (фамилий, псевдонимов и т. д.). Причём, использование это должно быть связано со стремлением к увеличению привлекательности местности, формированию её «изюминки», выразительности, неповторимости, даже уникальности. По-своему этим делом занимается теоретическая и практическая дисциплина, обращающаяся к вопросам правильного, а, значит, удачного, успешного употребления названия (наименования, номинации) – «нейминг» [2, с. 18].

На сегодняшний день существует большое количество компаний, занимающихся разработкой запоминающихся, громких и уникальных названий. Название должно ассоциироваться у людей с соответствующими услугами, которые данная компания предоставляет, либо с товарами, продвигаемыми на рынок. Придумать идеальное название – нелёгкий труд, поэтому многие компании обращаются к неймерам – профессионалам своего дела в определении имени-бренда [3].

Продуктом нейминга, например, являются названия городов. Как известно, основными факторами, повлиявшими на названия городов, являются: географическое положение, особенности местности, перемены социального и политического характера, религиозные мотивы [4]. Позиционирование населённого пункта, определённой местности на основании их связи с жизнью и деятельностью отличительной личности осуществляется по-разному. Распространённым подходом является информирование о населённом пункте с подчеркнутым определением очерченного запоминающегося количества громких имён. Например, «5 известных деятелей культуры, имена которых связаны с Бельцами» (Молдова) [5].

В помощь тем, кто стремится использовать память о знаменитом человеке края, можно рассматривать экскурсионные маршруты, упоминающие в своих названиях те или иные исторические фигуры, которые ассоциируются с определённым краем. Например, «Жизнь – отечеству, честь – никому» (Наследие рода Чапских), «Могилёв – последняя резиденция российского императора Николая II», «По местам Тадеуша Костюшки», «Род Чапских на Минщине», «В поместье белорусского Деда Мороза», «Дорогой к “Линии Сталина”», «Витебск – город Марка Шагала», «Земля Купалы», «К замку Чёрной Девы» [6]. Девять маршрутов из 125, кото-

рые представлены на белорусском и русском языках на сайте Белорусского Национального агентства по туризму – это только 7,2 %. Такой небольшой размер персонификации нашей местности для туристов очень показателен. В большинстве своём тот или иной регион Беларуси, который обладает разнообразным туристическим потенциалом, не имеет устойчивой ассоциации с теми или иными фигурами отечественной истории и культуры. Даже перечисленные девять маршрутов содержат имя Николая II – российского императора, Сталина и Деда Мороза, что очень косвенно связано с белорусской культурой. Это снижает количество именных маршрутов до шести (4,8 %). И по сути, на туристическом рынке сегодня прославленные деятели белорусской истории не присутствуют. С посещением мест, связанных с ними, туристы не связывают мотивацию своих путешествий. Конечно, нужно уточнить, что дворец в Несвиже имеет устойчивую связь с Радзивиллами, дворец в Гомеле – с Румянцевыми и Паскевичами, а замок в Гродно – со Стефаном Баторием. Но данная связь вытекает не из названий туров, а уже из определённых дополнительных знаний (у тех, кто эти знания имеет) самих туристов.

На нейминг в белорусском туризме существенно влияет сегодняшний кризис в исторической науке, который выражен, в частности, в сложном процессе идентификации имён исторических деятелей с их вкладом в сокровищницу белорусской культуры и государственности. Касаясь этого процесса, мы естественным образом затрагиваем вопрос просвещения и популяризации национальной истории среди самых разных категорий населения. Здесь нужно иметь в виду, что, по данным агентства Biletix, «примерно четверть от всех путешественников составляют люди в возрасте от 27 до 35 лет. Самыми же активными туристами оказались люди в возрасте 29 лет. Второй по популярности возраст у путешественников – от 15 до 27 лет для женщин и от 40 до 50 лет для мужчин» [7]. Это означает, что путешествует, прежде всего, категория постсоветского населения, представители которого являются носителями исторических знаний, которые существенно отличаются от того, что знают массово люди старшего – «советского» – возраста. Отсюда мы можем констатировать, что этим, в большинстве, молодым людям крайне мало в популярной форме самыми разными средствами предлагается информации о знаковых деятелях истории Беларуси, которые судьбой связаны с той или иной местностью и этой своей

связью с определённым (зачастую – родным) краем придают рекреационным территориям особую привлекательность.

Для определения направлений работы по решению данной проблемы следует упомянуть роль учебных заведений разного уровня. Проанализировав содержание экскурсионных предложений таких специализированных учреждений дополнительного образования, как областные центры туризма и краеведения, можно утверждать, что «именных» экскурсий крайне мало, в частности, в предложении Брестского центра «именных» экскурсий всего 2 из 23 – «По местам Адама Мицкевича», «По местам Тадеуша Костюшко» [8]. Данная картина – одно из свидетельств того, что такой инструмент образования и просвещения, как учебные экскурсии во внеклассной и внеурочной деятельности также чрезвычайно мало уделяют внимания историческим именам и по сути не формируют соответствующего исторического мировоззрения у учащейся молодёжи.

Исходя из вышесказанного, мы обратили внимание на новейшее историческое наследие Гродно и выбрали в многообразии имён, «судьбою связанных» с городом, имя великого белорусского писателя Василя Быкова. Тот факт, что Василь Владимирович Быков с 1947 по 1978 гг. проживал в г. Гродно, и на этот период его жизни приходится время первых профессиональных шагов будущего писателя, появление семьи, рождение сыновей и написание первых 14 крупных произведений, ставших классикой как белорусской, так и мировой литературы, превращает пространство города в безусловный познавательный ареал, связанный с жизнью и творчеством этого белорусского прозаика.

В настоящее время никакие составляющие мемориализации, как-то: топонимические названия, объекты пластики, скульптуры – не напоминают жителям и гостям города о присутствии в его истории этого выдающегося деятеля культуры. Вместе с тем проведённое исследование письменных и устных источников позволяет не только утверждать, что количество мест, связанных с самыми разными аспектами жизни В. Быкова в Гродно и окрестностях многочисленно, но и думать о формах и средствах увековечивания имени этого человека [9–20].

Говоря о возможности позиционирования – и маркетингового, и культурологического – города Гродно как города Василя Быкова, мы опираемся на многочисленные свидетельства очевидцев и участников событий, связанных с самыми разными сторонами жизни белорусского классика.

Среди главных мест города, могущих стать объектами экскурсионного показа и рассказа, прежде всего адреса проживания В. Быкова. И, в первую очередь, те, где начиналась и осуществлялась его писательская работа: ул. Большая Троицкая, 28 (в советское время – ул. О. Кошевого) и ул. Свердлова, 18. Именно здесь были написаны первые книги В. Быкова и продолжалось его творчество, в настоящее время в немалой степени экранизированное. А значит, эти места города были свидетелями не только таинства литературного творчества, но и визитов немалого числа деятелей культуры, среди которых – А. Карпюк, Р. Бородулин, Л. Шепитько и др. «Олега Кошевого – длительный период. Всё наиболее важное отец писал именно там», – отмечал Василий Васильевич Быков, вспоминая отца в этот период жизни [9]. Описывая детали места, где работал отец, В. В. Быков отмечал, что «...У Быкова был кабинет. Мы жили 2 семьи в одной квартире. Потом, когда женщина переехала, это стал кабинет отца. Там были книжные полки, стол – всё было аккуратно... Там же наши птичьи клетки висели, в этом кабинете. Пишущая машинка стояла в этой же комнате – она называлась кабинет. Там были журналы, книги, и он там работал. Трудно работать, где в квартире двое школьников. Мы там же и уроки делали. Вряд ли ему было удобно и комфортно там работать» [9]. Без сомнения, эти и другие детали истории повседневности, которые ещё можно извлечь из памяти гродненцев, ныне живущих в городе, создают уникальную возможность обращения к личности крупного деятеля культуры, а значит, превращают пространство города в место приобщения к ещё одному культурному феномену. А наличие такого феномена позволяет, в свою очередь, формировать тематические туры, включать в обзорные и транзитные туристические программы новый важный познавательный элемент.

Говоря о спектре мест г. Гродно, возможных стать местами экскурсии «по местам, связанных с Василем Быковым», необходимо отметить, что таковых насчитывается не менее шестидесяти. Конечно, их удельный вес в представлении В. Быкова разный. Такие места, как типография газеты «Гродненская Правда», Дом-музей Элизы Ожешко, в котором долгое время размещалось гродненское отделение Союза писателей, адреса на Большой Троицкой и Свердлова, местность Старого замка, университет, здание бывшего Дома культуры текстильщиков, адреса друзей В. Быкова – В. Калкуна, А. Карпюка, Б. Клейна, В. Чекина – это те места, кото-

рые будут наполнены рассказами экскурсоводов, цитатами воспоминаний, деталями сохранившихся построек, насаждений, особенностей городского ландшафта. Нужно будет думать над формой презентации этих и других мест, форматом освещения их в прессе и в рекламных проспектах, и само по себе данное направление работы предполагает большую творческую составляющую нейминга. Выигрышным элементом может стать создание поликультурного «Быков-Центра», объемлющего и музейные экспозиции, и площадки для дискуссий, презентаций, выставок, кинозал, цифровую библиотеку. Данное учреждение, размещённое либо в новопостроенном здании, либо в здании, преобразованном в ходе ревитализации, безусловно, превратится в настоящую культурную среду города, а может, и страны. В комплексе со всем набором усилий по увековечиванию имени В. Быкова, разработкой спектра туристических услуг, просветительской работой в учреждениях, включающих важную целевую аудиторию потребителей – учащуюся молодёжь, «Быков-Центр» станет дополнительным обоснованием ещё одного «имени» Гродно (наряду с такими, как «Гродно – город-музей» «Гродно – город Стефана Батория», «Гродно – город на Немане», «Гродно – город королевских замков»), вырастающего из его исторического наследия, – «Гродно – город Василя Быкова». Для воплощения данного инструмента просвещения и туристической привлекательности в городе есть все составляющие.

Список источников и литературы

1. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_im/intro.php– (дата обращения: 08.04.2021).
2. *Елистратов В. С.* Нейминг: искусство называть: уч.-практ. пособие. – 2-е изд., стереотип. – М.: Омега-Л, 2014. – 293 с.
3. *Неймеры и нейминг* // Executive.ru. – Режим доступа: https://www.e-executive.ru/wiki/index.php/Неймеры_и_нейминг (дата обращения: 08.04.2021).
4. *Откуда произошли названия городов России и США* // Statusname.ru. – Режим доступа: <https://statusname.ru/articles/nazvaniya/toponimika/otkuda-proizoshli-nazvaniya-go/> (дата обращения: 05.04.2021).
5. *5 известных деятелей культуры, чьи имена связаны с Бельцами* // Бельцкий независимый портал. – Режим доступа: <https://esp.md/ru/podrobnosti/2019/12/05/5-izvestnyh-deyateley-kultury-chi-imena-svyazany-s-belcami> (дата обращения: 18.04.2021).

6. Экскурсоводам и гидам. Список экскурсий // Официальный портал национального агентства по туризму. – Режим доступа: <https://www.belarustourism.by/ekskursovodam-i-gidam/perechen-kontrolnykh-tekstov-ekskursiy-na-russkom-belorusskom-i-inostrannykh-yazykakh/> (дата обращения: 20.04.2021).
7. Определён самый активный возраст для путешествий // Tio.by. – Режим доступа: <https://www.tio.by/info/novosti/opredelen-samyj-aktivnyj-vozrast-dlya-puteshestvij/> (дата обращения: 20.04.2021).
8. Экскурсии // Брестский областной центр туризма и краеведения детей и молодёжи. – Режим доступа: <http://bresttur.by/экскурсии> (дата обращения: 21.04.2021).
9. Аудиозапись беседы с Василем Васильевичем Быковым, сыном писателя (02.2021) // Личный архив О. П. Макаровой.
10. Аудиозапись беседы с Алексеем Михайловичем Петкевичем, профессором Гродненского государственного университета им. Я. Купалы (11.2020) // Личный архив О. П. Макаровой
11. Аудиозапись беседы с Богуш Татьяной Александровной, доцентом Гродненского государственного университета им. Я. Купалы (12.2020) // Личный архив О. П. Макаровой.
12. Гродзенскі сябар Быкава: Васіль вельмі жорстка мысліў. Казаў, што цягнік беларускасі пайшоў // Hrodna.life. 2018. – Кнопка доступу: <https://hrodna.life/articles/grodzenski-syabar-byikava/> (дата звароту: 14.01.2021).
13. *Быкаў В. В.* Доўгая дарога дадому. Кніга ўспамінаў. – Мн.: ГАБТ «Кніга», 2004. – 544 с.
14. *Журавлев В.* «Чем больше имя знаменито, тем неразгаданней оно». – Гродно, 2019. – 430 с.
15. *Клейн Б. С.* Недосказанное. Имена. – Минск: Лимариус, 2008. – 456 с.
16. *Клейн Б. С.* Недосказанное. – Минск: Лимариус, 2019. – 340 с.
17. *Картюк А. Н.* Развітанне з ілюзіямі. – Гародня [Гродна Wrocław: б. в.], 2008. – 408 с.
18. «Чалавецтва ўратаецца падзвігам духу»: Гутарка Алеся Адамовіча з народным пісьменнікам Беларусі Васілем Быкавым // Полымя. – 2001. – № 6. – 241 с.
19. *Быкаў В. В.* Пункціры жыцця // Дзеяслоў. – 2005. – № 6 (19). – 164 с.
20. *Шапран С.* Васіль Быкаў. Гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. – Мінск: Гародня, 2009. – 734 с.

Корнелюк Виталий Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)

Макарова Ольга Петровна – магистрант Гродненского государственного университета им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)

Е. А. Пивнева

ЭТНОТУРИЗМ В ЮГРЕ: БИЗНЕС, ТРАДИЦИЯ И ЧЕЛОВЕК*

В докладе, основанном на полевых материалах автора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, рассмотрен этнический туризм как фактор экономического развития региона и сохранения культурной идентичности проживающих там коренных малочисленных народов (ханты, манси, ненцы, селькупы). Выявляются действующие лица (субъекты) такого рода деятельности, анализируются конкретные примеры городских и сельских предпринимательских практик. Основной акцент делается на вопросе о взаимном влиянии туристического бизнеса и традиционной культуры (в форме историко-культурного наследия) северных аборигенов.

Ключевые слова: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра; коренные малочисленные народы; предпринимательская деятельность; этнотуризм; традиция.

Е. А. Pivneva

ETHNOTOURISM IN UGRA: BUSINESS, TRADITION, AND PERSON

The report is based on the author's field materials in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra and examines ethnic tourism as a factor in the economic development of the region and the preservation of the cultural identity of indigenous small peoples (Khanty, Mansi, Nenets, Selkups). The actors (entities) of such activities are identified, concrete examples of urban and rural entrepreneurial practices are analyzed. The issue of mutual influence of the tourism business and the traditional culture of northern aborigines is emphasized.

Keywords: Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra; indigenous small peoples; entrepreneurial activity; ethnotourism; tradition.

Для обеспечения занятости представителей коренных малочисленных народов в традиционных отраслях хозяйственной деятельности Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в последние годы делает ставку на развитие этнотуризма. Власти Югры сумели убедить коренных жителей, что им по силам привить гостям округа интерес к традициям хантов и манси, получая за эту деятельность, в том числе, и материальное вознагра-

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-910).

ждение. Отдалённость ряда территорий и этническая экзотика выступают своеобразными ресурсами такого вида деятельности. Как пишут в СМИ: «Для туристов, которые устали от традиционного отдыха на Лазурном берегу и ищут необычные маршруты, культура коренных жителей, их быт и ритуалы оказались весьма интересны», и вот уже «многие стойбища превращаются в туристические места, где современный человек может прочувствовать на себе реальную жизнь северных аборигенов» [1].

В округе активно ведётся поиск уникального «северного продукта». В качестве возможных вариантов рассматриваются: экскурсии в этнографические музеи; посещение концертов фольклорных ансамблей, а также специализированных торговых центров, в которых можно приобрести изделия народных промыслов и продукцию местных оленеводческих, охотопромысловых, рыбопромысловых хозяйств.

Туристическая индустрия в Югре пока делает первые шаги, но уже есть определённый позитивный опыт участия северных аборигенов в этом процессе. Первым, кто воспользовался поддержкой правительства и открыл на стойбище в Сургутском районе туристическое место, стал Клим Егорович Кантеров. В округе его считают самым успешным и известным предпринимателем из числа коренных жителей Югры. Сам Кантеров на портале малого и среднего предпринимательства «Бизнес Югры» пишет о себе следующее: «Я коренной житель реки Пим, помощник председателя общественной организации “Спасение Югры” в Лянторе, вице-президент Союза оленеводов Югры, а с недавнего времени ещё и предприниматель. Занимаюсь сразу несколькими бизнес-проектами – пилорама, разведение оленей, но самым интересным для себя считаю “Хантыйский дворик”. “Хантыйский дворик” – это стойбище в лесу. На этностойбище мы предлагаем туристам покататься на оленях, отведать национальную кухню и порыбачить. Помощь мне оказывает старший брат, который является большим знатоком фольклора ханты и истории рода. На этностойбище уже не раз приезжали туристы из Финляндии, Италии, Бельгии и даже Китая. Недавно мы выиграли окружной грант в сфере традиционного хозяйствования коренных жителей Югры. Полученные средства планируем потратить на строительство гостевого домика. Я надеюсь, что с помощью нашего бизнес-проекта мы сможем привлечь больше

туристов, как россиян, так и иностранцев, показать настоящую жизнь и быт коренных жителей Югры» [2].

Клим Кантеров стал примером для Виталия Рускина и Станислава Комтина, друзей из Сургутского района («Он смог, почему не сможем и мы?»). Показателен рассказ Виталия Рускина о своей жизненной траектории, приведшей его к мечте создать турбизнес: «Я, как и все мои братья, до семи лет жил в лесу, вёл традиционный образ жизни ханты. Русского языка толком не знал. Потом меня отправили учиться в школу-интернат в деревне Рускинской. После школы сразу в армию призвали, служил во Владикавказе, это была моя мечта – увидеть горы. А после армии наступил момент неопределённости, прогулял год впустую, ветер в голове был. Потом устроился в “Сургутнефтегаз” оператором по добыче нефти и газа, образования не получал, прошёл специальные курсы. Но всегда чувствовал, что это дело не по мне. На работе познакомился с людьми, которые занимаются общественной деятельностью. Меня пригласили на молодёжный съезд коренных малочисленных народов Севера. И с этого началась моя активная жизнь. Съездил на форум в Москву, увидел, что жизнь может быть другой и она не заканчивается в тайге. Стал сам внутренне меняться...» [1].

Примечательно, что молодые люди продолжают работать нефтяниками, параллельно занимаются активной общественной деятельностью. Парни прошли обучение в окружном фонде поддержки предпринимательства; в бизнес-инкубаторе им подсказали, как оформить свой проект. В 2016 г. Виталий выиграл грант в размере 300 тыс. руб. на проект «Югорский чум» (в категории «Молодёжное предпринимательство»). А Станислав получил 400 тыс. руб. на проект «Родовое гнездышко» (в категории «Социально значимый вид деятельности»). С тех пор они занимаются реализацией своих идей. К ним записываются группы туристов, которые отчасти ищут экстрима и готовы погрузиться в жизнь аборигенов и понять, каково это – хотя бы несколько дней провести вне цивилизации [1]. Такого рода деятельность встречается в округе всё чаще: «Вот сейчас чем стали зарабатывать. У меня племянники ездят в города, Покачи там, Лангепас, иногда в Радужный. На Новый год упряжку пригнали, покатали ребят. Там сразу можно заработать что-то. Но тоже хлопотно, потому что это машину надо, чтобы упряжки погрузить, привезти. Если там [оставаться] на пару дней, надо чум поставить. В общем, хлопотное дело» [3].

Приведённые выше примеры показывают, что среди аборигенной молодёжи Югры появляется всё больше активных и целеустремлённых людей (т. н. «модульные люди»), стремящихся к самореализации через предпринимательство. Помимо личностных качеств немаловажным фактором их успеха является семья, а также финансовая поддержка окружных властей и районной администрации, которые помогают им реализовывать бизнес-инициативы (в рассмотренных выше случаях – развивать этнотуризм в местах традиционного проживания своих предков).

Стоит также отметить, что власти Югры заинтересованы в подобных практиках ещё и как в иллюстрации (демонстрации) удачного совмещения традиционного образа жизни с промышленным освоением, о чём может свидетельствовать выдержка из беседы автора с одним из сотрудников администрации округа: «Сургутский район – это сердце нефтедобычи Югры, которое, в свою очередь, является сердцем нефтедобычи России. Мы видим, что там успешно решаются задачи, о которых раньше было устойчивое мнение, что это невозможно <...> при наличии адекватной правовой базы и, скажем так, политической воли и внимания органов власти <...>. И когда на примере Югры мы видим: 70 лет интенсивного промышленного освоения, по нескольку очередей обустройство месторождений идет, и прямо там до сих пор продолжают вести традиционный образ жизни и хозяйствования сотни семей оленеводов, причем молодые люди, которые имеют стада, разговаривают на родном языке, поскольку сохраняется языковая среда, – это определённый феномен, который должен найти сегодня оценку и привести к переосмыслению того, насколько и так ли несовместимо традиционное природопользование и сохранение этнического уклада, самобытности и промышленное освоение тех же территорий...» [3].

Однако в вопросе о возможности совмещения турбизнеса с традиционным образом жизни не всё так радужно и однозначно. Некоторые мои информанты по этому поводу высказывали большие сомнения: «Я знаю по своим родственникам. Никто никогда не хочет, чтобы к ним кого-то привезли. Во-первых, это заниматься [туристами] надо. Он там оленей держит, рыбалка, охота, обустройство кораля [“дом” оленя, где его прячут от гнуса]. Это хочешь – не хочешь, отвлекаться приходится. Во-вторых, после того как побывали там туристы, надо уборкой заниматься. Прибирать всё. Дом-хозяйство. В общем, хлопот больше». Или ещё одно высказы-

вание: «Этнотуризм имеет, наверное, больше негативные последствия. Это палка о двух концах. Если человек ведет традиционный образ жизни, чем меньше туда попадает людей, тем лучше. И где больше вреда, где пользы – надо ещё взвесить <...>. В каждом районе занимаются один-два предпринимателя – возят туристов, потому что им деваться некуда. Деньги зарабатывают копеечные, чтобы развлекать этих туристов. Вреда больше, потому что, если организованные туристы – ещё ладно, терпимо. Но сейчас ведь ездят поохотиться, порыбачить. Приехали, везут большое количество спиртных напитков, чтобы отдохнуть. Отсюда проблемы...» [4].

В Березовском районе приходилось слышать опасения, что неорганизованный туризм наносит большой вред экологии. «Баз туристических у нас – один-два и обчёлся. Никто дикий туризм не отслеживает. Все могут передвигаться – где хочет и когда хочет, никаких ограничений. Закон о рыболовстве не нарушает. Везде можно рыбачить удочками, спинningами, закидушками и т. д. Никаких ограничений ни в какое время года. После диких туристов пластик остаётся, который ущерб экологии наносит. Сейчас ведь замороженные продукты, полуфабрикаты, всё в пластике. Контейнера для мусора не поставишь на нашей площади и расстояниях. Да и вывозить их как потом?» [3].

Рассмотренные примеры показывают, что туризм – одна из сфер социально-экономической деятельности, в которой этнокультура, с одной стороны, становится товаром, объектом производства и потребления. В этом качестве «новая жизнь» этнической культуры вызывает зачастую закономерный протест местной интеллигенции, особенно это касается десакрализации некоторых элементов обрядовой деятельности во время проведения разного рода этнокультурных мероприятий. С другой стороны, этнический туризм помогает утверждению локального сообщества в качестве важного элемента социально-экономических отношений в регионе. Помимо экономической, полезность такого рода деятельности имеет социальную, политическую и символическую значимость. Символическое использование культурных ресурсов часто играет большую роль в формировании и восстановлении этнической идентичности северных аборигенов. Развитие туризма способствует поддержанию и воспроизводству разных традиционных культурных практик. Сами ханты и манси начинают чаще обращаться к своим традициям.

Список источников и литературы

1. С погружением в дело // Ugra-news.ru (Новости Югры): информационно-аналитический интернет-портал. – Режим доступа: <https://ugra-news.ru/article/18012018/61373/> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Клим Кантеров // Портал малого и среднего предпринимательства «Бизнес Югры». – Режим доступа: <https://xn--90aefhe5axg6g1a.xn--p1ai/success-stories/klim-kanterov/> (дата обращения: 05.11.2020).
3. ПМА 2017 – Полевые материалы экспедиции Е. А. Пивневой в Березовском, Октябрьском и Белоярском районах ХМАО – Югры, 2017 г.
4. ПМА 2018 – Полевые материалы экспедиции Е. А. Пивневой в г. Ханты-Мансийск, 2018 г.

Пивнева Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва)

Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СОВРЕМЕННОГО ОМСКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГОРОЖАН: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье отмечаются актуальность, новизна, методологические и источниковедческие возможности изучения динамики культурной среды современного города-миллионника в представлении горожан.

Ключевые слова: культурная среда города; Омск; город-миллионник; представления горожан.

Yu. R. Gorelova, O. V. Petrenko

DYNAMICS OF THE CULTURAL ENVIRONMENT OF MODERN OMSK IN THE PERCEPTION OF CITIZENS: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

The article notes the relevance, novelty, methodological and source-research possibilities of studying the dynamics of the cultural environment of a modern million-plus city in the perception of citizens.

Keywords: cultural environment of the city; Omsk; a million-plus city; perception of citizens.

Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его «духовной оседлости», для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности

Д. С. Лихачёв [1, с. 50]

Особенно актуальны эти слова великого гуманиста и выдающегося учёного для современного сибирского города, где с каждым годом всё больше жителей теряет «привязанность к родным местам». По данным Омскстата (*omsk.gks.ru*), население Омска за последние пять лет снизилось на 23,5 тыс. чел.; ежегодно Омск покидают 28–32 тыс. чел., а миграционная убыль составляет 5–7 тыс. чел. Тема миграции населения из Омска активно обсуждается в СМИ, соцсетях и в личных беседах, исследуется экономистами, социологами и историками. Причины этого процесса находят в неблагоприятных социально-экономических условиях, несоответствующих запросам горожан оплате труда и социальной инфраструк-

туре, в общей необустроенности города и его социально-культурной сферы. Развитая, привлекательная, комфортная в духовном и материальном плане культурная среда города снимет часть отмеченных проблем, а также будет способствовать формированию и поддержанию духовных связей горожан с малой родиной, с её культурным наследием.

Культурная среда, по Д. С. Лихачёву, это среда, созданная человеком и культурой его предков. В справочных изданиях «среда» определяется как окружающие (общественные, материальные и духовные) условия существования, формирования и деятельности человека. Э. Я. Орлова подчёркивает, что среда города – это освоенная и организованная как культурная целостность часть пространства поселения с активным использованием входящих в неё объектов [2, с. 290]. Выделяют характерные черты культурной среды: её сущностью является сама культура; она обладает свойствами пространственной протяженности и временной динамики; имеет материальную и нематериальную природу; её содержание структурировано, обладает иерархией различных проявлений культуры; её ключевая функция – формирование и развитие культуры находящихся в этой среде людей [3, с. 84].

Бесспорно, что решение проблем формирования, благоустройства, поддержания высокого эстетического качества среды города (в том числе – культурной) возможно лишь при активном участии и сотрудничестве учёных-обществоведов, архитекторов, дизайнеров, художников-монументалистов, а также простых горожан [2, с. 320]. Определённые шаги по их привлечению к мониторингу ситуации, к созиданию городской среды делаются на федеральном и региональном уровнях. Проводятся онлайн-голосования на сайтах администраций городов и через Госуслуги (*55.gorodsreda.ru*). В рамках нацпроекта «Жильё и городская среда» (2018–2024) разработан и успешно применяется инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий её формирования – «Индекс качества городской среды» (*индекс-городов.рф*). Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ осуществляется сбор данных (госстатистики, геоинформационных систем и дистанционного зондирования территорий, в перспективе – учёт мнения жителей) о 1116 российских городах. Полученные результаты используются в реализации отмеченного нацпроекта, в выделении субсидий на поддержку госпрограмм по формирова-

нию современной городской среды. С 2019 г. по нацпроекту «Культура» (2019–2024) осуществляется федеральный проект «Культурная среда», направленный на повышение качества жизни граждан и призванный путем модернизации и реновации обеспечить новый уровень развития инфраструктуры культуры.

Культурная среда города привлекла внимание отечественных учёных в начале 1980-х – 1990-е гг.: под влиянием идей К. Линча она рассматривалась как часть городской среды (А. А. Высоковский, В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, Г. З. Каганов, Л. Б. Коган, А. Я. Орлова и др.); в 2000-е гг. она вновь востребует научным сообществом в качестве объекта и предмета исследования (Д. А. Алисов, Ю. В. Величко, О. В. Ромах, О. Г. Севан и др.). Культурная среда современных городов пресыщена информацией, ресурсами и визуальными раздражителями; эти проблемы решают в рамках междисциплинарных проектов, средствами визуальной экологии, средовой психологии. Исследователи изучают близкие к теме культурной среды проблемы культурного ландшафта (Д. А. Алисов, В. В. Бондарь, Ю. А. Веденин, О. В. Гефнер, В. Л. Каганский, В. Н. Калущков, О. Н. Маркова, И. И. Митин, М. В. Скуднева и др.) и образов современного города (Д. Н. Замятин, В. Г. Рыженко и др.); разрабатывают проблемы психологического и эстетического восприятия пространства и образа города его жителями и гостями (О. А. Борисова, Н. К. Букаринова, Т. А. Власова, С. Э. Габидулина, Ю. Р. Горелова, И. В. Межевикин, К. Н. Обухова, Н. Ю. Прокопьева, К. Ю. Смирных, Д. Р. Шнайдер и др.). Отметим интересные исследования особенностей восприятия городской среды и отдельных её элементов по Омску (в 2006–2009 гг. – А. Т. Сагнаева, С. В. Чернобровкина; 2016–2018, 2021 гг. – Д. В. Гераськин, О. В. Гефнер, Ю. Р. Горелова), Новосибирску (О. Е. Ванина, О. С. Шемелина), Тюмени (Р. С. Костова, Л. Г. Скульмовская), Самаре (Н. А. Косенкова, Ю. М. Самойлова), Тольятти (И. А. Скрипачева), Волгограду (О. В. Кониная).

В 2020 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводил телефонное интервью россиян – представителей центральных городов, городов-миллионников, крупных, малых городов – о качестве и динамике городской среды [4]. Были получены общие и по большей части позитивные результаты, что вызвало скептические отзывы в соцсетях. На наш взгляд, такие исследования необходимо дополнять конкретикой по отдельным го-

родам, с учётом их географических, социокультурных и экономических особенностей, отмеченного выше индекса качества.

Каким горожане видят город-миллионник Омск, отмечают ли динамику культурной среды города за последние пять лет (2016–2021 гг.)? Для решения этой проблемы имеется репрезентативный источниковый комплекс – хроника городских событий в местных СМИ, данные исследований восприятия образа и пространства города его жителями. Как научный проект представлена работа студента Омского государственного педагогического университета Д. В. Гераськина (науч. рук. – Г. В. Горнова), изучающего восприятие города в философских категориях, а также с каким цветом, сказочным персонажем, родственником, прилагательным, метафорой ассоциируется Омск у горожан. Важным источником является отмеченный выше индекс качества городской среды. В 2018 г. Омск получил всего 104 балла (из 360!), социально-досуговая инфраструктура города – 20, общегородское пространство 23, в 2019 – 106 (20 и 26 соответственно), в 2020 г. – 113 (17 и 22).

С 2016 г. сотрудниками Сибирского филиала Института наследия (Ю. Р. Гореловой, О. В. Гефнер, И. В. Межевикиным, О. В. Петренко, К. Ю. Смирных, при участии студентов-архитекторов Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета) по замыслу и разработанной Ю. Р. Гореловой методике изучаются образные характеристики Омска в восприятии горожан. Осуществляется сбор материалов (анкетирование с открытыми и смешанными вопросами, квотная выборка – 300 чел.), формализация и анализ данных (метод семантического дифференциала, статистический и контент-анализ). В 2016 г. омичи отвечали на открытый вопрос: «Каким вы воспринимаете Омск? Охарактеризуйте тремя прилагательными». Исследование выявило картину оценок, проблемные точки и позитивные сферы. Определились наиболее волнующие горожан проблемы городской среды: загрязненность (в плане мусора, грязи и экологии); невыразительность (серые, монотонные спальные и окраинные районы); перспективы развития. Из положительных моментов: развитость инфраструктуры культуры, историческая память и культурное наследие города, его многоликость и многонациональность [5, с. 46].

Особую роль в созидании и восприятии среды города играют эстетические факторы. Это обусловило разработку в 2016 г. концепции и анкеты для выявления визуально-эстетических характери-

стик городской среды Омска. Для установления степени достоверности результатов и прогнозирования ситуации были привлечены эксперты-специалисты: историки, искусствоведы, архитекторы, философы. Для отслеживания динамики представлений сбор материалов проводился в два этапа: 2016/2017 гг. и 2021 г. (*forms.gle/mCNgb3GHxQmhUQFn7*). Респондентам предложили назвать: 1) по три синонима, определяющих эстетические категории, – прекрасное, безобразное, возвышенное, низменное; 2) места и объекты Омска, вызывающие описанные чувства, дать мотивировку причины выбора. В ходе анализа ответов были выделены 11 пространств. Места: центр и окраина, улицы и площади, водоемы и набережные, скверы и парки, жилая застройка. Объекты: административные учреждения, учреждения культуры и искусства (театры, библиотеки, музеи, вузы, школы), культовые сооружения, социально-бытовые учреждения, спортивные сооружения, торговые комплексы, развлекательные учреждения, инженерные сооружения, промышленная архитектура, памятники архитектуры, городская скульптура.

Перспективность возможного исследования динамики культурной среды Омска в представлении горожан подтверждают следующие наблюдения. В 2016 г. 153 выбора прекрасных объектов отдано центральным улицам, таким, как Любинский проспект (62 %) и ул. Ч. Валиханова (25 %). В 2021 г. лидирует ул. Ленина, затем идёт Любинский проспект и ул. Ч. Валиханова. Прошло время после реконструкции улиц (2016 г. и 2014 г. соответственно), устаревают планировочные решения и конструкции, недостаточно осуществлено озеленение улиц. Респонденты отмечают, что на Валиханова вырубili чудесную аллею из елей и берёз, а также всеми любимую рябину (у памятника Ч. Валиханову), газоны редко поливаются, информационные экраны часто не работают и т. д. В разделе «Учреждения культуры и искусства» бессменный лидер – Драматический театр (2016 – 49 %, в 2021 – 34 %). В 2021 г. появляются новые «прекрасные» объекты – «Эрмитаж-Сибирь», исторический парк «Россия – моя история», обновленный Омский музей просвещения. К категории «безобразного» респонденты отнесли: улицы и районы окраин (160 выборов из 523); ветхий, грязный, необустроенный частный сектор (33 %); современную жилую застройку и качество благоустройства прилегающих территорий (70 %); требующий реставрации и выбивающийся из общего облика города Музыкальный театр (47 %); торговые комплексы (особенно,

безликую, невыразительную коробку торгового центра «Континент» – 25 %); омские дороги (25 %). Интересно, что в опросе 2021 г. Музыкальный театр и современную застройку горожане не отнесли к категории «безобразного».

Список источников и литературы

1. *Лихачёв Д. С.* Экология культуры // Прошлое – будущему: статьи и очерки. – Л.: Наука, 1985. – С. 49–63.
2. *Орлова Э. А.* Городская среда как культурно-эстетическое явление // Эстетическая культура. – М.: ИФРАН, 1996. – С. 288–323.
3. *Сметанина М. Д.* Феномен культурной среды // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 3 (5). – С. 83–86.
4. *Трунова Н.* Среда, которая нас формирует. Как россияне оценивают качество городской среды и динамику её изменения: Аналитический доклад (21 октября 2020) // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/sreda-kotoraya-nas-formiruet-kak-rossiyane-ocenivayut-kachestvo-gorodskoj-sredy-i-dinamiku-ee-izmeneniya> (дата обращения: 20.05.21).
5. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан. – М.: Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва, 2019. – 154 с.

Горелова Юлия Робертовна – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

Петренко Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва (Омск)

Е. В. Мишкина

ОМСКАЯ ИГРУШКА

«Игрушечный бум» конца прошлого века вызвал неподдельный интерес среди учёных, педагогов и просто любителей игровой культуры. Особое внимание в этом процессе было уделено народным игрушкам и изделиям, имеющим историческую основу. Данная тенденция повлияла на появление в Омске и области своей, «омской игрушки».

Ключевые слова: игрушки; омская игрушка; игровая культура; культурная антропология; антропология детства.

E. V. Mishkina

OMSK TOY

The “toy boom” at the end of the last century aroused great interest among scientists, educators, and amateurs of game culture. Particular attention is paid to folk toys and products with a historical basis. This tendency influenced the appearance of “Omsk toys” in Omsk city and the Omsk region.

Keywords: toys; Omsk toy; play culture; cultural anthropology; anthropology of childhood.

На рубеже XX–XXI вв. в России произошёл «игрушечный бум», вызванный активным интересом общества к игровой культуре, разработкой и реализацией федеральных и региональных программ по сохранению культурного наследия [1–3].

Несмотря на более чем трёхсотлетнюю историю города Омска, здесь, к сожалению, не сложились свои собственные игрушечные промыслы, как и во многих других сибирских городах. Невзирая на этот факт, сейчас в Омской области существует целый ряд культурных центров и иных организаций, главной целью которых является сохранение и развитие нематериального культурного наследия и общероссийских художественных промыслов. В городе сохранением народных традиций занимаются: Государственный центр народного творчества Омской области, Омская областная общественная организация «Центр славянских традиций», Омская региональная общественная организация поддержки профессионального и любительского искусства «Территория творчества» и т. д. В этих и во многих других центрах ежегодно проходят мероприятия, направленные на популяризацию народной культуры, в том числе и игровой: выставки, лекции, мастер-классы и т. д.

Большое количество региональных проектов по развитию народных художественных ремёсел реализуется при поддержке Омского регионального общественного фонда развития русской культуры имени П. А. Столыпина. В 2017 г. в Омске при содействии фонда был реализован проект, объединивший мастеров и ремесленников Сибири и Урала на базе Дома русской культуры в Омске [4]. При поддержке этого центра творческое объединение «Сказ» уже на протяжении нескольких лет реализует социально-краеведческий проект «Омская игрушка», который является частью программы краеведческих знаний и патриотического воспитания «Родная Омская земля». В рамках проекта были организованы занятия «Омская игрушка» в образовательных учреждениях города и области, в основе которых лежат материалы реконструкции традиционных игрушек сибирских казачьих поселенцев [5]. По словам Ю. Тетерина – директора творческого объединения, главной целью его работы является создание бренда Омской области и яркой, легко узнаваемой омской игрушки, которая сможет отразить исторические реалии Омска XIX–XX вв. Первой изготовленной игрушкой в рамках проекта была матрёшка. По словам Ю. Тетерина, со временем стало понятно, что матрешка никаким образом не была связана с историей региона, поэтому от идеи её производства решили отказаться [6]. Но желание создать свою, омскую игрушку было сильным, поэтому в 2016 г. началась совместная работа руководителей проекта со специалистами по этнографии и краеведению Омской области над созданием сувенирной коллекции «Омской игрушки», куда вошли такие серии, как:

1. «Омск исторический» (архитектурные комплексы города «Пожарная каланча», «Омский драматический театр», «Тарские ворота» «Тобольские ворота», известные исторические персоны, связанные с историей основания и развития Омска: Ермак, Шпрингер, Гасфорт, Бухгольц и др.);

2. «Омск традиционный» («Русские национальные одежды, терем», «Казахи – национальные одежды, юрта», «Татары – национальная одежда, татарская изба» и др.);

3. «Омск праздничный» («С Новым Годом!» – история и традиции русского Деда Мороза и др.) [6].

Самые первые изделия «Омской игрушки» были разработаны в стиле омского казачества и объединены в набор «Казачья станица», в который входили три деревянные фигурки: казак, казачка и конь. Эти образы были выбраны как универсальные и понятные для детей любых возрастов: казачка – хранительница очага и мать, казак – воин

и защитник, а конь – помощник в труде и бою. По словам М. А. Жигуновой, старшего научного сотрудника Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, обращение к теме казачества неслучайно и связано с тем, что Омск являлся столицей сибирского казачьего войска, о чём многие не помнят или не знают. Кроме того, в виде игрушек и сувенирной продукции проекта представлены и другие исторические личности, имена которых у многих омичей на слуху [2].

В 2017 г. проект «Омская игрушка – омские истории» расширил свои границы, разработав следующие серии:

1. «Казачья станица»;
2. «Гасфорды. Густав и Любочка»;
3. «Брандмейстер и каланча»;
4. «Бухгольц. Яркендский поход. Омская крепость»;
5. «Шпрингер. Вторая Омская крепость»;
6. «Покорение Сибири»;
7. «Омск – белая столица Колчака»;
8. «Мария Шанина»;
9. «Традиции славян. Окунёво»;
10. «Исполнение желаний»;
11. «Последний маршал СССР»;
12. «Железный генерал»;
13. «Омск, Малунцев, Нефтезавод».

Все игрушки выполнены из липы и кедра и имеют детальную красочную роспись, которую разрабатывали семь омских художников. Каждая игрушка изготовлена в трёх видах: как сувенир, как заготовка для детской росписи и собственно игрушка.

В рамках краеведческих мастер-классов, которые организует «Мастерская Омской игрушки», проходят практические занятия по росписи деревянных фигурок, в сопровождении беседы на выбранную краеведческую тему. В начале занятия для детей проводится инструктаж об основных приемах росписи акриловыми красками деревянных заготовок. Затем, одновременно с процессом росписи, дети знакомятся с видео-презентацией, из которой узнают интересные факты об исторических персонах, связанных с Омском, особенностях быта, традициях и обычаях жителей нашего региона в XVI–XX вв.

Подобные занятия имеют крепкую педагогическую базу, они направлены на формирование личности и таких её качеств, как доброта и сострадание, любовь к малой родине, уважение предков и т. д. Кроме того, проект способствует формированию позитивного

восприятия истории Омского Прииртышья, а также позволяет в доступной форме игры познакомить детей с историей и традиционной культурой.

Каждая фигурка, выполненная руками мастера или самого ребенка, – это простой и понятный для детей рассказ об истории родного города и его героях. Для Омска такой формат распространения краеведческих знаний имеет большую уникальность и неповторимость. Такие игрушки помогают юным омичам лучше узнать историю региона, в котором они живут, познакомиться с наиболее знаковыми фигурами Омской области и узнать о важных исторических событиях родного края.

Список источников и литературы

1. *Бессараб К., Гаврилов С.* У Омска теперь есть своя фирменная игрушка // Антенна-7. – 2020. – 26 марта. – Режим доступа: <http://antenna7.ru/events/u-omska-terep-est-svoya-firmennaya-igrushka> (дата обращения: 10.04.2021).
2. *Корнеева Н.* Гасфорд и Любочка стали «Омской игрушкой». Дом для мастеров открыт в Омске // Аргументы и факты. – 2017. – 18 августа. – Режим доступа: https://omsk.aif.ru/culture/gasford_i_lyubochka_stali_omskoj_igrushkoy_dom_dlya_masterov_otkryt_v_omske (дата обращения: 09.04.2021).
3. Омский региональный общественный фонд развития русской культуры имени П. А. Столыпина // Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом Дружбы). – Режим доступа: <https://clck.ru/PZwNm> (дата обращения: 09.04.2021).
4. О народных художественных промыслах: Федеральный закон от 06.01.1999 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – Режим доступа: <https://clck.ru/MqG9c> (дата обращения: 06.04.2021).
5. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Федеральный закон от 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 01.04.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018866> (дата обращения: 06.04.2021).
6. О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)»: постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012 № 186 // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70149760/> (дата обращения: 06.04.2021).

Мишкина Елизавета Владиславовна – методист Омского государственного историко-краеведческого музея (Омск)

Л. Г. Пономарева

**ОМСКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГ ВРЕМЁН ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
КАК ПАМЯТНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ
ФОНДА РЕДКИХ КНИГ ОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЛАСТНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. А. С. ПУШКИНА**

Древняя история Северной Азии отражает мир великих кочевых народов бесписьменной культуры. Книжное наследие Омска является важным источниковедческим материалом для исследования процессов вхождения русской цивилизации в Северную Азию, которой суждено было стать Азиатской Россией. В статье перечислены самые древние экземпляры книг, выявленные на территории Омской области, а также описаны омские экземпляры русских изданий Вобана (1744) и Роллена (1749–1761) с точки зрения искусства русской книги и процессов их бытования.

Ключевые слова: елизаветинское барокко; книжный знак; библиотека Сибирского казачьего войска; библиотека Сибирского кадетского корпуса.

L. G. Ponomareva

**OMSK COPIES OF BOOKS FROM THE TIME OF ELIZABETH
PETROVNA AS A MONUMENT OF NATIONAL CULTURE: BASED
ON MATERIALS FROM THE FUND OF RARE BOOKS OF THE OMSK
A. S. PUSHKIN STATE REGIONAL RESEARCH LIBRARY**

The ancient history of North Asia reflects the world of the great nomadic peoples of a non-literate culture. The book heritage of Omsk city is an important source of material for studying the processes of the entry of Russian civilization into North Asia, which was destined to become Asian Russia. The article lists the most ancient copies of books found on the territory of the Omsk region and also describes the Omsk copies of the Russian editions of Vauban (1744) and Rollin (1749–1761) from the point of view of the art of Russian books and the processes of their existence.

Keywords: Elizabethan baroque; book sign; the library of the Siberian Cossack army; the library of the Siberian cadet corps.

В рамках реализации проекта «Книжные редкости Омского Прииртышья в культурном пространстве России» («Грант Президента РФ для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства» от 29 мая 2006 г.) были выявлены самые древние экземпляры книг на территории Омской области. Омские фонды европейской книги начинают свой отсчёт с 1558 г., с лионского издания Аматыса Лузитанского «In dioscoridis

anasarbei de medica material libros ovinova» из библиотеки Омского аграрного университета (книгопечатание в Европе велось с 1445 г.). Омское собрание книг кирилловского шрифта начинается с московского издания Апостола 1606 г. из библиотеки Омского историко-краеведческого музея (книгопечатание кириллических изданий в России велось с 1564 г.). Омские фонды книг гражданской печати начинают свой отсчёт с 1710 г., с московского издания Э. Брауна «Новейшие основания и практика артиллерии» из Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина (книгопечатание книг гражданского шрифта в России ведётся с 1708 г.). В своё время мы охарактеризовали омское собрание книг XVII в. [1] и омскую коллекцию книг эпохи Петра I [2], теперь приступаем к описанию омских экземпляров книг времён Елизаветы I.

Открывает коллекцию страсбургское издание 1741 г.: «Observations sur les plantes et leur analogie avec les insectes: precedées de deux discours, l'un sur l'accroissement du corps humain, l'autre sur la cause pour laquelle les bestes nâgent naturellement, que l'Homme est obligé d'enetudier les les moyens». Книга состоит из текстов по биологии («наблюдения за жизнью растений и их сходством с насекомыми»), анатомии («о росте и развитии человеческого тела») и физиологии («о причине, по которой животные плавают»). В экземпляре сохранились два владельческих штампа. Один знак относится к первой половине XIX в. – «Библиотека Императорского Гатчинского Николаевского Сиротского института» (учреждение было основано в 1803 г. императрицей Марией Фёдоровной). Другой знак XX в. – «Библиотека Омского института сельского хозяйства им. Кирова С. М.». Омский экземпляр книги являет собой образец стиля рококо: цельнокожаный переплет с цветочным орнаментом на корешке, выполненный тиснением золотой фольгой; форзац из бумаги с рисунком «павлинье перо»; ксилографический декор изящно выделяет содержательную структуру книги; титульная виньетка (флерон), заставки, буквы разных размеров, концовки выполнены в технике наборной печати.

Знаковым для Омска является первое издание на русском языке «Книги о Атаке и обороне крепостей» (СПб.: Императ. Акад. наук, 1744. 184 с., 21 л. ил.) французского инженера Себастьяна Ле Претра де Вобана (1633–1707). На форзаце экземпляра сохранился штамп «Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска». Мы можем предполагать, что книга использовалась И. И. Шпрингером во время возведения второй Омской крепости. Омский экземпляр сохранил

«печать» читательского интереса: цельнокожаный переплёт отходит от блока, значительная часть страниц (ветхих и разорванных, особенно повреждены листы с чертежами) была реставрирована в 2016 г. Книга была переведена с французского языка поручиком Шляхетского кадетского корпуса Иваном Ремезовым. Издание открывается посвящением великой государыне императрице Елизавете Петровне. В «Уведомлении к читателю», набранном курсивом парагон антиква (новый для того времени шрифт), И. Ремезов сообщал, что кадеты до 1744 г. обучались по голландскому изданию Вобана 1736 г., в котором было значительное количество погрешностей. Ремезов уверял читателей, что его перевод совершён с рукописной книги, «которая с подлинной авторской точно списана». На титульном листе типографы использовали двухцветную печать, которая характерна для французских книг. Красным цветом выделены главные слова, а кеглем букв подчёркнута иерархия слов: сначала слово «атака», затем «оборона» – «господин де Вобан» – «Санкт-Петербург». В книге имеются колонтитулы, кустоды, сигнатуры. Издание Вобана большого формата, текст украшен декором в стиле барокко [3, с. 125]. Заставки, концовки с маскаронами, инициалы в цветисто-узорчатом прямоугольнике, подчёркивающие смысловую структуру книги (градацию частей, глав), создают особую интонацию торжественности и величавости. В омском экземпляре сохранились на отдельных листах гравюры с чертежами, на которых изображены не только схемы, но и люди в военном обмундировании, вооружение, технические средства.

В царствование Елизаветы Петровны с 1741 по 1761 гг. в типографии Академии наук было выпущено 650 изданий. Это была ведущая типография России того времени, она по разносторонности и интенсивности издательской деятельности соперничала с ведущими типографиями Запада [4, с. 50, 56]. В это время в Гравировальной палате Академии наук работали лучшие русские мастера книжной гравюры – Иван Соколов, Григорий Качалов и др., бывшие когда-то учениками иностранных гравёров петровского времени – голландца Оттомана Элигера и немецкого мастера резцовой гравюры Христиана-Альбрехта Вортмана [5, с. 36]. В Омском экземпляре издания Вобана 1744 г. мы видим гравюры учеников И. А. Соколова – Е. Т. Внукова, А. А. Грекова, И. П. Елякова, С. Т. Сорокина [6, с. 10, 18].

В Омске сохранились четыре тома большого формата из 10-томной «Древней истории об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках» Шарля Роллена (СПб.: Императ. Акад. наук, 1749–1761; Т. 1, 1849; Т. 4, 1753;

Т. 5, 1760; Т. 9, 1761), а также четыре тома из его 15-томной «Римской истории от создания Рима до битвы Актийския то есть по окончании Республики» (СПб.: Императ. Акад. наук, 1761–1766; мы будем говорить только о первом томе 1761 г.). Роллен (1661–1741) не на латинском наречии, а легким слогом французского языка написал связно и занимательно «Древнюю историю» (1730–1738) и «Римскую историю» (1738–1741), которую с 1738 по 1766 г. переводил на русский язык В. К. Тредиаковский (1703–1768). Древняя и Римская история Роллена была популярна в Европе, а благодаря переводам Тредиаковского стала своеобразной исторической энциклопедией и для русских читателей. Литературовед Л. В. Пумпянский писал: «Роллен довольствуется тем, что пересказывает античных же историков <...>. Научное место “Истории” незначительно, но её морально-политическое влияние было громадным <...>. Роллен был потрясён падением политических нравов во Франции. В этом суровом янсенисте жила героическая душа буржуазного республиканца и пуританского демократа. Под именем “Древней истории” и “Римской истории” он пишет курс римско-республиканской морали. Он хочет показать, что свобода Афин и республиканского Рима была основана на суровой энергии характеров, на сознательном пренебрежении граждан к личным интересам, ежеминутной их готовности пожертвовать ради блага всех имуществом, свободой и жизнью. Парижанам Регентства и Людовика XV он указывает на гибель государства как на страшное последствие падения характеров <...>. Тредиаковский переводит одно из влиятельнейших произведений европейской политической мысли, влиятельное не глубиной мысли (Роллен – не Монтескье), а популярностью этого всем понятного, заразительно действующего, литературно привлекательного идеала героической республиканской свободы» [7, с. 252].

Василий Тредиаковский понимал толк в графике шрифта и в деталях декора, он одним из первых попытался осмыслить пропорции шрифта, используя специальную терминологию [8]. Во всех омских экземплярах с 1749 по 1761 г. сохранилась единая композиция текста на титульном листе, использовалась одна гарнитура шрифта. Название книги набиралось крупным шрифтом, парагон антиквой; рисунок наборной декоративной линии, отделяющей место и время издания, в каждом томе был индивидуален. Наборные заставки и концовки подчёркивали стройность структуры текста. В издании 1749 г. размещен крупный инициал в рамке с растительным орнаментом (с него начинался текст по древней истории), который органично сочетался с роскошной концовкой в стиле барокко. Уже в книге 1753 г. подобная кон-

цовка заменена наборными элементами (имеется торжественное начало, но исчезает подобное началу завершение). В издании 1760 г. инициал и концовка царственно задают торжественный дух барокко, который в экземплярах 1761 г. не пробужден, ибо в них «регистр» «инициал-концовка» отсутствует. Этот факт объясняется тем, что к тому времени Тредиаковский был уволен из Академии наук и уже не мог влиять на качество внешнего убранства изданий Роллена. В четвёртом томе «Древней истории» сохранилась карта Малой Азии, Финикии, Месопотамии, выполненная на отдельном листе в технике гравюры на металле (лист между страницами 84–85). На искусство печати данной карты повлияло издание «Атласа российского...» (СПб., 1745), которое стало значительным культурным событием в деле гравирования географических карт в России. Картам того времени была присуща «живая образность»: деликатная штриховка намечала рельеф карты, остроконечные холмики выстраивались в горные хребты, города обозначались башенками [5, с. 112]. Все географические названия выполнены каллиграфическим письмом и изящным шрифтом.

Любопытно, что почти все омские экземпляры многотомного издания Роллена находились в разных книжных собраниях. В книгах «Древней истории» встречаются следующие владельческие знаки: т. 1, 1749 г. – надпись «Из книг Ф. Плотникова» и штампель «Войсковой Библиотеки сибирского казачьего войска»; т. 4, 1753 г. – штампель «Сергей Петрович Голубков»; т. 5, 1760 г. – штампель «Сергей Петрович Голубков», надпись «Сия книга в сем переплете куплена в С.П.Б. декабря. 30. Дня 1802 г. Дано 60 копеек» и рукописный вензель из заглавных букв на форзаце; т. 9, 1861 г. – штампели «Иркутской духовной семинарии» и «Библиотека Иркутского госуд. университета». В первом томе «Римской истории» 1761 г. встречаются надпись «Войсковаго училища» и ярлык «Библиотека Сибирского кадетского корпуса». После разрушительной национализации библиотечных фондов дореволюционного Омска в 1920 г. популярная для своего времени многотомная история Роллена сохранилась лишь в единичных томах, книжные знаки которых свидетельствуют, что «Древняя история» Роллена имела в библиотеке Сибирского казачьего войска, а «Римская история» Роллена находилась в библиотеке Сибирского кадетского корпуса. Три экземпляра «Древней истории» сохранились в цельнокожаных переплетах со слепым тиснением на корешке (1753, 1760, 1761); в экземпляре «Римской истории» можно отметить красный кожаный корешок, инкрустированный кожей черного цвета, с тиснением золотой фольгой.

Описанные в данной работе омские экземпляры книг свидетельствуют о том, что книжная культура того времени существовала в отблесках стиля «елизаветинского барокко». Книга органично вписывалась в архитектуру интерьера, она была частью внешнего модного убранства дома: омские экземпляры книг елизаветинского времени – большого формата, с «барочно-рокайльным» декором. Характерно, что в Европе в это время господствовал французский стиль рококо, об этом свидетельствует омский экземпляр страсбургского издания 1741 г. Книги Вобана (1744) и Роллена (1749-1761) оказались в Омске благодаря просвещенным кругам военного сословия, которому было суждено не только обустраивать южную границу России, но и быть просветителями бесписьменных народов, живущих на огромной территории Северной Азии. Военное сословие сформировало в Омске две уникальные для становления русской цивилизации в Сибири библиотеки – Библиотеку Сибирского казачьего войска и Библиотеку Сибирского кадетского корпуса, в которых находились знаковые для елизаветинского времени книги Вобана и Роллена.

Список источников и литературы

1. *Пономарева Л. Г.* Книжные древности Омска // Тобольск и вся Сибирь. № 27: Омск – 300 лет. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2016. – С. 463–483.
2. *Пономарева Л. Г.* Книги эпохи Петра I: собрание редких книг Омской областной библиотеки // EX LIBRIS. – Омск: ОГОНБ им. А. С. Пушкина. – 2016. – Вып. 3. – С. 204–211.
3. *Большаков М. В.* Декор и орнамент в книге. – М.: Книга, 1990. – 159 с.
4. *Шицгал А. Г.* Русский типографский шрифт. – М.: Книга, 1974. – 208 с.
5. *Герчук Ю. Я.* Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. – СПб.: Издат. дом «Коло», 2014. – 512 с.
6. Гравировальная палата Академии наук XVIII века. – Л.: Наука, 1985. – 293 с.
7. *Пумпянский Л. В.* Третьяковский // История русской литературы: в 10 т. – Т. 3. – Ч. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С. 215–263.
8. *Третьяковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всём, что принадлежит к сей материи. – СПб., 1748. – 460 с.

Пономарева Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, заведующая отделом «Центр книжных памятников» Омской государственной областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина (Омск)

М. Ю. Здор, Д. П. Загородникова, Д. Н. Павлов

**СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
«ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК “БЫВШЕЕ КЛАДБИЩЕ
БУТЫРСКОГО ФОРШТАДА ОМСКОЙ КРЕПОСТИ”»
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2018–2019 гг.**

В данной статье авторами приведён краткий обзор результатов работ на объекте культурного наследия «Грунтовый могильник «Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости», расположенного в историческом центре города Омска. В XX в. территория некрополя активно застраивалась, все внешние визуальные признаки объекта полностью утрачены. В 2018–2019 гг. работы проводились в два этапа: археологическая разведка и аварийно-спасательные раскопки. На протяжении двух лет, обнаружено и исследовано 101 погребение, датированное первой половиной XIX в.

Ключевые слова: город Омск; исторический центр; объект культурного наследия; поиск; исследование; сохранение.

M. U. Zdor, D. P. Zagorodnikova, D. N. Pavlov

**THE STATE OF THE OBJECT OF CULTURAL HERITAGE
«SOIL BURIAL GROUND “FORMER CEMETERY OF THE BUTYRSKY
FORSTADT OF THE OMSK FORTRESS”» ACCORDING TO THE
RESULTS OF RESEARCH IN 2018–2019 YEARS**

In this article, the authors give a brief overview of the results of work on the object of cultural heritage «Soil Burial Ground “The former Cemetery of the Butyrsky Forstadt of the Omsk Fortress”», located in the historical centre of Omsk. In the 20th century, the territory of the necropolis was actively built up, so all external visual signs of the object are completely lost. In 2018–2019, work was carried out in two stages: archaeological exploration and emergency rescue excavations. For two years, 101 burials dated to the first half of the 19th century were discovered and investigated.

Keywords: Omsk city; historical centre; cultural heritage object; searching; research; conservation.

Развитие современного городского пространства сочетает в себе интенсивные и экстенсивные приемы. Реновационные мероприятия затрагивают все структурные подразделения городских поселений, включая жилые и нежилые фонды, коммуникации и т. д. Большинство этих действий предполагает проведение земляных работ, что может представлять угрозу как существующим, так

и ещё не выявленным памятникам археологии. Согласно Федеральному закону № 73 РФ ст. 28, строительные работы на земельных участках, отведенных под хозяйственное освоение, должны предваряться археологическими исследованиями [1].

Как и любой город, Омск имеет историческое ядро и периферическую часть. До середины XX в. рост населённого пункта происходил преимущественно экстенсивно, и находившиеся на окраинах некрополи постепенно оказывались среди более поздней застройки. После прекращения функционирования их территория, по мере разрушения надмогильных сооружений, занималась рекреационными зонами (парками), а после этого могла быть застроена.

В период Великой Отечественной войны в Омск эвакуируют заводы из прифронтовой полосы, которые располагаются на свободных от застройки участках, вблизи линий коммуникаций. Таким образом, закрытые кладбища оказались как среди жилой и производственной застройки, так и непосредственно под ней. В данной статье приведены результаты аварийно-спасательных раскопок одного из городских кладбищ города Омска, считавшегося утраченным в результате застройки – кладбища Бутырского форштадта [2, с. 49].

В конце XVIII в. основным местом погребения в городе Омске было Кадышевское кладбище. На «Генеральном плане Омской крепости с показанием казенного гражданского строения и прилежащих форштадтов» от 31 мая 1803 г. Кадышевское кладбище обозначено как «старое», а кладбище в форштадте Выползки как «Кладбища Русское и Немецкое». Такая же ситуация отмечена и на «Плане города Омска Тобольской губернии» 1806 г. К началу XIX в. некрополь в форштадте Выползки стал именоваться «старым русско-немецким» так как взамен его было заложено новое, Бутырское кладбище, основанное во втором десятилетии XIX в. [3, с. 858–859].

Бутырское кладбище делилось на две части: северная часть была занята «немецким» кладбищем (хоронили преимущественно иноверцев-лютеран), южная – «русским». Наложение архивных картографических материалов на современную карту города позволяет локализовать территорию кладбища между ул. Гусарова (Скорбященская), Чернышевского (Кладбищенская), Рабиновича (Воздвиженская) и Булатова (Екатерининская). Кладбище функционировало до второй половины XIX в. [4, с. 31]. Точную дату его закрытия определить сложно. К 1879 г. развитие Бутырского фор-

штадта привело к тому, что кладбище оказалось полностью включено в городскую черту. Вероятно, к этому времени основным участком погребения для Бутырского форштадта стало новое, Шепелевское кладбище, располагавшееся за городской чертой. В 1904 г. на картах города территория Бутырского кладбища обозначена как пустырь [5].

В 1899 г. часть территории кладбища была выделена под строительство Богородице-Братской церкви. Церковь была заложена в 1906 г., а к 1910 г. строительство было завершено, церковь была освящена и начала функционировать. Оставшаяся территория кладбища была превращена в парк. Здание располагалось в северной части русского сектора некрополя, в створе улицы Блохинской, ныне не существующей. К 1940 г. церковь была закрыта [6].

В 1940 г. территория кладбища начала застраиваться – было начато строительство многоэтажного здания педагогического института, переданное с началом Великой Отечественной войны эвакуированному из Ленинграда заводу № 210 (им. Козицкого). Развитие заводской инфраструктуры (особенно бурное в 1950–1960 гг. XX в.) привело к полному перекрытию территории некрополя [4, с. 20].

В начале XXI в. участки территории завода начали распродаваться, в частности, весной 2018 г. часть территории завода была выкуплена под строительство жилого дома. Осенью 2018 и весной 2019 г. сотрудниками Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ОНЦ СО РАН) были проведены археологическая разведка [7], а затем аварийно-спасательные раскопки, результатом которых стало обнаружение и исследование 101 погребения.

Территория обследования состояла из двух кадастровых участков. Объект археологического наследия «Грунтовый могильник “Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости”» локализуется на восточном участке с номером 55:36:040103:13106. На западном участке (номер 55:36:040103:13553) объектов археологического наследия не выявлено.

Установлено, что при строительстве завода им. Н. Г. Козицкого, а также при прокладке и ремонте коммуникаций была разрушена часть некрополя, но в междуцеховом пространстве остались значительные сохранные участки, содержащие большое количество погребений, в том числе многоуровневые [7, с. 383].

В 2018 г. в процессе археологической разведки было обнаружено 11 погребений, а в рамках аварийно-спасательных археологических раскопок, проведённых в 2018 и 2019 гг., территория земельного участка, отведённого под хозяйственное освоение, была освобождена от культурных напластований с полным изъятием 90 погребений.

Всего выявлено 61 взрослое захоронение и 40 детских. Три детских погребения были совершены в колодах. Погребения ориентированы в двух направлениях: запад – восток и юго-запад – северо-восток. Костяки лежали в анатомическом порядке, вытянуто на спине. Руки погребённых скрещены на животе, реже – на груди, правая рука, как правило, лежит сверху. Стенки гробов изготавливались из досок, скреплялись железными или деревянными гвоздями. Захоронения располагались в прямоугольных ямах. Погребальный обряд относится к православной христианской традиции. На черепках из четырёх могил обнаружены циркулярные распилы (отделение черепной крышки). Циркулярный распил черепа используется для извлечения головного мозга при посмертном исследовании тела. Данный способ вскрытия черепной коробки был предложен в 1824 г. И. В. Буяльским. Появление подобной практики вскрытия тел появляется в Омске в 1852 г. с открытием в Омском военном госпитале фельдшерской школы для комплектования Сибирского войска фельдшерами.

Во время разборов костяков у части погребённых, в том числе и у детей, в районе груди были обнаружены медные нательные крестики. Во взрослых захоронениях обнаружено 17 нательных крестиков, в детских – 21. Кроме того, в одной из могил обнаружен крест-мощевик, ещё в одной – образок. Все крестики изготовлены из меди или медного сплава и относятся к православной традиции. В одном из погребений на грудь покойного был помещён бронзовый трёхстворчатый складень «Знамение». В ещё одной могиле зафиксирован толстостенный керамический сосуд (чаша), выполненный техникой ручной лепки, диаметром 14,5 см. Особо следует отметить погребение, в котором сохранился, предположительно, воинский мундир и кожаные сапоги. Мундир однобортный, на манжетах фиксируется золотное шитьё. Пуговицы медные, круглые. На лицевой стороне рисунок отсутствует. Цвет мундира – серо-коричневый с синевато-зеленоватым оттенком. Первоначальный цвет мундира определить невозможно в связи с деградацией красящего

пигмента. Для определения цвета необходим качественный химический анализ ткани. На правом плече зафиксирован эполет с бахромой. По архивным данным известно, что на территории Бутырского кладбища был захоронен ряд исторических деятелей, таких как П. П. Аносов, Г. И. Глазенап, А. Ф. Де Граве, поэтому существует необходимость проведения дополнительных исследований с целью установления принадлежности погребения.

Подводя итоги работам, проведённым в 2018–2019 гг. можно сделать несколько выводов:

1. Несмотря на существенные утраты, полученные в ходе развития заводского пространства, на обследованной территории существуют значительные сохранные участки кладбища Бутырского форштадта, которые требуют дополнительных археологических работ. В связи с этим необходимо внесение изменений в существующие границы объекта археологического наследия «Грунтовый могильник “Бывшее кладбище Бутырского форштадта Омской крепости”» и его предмет охраны.

2. Несмотря на стандартизированный погребальный обряд, изучение данного объекта археологического наследия представляет значительный научный интерес, так как зафиксированы детали устройства погребений и элементы, по которым возможны исторические реконструкции.

3. Очевидно, что дальнейшая жилая застройка, как и любые строительные работы в этом районе являются нежелательными и должны быть запрещены, без предварительного проведения соответствующих археологических работ.

4. Так как большая часть корпусного фонда завода в настоящее время не используется, оптимальным был бы его демонтаж с последующим превращением территории в рекреационную зону.

Список источников и литературы

1. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. Ст. 28. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_37318/0ebbf5e9a47e78cc49c7899fddf4a78fe6d27cca/ (дата обращения: 10.05.2021).
2. *Корусенко М. А., Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Павлов Д. Н.* Исторические некрополи г. Омска – опыт изучения и сохранения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. – Вып. XXVII. – С. 47–54.

3. *Блинова А. Н., Герасимов Ю. В., Корусенко М. А.* Археологические работы на территории Омского военного госпиталя в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2020. – Т. XXVI. – С. 855–861.
4. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2005. – 232 с.
5. План города Омска. Литографирован под руководством Колл. Советн. Крекова при Топографическом Отделе Штаба Сибирского военного Округа // ЭтоМесто. – Режим доступа: http://www.etomesto.ru/download.php?map=omsk_1904 (дата обращения: 10.05.2021).
6. *Лебедева Н. И.* История Омских храмов. Богородице-Братская церковь // www.omsktime.ru. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120127173720/http://www.omsktime.ru/church/bogorod.html> (дата обращения: 10.05.2021).
7. *Павлов Д. Н., Черенкова С. В.* Результаты предварительных исследований Бутырского кладбища как объекта археологического наследия Омска XVIII – второй трети XIX вв. // Пятые Ядринцевские чтения: матер. V Всерос. науч.-практ. конф. – Омск: ОГИК музей, 2019. – С. 382–385.

Здор Максим Юрьевич – магистр, ведущий инженер Омского научного центра Сибирского отделения РАН (Омск)

Загородникова Дарья Петровна – магистр, ведущий инженер Омского научного центра Сибирского отделения РАН (Омск)

Павлов Дмитрий Николаевич – магистр, ведущий инженер Омского научного центра Сибирского отделения РАН (Омск)

Ю. С. Ветюгова

РОЛЬ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРАЕВЕДЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОРОДСКОГО КЛАДБИЩА № 1)

Статья описывает цели, ход работы и результаты полевых исследований на Нижневартовском городском кладбище № 1. Посредством подобных исследований обогащаются краеведческие знания и стимулируется интерес к местному краеведению. Исследования становятся основой для проектов, которые помогают увековечить и сохранить историческую память о защитниках Отечества и значимых событиях прошлого.

Ключевые слова: краеведение; историческая память; ветераны; кладбище; схематизация кладбища; списки захоронений.

Y. S. Vetyugova

ROLE OF FIELD RESEARCH IN LOCAL HISTORY (USING THE EXAMPLE OF STUDYING NIZHNEVARTOVSK CITY CEMETERY No. 1)

The article describes the goals, progress, and results of field research at Nizhnevartovsk city cemetery No. 1. Through such studies, local history knowledge is enriched, and interest in local history is stimulated. Research becomes the basis for projects that help perpetuate and preserve the historical memory of the defenders of the Fatherland and significant events of the past.

Keywords: local history; historical memory; veterans; a cemetery; schematization of the cemetery; lists of burials.

В старой части города Нижневартовска находится Нижневартовское городское кладбище № 1. Это кладбище появилось в 1930-е гг., закрыли его в 1970-е гг., но на нём существуют и более поздние захоронения. В архивах не сохранилось никаких документов об этом кладбище: по нему не был составлен список захоронений, схемы захоронений также не существует. Связано это с тем, что захоронения на протяжении долгого периода времени производились хаотично. Часть из тех, кто покоится на кладбище, являются коренными нижневартовцами, старожилами, но у многих не осталось родственников в городе, и контакты с ними утеряны.

Сотрудники Нижневартовского краеведческого музея приступили к изучению кладбища в 2015 г., когда возникла необходимость уточнения даты рождения и смерти некоторых первопосе-

ленцев села Нижневартовского. В дальнейшем целью проводимых полевых исследований с 2015 г. стало:

1) уточнение имён, отчеств и фамилий, дат рождения и смерти на надгробиях;

2) составление списка захоронений, схематизация и структуризация кладбища;

3) изучение истории села и города Нижневартовска посредством выявления особо ценных захоронений с точки зрения краеведения, а именно: могил первопоселенцев, солдат Первой мировой войны, ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., тружеников тыла;

4) обращение внимания общественности на запущенное состояние кладбища как социокультурного феномена и ценного «краеведческого» ресурса для городского пространства, который необходимо сохранить.

Исторически данное кладбище не является для Нижневартовска первым. В начале XX в. при появлении пристани, а затем села Нижневартовского было выделено иное место для захоронений; территориально оно находилось в районе современного Больничного переулка [1, с. 34]. Первухина (Балуева) Вера Матвеевна, уроженка села Нижневартовского вспоминает, что её отец Балуев Матвей Семёнович поставил свой дом на месте первого пристанского кладбища: «До конца 30-х годов на этом месте было пристанское кладбище. У нас на огороде стояли кресты, а в стайке, где коровы были, даже могилки проваливались. Раньше вообще к этому как-то просто относились... Сейчас уже и места этого, где наш домик стоял, нет его... смыло» [2, с. 9–10]. Свою маму Вера Матвеевна хоронила в 1947 г. уже на новом кладбище (*наст. время* – Нижневартовское городское кладбище № 1): «Никаких кедров тогда не росло на этом месте. Было несколько могил, кочки, болотистое место. Это сейчас там такие большие деревья выросли – целый кедровый лес» [2, с. 9–10].

Площадь городского кладбища № 1 составляет 0,5 га. Летом 2020 г. сотрудники музея приступили к составлению схемы захоронений на кладбище. Для этого кладбище было разбито на сектора: вдоль и поперек, были проведены условные линии. Таким образом получилось 11 секторов. В каждом секторе – от 70 до 200 захоронений. Затем по каждому сектору была составлена схема захоронений; параллельно с составлением схемы происходила фотофиксация могил и надгробий. Сделано это было для проведения дальнейшего «опознания» захоронения, а также с целью сохранения

изображения надгробия на цифровом носителе, так как многие таблички на надгробиях, как и сами надгробия, уже разрушены и надписи или уже не читаемы или почти не читаемы. В процентном соотношении это около 35 % от общего числа захоронений.

По итогам этой работы обнаружилось, что на кладбище находится не менее 663 захоронений, при этом точную цифру выяснить уже не представляется возможным, так как часть захоронений разрушена.

После схематизации и структурирования кладбища было произведено «опознание» захоронений. Особое внимание уделялось уже известным нам солдатам Первой мировой войны (5 человек и более), а также ветеранам Великой Отечественной войны. В этой деятельности оказали неоценимую помощь старожильческие семьи Нижневартовска, чьи родственники покоятся на кладбище, и председатель клуба «Сельчане» Блохина Людмила Михайловна, которая долгое время лично работала с ветеранами города Нижневартовска [3, с. 3]. Так же информация с надгробий была сверена с общедоступными базами данных «Память Народа». Таким образом, удалось выявить 65 фамилий ветеранов Великой Отечественной войны и 110 тружеников тыла. Самое раннее обнаруженное и сохранившееся захоронение датируется 1944 г., самое позднее 2020 г.

В 2019 г. старожилы города совместно с Нижневартовским краеведческим музеем направили открытое письмо главе города Нижневартовска Тихонову Василию Владимировичу, в котором говорилось о том, что кладбище находится в плачевном состоянии: оно приобрело неухоженный вид, между могилами невозможно пройти, многие могилы заброшены в связи с отсутствием родственников у давно умерших, на территории кладбища даже складировается мусор с соседних участков, отсутствует центральный вход, в связи с чем многие посетители кладбища не имеют возможности добраться до захоронений [4, с. 7].

35 могил ветеранов нуждаются в реконструкции: на некоторых из них просто облупилась краска или устарела табличка, но нескольким могилам необходимо полное восстановление, так как памятники на них обветшали, деревянные кресты разрушились со временем, а следов первых захоронений почти не осталось.

Подводя промежуточные итоги в исследовании Нижневартовского городского кладбища № 1, можно говорить о том, что несколько из первоначально поставленных целей уже достигнуты, а именно: составлен список имён с указанием дат рождения и смер-

ти покоящихся, произведена схематизация и структуризация кладбища, выявлены могилы ранее неизвестных краеведческой общест-венности ветеранов, ведётся работа совместно с администрацией города по восстановлению надгробий.

Перспективы и дальнейшее исследование. Продолжается со-ставление информационных справок на солдат Первой мировой вой-ны и ветеранов Великой Отечественной войны, производится уточ-нение фактов их биографии. Подобные справки составляются и на тружеников тыла. Помимо этого, мировой тенденцией сегодня стала цифровизация кладбищ. Следовательно, для перспективного при-кладного использования структуризации, систематизации и опозна-ния захоронений необходимо создать не только «реальную» схему кладбища, но и виртуальную копию-схему, на которой будут указа-ны особо ценные с точки зрения краеведения надгробия. По вирту-альной схеме будет легко ориентироваться и посетителям кладбища. На надгробия солдат Первой мировой войны, ветеранов и тружени-ков тыла необходимо прикрепить QR-код со ссылкой на документы и информационную справку о герое. Эти меры могут не только пре-дотвратить дальнейшее разрушение части городской социокультур-ной среды, но и сохранить уже почти разрушенные надгробия в элек-тронном виде. Виртуальное «дополнение» к кладбищу должно сти-мулировать интерес к местному краеведению: увековечить и сохра-нить историческую память о защитниках Отечества и значимых со-бытиях прошлого.

Список источников и литературы

1. Нижневартовск: как становятся городами. – Нижневартовск: Омск-бланкиздат, 2017. – 300 с.
2. Дороги судьбы – дороги Победы: сб. док. и матер. // МБУ «Библ.-ин-форм. система»; Нижневартовский краеведческий музей им. Т. Д. Шу-ваева. – Нижневартовск: Про-Принт, 2010. – 168 с.
3. *Ермолов С.* Вартовчане выступают за сохранение исторической памяти // Варга: [газета]. – 2021. – С. 3.
4. *Субботина М.* «Старожилы. Память» // Местное время: [газета]. – 2020. – 24 окт. – С. 7.

Ветюгова Юлия Сергеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Нижневартовского краеведческого музея им. Т. Д. Шуваева (Нижневартовск)

Е. В. Тихомирова

КИТАЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ТИХОМИРОВА

Александр Тихомиров – автор нового направления в живописи «оконопись», зарегистрированного в Российском авторском обществе в 1995 г. Художник внёс неоценимый вклад не только в развитие культуры Амурской области и России, но и в развитие двусторонних культурных отношений между Россией и Китаем. Под его руководством проведено несколько десятков арт-проектов в городах России и КНР. За этот труд Александр Тихомиров был удостоен ордена Дружбы.

Ключевые слова: оконопись; Тихомиров; Китай; Россия; искусство; Благовещенск.

E. V. Tikhomirova

CHINA IN THE LIFE AND WORK OF ALEXANDER TIKHOMIROV

Alexander Tikhomirov is the author of a new artistic style 'okonopis', registered in the Russian Authors' Society in 1995. The artist made an invaluable contribution not only to the development of the culture of the Amur region and Russia but also to the development of bilateral cultural relations between Russia and China. Under his leadership, numerous art projects were held in the cities of Russia and China. For all this work, Alexander Tikhomirov was awarded the Order of Friendship.

Keywords: okonopis; Tikhomirov; China; Russia; art; Blagoveschensk.

Личность Александра Тихомирова интересна тем, что он не только создал новое авторское направление в живописи под названием «оконопись», но и посвятил свою жизнь развитию культуры Дальнего Востока, укреплению российско-китайских культурных связей. Вся жизнь А. Тихомирова, коренного жителя столицы, была связана с Благовещенском, в который он приехал в 1984 г. и любил как вторую родину. Благовещенск имеет уникальное расположение – на границе с Китаем. Как солнце восходит на Востоке, так и творческое солнце Тихомирова взошло на востоке страны. Соседство с Китаем в какой-то мере предопределило один из ключевых векторов развития творческой деятельности художника и общественного деятеля Александра Тихомирова, ведь именно с этой страной он будет выстраивать прочные культурные связи на протяжении долгих лет жизни.

Александр Тихомиров родился в 1956 году в г. Электросталь Московской области в семье художника. Он получил академическое художественное образование – окончил Московское художественное училище Памяти 1905 года, а в 1984 г. – Московский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (отделение монументально-декоративной живописи, мастерская Г. М. Коржева). Более тридцати лет жил и работал в г. Благовещенске. Выполнил здесь целый ряд успешных монументальных проектов – мозаик, украсивших общественные здания Благовещенска. Кульминацией творческого развития художника стал авторский стиль «оконопись», зарегистрированный в Российском авторском обществе в 1995 г. «Оконопись» – это религиозные сюжеты, выполненные темперой на дереве с использованием ставен со старых жилых домов. Подтверждением признания этих работ Русской православной церковью стали выставки в Храме Христа Спасителя в честь юбилея Патриарха Алексия II, а также высокие церковные награды: благодарственное письмо Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II, орден Русской православной церкви Преподобного Андрея Рублева III степени. Уникальная «оконопись» известна во всём мире и является «визитной карточкой» Амурской области. «Нужно обладать огромной человеческой и творческой смелостью, чтобы предложить свою личную интерпретацию священных канонических образов, живущих в сердце каждого православного человека» [1, с. 15].

Знакомство А. Тихомирова с Китаем началось в 1990-х гг. – это был период торгово-приграничных отношений России с Китаем. Геннадий Томашик – руководитель Амурского областного краеведческого музея – познакомил Александра со своими китайскими друзьями. Уже на первой встрече молодые люди нашли много тем для обсуждения. Молодой и амбициозный китаец Лю Минсю уже коллекционировал русские предметы быта, китайский финансовый работник Юй Баоган был страстно влюблён в фотографию и мечтал поехать снимать север России, так же, как и профессиональный фотограф Ли Бо. К этому времени молодой Александр уже был ведущим художником области, участником многочисленных выставок, создал «оконопись», пользовался уважением в Благовещенске и Москве. На 1994 год пришлось и 10-летие творческой деятельности Тихомирова на Дальнем Востоке. 26 апреля 1994 г. в Амурском областном краеведческом музее открылась персональная выставка мастера,

приуроченная к юбилейной дате. На ней экспонировались пейзажи, портреты друзей, знаменитая «оконопись». Пресса широко осветила это событие, а китайские друзья были под большим впечатлением от масштаба личности Александра Тихомирова.

На этой почве у молодых людей возник взаимный интерес, завязались дружеские отношения. Александр со свойственной ему жизнерадостностью и открытостью стал душой компании. Китайцы впоследствии всегда называли его «Солженицын» – за философский склад ума и за его бороду. На этой встрече были заложены основы народной дипломатии. Александр мог грамотно выстраивать отношения в личном общении для пользы страны и людей.

Началом сотрудничества стал первый совместный проект А. Тихомирова и Юй Бао Гана. Китайский финансовый работник, увлечённый фотографией, Юй Бао Ган уже был известен в Китае благодаря своим фотографиям. Совместные выставки Тихомирова и Юй Бао Гана стали проходить в России и Китае. В 1999 г. Юй Бао Ган выпустил первый совместный с Александром фотоальбом. Китайские друзья располагали на тот момент большими техническими и финансовыми возможностями, поэтому издержки на издание буклетов к выставке легли на китайскую сторону. Александр в знак благодарности дарил китайским друзьям свои произведения.

Символично, что открытие первой крупной совместной выставки Александра Тихомирова и Юй Бао Гана в Пекине совпало с днём независимости Китая – 2 октября 2002 г. Открытие проходило в Музее древней китайской архитектуры. Среди приглашённых был председатель Государственной Думы г. Пекина. Атмосфера главного национального праздника, торжественность исторического места – это всё добавляло радостных эмоций, ответственности за происходящее, укрепляло дружбу между нашими народами.

Во время поездки родилась идея представить совместную выставку в Москве, однако проблемы, связанные с организацией выставок в России, упирались в финансовый вопрос. Если в Китае выставки финансировало государство – выделялись большие деньги на культурные проекты – то в нашей стране не было такой поддержки. Благодаря своему кругу друзей, энергии, уму и деятельности А. Тихомиров реализовывал крупные международные проекты.

Второй этап сотрудничества был связан с общением с Лю Минсю, который в то время активно интересовался русским искусством, – собирал резьбу по кости, чеканку, значки и иные предметы

русского прикладного творчества. Александр с его обширными профессиональными знаниями в области искусства направил деятельность молодого китайского коллекционера в нужное русло и стал помогать Лю Минсю пополнять свое собрание произведениями. Александр призывал своего китайского друга быть «думающим коллекционером» и пополнять коллекцию достойными художниками и экспонатами.

Когда коллекция выросла, китайское государство выделило финансирование и предоставило под музей русского искусства Лю Минсю здание в приграничном городе Хэйхэ – поддержка национальных культурных проектов была в приоритете культурной политики КНР.

В 2004 г. музей русского искусства переехал из Хэйхэ в г. Харбин, на Солнечный остров – на территорию бывшего консульства России в КНР. Это было знаменательным событием. Лю Минсю предложил Александру Тихомирову быть содиректором музея, пригласить для пополнения экспозиции выдающихся российских художников своего времени, принять участие в организации торжественного открытия. Вот как писал об этом событии сам А. Тихомиров в выступлении к 20-летию музея: «...в 2004 году в отремонтированном здании нового музея Русского искусства Лю Минсю, на Солнечном острове, превращённом в зону культуры и отдыха многомиллионного Харбина, открывается крупная академическая выставка. На церемонию открытия была приглашена большая делегация из России. Возглавлял делегацию Президент Творческого союза художников России, вице-президент Российской академии художеств, член Президиума и действительный член Российской академии художеств, народный художник РФ, заслуженный деятель искусств РФ Э. Н. Дробицкий. В состав делегации входили выдающиеся художники: А. Бичуков, С. Горяев, Е. Ромашко, К. Петров, амурские деятели искусств: А. Дроздов, В. Кузнецов, Г. Тушнова, М. Тушнова, Н. Карнабеда, Д. Пинигина, О. Петухов, Л. Кильчанский, Тихомировы, деятели искусства из Москвы: П. Обросов, Ю. Попков, А. Смирнов, из Красноярска – С. Ануфриев. В числе 200 работ академической выставки были шедевры З. К. Церетели, И. П. Обросова, Е. И. Зверькова, ставшие её украшением и центром пристального внимания прессы и зрителей. В 2004 г. коллекция музея насчитывала 3000 единиц хранения. В основном это были произведения Дальневосточных художников» [2, с. 1].

Впервые Дальний Восток и Китай посетили академики Российской академии художеств и известные художники, которых пригласил А. Тихомиров. В числе приглашённых были: С. Ануфриев, А. Бичуков, С. Горяев, Э. Дробицкий, П. Обросов, Е. Ромашко. Все они впервые посетили Китай и были почётными гостями на торжественном открытии музея русского искусства. На территории Солнечного острова для русских художников были открыты мастерские – здесь они могли заниматься живописью, участвовать в международных выставках. Художники оставляли в музее свои работы, постепенно пополняя его фонды.

За годы дружбы между китайскими и русскими художниками было реализовано несколько десятков проектов. Выставки носили высокий академический уровень, всегда поддерживались государством. Частым гостем на выставках был Ту Ю Син (второй секретарь партии провинции Хейлундзян) – друг Александра и большой поклонник его творчества. А. Тихомиров внёс огромный вклад и в реставрацию русского кладбища в г. Харбине, снова благодаря дружбе с китайским поклонником его творчества, Ту Ю Сином, который выделил огромные средства на возрождение памяти о русских захоронениях. Они поддерживаются в должном состоянии и чистоте и по сей день. Как говорил Александр – это «народная дипломатия».

Ярким подтверждением дружбы Александра Тихомирова с Лю Минсю было проведение в г. Харбине в декабре 2014 г. масштабного мероприятия, посвященного 20-летию музея русского искусства на Солнечном Острове. В своем выступлении Александр отметил что «... за 20 лет Лю Минсю организовал в крупных городах Китая более 120 выставок, издал более 100 каталогов. Основал при своем музее Дом Творчества, в котором с 2002 г. работали более 200 художников из разных городов Дальнего Востока, Сибири и центральной части России. Творческие встречи, мастер-классы, обменные выставки, обмены делегациями художников, преподавателей вузов, пленэры, участие в конференциях по обмену опытом – всё это генерировалось одной мощной харизматичной личностью, бесконечно любящей Российское искусство. Имя этой личности – Лю Минсю. Сегодня его музей насчитывает более 7000 единиц хранения и ориентирован на приобретение произведений самых ярких представителей Российской академической школы» [2, с. 2].

За деятельностью Лю Минсю пристально следили как в Китае, так и России. О нём много писали, говорили СМИ Китая и России.

Такое плодотворное сотрудничество не было бы возможным без активного участия Александра Тихомирова, который внес огромный вклад и в этот музей, и в развитие российско-китайских отношений в целом. Во всех международных проектах Лю Минсю Александру Тихомирову отводилась ключевая роль в силу его академического образования, вкуса и знания творческой среды. Он направлял, подсказывал, давал советы своему другу.

Помимо выставок, проходивших по всему Китаю, Александра Тихомирова приглашали для участия в масштабных конференциях в КНР. Выступая с докладами, он способствовал знакомству китайцев с русской культурой. Так, выступая в декабре 2014 г. в г. Харбине на международной конференции, А. Тихомиров достойно представлял нашу страну. Это было частью того значимого дела, которое он реализовывал в искусстве и во взаимоотношениях между нашими государствами. За это он и был удостоен высокой государственной награды – ордена Дружбы [3; 4].

Китайский народ очень любил Тихомирова как друга, человека, грамотного организатора совместных проектов, художника. Александр говорил, что дружба и любовь способны творить чудеса. В знак благодарности китайские друзья во главе с Лю Минсю и при поддержке правительства приграничного города Хэйхэ создали единственный в Китае мемориальный музей, посвящённый народному художнику России, – музей Александра Тихомирова. Открытие состоялось 17 мая 2019 г. – во вторую годовщину со дня ухода художника из жизни. Основой экспозиции стала личная коллекция работ кисти Александра Тихомирова, которую Лю Минсю собирал более 20 лет.

Открытие было торжественным. Министр культуры и архивного дела Амурской области О. А. Юркова зачитала слова приветствия губернатора Амурской области, представитель консульства РФ в Шеньяне зачитал слова обращения посла России в КНР. Представители Благовещенска, Харбина, Пекина, Тяньзиня, присутствовавшие на мероприятии, сказали много слов о дружбе между Россией и Китаем, объединению которых посвятил немалую часть своей творческой жизни Александр Тихомиров.

Александр Тихомиров оставил след не только в истории Амурской области и России, но и внёс вклад в развитие международных отношений. Народный художник был удостоен Благодарности Президента России «за заслуги в области культуры и многолетнюю

плодотворную деятельность». В знак признания его деятельности в 2014 г. Президент РФ наградил Тихомирова орденом Дружбы «за особые заслуги в укреплении мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между Россией и Китаем, за плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур и наций» [1, с. 15].

Список источников и литературы

1. *Аникина Н. И.* Вступительное слово к каталогу // Александр Тихомиров. Оконопись 60 – 160. – Шеньян: [б. и.], 2016. – С. 3-15.
2. Александр Тихомиров. Из неопубликованных воспоминаний // Архив семьи. 2014 г.
3. Орден Дружбы РФ // Yacollectioner.ru. – Режим доступа: <https://yacollectioner.ru/orden-druzhyby-rf> (дата обращения: 03.05.2021).
4. Амурский художник Александр Тихомиров награжден орденом Дружбы // Дальневосточное Информационное агентство «Порт Амур». – Режим доступа: <https://portamur.ru/news/detail/amurskiy-hudojnik-aleksandr-tihomirov-nagrajden-ordenom-drujbyi-foto/> (дата обращения: 14.05.2021).

Тихомирова Елена Владимировна – экскурсовод Музея-мастерской народного художника России А. Тихомирова (Благовещенск)

А. Г. Максименко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО ТУРИЗМА В ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье отмечается необходимость применения некоторых составляющих экологического и промышленного туризма для информационного наполнения и дополнения образовательных программ высшей школы. Образование по утверждённым профессиональным компетенциям должно быть более реалистичным, носить прикладной аспект. Для этого рекомендованы промышленные экскурсии и совершение экологических маршрутов с погружением в закономерности и основы природопользования.

Ключевые слова: экологический туризм; промышленный туризм; культурный ландшафт; профессиональное образование.

A. G. Maksimenko

THE USE OF ELEMENTS OF ECOLOGICAL AND INDUSTRIAL TOURISM IN THE DIVERSIFICATION OF VOCATIONAL EDUCATION

The article notes the need to use some ecological and industrial tourism components for information content and supplement the educational programs of higher education. Education, based on approved professional competencies, should be more realistic and have an applied aspect. For this purpose, we recommend industrial excursions and ecological routes with immersion in the laws and fundamentals of nature management.

Keywords: ecological tourism; industrial tourism; cultural landscape; professional education.

Изменение образовательных стандартов в высшей школе всё более приближает процесс подготовки выпускников от академического к прикладному аспекту. Существенное число программ подготовки имеет обоснованные компетенции, согласно которым обучающиеся получают конкретизированный и, одновременно с тем, довольно суженный диапазон сведений, касающихся видения и практического применения себя в своей будущей профессии. Осознание того, где предстоит работать будущему выпускнику, проходит сквозь фильтр опасений, обусловленных современным состоянием рынка труда в отрасли.

Представляется важным тот факт, что молодые кадры, выпускники агроэкологических направлений вузов, нуждаются в инфор-

мации о внедрении прикладных аспектов своей специальности в реалии современности. Для обоснования важности и существенности своей изучаемой профессии, возможно, на начальном этапе, следует уделить внимание не только профессиональной ориентации, но и прикладному введению в специальность, продолжить аудиторную работу и вынести её за рамки учебного плана, возможно даже расширить за счёт внеаудиторной деятельности, включив в программу промышленные образовательные экскурсии на предприятия изучаемых отраслей народного хозяйства. При этом использование элементов экологического туризма повлечёт за собой исполнение познавательной задачи для исследовательской работы, проводимой обучающимися, в связи с тем, что территорией экотуристских маршрутов станут, помимо рекреационных и малоизменённых, ещё и особо охраняемые природные территории.

Без применения исходных обучающих инструментов в образовательном процессе не обойтись – безусловно, они призваны выполнить свои функции и предоставить студенту все аспекты образовательной программы в аудиторном режиме, на выходе получив подготовленного к выполнению своих профессиональных обязанностей индивидуума. Параллельное развитие у обучающихся напрямую не связанных друг с другом видов деятельности, одновременно с тем способствующее всестороннему развитию личности, дающее возможность видеть себя на рабочем месте не по названию своей профессии, буквально соответствовать должности, а уметь применять свои компетенции в формате других смежных должностей внутри организации – вот задачи диверсификации в образовательном процессе, которая выражается наиболее эффективным использованием потенциала подготовленных специалистов отрасли.

В России действуют стандарты «Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг», «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» [1; 2]. Их содержание даёт возможность раскрыть потенциал промышленных и экологических туристских маршрутов, каркасом которых служат урбозкосистема, промышленные предприятия и культурные ландшафты, охраняемые природные территории, использование которых вполне приемлемо для проведения занятий по введению в профессиональное мастерство.

Промышленный туризм можно считать весьма перспективным направлением для развития отрасли в плане профессиональной

подготовленности специалистов, и основной формой промышленного туризма обозначается производственная экскурсия. Регулярные маршруты на действующие промышленные предприятия дадут возможность одновременно отойти от устава учебников, погрузить обучающихся в специфику региональных аспектов предприятий данной отрасли, что в большей степени призывает повышать качество образовательного процесса, одновременно с тем осуществляя погружение молодого специалиста в отраслевую среду.

Безусловно, верное определение цели и задач промышленного туристского маршрута или экскурсии может повлиять на выбор тематики аттестационных работ – курсовых проектов и выпускных квалификационных работ, помочь в отборе и освещении материала, и, что самое важное, – добавить прикладной аспект в профессиональную подготовку специалиста. Как отмечается в методических рекомендациях по организации промышленного туризма [3], студенты посещают предприятия отрасли для того, чтобы «примериться» к профессии – такое интересное обозначение применяется для включенности в производственный процесс людей, ещё не вовлеченных в основную профессиональную деятельность. Для разработки производственного экскурсионного маршрута руководство предприятия организует рабочую встречу со специалистами разных служб, определяется с целями мероприятия, обсуждаются вопросы безопасности участников процесса, состав группы, временные форматы реализации туристского маршрута.

При выборе объектов туристского показа в первую очередь учитываются тематика и программа, производственные особенности предприятия и техника безопасности. Должны быть приняты во внимание графики работы технологической линии, сезонность и погодные условия, местоположение и расстояния, удобство подхода и наличие мест для расположения группы с целью наблюдения и определённых точек осмотра. Проектирование и подготовка туристского промышленного маршрута начинается с тщательной подготовки технической и технологической документации; результатом является созданная согласно требованиям стандарта «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг» технологическая карта туристского маршрута [4]. Обязательно составляется схема экскурсионного маршрута, которая наносится на план или карту предприятия и включается в технологическую карту туристского маршрута.

Также возможно применение элементов промышленного туризма в аграрной сфере. Средой проведения маршрута будет являться аграрное предприятие; его месторасположение и специализация определяют цель программы маршрута.

В условиях проведения промышленных туров по сельхозпредприятиям есть вероятность непосредственной важности составленного туристского маршрута и непосредственного применения транспортных средств ввиду большой протяженности маршрута и разрозненной дислокации объектов показа и рассказа.

Основная цель предприятия, создающего или перерабатывающего сельхозпродукцию, состоит в том, чтобы, в первую очередь, сформировать позитивный и привлекательный образ своего хозяйства, всей организации, дать представление о структуре современного производства, содержании труда, информировать о технологиях и преимуществах работы в данной отрасли, а также о достоинствах профессии, о возможностях взаимовыгодного сотрудничества. Задачи определяются на следующем этапе, после выбора цели и целевой аудитории. Как правило, задачи конкретны: познакомить слушателей с историей развития отрасли сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности региона через предприятие; показать объекты, технологический процесс производства продукции, организацию и условия труда; рассказать об этих объектах не теоретически, а с практической стороны, продемонстрировав их в действии; показать технологический процесс; расширить представления целевой аудитории о содержании профессии, образовании, профессиональной пригодности; показать уровень организации труда, коллективной работы и трудовые традиции предприятия.

Рекомендовано использовать интерактивные формы знакомства и погружения в производственный процесс, что насыщает посетителей предприятия новыми впечатлениями, даёт дополнительную информацию, даёт возможность ощутить особенности событий, понять детально изнутри технологию производства и оценить качество выпускаемой продукции. Производственные экскурсии существенно дополняются посещением музеев, расположенных на предприятии, проведением мастер-классов и организацией выполнения некоторых заданий, что формирует проблемное мышление в образовательном процессе, сопряжённом с ходом маршрута.

Экологический туризм, внедряемый в программах профессионального образования, будет нести немного другую нагрузку –

в первую очередь, это изучение процессов и закономерностей природной составляющей, являющейся основой природно-промышленной системы. Его характерные черты – рациональное земле- и природопользование, высокие эстетические и функциональные качества ландшафтов, наличие ценных элементов природного и культурного наследия.

Следует отметить, что изначально появление в качестве отдельного вида и дальнейшее развитие экологического туризма обусловлено, некоторым образом, стремлением человечества сократить темпы изменений в окружающей среде. Экспедиции, учебные тропы, полевые исследования, наблюдение, фотоохота, этнографическая деятельность и изыскательская природоведческая деятельность – немногочисленные цели, реализуемые в ходе экологических маршрутов, которые успешно осуществляются в условиях культурных ландшафтов, и их появление способствует, в свою очередь, стабилизации интенсивности использования природных ресурсов, экологическому просвещению туристов и их участию в культурных и природопользовательских действиях [5].

Не все виды туристических поездок на природу являются экотуризмом. К данному виду отдыха не относятся путешествия, соответствующие лишь некоторым принципам экотуризма, и туры, непосредственным результатом которых не становится улучшение охраны естественной среды. Агротуризм сосредотачивается на сельской жизни: общении с домашними животными, распаивании земли, уничтожающем луговые биотопы, а не на общении с дикой природой. Приключенческий туризм, направленный на охоту, добывание трофеев, противоречит принципам заботы об экологии. Биотуризм и путешествия в дикую природу могут приносить вред популяциям представителей фауны. Образовательных и познавательных функций они не выполняют.

Развитие экологического туризма определяют природно-рекреационный и историко-культурный факторы. Не следует оставлять без внимания тот факт, что среди наиболее уязвимых механизмов, способных как стимулировать, так и тормозить темпы развития экологического туризма в качестве образовательного инструмента, выступают следующие [6]:

- ограничение транспортной доступности природных территорий;
- низкая вовлеченность местного населения в заботу об особо охраняемых природных территориях и их развитие в качестве тру-

довых ресурсов, поддерживающих инфраструктурное обеспечение территорий;

– повышенная стоимость экотуристского продукта на рынке за счет немассового состава слагаемых компонентов;

– недостаточная проработанность стандартов экотуристского обслуживания, практическое отсутствие квалифицированных гидов для экскурсионных групп.

Ещё раз следует уточнить, что проведение экологических и промышленных маршрутных экскурсий не может нести развлекательную функцию, а только профессионально ориентирующую для участников образовательного процесса, погружённых в отраслевые особенности, непосредственно в окружающей среде.

Список источников и литературы

1. ГОСТ Р ИСО 13810-2016. «Туристские услуги. Промышленный туризм. Предоставление услуг» // Библиотека ГОСТов. – Режим доступа: <http://vsegost.com/Catalog/63/63928.shtml> (дата обращения: 12.05.2021).
2. ГОСТ Р 56642-2015. «Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования» // Библиотека ГОСТов. – Режим доступа: <http://vsegost.com/Catalog/60/60969.shtml>. (дата обращения 12.05.2021).
3. Промышленный туризм. Краткая методология: методические рекомендации по организации промышленного туризма в регионах Российской Федерации // Библиотека Агентства стратегических инициатив. – Режим доступа: <https://old.asi.ru/library>. (дата обращения: 12.05.2021).
4. ГОСТ Р 50681-2010. «Туристские услуги. Проектирование туристских услуг» // Библиотека ГОСТов. – Режим доступа: <http://vsegost.com/Catalog/50/50319.shtml> (дата обращения: 12.05.2021).
5. *Стрелецкий В. Н., Чернов С. З.* Культурный ландшафт // Всемирная история: энциклопедия. – Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kulturnyi_landshaft (дата обращения: 12.05.2021).
6. *Максименко А. Г., Камбарова Е. А.* Приоритетные инструменты развития концепции экологического туризма // Успехи современного естествознания. – 2021. – № 4. – С. 59–63. – Режим доступа: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=37608> (дата обращения: 10.05.2021).

Максименко Анна Григорьевна – кандидат географических наук, доцент, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина (Краснодар)

Л. В. Секретова

**ИНФОРМАЦИОННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ
ГРУППЫ СТУДЕНТОВ ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«РОССИЯ – КИТАЙ. ВСЕЛЕННАЯ ВЕЧНОГО МИРА»:
ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ, ОПЫТ, РЕЗУЛЬТАТЫ**

Налаживанию взаимных контактов и успешному взаимодействию между государственными, предпринимательскими, общественными структурами и отдельными гражданами зарубежных и соседних стран будет способствовать взаимное изучение культуры и традиций стран-партнёров. Актуальность разработки и внедрения информационно-просветительских проектов в области ознакомления с культурой и традициями Китая обусловлена тем, что в настоящее время между государствами Россия и Китайская Народная Республика активно развивается многостороннее сотрудничество. В процессе изучения дисциплины «Технологические основы социально-культурной деятельности» студенты Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского разработали и реализовали творческий проект, посвящённый традиционной народной и современной культуре Китая. Анализ процесса подготовки и проведения проекта позволил сделать ряд выводов и предложений по его дальнейшему развитию.

Ключевые слова: взаимодействие народов; Китай; информационно-просветительская работа; проект; студенты.

L. V. Secretova

**INFORMATION AND EDUCATION PROJECT OF A GROUP
OF THE DOSTOEVSKY OMSK STATE UNIVERSITY STUDENTS
“RUSSIA – CHINA. THE UNIVERSE OF ETERNAL PEACE”: GOAL
SETTING, EXPERIENCE, RESULTS**

The study of folk culture and traditions will contribute to the establishment of mutual contacts and successful interaction between state, business, public structures, and individual citizens of foreign and neighboring countries. Currently, cooperation between the states of Russia and China is actively developing. This determines the relevance of the development and implementation of information and education projects in the field of culture and traditions of China. Within the course “Technological Foundations of socio-cultural activities”, the university students developed and implemented a creative project dedicated to China’s folk and modern culture. The analysis of the process of preparation and implementation of the project allows us to draw several conclusions and proposals for its further development.

Keywords: interaction of peoples; China; information and education work; project; students.

Информационно-просветительский учебный проект «Россия – Китай. Вселенная вечного мира» был подготовлен группой студентов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (далее – ОмГУ) направления подготовки «Социально-культурная деятельность» под руководством автора настоящей статьи в рамках коллективной практической работы по дисциплине «Технологические основы социально-культурной деятельности» в 2018 г. Освоение данной дисциплины включает в себя, в числе прочего, изучение темы «Технологии межнационального и межкультурного обмена и сотрудничества». Цель – получение знаний и приобретение базовых навыков разработки и использования технологий социально-культурной деятельности для проведения этноориентированной информационно-просветительской работы, способствующей укреплению национальной идентичности и развитию межнациональной коммуникации.

Первый этап работы над социально-культурным проектом – концептуальный. Он предполагает «глубоко проработанное научное обоснование проблемы, включая философские, дидактические, социально-педагогические, культурологические стороны, выявление или осознание острых социально значимых целей и задач» [1, с. 15]. Мы обратились к трудам классиков социально-культурной науки, а также к нормативным документам Российской Федерации. В Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» сказано, что в основе её принципов лежит требование – «открытость и взаимодействие с другими народами и культурами, представление об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры» [2]. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3] (далее – Стратегия) ещё более конкретно определяет приоритеты деятельности, напрямую связанные с разработкой и реализацией этноориентированных технологий и технологий межкультурной коммуникации: «Для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры реализуются государственная культурная политика и государственная национальная политика, которые направлены на укрепление и преумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, на воспитание взаимного уважения народов Российской Федерации, а также на

развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей». В качестве инструментов укрепления национальной безопасности в области культуры называется, в числе прочего, и «расширение культурно-просветительской деятельности» [3].

Важным моментом, существенно повлиявшим на выбор конкретного государства-партнёра России для разработки проекта, послужило и то, что Китай удостоен в Стратегии отдельного упоминания: «Российская Федерация развивает отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия с Китайской Народной Республикой», рассматривая их как ключевой фактор «поддержания глобальной и региональной стабильности» [3].

Отметим, что актуальность разработки этнонаправленных технологий объективно обусловлена полиэтничным составом населения нашей страны. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории России проживают представители около 190 народов и этнических групп [4]. По данным той же переписи в Омском Прииртышье проживают свыше 100 национальностей [5].

И ещё один аргумент к обоснованию выбора государства-партнёра. Китай, как и Россия, – многонациональная страна, в ней, по данным Шестой Всекитайской переписи населения 2010 г., проживают представители 56 официальных национальностей, среди них есть и русские, их число составляет более 15 тысяч человек. С другой стороны, на территории России проживают 28943 китайца, т. е. по абсолютному числу в два раза больше, чем русских в Китае [6].

Второй этап подготовки проекта – диагностический. Его цель – уточнение так называемого «проблемного поля», без чего невозможно осуществить отбор конкретных действий и их оформление в форму конкретного художественного или социального проекта. В проекте он был осуществлён в форме электронного анкетирования среди студенческой молодёжи, что позволило уточнить уровень её знаний о жизни Китайского государства и народах, населяющих его. Оказалось, что объём знаний невелик, но, к счастью, у студентов проявился немалый интерес к его пополнению.

Для установления и развития межэтнического диалога, укрепления гражданского и межгосударственного согласия большое значение имеет понимание ценностно-смыслового содержания традиционных культур тех народов, с которыми предстоит выстраивать политические и экономические отношения. Именно традиционные ценности Китая, такие, как земля и космос, природа и музыка, кал-

лиграфия и кулинария, а также ряд других, были включены в содержание культурно-досуговой программы. Особенностью проекта стало то, что его конкретное содержание было выбрано с учётом как исторического прошлого Китая, так и его современного развития в контексте отношений между Китаем и Россией в политической, экономической, культурной и образовательной сферах.

Для композиции мероприятия и освещения в нем именно тех граней традиционной культуры Китая, интерес к которым показало анкетирование, а также для вовлечения в работу над проектом каждого студента группы, была выбрана форма – устный журнал. Его «странички» мы посвятили природе Китая, народным традициям, музыке, китайскому письму, этикету, оздоровительным физкультурным занятиям, и... кинематографу. Почему кинематографу? Во-первых, в проекте мы планировали затронуть и культуру современного Китая; во-вторых, из множества кинофильмов были выбраны именно те, в которых наиболее ярко освещаются аспекты именно традиционной китайской культуры: народный быт, народный костюм, танец, этикет, военное дело, праздники, единоборства и т. д.

«Изюминкой» проекта стало участие в нем студентов из Китая, которые в то время обучались в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского и были приглашены в качестве зрителей. Последние не ограничились одним присутствием, а исполнили песню на китайском языке, приняли участие в викторине, одна из китайских студенток под запись музыки и шума волн прочла стихотворение А. С. Пушкина «К морю» на русском языке. В конце устного журнала гостям в качестве памятного подарка были подарены книги об омской культуре.

Результатом работы над проектом «Россия – Китай. Вселенная вечного мира» стал не только, собственно, сам проект как информационно-просветительное мероприятие, но и наш опыт, выводы, который он позволил сделать. Во-первых, для эффективного включения в учебную работу студентов необходимо обязательно учитывать их интерес к тем или иным темам. Действительно, студенту интересно то, что создаётся впервые, здесь и сейчас, при его участии. Во-вторых, проект ещё раз опроверг мнение о том, что молодым людям не интересна традиционная народная культура, а интересны исключительно современные гаджеты, социальные сети, флешмобы, квеструмы и т. п. Напротив, проект доказал, что при профессиональном подходе к организации и планированию информационно-просветительских мероприятий и программ с примене-

нием соответствующих средств и методов социально-культурной деятельности молодёжь с удовольствием знакомится с народной культурой, может горячо и искренне увлекаться ею.

В рамках учебных занятий группа студентов под руководством преподавателя за пару месяцев может достаточно успешно справиться с разработкой информационно-просветительского проекта. Однако приходится сожалеть, что проект, сложный интеллектуальный продукт, имеющий социальную значимость, будучи реализованным, сохраняется лишь в памяти его участников и на бумаге (в тексте курсовой работы, в отчёте, на страницах зачётной книжки). А ведь он мог бы продолжать функционировать и решать просветительские задачи. В рамках учебного процесса на это нет временного ресурса, поскольку, согласно учебному плану, необходимо приступить к изучению следующих тем, модулей, дисциплин. Пока что в рамках преподавания учебной дисциплины отсутствуют механизмы и ресурсы, которые позволяли бы каждому учебному проекту (или лучшим проектам) продолжаться, многократно тиражируясь.

Тем не менее, в перспективе учебный опыт создания подобных проектов, надеемся, позволит выпускникам разрабатывать аналогичные проекты. Вместе с тем, то внимание со стороны государства, которое в 2021 г. проявлено к возрождению общества «Знание», вероятно, даст дополнительные ресурсы для того, чтобы учебно-общественная, культурно-просветительская деятельность студентов и преподавателей получила поддержку и «закипела» как в стенах вузов, так и вне их, позволив университетам стать подлинными центрами культуры своих регионов.

Список источников и литературы

1. *Новикова Г. Н.* Технологические основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2010. – 158 с.
2. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 18.12.2020).
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 15.10.2020).

4. Национальный состав России // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_состав_России#Народы_и_этногруппы_России_по_данным_Всероссийской_переписи_2010_г (дата обращения: 08.04.2018).
5. Население. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Омской области // Омская губерния. Портал Правительства Омской области. – Режим доступа: <http://www.omskportal.ru/population> (дата обращения: 10.05.2021).
6. Народы Китая // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Народы_Китая (дата обращения: 10.04.2018).

Секретова Людмила Валериановна – кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск)

Научное издание

КУЛЬТУРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ
В МУЗЕЙНЫХ, НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕССАХ – ВАЖНЕЙШИЕ ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРАЗИИ

Сборник научных трудов

В двух частях

Часть 1

Редактор *К. А. Ожерельев*

Технический редактор *К. И. Кольц*

Подписано в печать _____.2021. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 27,75. Уч.-изд. л. 25,5.

Тираж 120 экз. Заказ _____.

ООО «Издательский дом “Наука”»

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Наука”»
Омск, пр. Комарова, 15, офис 1, тел./факс: +7 (3812) 47-11-66